

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

Х Х I В Е К

Журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в С.-Петербурге М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой, В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛИ

Виктор Ярошенко, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О. Владимир Зелинский, Владимир Мау, Андрей Нечаев,
Михаил Пиотровский, Сергей Синельников-Мурылев,
Владимир Кантор, Михаил Федотов, Евгений Ясин

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИЯ

Татьяна Щербина (заместитель главного редактора),
Андрей Колесников (политика, социум),
Григорий Ярошенко (фотография и специальные проекты),
Александр Сергиевский (редактор, переводчик),
Людмила Захарова (главный бухгалтер),
Екатерина Саенко (интернет версия журнала)

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Андрей Медушевский, Владимир Салимон, Евгений Солонович,
Сергей Приходько, Яков Уринсон, Вероника Язькова

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим),
Димитрис Триантафилидис (Афины)

ПАРТНЕРЫ

 Журнал издается при финансовой поддержке и в сотрудничестве
с Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому
партнерству «Издательство и редакция журналов “Вестник Европы” и “Открытая политика”».
Свидетельство на товарный знак № 248393 от 05.06.2003 г. (Продлено до 02.07.2022 г.).

Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Продление срока действия исключительного права на товарный знак. Дата, до которой продлен срок действия

исключительного права: 02.07.2032. Дата внесения записи в Государственный реестр: 02.08.2022

Дата публикации и номер бюллетеня: 02.08.2022 Бюл. № 15

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и массовых коммуникаций. Регистрационный номер серия ПИ № ФС77-76068 от 19 июля 2019 г.

Адрес редакции: 125993 Москва, Газетный пер. д.3-5. E-mail: info@vestnik-evropy.ru
Интернет-версия журнала: www.vestnik-evropy.ru В «ЖЗ» <http://magazines.gorky.media>

© «Вестник Европы XXI век»

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».

Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копи-
райтом автора. Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только
с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой
на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы»
обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Том LIX год 2022

“Вестнику Европы” 220 лет 1802–2022

5 Редакционная. *Путь журнала*

РОССИЯ И ЕВРОПА

- 7 *Путь журнала*. **Н.М. Карамзин**. «Политика. Всеобщее обозрение» «Вестник Европы» №1. 1802
- 10 **Андрей Колесников**. Шок и трепет
- 15 *Путь журнала*. **П.Я. Чаадаев**. Неизданные рукописи. «Вестник Европы». 1871 г.
- 20 *Путь журнала*. **Вл.С. Соловьев**. Россия и Европа. «Вестник Европы». 1888 г. (фрагменты)

современный архив

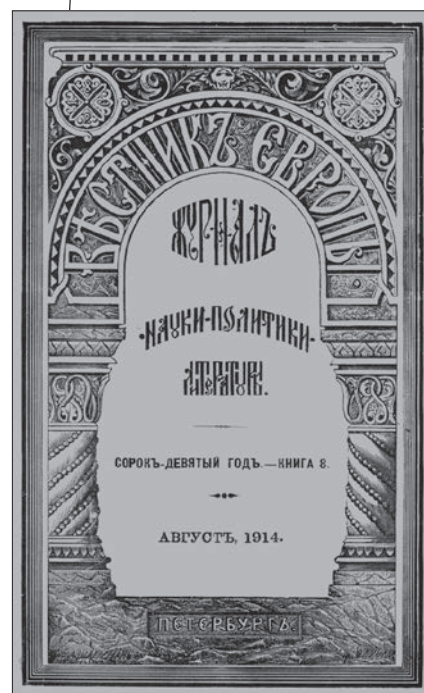
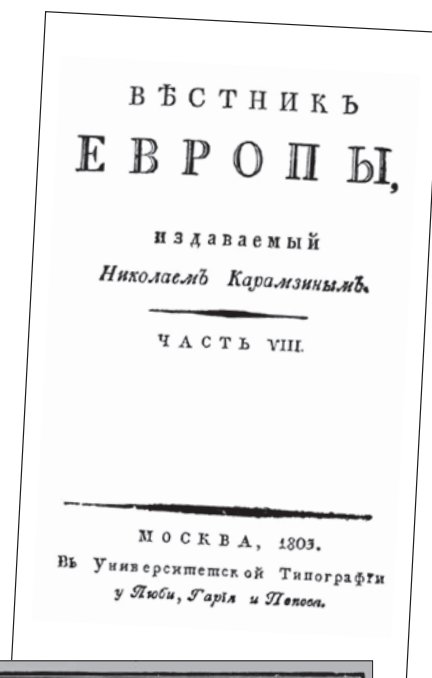
- 31 **А.Ф. Филиппов**. Долгое ненастье. К философии гражданской войны

ЭКОНОМИКА

- 41 **Андрей Нечаев**. Жизнь под санкциями. Каковы перспективы?

ЛИТЕРАТУРА

- 53 *Путь журнала*. **Пушкин А.С.** К другу стихотворцу. «Вестник Европы». 1814 г.
- 55 **Евгений Чижов**. Крючок. *Рассказ*
- 67 **Полина Жеребцова**. Глава из романа «45-я параллель»
- 80 **Дмитрий Данилов**. Свинцовая лента огромной реки. *Стихи*
- 83 **Татьяна Вольтская (иноагент)**. Где ты, жизнь, — пошла на слом. *Стихи*
- 86 **Элис Остен**. Бойня в Вишневом саду. *Пьеса*. Пер. с англ. *Ольги Варшавер и Татьяны Тульчинской*)
- 114 **Владимир Салимон**. «Отмалчиваться — невозможно». *Стихи*

- 116 **Ирина Евса**. «Звук — внутри». *Стихи*
- 120 **Андрей Костинский**. «Я там, где не место смерти». *Стихи*
- 124 **Костас Тахцис**. Сомнения Сефериса. *Перевод с греческого Анны Ковалевой*
- 129 **Вольфганг Шиффер**. Три стихотворения. *Перевод с немецкого Владимира Колязина*
- 134 **Татьяна Щербина**. Голова, глаза, зубы, шея и волосы на фоне истории. *Эссе*

ИСТОРИЯ

- 149 *Путь журнала*. **Кн. В.П. Мещерский**. О состоянии хлебопашества в России. «Вестник Европы». 1825 г. (фрагменты)
- 151 *Путь журнала*. **М.М. Стасюлевич**. О программе «Вестника Европы» 1866 г. (фрагмент)
- 152 *Путь журнала*. Катастрофа 1 марта 1881 г. «Вестник Европы». 1881 г.
- 154 *Путь журнала*. **С. Ан-ский**. Народ и война «Вестник Европы». 1910 г. (фрагменты)
- 164 **Павел Гутионтов**. Борт из Америки прибыл

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ПРАВО

- 175 **Симона Вейль**. Не будем снова начинать Троянскую войну. *С предисловием переводчика Петра Епифанова*
- 186 *Путь журнала*. Современное международное право цивилизованных народов. Рецензия на книгу Мартенса 1883 г. (фрагменты)

КУЛЬТУРА

- 191 *Путь журнала*. **Н.И. Костомаров**. Еще по по-воду малорусского слова. «Вестник Европы». 1881 г.
- 194 **Михаил Дзюбенко**. О специфике украинского литературного языка
- 204 **Владимир Колязин**. «Тихая проповедь о мире.» О Римасе Туминасе

- 214 **Андрей Плахов**. Искусство борьбы с несовершенством жизни
- 218 **Алена Солнцева**. Какую культуру отменяем
- 223 **Дмитрий Гражевич**. Художник Гриша Брускин

ad memoriam

- 226 **Алексей Сосна**. Поэт Алексей Цветков. Последнее интервью

artes

- 234 **Художник Константин Батынков**. Веселый апокалипсис

Путь журнала

Нынешний, все переломавший год – юбилейный для нас. «Вестнику Европы» уже 220 лет.

В 1802 году Н.М. Карамзин начал издавать «Вестник Европы», журнал «литературы и политики», как дайджест лучших европейских журналов. В 1866 году, в начале либерального царствования Александра Второго и в год 100-летия Карамзина историки М.М. Стасюлевич и Н.И. Костомаров затеяли реинкарнацию «Вестника Европы». Журнал М. Стасюлевича издавался непрерывно 62 года и составил эпоху в истории русской журналистики, исторической науки, литературы, философии, теории русского либерализма.

Наш, третий «Вестник Европы», издается уже 21 год. Двадцать лет назад начиналась весна тысячелетия; казалось, еще несколько лет, и мы станем всеми уважаемой, великой европейской открытой страной, и мир нами восхитится.

Но потом все пошло не так, теперь отношения России и Европы зашли в глухой тупик. Растет напряженность и неопределенность, на поверхность выходят, казалось бы, давно отжившие архаичные представления, примитивные и агрессивные идеологемы из прошлых времен. Далеко мы уплыли из того благословенного времени, когда Россия и Европа, как казалось, навсегда строили прочные мосты.

В номере представлены материалы 19, 20 и 21 веков из публикаций «Вестника Европы», наряду с текстами, написанными сегодня. Исторические материалы, с пометкой «Путь журнала», даны в сокращении или фрагментами, кроме стихотворения А.С. Пушкина, воспроизведенного здесь потому, что именно в «Вестнике Европы» и состоялась его первая публикация в жизни.

Традиционная для всех 220 лет журнала тема «Россия и Европа» в статьях философа В.С. Соловьева (1888 г.)

Современная жизнь – в аналитической статье Андрея Колесникова о тенденциях и изменениях общественного мнения; в разборе проф. Андрея Нечаева нынешних санкций против России и экономических перспективах.

Мы не могли обойти тему Украины. Украинская тематика была довольно регулярно представлена в историческом «Вестнике». Надо сказать, что малороссийские губернии давали журналу большую часть постоянных подписчиков и читателей, о чем свидетельствовали ежегодно публиковавшиеся отчеты. Например, по журнальной статистике за 1894 г. у журнала было 6834 подписчика, из них: в Петербурге 1324 подписчика, в Москве 521, в малороссийских губерниях – 1315.

В номере – две статьи об украинском языке, написанные с интервалом в 150 лет.

Современной поэзии и прозы в номере много: Дмитрий Данилов, нашедший свой язык, которым написаны и его пьесы, и проза, и верлибры. Новые стихи Владимира Салимона и Татьяны Вольтской (иноагент), Ирины Евсы и Андрея Костинского. Последнее интервью с недавно умершим поэтом Алексеем Цветковым. Проза представлена рассказом Евгения Чижова, первой главой нового романа-исповеди Полины Жеребцовой, рассказом Костаса Тахциса о Сеферисе, «Анатомией на фоне истории» Татьяны Щербини, пьесой Элис Остин.

Философия и этика представлена статьями А. Филиппова, блестящим эссе Симоны Вейль о будущей мировой войне, написанное в 1937 г.

Раздел культуры, целиком составлен из новых текстов.

Статья Владимира Колязина о творческой судьбе режиссера Римаса Гуминаса.

О знаковой выставке Григория Брускина в Третьяковской галерее и ее внезапном закрытии – комментарий Дмитрия Гражевича. Две статьи на тему проблематизации культуры – «Какую культуру отменяем» Алены Солнцевой и «Искусство борьбы с несовершенством жизни» Андрея Плахова. И еще много всего.

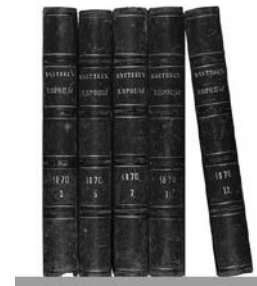
В центре номера – движущаяся история, и надеемся, что не ее конец.

И, наконец, в разделе ARTES художник номера – Константин Батынков.

Политика. Всеобщее обозрение (фрагменты)

Н.М. КАРАМЗИН

1802 г.

Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав и, разрушая, угрожала еще большими разрушениями, которая, не ограничиваясь Европой, разливала пламя свое и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение.

Как после жестокой бури взор наш с горестным любопытством примечает знаки опустошений ее, там мы воспоминаем теперь, что была Европа, сравниваем настоящее с прошедшим и удивляемся великим политическим изменениям сего десятилетия. Целые области совсем исчезли. Где Польша? Где Венеция? Где многие Княжества в Германии и в Италии?

<...> Границы государств переместились, и авторы географических карт должны снова начать свою работу. <...> Подивимся игре неизъяснимого рока: сколько раз в течение сей войны Республика, по всем вероятностям разума, должна была погибнуть? В самом начале она казалась верною жертвою, без искусных генералов, без дисциплины, с толпами людей едва не безоружных или не умеющих владеть оружием, при ужасном беспорядке в правлении, среди множества недовольных, явных и тайных внутренних неприятелей, желающих успеха внешним.

Наконец, французы имели уже великих генералов и многочисленное войско, узнавшее тайну победы. Италия, большая часть Германии были в их руках, Моро, Гош, особливо Бонапарте, дали им имя непобедимых; казалось, что судьба Республики уже решилась к ее славе. Но безумные властелины Директории, отправив Бонапарте в Египет вместе с их счастьем, снова поставили Францию на край бездны.

Суворов, как Цесарь, пришел, увидел, победил — эрцгерцог разбил Журдана — еще 35 тысяч Русских вступает в Швейцарию — Англо-Российская армия идет к Амстердаму. Союзники действовали с жаром и с твердостью. Французское правление колебалось, утратило свою надежность и доверенность народа, оно не могло подкреплять армий, которые уже разучились побеждать, и ждали, так сказать, с часу на час конца своего. <...>

Французы чувствовали свое бедственное состояние <...>. Первому году нового века принадлежала слава общего мира, который был необходимостью всех народов после долговременных бедствий. Война не могла уже иметь прежней цели своей: опасные и безрассудные якобинские правила, которые вооружили против Республики всю Европу, исчезли в самом своем Отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь в самом деле не что иное, как истинная монархия. <...> Россия и Франция не могли ничего требовать друг от друга: им оставалось только возобновить коммерческие связи свои. Мир Франции с Портою дает первой многие торговые выгоды, а для последней спасителем тем, что Англия и Франция обязываются хранить целостность ее владений. <...>

Мир Республики с Англией казался весьма трудным: он удивил Европу своими условиями. Франция берет все назад, Англия выигрывает только один мир, платя за то почти всеми своими блестящими завоеваниями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась и которые должно теперь разделить ей с другими народами. <...> Догадки наши будут сомнительны, но человечество, без всякого сомнения, благодарно английским министрам, что они по осторожности или неосторожности заключили мир.

Английской народ вне себя от радости. Все лондонские журналисты прославляют министерство, и старинные противники его, Фокс, Шеридан, Тирней, хвалят мир. <...>

Если Английский народ обрадовался миру, то радость Французов была еще живее и основательнее, особливо в городах приморских и торговых, которые с восхищением увидели дружественный флаг Великобритании в своих портах и спешат теперь отправлять корабли во все части света. <...> Франция, осыпанная дарами щедрой Природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своих жителей, конечно, скоро загладит бедственные следы Революции. <...> Многие политики боятся решительного влияния Франции на участь Европы. <...> Сей страх не совсем основателен. Союз России, Австрии, Пруссии и Англии может всегда ограничивать внешние действия Франции и противоборствовать всякому злоупотреблению сил ее. На одной стороне сии четыре державы, а на другой — Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чизальпинская (прибавим к ним еще и Гишпанию) составят то равновесие, которое нужно для политического благосостояния Европы.

Небо прояснилось над нами. <...> Австрия отдыхает после кровопролитной войны, и правительство ее старается ввести во все части государственной системы лучший порядок и согласие. Немецкие принцы надеются на следствие Регенсбургского Сейма или Амьенского Конгресса. Голландия, в самых революциях спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляет Губернаторов в Африку и в Америку. Пруссия, Дания и Швеция представляют счастливую картину мудрого началь-

ства и довольных подданных. Россия видит на троне своем любезного сердцу Монарха, который всего ревностнее желает ее счастья, взяв себе за правило, что добродетель и просвещение должны быть основанием государственного благоденствия. Все изданные им законы сообразны с духом времени и служат залогом его человеколюбивых намерений. <...> Республиканская свобода и независимость принадлежат Швейцарии так же, как ее гранитные и снежные горы; человек не разрушит дела природы, и Бонапарте дает Телевым потомкам волю утвердить судьбу свою без всякого чуждого влияния. Чизальпинская Республика, быв долгое время под опекою, ожидает наконец своей независимости и свободного политического бытия. <...> Пьемонт по крайней мере спокоен. Судьба его не решена, но вероятно, что Франция разделит его с Чизальпинскою и Лигурийскою Республикой. Сия последняя должна опять иметь своего Дожа, следственно, Бонапарте умеет иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная им на степень королевств, ожидает от кроткого своего Монарха счастливых дней Леопольдовых. Римскому Понтифу возвращено все, кроме Лаокона, Геркулеса Фарнезского, Бельведерского Аполлона и славнейших произведений Рафаэлевой кисти, о которых Рим никогда жалеть не перестанет. <...>

Амьенский Конгресс будет в Истории славнее всех Утрехтских и Ахенских Конгрессов: с него начинается новая эпоха не только для Политики, но и для самого человечества. По крайней мере истинная философия ожидает хотя сего единственного счастливого действия ужасной Революции, которая останется пятном восемнадцатого века, слишком рано названного философским. Но девятнадцатый век должен быть счастливее, уверив народы в необходимости законного повиновения, а Государей в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления. <...>

Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу. Оставляя издателям ведомостей сообщать в отрывках всякого рода политические новости, мы будем замечать только важные, и Вестник Европы в продолжении своем может составить избранную библиотеку у Литературы и Политики.

Печатается по:
«Вестник Европы». 1802. Ч. I. № 1.
Автор Н.М. Карамзин

© Текст: «Вестник Европы»

ШОК И ТРЕПЕТ

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

Как общественное мнение прячется от реальности

Ошелмляющая беспрецедентность «специальной военной операции», которую в пору назвать просто «специальной операцией» Путина по сохранению себя во власти и своей модели управления страной, расколола общество. Ошибочны представления о том, что общество тотально поддержало своего автократа. И в этом «виноваты» не социологи или ограниченность возможностей опросной социологии в авторитарных режимах, а неточное прочтение социологических данных. «Всего-то надо, что взглядеться», — писал поэт, и был прав. Даже опросная социология, не говоря уже о некоторых мнениях респондентов, высказываемых в ходе фокус-групп, показывают, что в обществе все не так однозначно и просто.

«Шок» и «раскол» — пожалуй, еще более важные понятия для объяснения ситуации, чем «поддержка». Ссоры старых друзей, не разговаривающие друг с другом родители и дети, потерявшие доверие друг к другу супруги, прожившие долгую совместную жизнь, учителя, доносящие на учеников, и наоборот, 90-летние

подруги, дружившие с детсадовского возраста и теперь потерявшие способность к спокойному и содержательному диалогу, потому что одна из них прикована к телевизору и не хочет слушать аргументы разума... Все это реальные случаи. Происходит поляризация мнений, а поляризованные мнения радикализируются. Это — настоящий раскол общества.

Возвращение героической эпохи

Несмотря на всю иррациональность «специальной военной операции», которая подрывает в том числе социально-экономические основы российской государственности, Путин успешно за счет этого экстраординарного шага решил задачу самосохранения себя у власти и своей системы. При всем разнообразии вариантов поддержки Путина, в том числе с учетом зачастую пассивного или вынужденного ее характера, она существует и стала еще более впечатляющей. Укрепился персоналистский характер режима: стало слишком заметно, что именно Путин принимает главные и окончательные решения. А после того, как элиты с этими решениями со-

гласились, сомнений в том, что именно он контролирует политическую систему не осталось.

Автократа поддерживают и элиты, и рядовые респонденты — настроения по сравнению с «дооперационным» периодом существенным образом изменились: общая мобилизация общественного мнения сказалась и на желании респондентов видеть Владимира Путина на посту президента России после 2024 года. Еще год назад, по данным Левада-Центра ответы распределились практически поровну между теми, кто хотел видеть Путина на посту президента России и теми, кто не хотел (47% к 42%). В конце мая уже преобладали те, кто хотел бы переизбрания Владимира Путина (72% к 19%).¹

Масса людей, поддерживающих «операцию» и Путина (как правило, сторонники президента оказываются и сторонниками боевых действий), совсем не однородна, как это представляется одновременно российскими пропагандистами, оперирующими понятием «80 процентов поддержки», и западными наблюдателями, которые настаивают как минимум на коллективной ответственности российского народа, раз уж абсолютное большинство за «операцию».

Разговоры с участниками фокус-групп и количественные исследования представляют гораздо более сложную картину массовой мобилизации.

Первая когорта сторонников, назовем их «агрессивными конформистами», действительно по-настоящему поддерживают Путина, вдохновлены «победами» русского оружия и повторяют все пропагандистские клише. Среди них есть и те, кто до «операции» никак не проявлял чрезмерные патриотические чувства — они были дремлющими и не вербализованными. «Операция» их разбудила, а Путин, его команда и пропаганда дали людям, не имевшим собственного мнения, слова для оправдания военных действий на территории другой страны.

Ультрапатриотический дискурс в массовом сознании существовал даже не годами,

а десятилетиями, особым образом проявляя себя в ходе военных кампаний и отторжений земель (конфликт с Грузией в 2008 году, присоединение Крыма в 2014-м). Однако дерзость и масштаб «спецоперации» спровоцировали беспрецедентную — даже на фоне крымской кампании-2014 — квази-патриотическую истерию. Причем, если в ходе покорения Крыма по тональности эти патриотические чувства были исключительно радостными и преобладало достаточно снисходительное отношение к «национал-предателям», то сейчас настроения необычайно воинственные, чтобы не сказать — кровожадные. Собственно, агрессивные конформисты и хотели ведения войны до ее логического безжалостного конца. С жертвами они считаются не готовы, тем более что воюют не сами — хорошо быть воинственным, сидя у телевизора и ведя вперед диванные войска. Столь же нетерпимо они относятся и к «пятой колонне» внутри страны.

Вторая когорта — это люди, скорее, механически поддерживающие «операцию», назовем их пассивными конформистами. Их позиция: хорошая или плохая, но это моя страна, и в трудную минуту я на ее стороне. Это традиционная ошибка — путать страну с государством, Россию и ее текущий политический режим, ее руководство. Но позиция — типичная. Для таких людей самое комфортное, не раздражающее, не вынуждающее наблюдать и, главное, думать состояние — присоединение к мейнстриму, к преобладающим точкам зрения.

И все потому, что неуютно оставаться вне доминирующих представлений о текущих событиях. Происходит психологическое блокирование для себя плохой информации: россияне не могут быть на стороне зла, они могут быть только на стороне добра; все, что говорится о разрушениях, убийствах, мародерстве — провокация украинцев, фейк или преувеличенная информация. Такие респонденты готовы верить в то, что у Путина действительно не было другого выхода, кроме начала упреждающей нападения на Россию «спецоперации». Эта раз-

новидность конформизма даже допускает некоторые сомнения, но стремление оставаться в зоне психологического комфорта остается доминантным — это не про меня, моя хата с краю; наверху лучше знают, что делать; я не интересуюсь политикой; мы за мир, пусть все поскорее закончится.

Разновидность пассивного конформизма — предустановленная покорность решениям начальства, продиктованная не только пассивностью, но и страхом перед увольнениями или даже репрессиями. Чистых, дистиллированных образцов такой покорности, возможно, и нет, обычно на внешне проявляемую позицию респондента влияют самые разные факторы. И не всегда, но, вероятно, сравнительно часто — и страх тоже.

И здесь самое время посмотреть на количественные показатели. Активные конформисты — это те, кто «определенно» поддерживают «операцию» — таких примерно половина (в июне, — 47%, в мае — тоже 47%, в марте было 53%). Пассивные колеблющиеся конформисты — это те, кто «скорее» поддерживают действия российских вооруженных сил в Украине. Таких сомневающийся, чье мнение конъюнктурное и оппортунистическое, оправдываемое пропагандой и поощряемое государством, в мае насчитывалось 30%, в июне 28%.

Про такого рода настроения точно сказал политолог Иван Крастев: «...население поддерживает режим, но не готово жертвовать собой ради этого режима. Это “постжертвенное”

общество. Мы видим, как трудно в России уговорить даже военных подписать контракт и участвовать в этой войне»²

Тем не менее в когорте активных конформистов есть и такие, кто и сам готов участвовать в войне не только в составе диванных войск. Но таких — абсолютное меньшинство, притом, что участие в боевых действиях для них сводится к доносам (которые стали массовым явлением) на тех, кого Путин называет «национал-предателями» и «пятой колонной». И хотя Путин и его пропаганда возвращают ощущение героической эпохи, основанное на исторических аллюзиях и апелляциях к истории, от Петра Великого до Великой Отечественной войны, общество на самом деле является модернизированным, а значит, по определению Майкла Ховарда, «постгероическим», то есть не готовым идти на военные жертвы. И в этом смысле кейс «спецоперации» действительно уникален: вернуть в постгероическую эпоху милитаристскую архаику, да еще построить на этом массовую поддержку — это большой успех в создании массовых представлений об истории и настоящем страны.

Бегство в иррациональность

Не имея своего мнения, люди в массе своей приняли как свои объяснения Путина, Патрушева и ключевых игроков пропагандистской команды, прежде

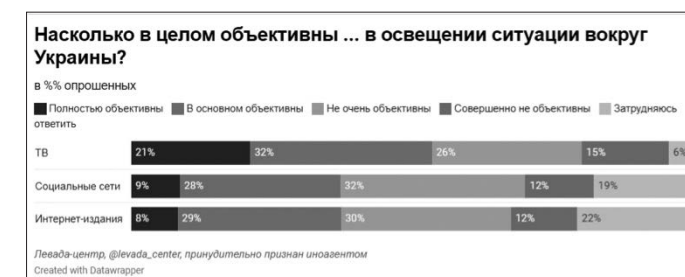
всего телевизионной. Ведь откат в архаику произошел и в сфере потребления информации: многие россияне, будучи дезориентированными и растерянными, вернулись к телевизорам как к источникам якобы достоверной (то есть — официальной) информации. Примерно половина респондентов считают телевидение объективным источником информации, в чем ему сильно уступают социальные сети и интернет-издания.

В результате потребители информации для объяснения самим себе, что произошло, используют самые примитивные, но бесконечно повторяющиеся клише: «8 лет издевательств над русскими людьми на Донбассе», «не было другого выхода», «промедление на несколько часов означало бы нападение Украины/Запада на Россию», «цели — освобождение Донбасса и Луганска, денацификация и демилитаризация Украины», «руками славян Запад, сформировав «Анти-Россию» добивается ослабления и уничтожения России», «весь мир против нас», «те, кто против «операции» — «национал-предатели», «в результате мы станем сильнее». Очень важно в контексте оправдания «операции» ее фактическое приравнивание к Великой Отечественной войне.

По мере развития «операции», усугубления жесточести мнений, расширения границ языка ненависти, на котором уже зачастую изъясняются первые лица государства, возникает тезис об оправданности фактической деукра-

инизации Украины.³ Такого рода рассуждения переходят из разряда экзотики в статус «новой нормальности» и способствуют дальнейшей радикализации общественного мнения.

Мотивы и механизмы такого восприятия индивидами внешней политической среды давно известны, в том числе психологам и психоаналитикам. В частности, в своей работе «Психоанализ и религия» Эрих Фромм писал: «Даже самая иррациональная ориентация, когда ее разделяет значительное число людей, дает индивиду чувство единства, определенной безопасности и стабильности... Самым убедительным тому доказательством служат случаи массового безумия, свидетелями которых мы были и все еще продолжаем оставаться. Когда доктрина, какой бы она ни была иррациональной, забирает власть в обществе, миллионы людей скорее выберут ее, чем изгнание и одиночество... Повиновение сильной власти — один из путей, на котором человек избегает чувства одиночества и ограниченности».⁴ Такова механика формирования групповой идентичности и возникновения обидчивого ощущения собственной правоты и превосходства своей группы (нации) над другими — группового истероидного нарциссизма. Чувство причастности к грандиозному всепобеждающему целому тоже чрезвычайно важно и для самого факта групповой идентификации, и для оправдания того, что делает твоя страна на территории другой страны.⁵ И тогда, например, культ По-

беды-1945 превращается в собственную противоположность — культ войны как таковой.

Раскол, поляризация, рутинизация

Как уже отмечалось, «операция» спровоцировала беспрецедентные раскол и поляризацию мнений и позиций, которые стали еще более радикальными и непримиримыми; в таких спорах не работают аргументы.

Но и в среде сторонников операции свой раскол: кто-то требует идти до конца — это бескомпромиссные сторонники фактической деукраинизации, иные, поддерживая действия Путина, хотели бы зафиксировать убытки, то есть достижение «победы», и заключить мир — чтобы все вернулось и стало как прежде, до 24 февраля.

Никто не признается себе в том, что возможное поражение России будет описано властями как «победа» и в таком виде воспринято и акцептовано общественным мнением.

Одновременно происходит рутинизация конфликта — поэтому внимание к «операции» и беспокойство по ее поводу снижаются. Кроме того, нет запрета на выезд, как нет и массовой военной мобилизации, а это означает сохранение минимального ощущения нормальности. В результате после пика мобилизации происходит некоторое расслабление мышцы общественных настроений: явным образом затянущиеся боевые действия начинают восприниматься как своего рода вторая пандемия — ее просто нужно перетерпеть, мы «победим» (как победили вирус), и все снова вернется на круги своя.

Вопрос: повлияет ли постепенное, а потом, возможно, и достаточно быстрое ухудшение экономической ситуации, снижение государственных ресурсов социальной поддержки бедного населения, а также деградация рынка труда, на отношение населения к Путину и «операции»? Логично предположить, что эти факторы должны способствовать изменению общественных настроений, но пока, с точки зрения большинства респондентов, по-прежнему во всем виноват Запад. Возможны проявления недовольства, но в отсутствие уничтоженной оппозиции и гражданского общества, у населения нет возможности эффективной самоорганизации. Впрочем, не исключено и появление «черных лебедей» для власти — протестов в неожиданных местах и по неожиданным поводам, как это было в 2020 году в Хабаровске. Но едва ли в условиях жесткого подавления гражданской активности в России возникнет массовое антивоенное движение.

Нельзя не учитывать и того, что минимум через полтора года начнется президентская кампания, которая будет проходить в условиях дальнейшей авторитаризации системы.

Примечания

¹ <https://www.levada.ru/2022/06/10/otnoshenie-k-vladimiru-putinu-5/>

² <https://www.svoboda.org/a/politolog-ivan-krastev-rossiya-eto-ne-kollektivnyy-putin-/31892880.html>

³ <https://ria.ru/20220403/ukraina-1781469605.html>

⁴ Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. Сумерки богов. М., Политиздат, 1989, сс. 165, 167.

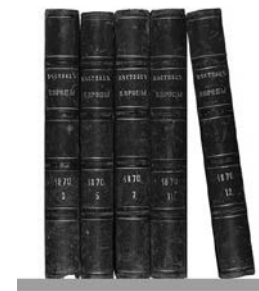
⁵ Рубцов А.В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. М., «Прогресс-Традиция», 2020, с. 131. ○○○

© Текст: Андрей Колесников

Неизданные рукописи П.Я. Чаадаева

П.Я. ЧААДАЕВ

Фрагменты из публикации:
«ВестникЪ Европы», 1874 г., июль

Мы давно остаемся в долгу перед читателями журнала. В 1871 году, поместив предварительно биографию П.Я. Чаадаева, написанную по воспоминаниям его современника и родственника М.И. Жихарева (см. июль и октябрь), мы в том же году (ноябрь) напечатали те из бумаг Чаадаева, которые были написаны по-русски, с обещанием перевести и приготовить к печати другую группу бумаг, написанную им по-французски. Предлагаемые ныне письма в русском переводе с французского языка относятся к 1837 и 1845 годам. В некоторых из них читатели найдут попытки автора оправдать себя лично по поводу катастрофы, постигшей его вследствие напечатания «Философического письма» в «Телеграфе», но большая часть писем представляет дружескую беседу, любопытную как картина внутренней жизни человека, о котором справедливо отозвался М.Н. Логинов, говоря, что Чаадаев был полезен всякому без исключения из своих знакомых: одного он утвердил в какой-нибудь доброй мысли, в другом пробудил какое-нибудь благое чувство, третьему разрешил сомнение. Повторим сказанное нами по поводу напечатания у нас русских писем Чаада-

ева <...> “многое должно быть предоставлено дальнейшим разъяснениям историкам нашей литературы и общества...”

Есть, княгиня, люди и вам знакомые, которые находят, что в интересе общественном полезно бы было воспретить автору пребывание в столице.

Что вы об этом думаете? Не значит ли это слишком мало придавать значения интересу общественному и слишком много автору? По счастью, наше правительство всегда благоразумнее (plus avisé) публики, стало быть, я в доброй надежде, что не шумливые крики сволочи (соñие), укажут ему его поведение. Но если бы по какому случаю желание этих добрых людей исполнилось, я к вам приду, княгиня, просить убежища и таким образом узнаю то, что серьезные религиозные убеждения, самые разнородные, всегда симпатизируют друг с другом.

И.Д. Якушкину.

19 октября 1837 г.

«Тому год назад, мой друг, что я писал к тебе, это было в то самое время, как мы узнали, что вы будете вскоре перемещены и что вперед можно будет с вами переписываться. <...>

Дело в том, что с некоторого времени я начал писать о различных религиозных предметах. В продолжение долгого уединения, наложенного мною на себя по возвращению из-за границы, то что я писал, оставалось неизвестным, но как только я покинул мою Фиваиду и снова появился в свете, все мое мариане сделалось известным и скоро приобрело тот род благосклонного внимания, который так легко отдается всякому неизданному сочинению. Мои писания стали читать; их переписывали; они сделались известными вне России и я получил несколько лестных отзывов от некоторых литературных знаменитостей. Некоторые отрывки из них были переведены на русский язык; появилась даже серьезная книга, вся исполненная моими мыслями, которые мне откровенно и приписывали. Но вот в один прекрасный день один московский журналист, журнал которого печально перебивался, усмотрев, не знаю где, одну из моих самых горячих страниц, получил не знаю где, позволение цензора и поместил ее в свой журнал. Поднялся общий шум, издание журнала прекращено, редактор сначала потребован в Петербург, потом сослан в Вологду, цензор отставлен от должности, мои бумаги захвачены, и наконец, я сам, своей особой объявлен сумасшедшим и по особенной милости, как говорят. Итак, вот я сумасшедшим скоро уже год и впредь до нового распоряжения. Такова, мой друг, моя унылая и смешная история. Ты понимаешь теперь, отчего мое письмо до тебя не дошло. Дело в том, что оно приняло совершенно другую дорогу и что я его больше не видел. Я впрочем, льщу себя надеждой, что оно не совсем осталось без плода для тех, к кому оно попало законной добычей, потому что, если я не ошибаюсь, в нем заключались вещи, годные для личного вразумления. <...>

Графу Сиркуру.

Басманная, 15 января 1845г.

<...> Вам очень хорошо известно, что во всех наших домах заточения есть домовые церкви и что на свете не существует церкви более снисходительной, как церковь православная. Может быть, она даже слишком снисходительна.

В природе религиозного принципа — экзальтироваться в том, что он содержит в себе самого интимного, гиперболизировать, так сказать, то, что он заключает в себе самого глубокого. Наша же церковь — существенно аскетическая, точнее, так же как ваша — существенно социальная: отсюда равнодушие одной ко всему тому, что происходит вне ее, отсюда — живое участие, какое другая принимает во всем. Это-то и есть два полюса христианской веры, которые вращаются на оси ее абсолютной правды, ее настоящей истины. В приложении мы часто видим, что обе церкви меняются местами, но судить о принципах должно не по отдельным случаям.

<...> Я каждый раз удивляюсь самым серьезным вашим умам, когда они делают нам честь говорить об нас. Подумаешь, что мы точно жители иной планеты, над которыми нельзя производить наблюдения иначе, как с помощью тех оптических инструментов, которые показывают предметы опрокинутыми. Правда, в том мы сами немного виноваты. Заблуждение, в которое вы часто впадаете, на наш счет, часто происходит от малого участия, которое мы до сей поры принимали в общем движении идей в недрах человечества. Но недалеко время, я надеюсь, когда мы придем занять место, назначенное для нас между народами просветителями мира.

Вы, который только что видели нас собственными глазами, должны были узнать, что в правах для получения этого места у нас нет недостатка. Но если бы, однако же, несмотря на это, вы все еще не знали, в чем именно заключаются эти права, вам стоит только осведомиться об этом у той новой школы, составляющей честь и славу России, чей возвышенный полет и высокое значение вы сами могли оценить, и я вам отвечаю, что она вам доставит обширный каталог этим правам. Видите, что я делаюсь немножко славянином, как сказала бы госпожа Сиркур. Что же вы хотите? Как избежать заразы, тем более деятельной, что это патологическое явление совершенно новое в нашем климате? В ту минуту, как я вам пишу, мы имеем здесь «курс истории русской литературы», который воздымает все национальные страсти и в то же время всю национальную пыль.

Ученый профессор делает настоящие чудеса. Вы не можете себе представить, сколько удивительных выводов извлекает он из очень маленького числа литературных памятников, рассеянных по неизмеримым степям нашей истории, сколько он открывает могущественных сил, схороненных в нашем прошедшем. Потом, против того величественного прошедшего он ставит лицом к лицу мелочное прошедшее католической Европы и стыдит ее этим прошедшим с увлечением и высокомерием невероятными. И не вздумайте вообразить, что это новое учение находило между нами только мало горячие симпатии, напротив, это успех ошеломляющий. Замечательное дело, что адепты и противники все ему рукоплещут, последние еще больше первых, по-видимому восхищенные тем, что и они также принимают за торжество своих смешных идей. Я не сомневаюсь, что наш ученый профессор умеет доказать до очевидности превосходство нашей цивилизации над вашей, — тезис, ко-

торый заключает в себе всю его программу. Достоверно то, что не один упрямый ум приведен уже к молчанию, могуществом его ясного, горячего, живописного слова, сильного опорою просвещенного патриотизма и так хорошо напоминающего патриотизм наших отцов, сильного в особенности твердо упроченной благосклонностью высших сфер общества, которых тенденции не один раз были шумно высказаны насчет этих интересных вопросов.

Он, говорят, намерен издать свой курс. Я буду счастлив сообщить его ученой Европе на всемирном языке цивилизованного мира. Переписанный по-французски, он, конечно, произведет глубокое впечатление в ваших широтах и пожалуй, совершит обращение порядочного числа людей в этой старой Европе, утомленной своими бесплодными рутинными и которая, наверное, немало не подозревает, что у ее дверей существует целый неизвестный мир, богатый всеми элементами прогресса, которых у нее нет, содержащий решения для всех проблем, которые ее занимают, и которых решить она не в состоянии. Ничего, впрочем, нет естественнее, как это превосходство нашей цивилизации над цивилизацией ваших стран.

Что такое, в самом деле, ваше общество?

Бессвязное произведение множества разнородных элементов, смутная амальгама всех цивилизаций мира, продукт насилия, завоеваний и узурпации. Мы же, напротив того, мы не что иное, как простой логический результат одного верховного принципа, принципа религиозного, принципа любви.

Единственный посторонний христианству элемент, пришедший в построение нашего социального здания, есть элемент славянский, а вы знаете, какой мягкой и покорной натурой он отличается. Оттого-то все предводители литературного движения, которое в настоящую минуту посреди нас совершается, как ни расходятся они в других вопросах, согласны в том, что мы настоящий народ Господен новых времен — точка зрения, в которой, если хотите, нет недостатка в некотором аромате мозаизма, но в котором, однако, вы найдете удивительную глубину, если рассмотрите великолепную роль, которую церковь играла в нашей истории.

Мало того, один из самых замечательных умов наших <...> недавно доказал со свойственной ему могущественной логикой, что христианство в своем принципе возможно было только в нашей социальной среде, что оно могло в совершенстве расцвести только тут, потому что мы были единственный народ в мире, прилично организованный для восприятия его в самой чистой его форме: из чего следует, как видите, что говоря строго, I.X. мог бы и не рассылать своих апостолов по всей земле и что одного апостола св.Андрея достало бы совершенно на всю задачу, распределенную между ними. <...>

Мы не осуждены, как вы, на вечную неподвижность. Мы не окаменели, как вы, в догмате и наши верования, напротив того, допускают самые счастливые и самые разнообразные приложения христианского принципа, и главным образом приложение его к принципу национальному — преимущество неизмеримое и в котором вы не можете нам довольно завидовать. Наш любезный профессор сказывал нам также намеренно, с высоты своей кафедры, с выражением глубокого убеждения и самым звучным своим голосом, что мы — избранный сосуд, предназначенный собирать, сохранить в его чистоте евангельский догмат для передачи его в данное время другим народам, созданным менее счастливо, нежели мы.

Это новый путь христианства, любопытное открытие нашего туземного разума, — я в том не сомневаюсь, — будет принят всеми христианскими исповеданиями. как только они про это узнают, но до тех пор вам не нужно очень удивляться, ежели в один из этих прекрасных дней вы, быть может, узнаете, что в то время, когда вы были еще погружены

в средневековый мрак, мы шли уже гигантскими шагами путем всех вообразимых прогрессов, что мы тогда уже обладали всеми благодеяниями новейшей цивилизации, большей частью тех учреждений, которые у вас и до сих пор еще находятся только в состоянии утопий. Бесплезно говорить вам, какое бедственное событие остановило наши шаги на этом славном шествии в течение веков: вам это тысячу раз повторяли в ваше пребывание в Москве, но я не могу оставить вас в неведении насчет моего личного мнения об этом предмете. Да, вторжение западных идей, этих идей, отторгаемых всем нашим историческим прошлым, всеми нашими национальными инстинктами, парализовало наши силы, исполнило ложью все наши прекрасные тенденции, извратило все наши добродетели, наконец, извело нас до вашего уровня или недалеко от него. Стало быть, надо воротиться назад, надобно опять отыскать это прошедшее, которое вы у нас так злобно похитили, перестроить его вновь как можно лучше и поместиться в нем с тем, чтобы уж из него больше не выходить.

Это именно дело занимает теперь наши лучшие умы — дело, к которому я присоединяюсь от глубины души, которого успех составляет предмет моих желаний и тем больше, что я убежден, что род обратного кружения, которое мы теперь выносим, не может быть оценен вполне иначе, как в день своего окончательного торжества.

<...> Я сам также имею мало вкуса к исключительным и узким национальностям; признаюсь даже, что не особенно почитаю эту географическую добродетель, из которой так много шумела языческая древность и которой евангелие не ведает.

<...> Нет сомнения, что Париж есть теперь великий очаг всемирного социального движения, что его салоны — привилегированные центры словесной мысли нашего века, достоверно также, что в наши дни в Париж стремятся мысли и мы добывать себе венцы, ореолы и патенты; но нельзя также отвергать и того, чтобы кое-где не существовало каких-нибудь маленьких очагов, мало известных центров, и в этих очагах, в этих центрах каких-нибудь бедных мыслей, бедных умов, которые без излишней самонадеянности не были бы вправе испрашивать, если ни милостыню глубокого интереса, то, по крайней мере, милостыню серьезного любопытства, особенно со стороны людей, которых нехороший ветер принуждал иногда выносить крушение на наших бесплодных песчаных берегах и которые, следовательно, сами могли оценить те усилия, которые мы делаем для их разработки.»

«Неизданные рукописи П.Я. Чаадаева».

Опубликовано в «Вестник Европы.» 1874. Июль.

Печатается по изданию: Вестник Европы. Избранное.

Москва 2002 г. Издательство и редакция журнала

«Вестник Европы». Приложение к 4-му юбилейному тому журнала «Вестник Европы. 2002 г., с. 483–495.

© Текст: «Вестник Европы»

Россия и Европа

Вестник Европы 1888
(фрагменты)

В.С. СОЛОВЬЕВ

К <...> теориям, старающимся закрепить современную им действительность, придавая ей более определенный и систематический характер, принадлежит воззрение, изложенное с такою обстоятельностью в книге покойного Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». По мнению ее почитателей, книга эта есть «катехизис или кодекс славянофильства». Автор стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора, осужденного, но еще не уничтоженного евангельскою проповедью. Мысль русского писателя не имеет крыльев, чтобы подняться хотя бы лишь в теории над этою темною действительностью. Задача его в том, чтобы возвести существующую в человечестве рознь в закрученную и законченную систему и вывести из этой системы некоторые практические «постулаты» для той дроби человечества, к которой принадлежит сам автор.

Разделение людей на племена и нации, ослабленное до некоторой степени великими мировыми религиями и замененное делением на более широкие и более подвижные группы, возродилось в Европе с новою силою и стало утверждаться как сознательная и систематическая идея с начала истекающего столетия.

Прежде всех отличился в этом деле знаменитый Фихте, который, установив в своей «Wissenschaftslehre» отвлеченно-философский эгоизм или «солипсизм» сознающего **Я**, перешел в «Речах к немецкому народу» на почву более широкого, но все-таки произвольного и отталкивающего

эгоизма национального. После наполеоновских войн принцип национальностей сделался ходячею европейскою идеей. Эта идея заслуживала всякого уважения и симпатии, когда во имя ее защищались и освобождались народности слабые и угнетенные: в таких случаях принцип национальности совпадал с истинною справедливостью.

Всякая народность имеет право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей.

Это требование *равного права* для всех народов вносит в политику некоторую высшую нравственную идею, которой должно подчиниться национальное себялюбие. В этой высшей идее все народы солидарны между собой, и в меру этой солидарности человечество уже не есть пустое слово. Но, с другой стороны, это возбуждение национального самочувствия в каждом народе, особенно же в народах более крупных и сильных, благоприятствовало развитию народного эгоизма или национализма, который уже ничего общего с справедливостью не имеет и выражается совсем в иной формуле. «Наш народ есть самый лучший изо всех народов, и потому он предназначен так или иначе покорить себе все другие народы или, во всяком случае, занять первое, высшее место между ними». Такою формулой освящается всякое насилие, угнетение, бесконечные войны, все злое и темное в истории мира.

И жизнь, и теория как-то очень легко и незаметно подменяют справедливую и человеческую формулу национальной идеи формулою насилия и национального убийства. Далеко не все глашатаи этой идеи проповедуют прямо покорение и уничтожение чужих народов; но есть для этого обходный способ, более мягкий по виду, хотя столь же убийственный по духу. «Наш народ по самому ходу истории и по естественному преемству национальных культур должен сменить все прочие отжившие или отживающие народы». «Смена» эта тоже не обходится без жестокой кровавой борьбы и разных национальных убийств, но окончательный результат достигается как будто сам собою. Такую смягченную формулу национального эгоизма восприняли от немцев наши славянофилы, применившие к России то, что их учителя присваивали германизму, — систематически же разработал у нас это воззрение автор «России и Европы». Между ним и прежними славянофилами есть, однако, различие, на которое он сам указывает, хотя не всегда его соблюдает. Те утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как носитель всечеловеческого окончательного просвещения; Данилевский же, отрицая всякую общечеловеческую задачу, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, — однако наиболее совершенным и полным (четырёхосновным, по его терминологии), совмещающим в себе преимущества прежних типов. Разногласие, таким образом, выходит только в отвлеченных терминах, не изменяющих сущности дела. Должно, однако, заметить, что коренные славянофилы (Хомяков, Киреевский, Аксаковы, Самарин), не отвергая всемирной истории и признавая, хотя лишь в отвлеченном принципе, солидарность всего человечества, были ближе, чем Данилевский, к *христианской* идее и могли утверждать ее, не впадая в явное внутреннее противоречие.<...>Зато Данилевский имеет несомненное преимущество в выражении *национальной* идеи. Для прежних славянофилов эта идея была по преимуществу предметом поэтического, пророческого и ораторского вдохновения. Они ее воспевали и проповедовали. С другой стороны, в последние годы та же идея стала предметом рыночной торговли, оглашающей своими полуживотными криками все грязные площади, улицы и переулки русской жизни. <...>Против поэзии и красноречия спорить нельзя. Бесполезно также препираться с завывающим и хрюкающим воплощением национальной идеи. Но, кроме этих двух крайностей, мы имеем, благодаря книге Данилевского, спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении к России. Эмпирик и реа-

лист по складу своего ума, естествоиспытатель и практический деятель, Н. Я. Данилевский* был чужд и философского идеализма, и поэтической фантазии, резко отличаясь этим от главных славянофилов, большею частью поэтов, воспитанных на гегелевской диалектике. Но, с другой стороны, обладая, как и они, крупным умственным дарованием и безукоризненным нравственным характером, автор «России и Европы» примыкает к лучшим представителям славянофильства и целою бездною отделяется от торжествующего ныне площадного патриотизма и национализма. Если против сего последнего единственно действительное средство есть соблюдение опрятности, то обдуманная и наукообразная система национализма, разработанная в сочинении Данилевского, заслуживает и требует серьезного критического разбора.

Множественность самобытных культурно-исторических типов, вместо единого человечества; независимое и отдельное развитие этих типов, вместо всемирной истории; затем, Россия (со славянством) как особый культурно-исторический тип, совершенно отличный от Европы, и притом тип высший, самый лучший и полный — вот главные положения в книге «Россия и Европа». Опровергать эти положения с точек зрения христианской и гуманитарной (которые в этом случае совпадают) мы теперь не станем. Мы будем спрашивать не о том, насколько эта теория национализма нравственна, а лишь о том, насколько она *основательна*.

Во-первых, посмотрим, есть ли какие-нибудь фактические основания приписывать России значение целого культурно-исторического типа, *отдельного — и в этой отдельности высшего по отношению к Европе*; а во-вторых, исследуем вопрос, насколько самое деление человечества на культурные типы в смысле Данилевского соответствует исторической действительности. Главным материалом для нашей критики послужит книга «Россия и Европа».<...>

В сельской общине и крестьянском наделе Данилевский видит «общественно-экономическое устройство, справедливо обеспечивающее народные массы», и это, по его мнению, составляет главную основу русско-славянского культурно-исторического типа, важнейший залог нашей будущности. <...>Обладает ли Россия преимуществом такого строя?

<...>В самом русском народе замечается стремление отделаться от общинного владения, и это запоздалое учреждение было бы окончательно потрясено (как уже и случилось со сродною формой задруги у южных славян), если бы государство не поддерживало его своим законом. Мы полагаем, что, взяв на первое время под свою защиту эту элементарную общественную форму, наше правительство выказало большую мудрость. Затруднив частное отчуждение крестьянских земель, наш закон избавил всех слабых и беспечных крестьян (т. е. значительное большинство) от немедленного разорения и кабалы. Но если для государства было очень выгодно не допустить внезапно народиться целому классу бездомных нищих, то от этой выгоды — еще очень далеко до окончательного предохранения народа от пауперизма. Общинное землевладение *само по себе*, как показывает статистика, совсем не благоприятствует успехам сельского хозяйства. Община обеспечивает каждому крестьянину кусок земли, но она никак не может обеспечить ему урожая или возратить производительные силы истощенной почве.

Тем не менее наш автор уверенно и настойчиво противопоставляет Россию с ее *крестьянским наделом* безземельному населению Европы. Для прямой и полной противоположности в этом отношении следовало бы вместо Европы взять одну только Англию. Но эта страна (которая скорее есть всесветная держава, нежели одна из частей Европы) находится в условиях совершенно исключительных. <...>А для прочей Европы безземельность крестьянства далеко не есть безусловное правило, и контраст с Россией здесь вовсе не так полон. На всем европейском материке сельское население в известной мере участвует во владении землей, не говоря

уже о таких странах, где крестьяне суть единственные поземельные собственники (Норвегия). Впрочем, каково бы ни было социально-экономическое положение Европы, на одних чужих недостатках и бедствиях нельзя строить здание нашего будущего. <...>

Можно признавать в духовном складе русского народа задатки или возможности лучшего общественного строя, но никаких условий для перехода этих возможностей в действительность — ни в современной жизни, ни в теории нашего автора — мы не найдем. Но предположим, что эта теория грешит только преувеличением значения общественно-экономического элемента в будущем русско-славянского мира.<...> Быть может, Россия призвана к обширному и самобытному творчеству преимущественно в области высшей, духовной культуры, в области науки, философии, литературы и искусства? Посмотрим, есть ли какие-нибудь фактические основания для такого предположения.<...>

Хотя русская наука, которая серьезно началась только с Ломоносова († 1765), имела меньше времени для своего развития, нежели наука Западной Европы, но зато у нас было здесь великое преимущество: наши ученые могли работать на расчищенной почве, строить на крепком фундаменте. Западная наука (я разумею преимущественно науки точные) при начале своем не имела никакого руководства, кроме элементарных и отрывочных опытов древнегреческих писателей, коих работы не только по своим результатам, но также по задачам и приемам были весьма далеки от настоящей науки. <...>Разница тут была в известном отношении такая же, как между изобретением письмен и усвоением уже готового алфавита. Эту огромную разницу нужно принять прежде всего в расчет, чтобы правильно оценить предполагаемые задатки самобытной науки в России. Русские несомненно оказались весьма способными ко всем наукам. Эта способность, в соединении с превосходною школой, которую нам можно было пройти, позволяла надеяться, что в течение столетия — при чрезвычайной быстроте новейшего умственного движения — наша нация произведет чудеса в области науки. Действительность не оправдала таких надежд, и известное желание Ломоносова остается и до сих пор лишь «благочестивым желанием». Рожденная под самыми счастливыми созвездиями, русская наука не озарила мир новым светом.<...>Вместе с тем, со стороны результатов трудов наших первоклассных ученых, при всех своих достоинствах, не имеют настолько глубокого и обширного значения, чтобы влиять определенным образом на общий ход научного развития или составить эпоху в истории хотя бы отдельных наук.<...>Что люди славянского племени, как и люди прочих племен земных, способны с большим или меньшим успехом заниматься наукой — это, кажется, доказательств не требовало. А что Россия (со славянством) образует и со стороны науки особый культурно-исторический тип, т. е. что она способна и призвана создать *вне европейской науки* свою особую, самобытную славяно-русскую науку, — это весьма нуждалось бы в доказательствах, но их у нашего автора не находится. <...>Если же оставить всякое предубеждение и всякие произвольные гадания и фантазии, то, на основании 140-летнего опыта, можно прийти лишь к одному несомненному заключению, а именно, что русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы или голландцы.<...>

* * *

Один из первых (по времени) схоластиков — Rabanus (или Hrabanus) Maurus, в сочинении своем «De nihilo et tenebris» («О ничем и о мраке»), между прочим, замечает, что «небытие есть нечто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слез над таким прискорбным состоянием». Эти слова чувствительного монаха невольно вспоминаются, когда подумаешь о русской философии. Не то чтобы она прямо, открыто относилась к категории

«небытия», оплаканного Рабаном Мавром: за последние два десятилетия довольно появлялось в России более или менее серьезных и интересных сочинений по разным предметам философии. Но все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже. Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одною пустою претензией.

А между тем русские несомненно способны к умозрительному мышлению, и одно время можно было думать, что философии предстоит у нас блестящая судьба. Но русская даровитость оказалась и здесь лишь восприимчивою способностью, а не положительным призванием: прекрасно понимая и усваивая чужие философские идеи, мы не произвели в этой области ни одного значительного творения, останавливаясь, с одной стороны, на отрывочных набросках, а с другой стороны, воспроизводя в карикатурном и грубом виде те или другие крайности и односторонности европейской мысли.<...> Но, наблюдая особенности нашего национального характера, легко заметить, что чисто русский даровитый человек отличается именно крайним недоверием к силам и средствам человеческого ума вообще и своего собственного в частности, а также глубоким презрением к отвлеченным, умозрительным теориям, ко всему, что не имеет явного применения к нравственной или материальной жизни. Эта особенность заставляет русские умы держаться по преимуществу двух точек зрения: крайнего скептицизма и крайнего мистицизма.<...>

Более основательные надежды на великую будущность возбуждает, по-видимому, русская действительность в области изящной литературы и искусств. Русский роман пользуется в последнее время громкою известностью в Европе. Наши лучшие писатели не только высоко ценятся тамошними знатоками, но и приобретают популярность в широких кругах образованного и полубразованного европейского общества. В области чистой поэзии у нас, кроме Пушкина и Лермонтова, есть несколько лириков, которыми могла бы гордиться любая европейская литература. Произведениями искусства (в тесном смысле) Россия менее богата. Однако есть у нас гениальный композитор Глинка, а в области живописи, кроме нескольких замечательных пейзажистов и портретистов, мы имеем — если верить славянофилам — одну великую историческую картину — Иванова: «Явление Христа народу». Конечно, всего этого еще слишком мало для особого культурно-исторического типа, который (по воззрению нашего автора) должен соперничать не с какою-нибудь отдельною европейскою нацией, а с целою Европой, со всею совокупностью романо-германских народов. Но так как дело идет о культурно-историческом типе, еще только слагающемся, то сделанное нами в литературе и искусствах могло бы несомненно представлять хороший положительный задаток великого будущего.

Но для того чтобы можно было здесь признать такой задаток или зародыш, безусловно необходимо, чтобы русское эстетическое творчество находилось в прогрессивном развитии, чтобы оно продолжало следовать по *восходящей* линии. Так ли это на самом деле?

Когда у нас так возгордились блестящим успехом русских романистов за границей, никто, кажется, не заметил одного обстоятельства, что этот успех представлял собою лишь громкое эхо нашей минувшей славы. Кто они в самом деле, эти писатели, которым так рукоплещет Запад? <...> Как доказать, что кульминационный пункт политического могущества не был уже достигнут Россией, когда после целого столетия военных и дипломатических успехов эта держава вступила в гигантскую борьбу со всеми силами Запада, предводимыми Наполеоном I, и, восторжествовав в этой борьбе, приобрела политическую гегемонию над целою Европой?

И вот, согласно «историческому закону», за величайшим торжеством нашего оружия последовал золотой век нашей литературы.

Как бы то ни было, применять или не применять к России воображаемые исторические законы, несомненным остается то, что особый, внеевропейский русско-славянский культурный тип, с своею особенною наукой, философией, литературой и искусством, есть лишь предмет произвольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не представляет. <...>

* * *

Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина). Это не мешает, конечно, России представлять и на пути национального обособления многие оригинальные черты, не свойственные никакой другой европейской нации. Вопрос лишь в том, насколько ценны эти оригинальные черты. Огромная Китайская империя, несмотря на все сочувствие к ней Данилевского, не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеей и никаким великим подвигом: она не внесла и не внесет никакого вековечного вклада в общее достояние человеческого духа. Это не препятствует, однако, китайцам быть чрезвычайно оригинальным и весьма изобретательным народом. <...> Россия со времен Петра Великого имеет перед Китаем то несомненное преимущество, что наши войска и крепости снабжены настоящими *европейскими* орудиями, а роль картонных пушек и фантастических драконов для устрашения Европы предоставлена исключительно патриотической журналистике. И если, с другой стороны, мы не изобрели даже плохого пороха и плохого книгопечатания, подобно китайцам, то все-таки в разных оригинальных отличиях у нас нет недостатка. Не перечисляя их всех, укажу на одну, по-видимому, мелкую, но чрезвычайно характерную особенность. В то время как все европейские нации пользуются исправленным григорианским календарем, мы продолжаем упорно держаться старого юлианского, отставая от Европы и от солнца на 12, а скоро и на 13 дней. Оригинальность наша состоит здесь, впрочем, лишь в предпочтении плохого хорошему, так как самое это плохое не есть наше собственное, а тоже общеевропейское или общечеловеческое, но только оставленное другими за негодностью.

Эта оригинальная черта в области бытовой вспомнилась мне по поводу такого же оригинального явления в области русской мысли. Идея племенных и народных делений (принятая как высший и окончательный культурно-исторический принцип) столь же мало, как и юлианский календарь, принадлежит русской изобретательности.

Со времен вавилонского столпотворения мысль и жизнь всех народов имели в основе своей эту идею национальной исключительности. Но европейское сознание, в особенности благодаря христианству, возвысилось решительно над этим, по преимуществу языческим началом и, несмотря даже на позднейшую националистическую реакцию, никогда не отрекалось вполне от высшей идеи единого человечества.

Схватиться за низший, на 2000 лет опереженный человеческим сознанием языческий принцип суждено было лишь русскому уму. Видеть в этом попятном движении мысли какую-нибудь положительную, а не «дефективную» только оригинальность, искать здесь проявления или хотя бы только предвещения нашей духовной самобытности было бы так же неосновательно, как и гордиться верностью России негодному юлианскому календарю. Достойно ли велико-

го народа проявлять свою оригинальность в том, чтобы противоречить разумному ходу истории или течению светил небесных?

Тот обширный и законченный период в жизни исторических народов, который называется древнею историей, рядом с господством национального сепаратизма представляет, однако, несомненное движение вперед в смысле все большего и большего объединения чуждых вначале и враждебных друг другу народностей и государств. Те нации, которые не принимали участия в этом движении, получили тем самым совершенно особый антиисторический характер, и сам Данилевский поневоле должен отнести эти нации в особую группу под названием *уединенных* культурно-исторических типов в противоположность типам *преемственным*.

Остановившись на этих последних, мы видим, что политическая и культурная централизация не ограничивалась здесь отдельными народами, ни даже определенными группами народов, а стремилась перейти в так называемое всемирное владычество, и это стремление действительно приближалось все более и более к своей цели, хотя и не могло осуществиться вполне. <...> Итак, вместо простой смены культурно-исторических типов древняя история представляет нам постепенное их *собираение* чрез подчинение более узких и частных образовательных элементов началам более широкой и универсальной культуры. Под конец этого процесса вся сцена истории занимает единою Римскою империей, не сменившею только, а *совместившею* в себе все прежние преемственно выступавшие культурно-исторические типы. Вне этой воистину всемирной империи остаются или отживающие свой век *уединенные* культурные типы, или же бесформенная масса диких и полудиких племен. Но еще важнее этого внешнего объединения исторического человечества в Римской империи было развитие самой идеи *единого человечества*. Среди языческого ** мира эту идею не могли выработать ни восточные народы, слишком подчиненные местным условиям в своем мировоззрении, ни греки, слишком самодовольные в своей высокой национальной культуре и отождествлявшие человечество с эллинизмом (несмотря на отвлеченный космополитизм кинической и стоической школы). Величайшие представители собственно греческой мысли, Платон и Аристотель, не были способны подняться до идеи единого человечества. Только в Риме нашлась благоприятная умственная почва для этой идеи: с полною определенностью и последовательностью ее поняли и провозгласили римские философы и римские юристы.

Тогда как великий Стагирит возводил в принцип и объявлял навеки неустранимую противоположность между эллинами и варварами, между свободными и рабами, такие, сравнительно с ним неважные, философы, как Цицерон и Сенека, одновременно с христианством возвещали существенное равенство всех людей. «Природа предписывает, — писал Цицерон, — чтобы человек помогал человеку, кто бы тот ни был, по той самой причине, что он человек» (*hoc natura praescribit, ut homo homini, quicumque sit, ob eam ipsam causam quod is homo sit, consultum velit*). — «Должно сходиться в общении любви со своими, за своих же почитать всех соединенных человеческою природою». «Мудрый признает себя гражданином всего мира, как бы одного города» — «Все мы, — пишет Сенека, — члены одного огромного тела. Природа хотела, чтобы мы все были родными, порождая нас из одних и тех же начал и для одной и той же цели. Отсюда происходит у нас взаимное сочувствие, отсюда общительность; справедливость и право не имеют иного основания. Общество человеческое похоже на свод, где различные камни, держась друг за друга, обеспечивают прочность целого». Уже Цицерон, исходя из идеи солидарности всего человечества, заключал, что права войны должны быть ограничены. Сенека же осуждает войну безусловно. Он спрашивает, почему человек, убивающий другого, под-

вергается наказанию, тогда как убийство целого народа почитается и прославляется? Разве свойство и имя преступления изменяются от того, что его совершают в воинской одежде? С той же точки зрения Сенека самым решительным образом восстает против боя гладиаторов и провозглашает за семнадцать веков до Канта, что человек не может быть только средством для человека, а имеет свое собственное неприкосновенное значение: *homo res sacra homini* (человек — святыня человеку). Этот принцип Сенека распространяет как на чужеземцев, так и на рабов, за которыми он признает всю силу человеческих прав. Он восстает против самого имени рабства и хочет, чтобы рабов звали «смирненными друзьями» — *humiles amici*.

Подобные мысли не были в Риме только убеждением отдельных лиц или учением какой-нибудь философской школы (как у греческих стоиков). Идея существенного равенства всех людей есть неотъемлемая принадлежность римского права. Самое понятие: *jus naturale*, установленное римскими юристами, совершенно отрицает всякую коренную и непреложную неравномерность между людьми и народами. Вопреки Аристотелю, утверждавшему в своей политике, что есть племена и люди, самую природою предназначенные к рабству, римские юристы решительно заявляли, что все рождаются с одинаковым естественным правом на свободу и что рабство есть лишь позднейшее злоупотребление. <...> Если внешнее единство Римской империи с ее военными дорогами материально облегчило и ускорило всесветное распространение евангельской проповеди, как это замечали еще древние христианские писатели **, то гуманитарные начала римских юристов и римских философов подготовили умственную почву для восприятия самой нравственной идеи христианства, по существу своему общечеловеческой и сверхнародной.

Предание о личном знакомстве апостола Павла с Сенекой, сомнительное фактически, верно указывает на естественное сродство между универсализмом римского разума, завершившим историю язычества, и началом новой универсальной религии, оживившей объединенное в Риме человечество. Сенека, отрицающий войну и рабство, и апостол Павел, провозглашающий, что отныне нет более разделения между эллином и варваром, рабом и свободным, — эти два лица из двух столь далеких «культурно-исторических типов» были, во всяком случае, близки между собою, независимо от личных свиданий и переписок. Случайное знакомство двух исторических лиц есть только любопытный вопрос, но совпадение двух разнородных мысленных течений в одной универсальной идее есть несомненное и огромное событие, которым обозначилось самое средоточие всемирной истории. А если единой всемирной истории нет, если существуют только национальные или племенные культуры, то как понять и объяснить эту духовную связь между языческим философом из Испании и христианским апостолом из Иудеи, которые сошлись в Риме, чтобы проповедовать всечеловеческое единство?

Как ни далека еще наша действительность от исполнения нравственных требований апостола Павла или хотя бы Сенеки, но проповедь всечеловеческого единения не пропала даром. Из нее вышел новый культурный мир, который при всех своих практических грехах, при всех своих частных разделениях и междоусобиях все-таки представляет великое идеальное единство племен и народов, настолько превосходящее, и объемом и глубиной, единство Римской империи, насколько сама эта империя превосходила все бывшие до нее попытки всемирного владычества. <...>

Народы новой христианской Европы, восприняв зараз из Рима и из Галилеи истину единого по природе и по нравственному назначению человечества, никогда не отрекались в принципе от этой истины. Она осталась неприкосновенною даже для крайностей возродившегося в нынешнем веке национализма. Сам Фихте ставил немецкий народ на исключительную высо-

ту только потому, что видел в этом народе сосредоточенный разум всего человечества, единого и нераздельного. Только русскому отражению европейского национализма принадлежит сомнительная заслуга — решительно отказаться от лучших заветов истории и от высших требований христианской религии и вернуться к грубо языческому, не только дохристианскому, но даже доримскому воззрению.

Принимаясь за свой труд под влиянием искреннего, хотя слишком узкого и неразумного патриотизма, покойный Данилевский имел в виду практическую цель: поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни «европейничанья». <...> Но, при очевидной невозможности прямым образом доказать великую культурную самобытность России и ее коренную и окончательную отдельность от Европы, наш автор вынужден был избрать для своей цели окольный путь общих теоретических соображений. <...> Отрицание единого человечества в «естественной системе» нашего автора получает свое необходимое логическое дополнение в этом «законе», отрицающем единство развития в человечестве, т. е. всемирную историю. Для оправдания этого мнимого закона Данилевский или обходит молчанием, или голословно отрицает все исторические примеры действительной передачи образовательных начал от одного культурного типа к другому. Между тем история полна этими примерами.

<...> Основное образовательное начало романо-германских народов выработано не ими самими, а принято от одного из прежних культурно-исторических типов; точно так же основное образовательное и просветительное начало русско-славянского исторического типа выработано не им самим, а принято целиком и без всякого изменения от византийских греков, принадлежащих к иному культурному типу. <...> Наш автор не хочет допустить, что исключительная национальность есть ограниченность и что прогресс истории состоит в разрыве этой ограниченности. Нам нет надобности отвечать ему какими-нибудь рассуждениями; достаточно лишь вспомнить самые великие и важные явления в истории человечества: все они были ознаменованы именно этим разрывом национальной ограниченности, переходом от народного к всечеловеческому <...>

Как Индия с враждою отвергла свое высшее порождение — буддизм, сделавшийся зато «светом Азии», так и высшее всемирно-историческое порождение еврейской народности — христианство — оказалось в жестоком противоречии с иудейским национализмом, но тем легче оно исполнило свою универсальную задачу — оплодотворить религиозную истину Израиля всю языческую Европу и основать в ней новый мир общечеловеческой культуры. <...> Признавая протестантство отрицанием религии вообще, а католичество — «продуктом лжи, гордости и невежества» Данилевский, по следам прежних славянофилов, отождествляет христианство исключительно с греко-российским исповеданием, которое и является, таким образом, единственно адекватным выражением абсолютной истины. <...> А вместе с тем это же исповедание признается специально просветительным началом *одного* русско-славянского культурно-исторического типа и в этом качестве не допускается передача его другим типам. Но с этим падает все воззрение Данилевского. Ибо тогда вместо десяти или двенадцати более или менее однородных и равноправных культурных типов человечество должно делиться только на две безусловно несоизмеримые половины: с одной стороны, православный славянский мир, обладающий исключительным преимуществом абсолютной истины, а с другой стороны — все прочие племена и народы, осужденные пребывать в разных формах лжи. <...> Вообще же отдавать безусловное предпочтение (в смысле высшего предела человеческих обязанностей) культурному типу, как группе *более конкретной и определенной* сравнительно с человечеством как с по-

нятием слишком отвлеченным и неясным, значит открывать свободную дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных требований. Ибо совершенно несомненно, что интересы национальные (в тесном смысле) гораздо конкретнее, определеннее и яснее интересов целого культурно-исторического типа, который для большинства смертных, пожалуй, представляется еще туманнее, чем для Данилевского человечество; точно так же несомненно, что интересы какого-нибудь сословия или партии всегда определеннее и конкретнее, нежели интересы общенациональные или общегосударственные, и, наконец, уже вовсе никакому сомнению не подлежит, что для всякого его личные эгоистические интересы суть из всех прочих самые ясные, самые определенные и конкретные.

<...> Я разумею взгляд, по которому человечество относится к племенам и народам, его составляющим, не как род к видам, а *как целое к частям*, как реальный и живой организм к своим органам или членам, жизнь которых существенно и необходимо определяется жизнью всего тела. Понятие тела не есть пустое отвлечение от представлений о его членах, и точно так же тело не может мыслиться и как простая совокупность или агрегат своих членов; следовательно, отношение родового к видовому неприменимо здесь ни в одном из двух значений, различаемых нашим автором.

А между тем идея человечества как живого целого (а не как отвлеченного понятия и не как агрегата) настолько вошла, еще с первых времен христианства, в духовные инстинкты мыслящих людей,

<...> Придется, напротив, принять совершенно иное заключение: если всякая частная группа, национальная или племенная, есть лишь орган (орудие) человечества, то наши обязанности к народу или племени, т. е. к *орудию*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношению к тому, для чего это орудие должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь под тем условием, чтобы он сам подчинялся высшим интересам целого человечества. <...> Если бы национализм, возведенный в систему нашим автором, противоречил только основной христианской и гуманитарной идее (единого человечества), то это опровергало бы его лишь в глазах людей с искренними христианскими убеждениями или же особенно чутких к высшим нравственным требованиям. Но теория «России и Европы» несовместима не только с христианскою *идеей*, но и с самим историческим *фактом* христианства как религии универсальной, всемирно-исторической, которую никак нельзя приспособить к какому-нибудь особому

<...> Кроме христианства, в непримиримом противоречии с воззрениями «России и Европы» находится, как мы видели, и историческое явление двух других универсальных, точнее, международных или сверхнародных религий — буддизма и мусульманства, а также и еврейской религии, которая, несмотря на свой национальный характер, передала, однако, свои существенные начала чужим мирам христианства и ислама. <...>

<...> Ни один европеец и ни один русский западник никогда не сомневался в том, что каждый народ занимается наукою (как и всем прочим) по-своему, на свой лад. Но это свое в ученых трудах немцев, англичан, французов и т. д. нисколько не мешает им заниматься одним общим научным делом, в котором все они вполне солидарны между собою и которое принадлежит не какому-нибудь культурно-историческому типу, а всему человечеству. <...> Все, что можно найти научного у древних народов, вошло в науку европейцев, было ими полнее и глубже разработано и, следовательно, имеет значение лишь как низшая подготовительная ступень в развитии этой одной европейской науки. Помимо нее, никакой другой особой науки в действительности никогда не было. Но, может быть, еще будет? Наш автор, настаивающий на национальном характере науки и совершенно забывший при этом о своих «культурно-

исторических типах», не придает никакого ясного и определенного смысла своим надеждам на «самобытную славянскую науку». <...> Если же под «самобытную славянскую науку» (согласно основному воззрению «России и Европы») разумеется особый, небывалый доселе тип науки, существенно отличный от европейского, то в скромных трудах русских ученых, старающихся по мере сил внести свой вклад в общее умственное достояние Европы, мы, конечно, не найдем никаких начатков такого вполне самобытного научного творчества. Этим начаткам будущей славянской науки следует искать только у тех из наших ученых писателей, которые, не удовлетворяясь европейской наукой, стремятся к новым, лучшим началам знания. <...>

* * *

В начале своей «России и Европы» Данилевский поставил вопрос: почему Европа так не любит Россию? — Ответ его известен: — Европа, думает он, боится нас как нового и высшего культурно-исторического типа, призванного сменить дряхлеющий мир романо-германской цивилизации. Между тем и самое содержание книги Данилевского, и последующие признания его и его единомышленника наводят, кажется, на другой ответ: Европа с враждою и опасением смотрит на нас потому, что, при темной и загадочной стихийной мощи русского народа, при скудости и несостоятельности наших духовных и культурных сил, притязания наши и явны, и определены, и велики. В Европе громче всего раздаются крики нашего «национализма», который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград, при случае, пожалуй, и Индию. А когда спрашивают нас, чем же мы — взамен забранного и разрушенного — одарим человечество, какие духовные и культурные начала внесем во всемирную историю, — то приходится или молчать, или говорить бессмысленные фразы. <...> Но если справедливо горькое признание Данилевского, что Россия «начинает оказываться больным, расслабленным колоссом», то вместо вопроса: почему Европа нас не любит — следовало бы заняться другим, более близким и важным вопросом: чем и почему мы больны? Физически Россия еще довольно крепка, как это обнаружилось в ту же последнюю Восточную войну. Значит, недуг наш нравственный: над нами тяготеют, по выражению одного старого писателя, «грехи народные и несознанные». Вот что прежде всего требуется привести в ясное сознание. Пока мы нравственно связаны и парализованы, всякие наши собственные стихийные силы могут быть нам только во вред. Самый существенный, даже единственно существенный вопрос для истинного, зрячего патриотизма есть вопрос не о силе и призвании, а о «*грехах России*».

Примечания

* По примеру самого Данилевского, мы будем иногда для краткости говорить просто «Россия» вместо «русско-славянский мир» или «Россия и славянство».

** Говорю «языческого», ибо у евреев, помимо их великих пророков, уже в древнейшем памятнике их истории все человечество представлено как род одного человека: ээ сэфер тол'дот адам (Быт. V, 1).

*** «Сам Бог, — говорит Пруденций, — покорил все народы римлянам, чтобы уготовать пути Христу».

© Текст: «Вестник Европы»

ДОЛГОЕ НЕНАСТЬЕ

К философии гражданской войны

А.Ф. ФИЛИППОВ

I.

Американский исследователь Филип Боббит пишет о войнах, длившихся куда дольше, чем принято считать. «Эпохальные войны могут состоять из нескольких конфликтов, которые сами их участники считали отдельными войнами, а также периодов кажущегося мира (иногда даже с очень обстоятельными мирными договорами), а расстановка врагов и союзников в них часто меняется по ходу конфликта»¹. Это взгляд историка и политического теоретика. Он кажется мне продуктивным и, так сказать, инструктивным. Но с еще более общей, философской точки зрения здесь возможны дополнения и уточнения. С одним только спорить не приходится: войны длятся куда дольше, чем кажется, а мир — скорее исключение, чем правило. То, что мы знаем как современное государство, является уникальным сочетанием способности к концентрации ресурсов и способности к мобилизации населения, солидарных граждан. По отдельности, то есть либо на концентрацию ресурсов — финансовых, промышленных, военных, — либо на создание для множества людей сильных мотивов солидарности способны отнюдь не только государства. Хрестоматийные примеры огромных транснациональных корпораций или политических движений,

готовых бросить вызов государствам, не нуждаются в специальном рассмотрении. Но вот комбинация того и другого — это почти исключительная характеристика именно государства. Почему «почти»? Потому что определение государства как того, что находится в своих границах, нуждается, конечно, в уточнениях. Фактическое положение дел часто не совпадает с юридически корректными описаниями. Например, непризнанные государства могут контролировать большие территории, но не обладают собственной валютой и банковской системой, выживают благодаря помощи могущественных держав и пользуются поддержкой населения, которое как *народ* может быть даже более или менее широко признано в мире, но в своей политической форме не представлено в международных организациях. Конечно, положение государств — полноправных и признанных членов ООН совершенно другое. Но и они могут находиться в большей или меньшей степени зависимости от других стран, их границы могут признаваться не всеми соседями, претендующими на их территории, и т.п. Таким образом, само по себе государство благодаря этой способности к комбинации ресурсов и солидарности было бы не знающим себе равных, если

бы рядом не было других государств и если бы ему не бросали вызов, помимо государств, другие силы, как те, которые могут собрать больше ресурсов, так и те, которые могут создать для своих членов более сильные мотивы. Существование государства всегда является не просто неустойчивым, но и находящимся на грани разрушительной для него войны, важнейшей особенностью которой может стать превращение межгосударственного противостояния в гражданское. Обращение к классике политической философии позволит показать это более наглядно и, надеюсь, убедительно.

II.

В середине XVII века Томас Гоббс сравнивал войну с погодой и говорил, что ненастье — это не ливень-другой, а много дней, когда может хлынуть дождь, и, таким образом, продолжительное время, покуда существует готовность к сражениям, — только это и есть война, а не та или иная битва. Гоббс написал об этом в «Левиафане» вскоре после формального завершения тридцатилетней войны в континентальной Европе (1648) и гражданской войны в Англии (1649). Войны были продолжительными, а мир, наступивший между войнами, — столь кратким, что «воля к борьбе путем сражения» сказывалась самым явственным образом и в отсутствие вооруженных конфликтов. Гоббс рассчитывал устроить мир лишь *внутри* государства как *искусственного* образования, но такого же рода мир *между* государствами, считал он, невозможен, потому что к нему нельзя принудить: государства могут начать и приостановить войну между собой, но государства не знают над собой высшей власти и после перемирия снова начнут воевать. Это естественно. Для тех, кто не сошелся вместе², не образовал государство, война является естественным состоянием, а значит, там, где нет искусственного тела государства, господствует естественное состояние войны. Всего страшнее для политического единства гражданская война, потому что она подрывает внутренний мир. Этим она отличается от внешней войны, войны го-

сударства с государством. Ведь если эта последняя окончится победой одного из них, граждане побежденного государства могут стать гражданами победившего. Гоббс находил такой способ образования нового государства (через присвоение, как он это называл) более частым и более реалистичным, чем происхождение из «естественного состояния» путем договора (в его терминологии это называлось «установлением»). Но возвращение в естественное состояние, прекращение состояния гражданского, возможно. Оно, собственно, означает гражданскую войну: граждане перестают быть гражданами. При этом распадается не только оболочка, политическая форма народа. Распадается сам народ как *материя* государства.

Но как же это возможно? Не говоря уже о том, что само ослабление верховной власти, допускающей такое развитие, надо как-то объяснить (Гоббс это делает, конечно), главный вопрос все равно остается: вот эта явная, разгорающаяся в государстве война, имеет ли она вид сражения (ряда сражений) или речь идет о готовности к боевым действиям? Если первое, тогда в точном смысле сначала войны еще нет, есть только битвы, происходящие вопреки склонности к миру, но не уничтожающие сам мир. Если же второе, то склонность к войне, собственно, та самая война, которую Гоббс сравнил с дурной погодой, дала о себе знать, усилившись настолько, что не замечать ее уже невозможно. Но эта склонность не появилась *только* с ослаблением мощи суверена, она всегда уже была в наличии, она разразилась битвами, как грозовая туча молниями, однако и тучи уже были здесь прежде. Здесь всегда была война, удерживаемая силой суверена и верой граждан в то, что за ним не только сила, но и высшее право.

Для нашего современника Джорджо Агамбена «проблема Гоббса» решается следующим образом. Он усматривает войну в тех конструкциях политического единства, которые традиционно считались образцами гражданского мира. Важнейшим источником стала для него книга Николь Лоро «Разделенный город»³, в которой доказывается, что память о гражданской войне, скрытое, но напряженное противостояние ойкоса (домохо-

зайства) и полиса — неотъемлемая составляющая устройства Афин, античного образца политического единства. Именно в полисе, по словам Аристотеля, обитает *политическое животное* — человек.

Два мыслителя ставили под сомнение рассуждения Аристотеля самым радикальным образом. Томас Гоббс в начале трактата «О гражданине» заявляет, что Аристотель ошибался. Человек — во все не социальное животное⁴, все свидетельствует о том, что он боится других людей и не доверяет им, нуждается в верховной власти, гарантирующей безопасность и соблюдение договоров. Ханна Арендт в известном философском труде «Удел человеческий»⁵ утверждала, что «*dzoon politikon*» — вовсе не «*animal sociale*». Социальное и политическое — не одно и то же. Социальное основано на потребности людей друг в друге, какую можно в некотором роде встретить и у животных. Но политической жизнью живет тот, кто в битвах отстаивал свою свободу. Полис — место политической свободы, а полисное гражданство предполагает не только пространство непринужденного обсуждения совместных дел, но и освобождение от экономики-ойкоса, необходимого для воспроизводства самой жизни, но становящегося помехой свободному деянию. Получалось, что занятие политикой — не «завершение, в котором сказывается природа [человека]», как это представлялось Аристотелю. Гораздо ближе к такому пониманию — героические люди Гоббса, воинственные и желающие славы и власти. Они куда больше похожи на гомеровских героев, чем на робких участников либерального порядка и экономического обмена, какими их традиционно представляют, а полис для них — место свободного разговора и посмертной славы, а не укрытия от опасностей и сохранения жизни. Политический народ представляется Арендт в постоянном бурлении, но это не воинственный, не чреватый кровопролитием спор. «Гоббсовским людям» в ее понимании нечего делать в государстве самого Гоббса.

Агамбен полемизирует с текстами Арендт. Иногда он прямо объявляет об этом, иногда позволяет нам догадаться о своем несогласии с ней. Догадываться приходится и в том случае, когда

он фокусирует внимание на парадоксальном существовании народа в концепции Гоббса. Пока идет война всех против всех, подчеркивает Агамбен, государства, по Гоббсу, нет, есть множество (*multitudo*), и оно разъединено. Потом заключается соглашение между людьми, появляется народ, и власть от народа тут же переходит к суверену. Но если народ проявил себя как единство, то почему он не может проявить себя снова и снова, передавая полученные таким образом полномочия другому суверену? Именно эта идея станет ключевой во взрывоопасных трактовках учредительной власти, особенно во времена Французской революции. Но Гоббс, как я думаю, сознавая все опасности, старался обезвредить ту мину, которую сам же и заложил в конструкцию новоевропейского государства. Гоббс в «Левиафане» исследует в главе 16 процедуру *авторизации* и толкует ее так: полномочия, переданные доверенному лицу, доверитель при особом рода безотзывном поручении не может снова передавать другому доверенному лицу, потому что утратил это полномочие навсегда. Такова действительно была трактовка формулы римского права, которой пользовались деловые люди и юристы во времена Гоббса. Он сообразил представить таким доверителем обретший единство народ. Но какой бы остроумной ни была эта идея, всех проблем такая конструкция не решала.

Агамбен цитирует трактат Гоббса «О гражданине», где находит формулу «*multitudo dissoluta*» — «растворившееся», как принято переводить, или, может быть, лучше «*разошедшееся*» или «*распутившееся*» множество. Множеств, таким образом, два, а не одно. Первое теоретически предшествует образованию государства, а во второе трансформируется отдавший свои полномочия суверену народ. «Круг «разобщенное множество» — народ/король — «растворившееся множество» в одной точке разрывается, и попытка вернуться к изначальному положению совпадает с гражданской войной»⁶. Как это понимать? У народа не очень-то получается остаться народом, но игра «разъединенного» и «распутенного» множеств малопродуктивна для теории. Гражданская война, говорит Агамбен, получается у Гоббса из-за того, что распу-

стившееся множество не только не является цельным народом, политическим телом, но и опознает в этой несвязности то, что как бы предшествовало его образованию, то есть, оставаясь словно бы еще народом, уже находится накануне войны всех против всех. Заметим, однако, в этой связи другое. Если бы народ не только состоялся как единство, но и оставался единством, ему не понадобился бы (сразу или с течением времени) стоящий выше него суверен. Между тем, Гоббс, обосновывая необходимость верховной власти, обращается к повседневному опыту своих читателей и замечает, что это именно опыт взаимной враждебности: в домах мы закрываем двери, отправляясь в путь, берем охрану. Это именно то место в начале трактата «О гражданине», где он критикует Аристотеля. Гоббс, напомню, хочет доказать, что Аристотель глубоко заблуждался: человек по природе не социален, иначе бы он не боялся сограждан, а для ведения бизнеса не были бы нужны юридические и силовые гарантии верховной власти.

Преодоление этой сложности классиками европейской политической философии хорошо известно. Напомню лишь об одном из них, поскольку это окажется важным дальше. Спиноза добавил к готовности граждан повиноваться их готовность к взаимной поддержке⁷. Его соображения в наши дни могут показаться отчасти тривиальным, однако за ними стоит не только иная философия человека, но и совершенно иная политическая интуиция, чем у Гоббса. Спиноза высоко ставил повиновение властям, но мощь народа, точнее, множества⁸, как он доказывает, выше в тех случаях, когда есть сотрудничество, поддержка друг друга, а кроме того, конечно, — повиновение верховным властям. Множество, таким образом, не растворяется, но сохраняется в своей полной дееспособности. На место исключительной вражды приходит комбинация эгоистической враждебности и солидарности, причем последняя преобладает и не противоречит обязанностям подчинения.

Огрубленно представляя позиции Гоббса и Спинозы, мы сразу видим схему основного противоречия в подходах к социальной жизни. За самыми разными концепциями, если присмотреться,

обнаружатся изначальные интуиции: либо интуиция множества, отдавшего полноту власти суверену и поплатившегося за внешние гарантии права и порядка не утихающей внутренней враждой (даже если она имеет вид мирной, экономической конкуренции), либо же интуиция солидарного народа, мощь которого тем больше, чем сильнее спаяны между собой граждане (дружбой ли, как считал Аристотель, или позитивными аффектами взаимной приязни и разумным пониманием благодетельности взаимной поддержки, о чем писал Спиноза). Можно было бы также сказать, что у Спинозы речь идет о преодоленной, а у Гоббса — о только приостановленной гражданской войне. Повторю: речь идет о теоретических интуициях. Спиноза, подобно своему старшему современнику Гоббсу, был свидетелем очень тяжелых, кровавых, опасных также и для него лично, противостояний. Однако ни тот, ни другой в точном смысле не обобщали свой опыт, они конструировали рамки возможного опыта, и мы сегодня можем пользоваться их достижениями так же, как пользуемся другими научными инструментами, созданными века назад.

III.

Войны *между народами* — совсем не то же самое, что войны между государями и подначальными им войсками. «Англия воюет с Францией» может означать, что угодно, и смысл такого высказывания может меняться не то что от века к веку или от десятилетия к десятилетию, но на протяжении куда более краткого срока, когда то, что задумывалось как столкновение войск, оказывается битвой между народами. Впрочем, лучше обойдемся без «Англий» и «Франций», как и без других исторически значимых имен. Вообразим себе самым абстрактным образом два противоположных случая: в первом из них держава X, войско которой состоит сплошь из солдат регулярной армии, терпит сокрушительное поражение от (такой же) державы Y, войска которой вступают в пределы державы X, предполагая, что сражаться там уже не с кем, потому что войско разбежалось, а прочие граждане

не вооружены и не воинственны. Однако войска Y сталкиваются с достаточно широким и единодушным сопротивлением местных, с партизанской, народной войной, которая длится, невзирая на поражения повстанцев. Представим себе теперь другую ситуацию. Держава X не просто весьма воинственная, то есть войны, которые она сама же и начинает, встречают широкое одобрение населения, но и армия ее в точном смысле слова народная, граждане рвутся в бой и охотно пополняют ряды бойцов. Однако же и такая армия может быть разбита. И вот, ввиду ли поражения или в силу иных неурядиц, падает не только боевой дух войска, но и солидарная готовность граждан сражаться. Подобно тому, как пускается в бегство и теряет боевой строй армия, рассыпается и гражданский строй еще недавно крепкого государства. Если в первом случае регулярные войска не могут справиться с солидарным народом и завершить войну, то во втором случае рассыпается, потеряв боевой дух, сам народ.

Как и при всяком конструировании идеальных типов, такие рассуждения содержат слишком много натяжек. Предположительно, ценность их могла бы состоять в том, чтобы соединить эти идеальные типы с тем, что мы получили, рассуждая выше о философской классике. И здесь есть действительно несколько довольно тонких моментов, которые подлежат дальнейшему рассмотрению. Прежде всего, не только понятийный аппарат социальных наук, но и весь наш повседневный опыт сопротивляется такому представлению: с одной стороны — политическая мощь, бюрократический и военный аппарат государства, с другой стороны — множество граждан, в лучшем случае представляющих как «народ», не дифференцированное единство. Ведь с самого начала мы говорили о двух источниках мощи государства, куда же делась солидарность т.е. все, что на ней основано? Мы-то знаем, что есть семьи и соседи, коллеги и земляки, члены клубов и кланов, болельщики, профсоюзы и участники разных групп в социальных сетях. Наконец — хотя это не всеми признается — есть сердцевина гражданской солидарности, то, что Парсонс называл интегративной системой или социальным сообществом. Куда это все подевалось, как по-

лучается, что вместо всей этой пестрой жизни остается такой схематический набросок?

Это действительно важный вопрос, и ответ на него может быть двоякий. Не только упомянутые Гоббс и Спиноза, но и многие политические философы того времени столкнулись с удивительным феноменом новоевропейского суверенного государства, которое буквально железным катком прокатывалось по многовековому устройству стран и народов. С одной стороны, суверенитет не оставлял места *своеправным*, как любил называть их Спиноза, образованиям, все «системы» в государстве (в терминологии Гоббса) только от государства и получали право на существование и могли быть им же признаны незаконными и запрещены. Такому государству соответствовал в теории разделенный не на семьи и корпорации, но на отдельных индивидов «народ», представляющий не как единство, а именно как множество. Да и кто из нас и по сей день не ощущает временами одиночество перед лицом бюрократической машины? С другой же стороны, и это, пожалуй, важнее, то особое состояние, которое мы исследуем, состояние войны, означает буквальное уничтожение многих признаков мирной жизни, и как раз войны, а наряду с ними, конечно, и революции, часто влекут за собой распад многих прочных связей, экзистенциальное противостояние (смертельные битвы, в которых мирные дела, мирные связи с другими людьми становятся менее важными). И уже на этой основе создание новых общностей, вроде фронтового товарищества, ветеранских организаций и т.п. предстают как пересоздание специфической социальности в антисоциальном формате войны. Война на поле боя продолжается в мирной жизни, она дает о себе знать как враждебность между людьми мирного места и мирного времени, война буквально не может кончиться для тех, кто воевал. Об этом много написано.

Конечно, даже и так понимаемое атомизированное множество не является универсальным понятием, и его не стоит принимать за точную и полную картину самой реальности. Но работа с этим понятием не является бессмысленной и может еще принести результаты. Вот один из них. Идеаль-

ные типы двух держав, сконструированные выше, предполагают два важных параметра: время и солидарность. Второе зависит от первого. В одном случае *со временем* обнаруживается, что солидарность есть там, где ее не ждали найти, а во втором, — что со временем солидарность размывается и, тем самым, растворяется сам народ. Речь в этом последнем случае идет не о том, что оккупация или военное поражение как таковое означают физическое истребление. Исчезает именно солидарность, связь или, как еще иногда говорят, идентичность. Чем это может обернуться, нам и предстоит сейчас посмотреть.

IV.

У Карла Шмитта в книге о «Левиафане» Гоббса⁹ одна из глав называется «Суверенное представительное лицо гибнет от разрыва между внутренним и внешним». На первый взгляд здесь все просто. Гоббс понимал, что контролировать мысли и чувства подданных суверен не может, но может контролировать их внешнее поведение. В устройство государства вводится различие между убеждением и лояльностью, верой и публичным исповеданием веры. Так устроено и современное государство, то есть не любое нынешнее государство, а именно государство модерна, принципы устройства которого формировались в Европе в Новое время. Здесь Шмитт не упускает шанса бросить камень в Спинозу: Гоббс, говорит он, хотел остаться в рамках веры своего народа, тогда как Спиноза, еврей и либерал, смотрит на все со стороны, для него все равно, какая вера и по отношению к чему проявляется лояльность, потому что речь идет лишь о внешней стороне дела. А вслед за Спинозой, продолжает Шмитт, либерализм развился еще более губительным образом: «Кто вообще допускает противоположность внутреннего и внешнего, тот тем самым уже признаёт полное превосходство внутреннего над внешним, невидимого над видимым, негласного над гласным, потустороннего над посюсторонним»¹⁰. Однако Шмитт здесь, с одной стороны, проявил ге-

ниальную интуицию, а с другой стороны, слишком увлекся и сам роковым образом промахнулся. Гениальность его именно в постоянном акцентировании различия между внутренним и внешним, той роли, которую оно сыграло в судьбах современного государства. А недостаток или даже провал заключаются в том, что Шмитт различие внутреннего и внешнего усматривает лишь в том, говорим ли мы о «внутреннем мире» в противоположность «внешним действиям», но не обращает внимание на другое различие, обязанное своим существованием территориальным границам государства¹¹. В самом деле, сколько бы мы ни говорили о внутренних чувствах, вряд ли кто-то решится сказать, что *внутри* они находятся в том же точно смысле, что и скрытые кожным покровом органы человека. Сердце как орган — внутри. А вот сердечная привязанность, сердечные муки... Где они? Это сложный философский вопрос, и недаром, как говорят, знаменитый американский социолог Г. Гарфинкель ядовито замечал, что, если вскрыть черепную коробку человека, там обнаружатся не мысли, а в лучшем случае мозги. Но если не вдаваться в философские сложности, все равно, помимо того, что «человек — это сосуд, внутри которого есть мир мыслей и чувств», надо еще вспомнить, что государство в его территориальных границах в точном смысле представляет область отграничения внутреннего от внешнего. Именно крупные тела, каковы люди и вещи, находятся внутри государства или вне его, под властью суверена или вне ее. Государство не может добраться до «внутреннего человека», не может взять его под контроль. Вот эта внутренняя жизнь не всегда была свободной. Католик был обязан регулярно исповедоваться, он узнавал от единой церкви что правильно и что неправильно, и признавал внешнюю инстанцию контроля внутреннего, зримую церковь вместе с мистическим единством незримой. Католик Шмитт был к этому чувствителен и противопоставлял такой взгляд протестантскому либерализму. Изолированный и недоступный внутренний мир, множество инстанций духовного авторитета — это дело Реформации. В XX веке и позже вся задача тотальной пропаганды исходит именно из это-

го: вернуть контроль над внутренним, не оставить во внутреннем мире пространства для внутреннего как недоступного извне.

Мирное существование возможно внутри государства. Войны остаются вне государства, для этого оно и образовано. Тот, кто проявляет нелояльность государству, не подчиняется его законам, фактически выходит из договора. При этом он теряет гражданские права, вступает в войну с государством, становясь его врагом, — говорит Гоббс. Он может убежать, то есть оказаться вне государства. Только речь уже не о бегстве в свой внутренний мир, недоступным внешнему воздействию. Территория, в отличие от внутреннего мира, — это не метафора. Человек может чувствовать отчуждение от государства или не чувствовать его, но территориально он за границей, то есть не под властью своего бывшего суверена. В общем, здесь нужно присматриваться. Есть, как говорят, внутренняя эмиграция, а есть бегство за пределы страны; есть попытки выступить против суверенной власти на ее же территории, а есть участие во внешней войне, будь то посредством заговоров или в составе чужого регулярного войска. История полна таких примеров.

И здесь внезапно два понимания различия внешнего и внутреннего сходятся. Проговорим это еще раз.

Тот, кто внутренне пришел к некоторому убеждению, может также решить, что его поведение внешне должно соответствовать не внешним требованиям государства, но именно этим внутренним убеждениям. Внутреннее внешним принуждениям не подконтрольно. Тот, кто физически находится *внутри* государства, может в силу *внутренних* убеждений и по своим *внешним* действиям оказаться врагом государства. Но по умолчанию внутри государства нет врагов, потому что внутри государства мир, а все враги — вне его, за границей. Расторгая договор, становясь врагом, человек объявляет государству войну и гибнет, потому что против мощи государства у него нет сил и шансов победить. Поэтому исключения из общей лояльности (при нормальном течении дел, вне революций) редки, но не невозможны. Итак, *внутренний* мир

перестает быть только внутренним, убеждения становятся действием и обнаруживают себя во *внешнем* мире как присутствие *внешнего*, враждебного государству мира, в собственных *внутренних* пределах государства, то есть там, где оно, говоря словами Гоббса, дает защиту в обмен на повиновение. Но Гоббса здесь надо прочитать особенно внимательно, чтобы отдать должное его пронительности.

Когда мы говорим о гражданской войне, мы отнюдь не представляем себе полный распад социальных связей. Скорее нам представляются партии, движения, наконец, отдельные территории, которые противопоставляют себя целому или соревнуются в борьбе за целое, желая утвердить свое господство или преобладание в тех же границах. И сам Гоббс в свое время, и Шмитт через триста лет после него неоднократно настаивали на том, что огромную опасность для государства представляют претендующие на самостоятельность образования *внутри* него, будь то университеты, церкви и секты, или какие-то политические движения. Но как же они возникают, как сплываются, превращаясь в опасные для государства институты? Очевидно, что их члены имеют общие убеждения, их единодушные может быть основой представительства (когда глава корпорации говорит и действует за всех ее участников), но здесь нет никакого суверенитета, а раз так, то они могут вступить и в борьбу между собой, и в войну с государством. Именно так могли бы повести себя, между прочим, готовые солидаризироваться «люди Спинозы», в отличие от «людей Гоббса». В чем же пронительность именно Гоббса?

В том, что он видит опасную игру внешнего и внутреннего в состоянии войны. Война между государствами, как мы видели, это вызов не только лояльности, но и солидарности граждан. Стремление расшатать солидарность противника не только на фронте, но и в тылу — важнейшая часть военно-политической стратегии. В случае военного поражения своей страны «люди Гоббса» могли бы, скорее всего, только сменить лояльность, неважно, в виду ли оккупации или плена: ведь основная структура подчинения в обмен на безопасность

и правовые гарантии сохраняется. Иначе пленный, как и раб, не ставший гражданином, останется фактически в состоянии войны, говорит Гоббс. Он знает, что лишен прав и гарантий, а значит, связан лишь страхом и памятью о поражении, но не договором, не чувством обязанности. «Люди Спинозы» не столь гибки, как это пытался представить Шмитт, они, как покажет впоследствии доведший до предела его логику Руссо, движимы всеобщей волей, которую считают не внешним принуждением, а своим собственным *внутренним* побуждением. Но ни Спиноза, ни Руссо не могут толком объяснить, что же случится, если солидарность прекратится, если общее, хотя бы от страха перед внешним противником, исчезнет. Зато это хорошо понимает Гоббс.

Государству, которое не смогло создать для своих подданных достаточно убедительных мотивов, угрожает игра внутреннего и внешнего, обостряющаяся во времена военных конфликтов. Внешняя перспектива перемены лояльности наряду с внутренней перспективой выработки сильных убеждений, приводит к тому, что не просто государство как гарант безопасности оказывается под угрозой, но и вообще мир как таковой. Напомню, что с самого начала речь шла о проблеме, которую легко усмотреть в основополагающей конструкции государства у Гоббса: война всегда уже здесь, она может вырасти из общей взаимной враждебности, из перемены ситуации, в которой уже не продолжительный мир прерывается отдельными стычками, но постоянно возобновляемые сражения прерываются перемириями. Возможно, здесь следовало бы еще кое-что уточнить.

Одно уточнение касается «людей Спинозы». В сущности, именно из них (со всеми необходимыми теоретическими и историческими оговорками) состоит современное демократическое государство, именно они опознают в его действиях свою коллективную силу. Именно от них Руссо ожидал того, чего никак не ждал от своих людей Гоббс: готовности умереть за отечество, то есть республиканской добродетели, незнакомой и не нужной государствам с отделенными от народа армиями. Впрочем, устойчивость этой конструкции не всегда велика. Мож-

но предположить, что эти граждане не так легко откажутся от верности своему государству, но зато, при крайне неблагоприятных для него обстоятельствах, скорее вступят в партии или иные воинственные корпорации, ведущие войны. «Люди Гоббса» более склонны к индивидуальному, а не к коллективному противостоянию, правда, они легче меняют лояльность. Но и для «людей Гоббса», и для «людей Спинозы» не проходят безразлично войны, которые ведет государство. По идее войны комбатантов должны были бы представлять меньшую угрозу, если бы не крайняя уязвимость всей конструкции «Левиафана», страшного лишь для своих подданных, но не для соседних государств. Однако в продолжительных войнах любое войско может оказаться концентратором уязвимостей. Войны государств означают риск прорыва внешнего во внутреннее. Недавно еще мирные земли перестают быть безопасными для жителей, собственная армия приносит с войны не только опыт побед, но и опыт поражений, а государство-соперник устраивает диверсии и поощряет заговоры и питающее их недовольство. Внешняя война как бы всасывается во внутренний порядок и, если не вдохновляет, не служит мобилизации, то подтачивает государство, разрушает его, передает ему свою природу. Ткань социальности не трещит по швам, а буквально истлевает.

Таким образом проявляется не столько действие внешних войн как таковых, сколько дефект самой конструкции. Тривиальное соображение, что один только страх не может быть основой государства, не стоило бы такого обсуждения. Но конструкции политических философов Нового времени основаны не на страхе, а на сложной комбинации страха с расчетом и доверием суверенной власти как гаранту мира и права. Государство Гоббса более ориентировано на концентрацию ресурсов. У Спинозы более явственна ставка на мобилизацию. Но при всех различиях и даже противоположностях это — одна и та же конструкция. Именно эта конструкция осыпается опять-таки не под действием внешних сил, но в результате сложной игры двух динамик: внутреннего самосознания и внешних конфликтов. Не гражданская война в смысле

битвы сторон, но именно всеобщая война на месте всеобщего мира, война в виде далеко заходящего взаимного отчуждения, исчезновения альтруизма, эмпатии, готовности вступить в долговременные обязывающие союзы, не появляется ниоткуда. Она, повторю, всегда уже здесь, и, опознавая ее несомненные признаки, можно стараться хотя бы отдалить еще большее ее приближение.

К таким признакам следует, видимо, отнести не просто нарастающую, фиксируемую даже таким сравнительно грубым социологическим инструментом, как массовый опрос, атомизацию общества, взаимное отчуждение людей, распад ранее устойчивых связей, будь то семейные и родственные, профессиональные или дружеские. К ним же относится и нарастание недоверия к институтам политического представительства, поиск путей индивидуального спасения или альтернативных шансов сплочения и взаимопомощи для немногих. Это условие, среда войны, но еще не сама война. Важнейшим же показателем можно считать рост склонности к насилию, вспышки насилия там, где мог бы гражданский спор, демонстративное пренебрежение к милосердию и раскаянию и вообще отказ от априорного признания любого человека одновременно неприкосновенным и морально авторитетным существом. Говоря проще и короче, это состояние — то, что некогда Эмиль Дюркгейм назвал аномией. Признаком войны она становится тогда, когда ее «внутреннее» (потеря моральных ориентиров) выходит наружу и демонстративно предъявляется как новый стандарт адекватности.

Примечания

- 1 Боббитт Ф. Щит Ахилла: Война, мир и ход истории. Том I. М.: Individuum, 2021. Электронная версия.
- 2 Английское слово «covenant», которое Гоббс использовал, чтобы обозначить соглашение о создании политического единства, восходит к латинскому «coīge» — «сходиться».
- 3 Лоро Н. Разделенный город: забвение в памяти Афин/ Перевод С. Ермакова. М.: НЛО, 2021.
- 4 Гоббс превосходно знал греческий, но трактат написан на латыни, и терминология в нем — принятая терминология переводов Аристотеля на латинский. О разнице между политическим и социальным см. ниже, в связи с Ханной Арендт.
- 5 Книга была написана сначала по-английски и в США называлась «Human Condition». Арендт сама перевела ее на немецкий. В русском переводе использовано название немецкой версии: Арендт Х. Vita activa, или о деятельности / Перевод с немецкого и английской В. В. Библина. СПб.: Алетейя, 2000.
- 6 Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма / Перевод С. Ермакова. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 61.
- 7 И вернулся в «Политическом трактате» к формуле «человек — животное социальное». Без взаимопомощи люди едва ли могли бы «поддерживать жизнь и совершенствовать свой дух». А вот совместно они могли бы овладеть землями, обрабатывать их и отражать неприятеля.
- 8 Укажу на всякий случай, что в русских переводах Спинозы «народом» часто называется «multitudo», множество, отчего понятные его современникам переключки и полемика с Гоббсом, могут ускользнуть от нашего внимания.
- 9 См.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Пер. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006.
- 10 Там же. С. 203.
- 11 Много позже, в одной из дневниковых записей Шмитт будет цитировать Тацита и упоминать о том, как войны внешние смешались с внутренними, гражданскими. Но это — отдельное и слишком сжатое рассуждение. См.: Шмитт К. Глоссарий // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 77. https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/09/1211383208/9_1_6.pdf.

© Текст: А. Ф. Филиппов

© Графика: К. Батынгов. «БЕЗ НАЗВАНИЯ», 2013

ЖИЗНЬ ПОД САНКЦИЯМИ КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ

24 февраля 2022 россияне проснулись в другой реальности. Да и весь мир уже не будет прежним. Развивавшаяся последние три десятилетия (пусть с издержками и отступлениями) интеграция России в мировое сообщество рухнула за несколько дней. А ведь был пройден гигантский путь от конфронтации к сотрудничеству, к налаживанию гуманитарных контактов, к участию российской экономики в международном разделении труда. Иностраный бизнес пришел в Россию, а российские предприниматели стали частью мирового бизнес-сообщества. Российская молодежь успешно училась в западных университетах. Когда во время своего первого срока президент Путин говорил о возможности вступления России в НАТО, это не выглядело фантастично.

«СПЕЦОПЕРАЦИЯ»

Во имя идеи объединения и расширения «русского мира» внезапно была начата масштабная «специальная военная операция» в соседнем независимом государстве с братским народом. Вторжение мотивировалось необходимостью («нам не оставили выхода») «денацификации и демилитаризации» Украины. Устами верного вассала российской власти Лукашенко была выдвинута нелепая версия о планах нападения Украины на Россию и Беларусь.

В отличие от ситуации вооруженного конфликта с Грузией, когда Запад лишь пожурил российскую власть, и от сравнительно мягких санкций за присоединение Крыма, на этот раз реакция Запада была быстрой и жесткой. Отмечу, что вялость реакции мирового сообщества на внешнюю политику России в предыдущие годы, видимо, сыграла с российским руководством плохую шутку. Предполагаю, что и на этот раз от Запада ждали преимущественно «вербального осуждения». Российские стратеги явно рассчитывали, что цели спецоперации в виде захвата территорий и крупных городов восточной, южной и центральной Украины, включая Киев, со свержением нынешнего украинского режима и заменой его на про-российский будут достигнуты в течение нескольких дней. Жизнь оказалась богаче. К моменту написания этой статьи вооруженное противостояние длится уже 4 месяца, и конца его пока не видно. Оно уже принесло десятки тысяч жертв с обеих сторон и миллионы искалеченных судеб. Составившие украинскую власть «наркоманы и нацисты», как именовала руководство Украины российская пропаганда, сумело организовать сопротивление вооруженных сил и большей части народа страны «лучшей армии мира». Начавшиеся в какой-то момент переговоры быстро зашли в тупик. Руководство обеих стран явно решило вести военные действия «до победного конца». Каким он будет, пока представить сложно, но что будут гигантские новые жертвы и гуманитарная катастрофа — уже очевидно.

ЖИЗНЬ ПОД САНКЦИЯМИ

Реакция Запада на украинские события была быстрой и идет по нарастающей. Так, страны ЕС недавно приняли уже 6-й пакет антироссийских санкций и рассматривают вариант их расширения.

Кратко напомним лишь некоторые элементы западных санкций, дающие представление об их жесткости:

- запрет на экспорт в Россию 50% высокотехнологичной продукции;
- замораживание российских финансовых активов в западных банках;
- отключение ведущих российских банков от международной информационной системы «Свифт»;
- запрет на размещение российских ценных бумаг на западных рынках;
- поэтапное введение «нефтяного эмбарго» — запрета на импорт российской нефти и нефтепродуктов;
- отказ от ввода в эксплуатацию газопровода «Северный поток-2» и поэтапный отказ от импорта российского газа;
- запрет на заходы российских кораблей в европейские порты и их страхования;
- блокировка операций Национального расчетного депозитария, разрушившая систему транзакций с российскими валютными ценными бумагами;
- арест активов российских предпринимателей за рубежом и ограничения на пользования россиянами счетами в иностранных банках и кредитными карточками международных платежных систем;
- персональные санкции против ведущих российских государственных деятелей и бизнесменов.

И это далеко не полный перечень ограничений. Вне санкций, но под политическим давлением, сотни западных компаний, включая многие ведущие мировые бренды, прекратили свою деятельность в России. И если заменить «Макдональдс» можно с небольшими потерями, то быстро

заменить поезда и турбины «Сименс» или автобусы «Фольксваген» быстро и эффективно невозможно.

Стратегически наиболее опасными для экономики мне представляются санкции на поставку в Россию высокотехнологичного оборудования и изделий и эмбарго на экспорт российских углеводородов.

За последние десятилетия Россия стала полноправным участником глобальной экономики и мирового разделения труда со всеми их плюсами и минусами. Даже экономика СССР, изначально строившаяся как замкнутая и самодостаточная, не могла обходиться без импорта — от микроэлектроники до зерна. Да, у советской экономики ценой гигантского напряжения и концентрации ресурсов были технологические прорывы, например, первый спутник и космонавт были советскими. Водородную бомбу также смогли создать советские ученые и конструкторы. Однако, по многим секторам, особенно связанным с потребительскими товарами, отставание от лучших мировых практик было гигантским. Напомню лишь, что производство туалетной бумаги было начато в СССР в самом конце 60-х, а лучший советский автомобиль «Жигули» более 20 лет был лишь переделкой модели итальянского «Фиат-124» начала 60-х.

С советских времен ситуация с точки зрения самодостаточности лишь ухудшилась, хотя, например, по зерну Россия из крупного импортера превратилась в ведущего мирового экспортера. По многим секторам зависимость от импорта является критической. Так, 94% лекарственных субстанций импортируется. Россия вообще не выпускает более многие виды станков. Зависимость от импорта по станкам для обработки пластмасс, резины, бумаги, камня и ряду других превышает 80%. Последний пассажирский дальнемагистральный самолет (еще модернизированной советской конструкции) был выпущен в 2011 году. В условиях отказа западных компаний от поставок запчастей и технического обслуживания западных авиалайнеров, составляющих значительную часть российского авиапарка, это ставит под угро-

зу возможность безопасно обеспечивать дальнейшие перелеты, что при российской территории имеет критическое значение. Если во Владивосток еще можно доехать на поезде, то на Чукотку придется добираться только на оленях или снегоходах. Износ оборудования даже в АПК, который в последние годы активно развивался, составляет 59%, а зависимость от импорта по большинству видов оборудования превышает 80%.

Этот скорбный список примеров можно продолжать долго. В целом по обрабатывающей промышленности доля импортных комплектующих около 46%, хотя в разных секторах положение различается. Доля иностранной добавленной стоимости (грубо — доля импортных комплектующих) в некоторых ключевых и чувствительных для населения отраслях превышает 50%. Это, например, товары текстильной промышленности (74,8%), фармацевтики (53%), электрооборудование (57,6%), автомобили (56,3%), компьютеры (68,9%).

Эти средние цифры не полностью отражают проблему, т.к. есть так называемый критический импорт, который мы быстро заменить не сможем. Хороший пример замечательного международного проекта производственной кооперации — самолет «Сухой-суперджет». У него западные (французские) двигатели и авионика. Если сейчас их перестанут поставлять, то самолет просто не полетит независимо от формальной доли импортных комплектующих.

Наиболее сложная ситуация с современными высокими технологиями. По оценкам ВШЭ (многие эксперты считают их сильно заниженными), 30% всех современных технологий, которые используются в России, импортные.

Про увеличение выпуска инновационной продукции с высоких трибун говорят не первый год. На практике в 2015-2019 гг., т.е. еще до пандемического и нынешнего кризиса, ее объем в реальном измерении (в постоянных ценах) снизился — с 2172 млрд руб. до 2024 млрд руб. в год. Доля инновационных товаров и услуг в российской продукции (по весьма спорной методике оценки Росстата) составляет 6,1% против 27,9% в Испании,

27,3% в Великобритании, 19% в Германии, 18% в Австрии. Более того, за 2015-2019 этот показатель упал на 1,8 процентного пункта или на треть.

Мнение, что с поставками высокотехнологичного оборудования и потребительских товаров нас выручит Китай, с моей точки зрения, является иллюзией по двум причинам. Во-первых, Китай не является мировым лидером по разработке современных технологий. Скорее это мировая мастерская по выпуску техники, сконструированной в других странах. В наибольшей степени по импорту оборудования, автомобилей и комплектующих к ним, лекарств и по ряду других позиций Россия зависит от США и ЕС. Во-вторых, поставки даже тех видов техники, которые импортируются из Китая, не гарантированы на будущее.

Китай, безусловно, заинтересован в российском рынке, в первую очередь для сбыта той продукции, которая не находит широкого применения на Западе, например, китайские автомобили, которые, конечно, пока по техническому уровню отличаются от европейских и от американских. Ключевую роль будет играть отношение Китая к рискам, связанным с так называемыми вторичными санкциями. Понятно, что для Китая рынок США и рынок Европы намного важнее, чем российский. Например, iPhone изобрели в США, а выпускают их преимущественно в Китае. Если компания Apple запретит поставлять iPhone и другие свои гаджеты в Россию, то Китай рискует нарваться на эти самые вторичные санкции. Понятно, что американский рынок тех же айфонов для него многократно более значим, чем российский. Соответственно, нам в таком случае придется с айфонов переходить на Xiaomi или еще на нечто малоизвестное. Этот пример наглядно иллюстрирует риски, которые есть даже в том случае, если мы будем пытаться переключиться на китайское оборудование или китайские товары длительного пользования.

Вопреки пропагандистским лозунгам о стратегическом партнерстве Китай, хотя формально не присоединился к санкциям, ведет себя крайне осторожно. Крупные нефтяные компании по рекомендации МИД КНР остановили инве-

стиции в российские проекты. IT-гиганты резко снизили поставки своей продукции, в частности, ноутбуков — на 40%, смартфонов — на 66% и телеком-оборудования — на 98% (!). «Нож в спину» готовятся бросить производители оборудования для сжижения газа и ряд других.

Быстрое импортозамещение в большинстве секторов крайне сложно. Оно потребует огромных инвестиций и длительного времени. Однако, в тех областях, где для структурной перестройки в свою очередь необходимо импортное оборудование, а еще и потеряны инженерно-конструкторские школы, импортозамещение в принципе невозможно в обозримые сроки. Выход ранее ввезенного оборудования из строя может существенно опередить создание отечественных аналогов, что будет означать остановку соответствующих производств. Мобилизация необходимых инвестиций в условиях заморозки госрезервов, резкого нарастания военных расходов, закрытия западных рынков капитала и ухода иностранных инвесторов сама по себе трудно решаемая задача.

Сейчас активно идут разговоры о мобилизационной экономике. Напомню, что СССР жил с ней десятилетиями, и результат известен. Да, можно сконцентрировать ресурсы и кадры на каком-то наборе отраслей и производств и попытаться добиться там прорыва. Однако, этот фронт не может быть широким и охватывать все направления, где велика зависимость от импорта. Отставание в не приоритетных областях будет нарастать. Наша власть понимает это и уже принимает вынужденно непростые и потенциально опасные решения. Так, постановлением правительства РФ российскому автомобилестроению разрешено вернуться к выпуску автомобилей класса E-0, т.е. с пониженными требованиями к экологичности и безопасности (например, без ABS, ETC и преднатяжителей ремней безопасности). А мэр Москвы Собянин недавно анонсировал возврат к выпуску автомобилей под брендом «Москвич». Старшее поколение россиян помнит это чудо автотехники.

Есть надежда на так называемый «параллельный импорт, который многие годы выручал СССР. Речь идет о ввозе запрещенных к поставкам

в Россию товаров обходными путями с использование «фирм-прокладок» и третьих стран. Российское правительство своим постановлением легализовало такой импорт, фактически отменив соблюдение прав интеллектуальной собственности и узаконив поставки в Россию товаров без согласия правообладателей на их разработку. Безусловно, и на Западе найдутся компании, готовые заработать на таких схемах. Во-первых, такой импорт будет заметно дороже (за риски участников схем придется платить). Во-вторых, он в любой момент может быть оспорен и прекращен. В-третьих, например, техобслуживание самолетов или поставку автомобильных комплектующих после ухода из России западных автоконцернов едва ли можно обеспечить через параллельный импорт.

КОНЕЦ «НЕФТЯНОГО ПРОКЛЯТИЯ»?

Второе болезненное направление санкций — отказ от российского газа и особенно нефтяное эмбарго, которое так мучительно долго и в острых дискуссиях вводил ЕС. Запрет на импорт в Европу российской нефти и нефтепродуктов имеет отсроченный и растянутый во времени характер. Пессимистические прогнозы ориентируются на то, что до конца 2022 года экспорт нефти сократится на 90%, а в начале 2023 прекратится экспорт нефтепродуктов. Напомню, что в целом экспорт нефти и нефтепродуктов в 2021 году давал \$180 млрд., экспорт газа (от которого Европа также начала отказываться) — \$64 млрд. Европа — крупнейший рынок для российской нефти. По данным ФТС, на страны ЕС приходится более половины российского экспорта нефти (в январе 2022 года — 2,29 млн из 4,2 млн баррелей в сутки (54,5%). Некоторые эксперты оценивают, что под эмбарго попадет даже 3 млн. баррелей нефти в сутки. В свою очередь, доля российской нефти в совокупном нефтяном импорте европейских стран достигает почти 40% (данные МЭА).

По данным МЭА, в январе 2022 года общая нефтедобыча (с конденсатом) в России состави-

ла 11,3 млн баррелей в сутки против 17,6 млн б/с в США и 12 млн б/с в Саудовской Аравии. По прогнозу Минэкономки РФ в итоге добыча нефти в России в 2022 году может упасть на 9,3–17%. Есть и более пессимистические прогнозы, оценивающие снижение нефтедобычи в России на 2–3 млн баррелей нефти в сутки, то есть на 20–30% к концу года.

Эксперты сильно расходятся во мнении относительно эффекта нефтяного эмбарго — оценки падения экспорта от 22 до 60 млрд. долл.

Развитие ситуации будет зависеть от мировых цен на нефть и разворота потоков в Азию. На этом пути есть серьезные логистические проблемы. Главный трубопровод в Китай — ВСТО — имеет только 0,3 млн. баррелей в сутки резервных мощностей. Еще около 0,2 млн. баррелей в сутки можно дополнительно поставлять по железной дороге. Итого 0,5 млн б/с — это лишь шестая часть выпадающего в результате эмбарго экспорта в Европу. Увеличение поставок морем будет критически зависеть от наличия танкеров, готовых перевозить российскую нефть в условиях санкций. Многие эксперты считают, что азиатский рынок сможет принять от России только 1 млн б/с из выпадающих в связи с эмбарго ЕС 3 млн б/с.

Цены пока держатся на вполне комфортных для России высоких уровнях — около \$120 за баррель, но российская нефть Urals продается с беспрецедентными санкционными скидками по сравнению с эталонной Brent. И по мере удлинения сроков военных действий размер скидок растет. В апреле-середине мая дисконт Urals к Brent составлял около 32%. Плюс к понижательной динамике нефтяных цен может привести неожиданное решение ОПЕК в 1,5 раза нарастить добычу.

Отдельной проблемой для России станет недоступность иностранных инвестиций и сложных технологий, например, для разработки трудноизвлекаемых запасов, что дополнительно скажется на спаде добычи.

В любом варианте разворот экспорта в Азию потребует времени и крупных инвестиций в инфраструктуру, что в среднесрочной перспекти-

ве грозит России уже резким падением добычи и снижением доходности экспорта.

Скачкообразный рост цен на нефть позволяет пока России получать рекордные нефтяные доходы несмотря на снижение физического объема экспорта из-за санкций. Решение ОПЕК ставит продолжение этой практики под большой вопрос. Соответственно, возникнут проблемы у российского бюджета. В 2021 году нефтегазовые налоги (80% приходится на нефть) давали 36% доходов бюджета, а за четыре месяца 2022-го их доля резко выросла — до 48% (см. ниже).

Отдельной проблемой является решение европейских стран отказаться от газа из России, усугубленное экзотическим предложением российской стороны в нарушение условий контрактов платить за газ рублями. Полный отказ от российского газа произойдет в течение нескольких лет, но этот тренд налицо. Крупнейший потребитель российских энергоресурсов Германия значительно сократила зависимость от поставок газа, нефти и угля из России с момента начала боевых действий в Украине. Министр экономики и проблем климата ФРГ Роберт Хабек сообщил, что доля импортируемой из России нефти снизилась с 35% до 25%, газа — с 55% до 40%, угля — с 50% до 25%. Полностью прекратить импорт газа планируется к 2024 году.

НЕКОТОРЫЕ САНКЦИИ ВЫЗЫВАЮТ БОЛЬШИЕ ВОПРОСЫ

Некоторые решения ЕС вызывают лишь недоумение и раздражение. В рамках 6-го пакета под санкции попал Национальный расчетный депозитарий (НРД). На практике это означает, что он не сможет обслуживать операции с валютными ценными бумагами российских клиентов. Де-факто выходящий европейский депозитарий Евроклир уже пару месяцев назад заморозил эти бумаги и не выплачивает по ним НРД причитающиеся его клиентам платежи (купоны и средства от погашения бумаг). Теперь эта акция по фактическому замораживанию чужой собственности получила юридическое обоснование. После этого рассказы

о приверженности ЕС европейским ценностям, одной из которых является «священное право частной собственности», становятся лукавством.

Подобным решением удар наносится в первую очередь не по приближенным к Кремлю «олигархам», а по представителям среднего класса, которые активно оперировали на международном фондовом рынке, часто сравнительно небольшими суммами. Если авторы этой санкционной идеи рассчитывают, что после ее реализации мелкие российские инвесторы пойдут брать штурмом Кремль, то они глубоко ошибаются. Инвесторы лишь с горечью подсчитают убытки и констатируют, что и в Европе принимаются жульнические решения.

Отмечу, что своим решением ЕС нанес удар и по западным держателям российских бумаг, сжигая последний мостик для расчетов по ним. Теперь дефолт становится неизбежным, т.к. инвесторы не смогут получить даже рубли. С учетом того, что суммарный российский внешний долг по ценным бумагам превышает 450 млрд. долл., это уже определенный удар по западным финансовым институтам.

УДАР ПО СРЕДНЕМУ КЛАССУ

Потери от блокировки НРД лишь один из примеров санкционного удара именно по среднему классу.

Как не раз было объявлено авторами решений, конечная цель санкций — резко ослабить экономические основы режима Путина, вызвать недовольство населения, что в конечном счете должно по замыслу авторов привести к отказу от агрессивной внешней политики. Не вызывает сомнения, что последние жесткие санкции нанесут сильный удар по российской экономике и, в конечном счете, по уровню жизни людей. Неизбежный скачок инфляции, сокращение рабочих мест, снижение доходов бюджета в результате вызванного санкциями экономического спада коснутся широких слоев населения. Однако ряд санкций де-факто направлен против и без того слабого российского среднего класса. Именно его представители

покупали приличные иномарки, ездили за рубеж и посылали туда учиться детей, смотрели Netflix, активно присутствовали в соцсетях, покупали товары в зарубежных интернет-магазинах, расплачивались через Apple pay и пользовались другими удобствами и благами глобализации экономики и интеграции России в мировую экономику. В результате санкций все эти возможности резко сокращаются, меняя уже привычный для многих тип потребления и даже образ жизни в целом.

Однако, именно средний класс в большинстве своем и так меньше других поддерживает нынешнюю внешнюю и внутреннюю политику руководства России и не относится к «ядерному электростату» партии власти. При этом ожидать от него активного публичного протеста (за исключением отдельных смельчаков) в условиях резкого нарастания политических репрессий сложно.

Надо честно признать, что значительная часть населения, особенно из бедных слоев, искренне поддерживает политику Путина. А под влиянием зомбирующей пропаганды и получения информации преимущественно из госСМИ винит и будет винить в ухудшении своего материального положения происки Байдена, НАТО и вообще коллективного Запада в ответ на «вставание России с колен».

Отдельная тема — санкции против условных «олигархов», которые у широкой публики вызывают скорее злорадное одобрение. Они реально теряют немало и в результате падения курсов акций их компаний, и в результате разрыва отношений с западными партнерами, а теперь еще и лично — в результате ареста счетов, вилл, яхт и других приятных предметов роскоши. От этой категории граждан если и можно ждать протеста, то исключительно кулуарного, в коридорах власти. Впрочем, он может оказаться эффективным.

РАЗРЫВ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Помимо экономических санкций произошел и разрыв долго выстраиваемых связей в гуманитарной сфере. Как правило, инициатива исходила от За-

пада, но в ряде случаев, например, при разрыве соглашения с США о сотрудничестве в культуре, образовании и гуманитарных науках это было решение российской стороны.

Россию исключили из Совета Европы, многих спортивных и культурных международных организаций. В результате выхода России из Совета Европы возможно возвращение к теме смертной казни. Тем более, что в прошлом году Валерий Зорькин высказался о смертной казни довольно двусмысленно, а сейчас ее приостановка базируется именно на решении Конституционного суда.

Российские граждане больше не могут получить защиту своих прав в Европейском суде по правам человека. Впрочем, его решения российская сторона перестала выполнять еще ранее, а поправки в Конституцию отменили приоритет международного права над российским.

Российские вузы исключили из Болонской системы образования. Это стало встречной инициативой обеих сторон. Россия официально присоединилась к этой программе в 2003 году (хотя ее элементы на практике внедрялись раньше) и несколько лет перестраивала систему образования под болонские стандарты. Теперь вузам, вероятно, предстоит обратный процесс — перевод образовательных программ с бакалавриата на специалитет.

Для наших студентов отказ от Болонской системы означает, что поехать по обмену в европейский вуз или поступить туда в магистратуру станет гораздо сложнее, а скорее всего вообще невозможно. О совместных образовательных программах наших вузов с европейскими и двойных дипломах теперь тоже можно забыть.

Россия может столкнуться с исключением из Всемирной торговой организации, по крайней мере с изоляцией от льгот объединения со стороны стран, присоединившихся к санкциям. Так, уже 16 марта Япония вслед за США и Канадой отказала Москве в режиме наибольшего благоприятствования во внешней торговле — это фундаментальный принцип объединения, без которого членство в ВТО теряет смысл.

ЦЕНА «СПЕЦОПЕРАЦИИ»

В последнее время в России закрыли большой блок статистики, что не позволяет полностью оценить экономические последствия конфликта, но некоторые моменты уже очевидны.

Если верить данным Росстата и Минэкономики российская экономика смогла пережить первую волну санкций без краха. Правда ясно, что главные трудности еще впереди.

По оценке Минэкономразвития, в апреле и мае (последние доступные на момент подготовки статьи данные) ВВП России упал, соответственно, на 2,8% и 4,3% (год к году), хотя в марте он еще рос (на 1,3%). Промышленное производство упало на 1,6% и 1,7% в годовом исчислении (обрабатывающая промышленность — на 2,1% и 3,2%, в том числе продукция машиностроения снизилась на 6,5% в каждом месяце). Тяжелее всего ситуация энергетическом секторе — добыча нефти и газового конденсата снизилась в апреле-мае на 3,6% и 3%, угля — на 6,5% и 4%. Положительная динамика сохранялась в электронике, фармацевтике и производстве стройматериалов. А автомобильная промышленность просто рухнула — спад в марте на 63%, в апреле на 61,5% и в мае на 66%. 18 из 20 автомобильных заводов страны простаивают. Продажи автомобилей сократились на 97%.

Резко упали сектора экономики, связанные с конечным потреблением: оборот оптовой торговли в апреле и мае — на 11,9% и 15,5%, розничной торговли — на 9,8% и 10,1%, общественного питания — на 4,7% и 5,2%.

Финансовые власти больше всего беспокоит именно сжатие потребления (потребительские расходы в апреле 2022 упали на 8,8%). По последним данным Росстата, реальные зарплаты (с поправкой на инфляцию) упали в мае в пересчете на год на 7,2% - максимальное падение с 2015 года.

Сокращается и численность населения. На 1 мая в России жили на 375,4 тысячи человек меньше, чем 1 января — 145,2 млн. человек.

Естественную убыль (минус 311,2 тысячи) больше не компенсирует приток мигрантов. Он сменился оттоком. Баланс миграции - минус 64,2 тысячи человек.

Ситуация с бюджетом пока остается неплохой. Бюджетные расходы в январе — мае 2022 выросли почти на 19% (на 1,67 трлн рублей). По данным Минфина, расходы российского бюджета по разделу «Национальная оборона» в апреле 2022 года (далее Минфин прекратил публикацию расходов по статьям) выросли почти в 2,5 раза (630 млрд рублей против 275 млрд рублей в апреле 2021 года). Суммарно за январь — апрель 2022 года по военным статьям израсходовано 1681 млрд рублей бюджетных средств. Давно известно, что часть военных расходов проходит по другим статьям бюджета. Однако, дефицит бюджета возник лишь в апреле и оказался скромным (262 млрд. руб.), а в мае бюджет опять стал профицитным, т. к. почти удвоились нефтегазовые доходы (за январь-май 2022 рост на 81% или +2,53 трлн. руб.). Тем не менее, министр финансов Силуанов не исключает возможный дефицит федерального бюджета по итогам 2022 года в 1,6 трлн рублей.

Так называемые «ненефтегазовые доходы» (НДС, НДФЛ, налог на прибыль и др.) в мае 2022 сократились почти на 11% (1,138 трлн рублей против 1,216 трлн рублей в мае 2021).

В части налогов бросается в глаза провал сбора НДС, который формирует около трети всех доходов бюджета. НДС от внутрироссийских операций в апреле 2022 года сократился более чем вдвое против апреля 2021. В мае 2022 он поступил в бюджет в объеме 476 млрд рублей, что на 14% меньше, чем в мае 2021 года (553 млрд). Падение сборов НДС связано с началом экономического спада, хотя частично этому способствовало расширение заявительного порядка возмещения НДС. Сборы и другие налоговые доходы от импорта в апреле и мае 2022 года сократились в 1,5-1,7 раза (220 млрд рублей в мае 2022 против 378 млрд в мае 2021 года), что связано с драматическим падением импорта, а также укреплением рубля. По оценкам «The

Еconomist» импорт в Россию снизился на 44%. В июле Минпромторг расширил перечень товаров для так называемого параллельного импорта. Надо понимать, что параллельный импорт не спасение и не чудо, хотя на определенное время может смягчить негативное влияние санкций. Эксперты оценивают увеличение объема импорта в 2–3 млрд долл. в год. Это наиболее актуально в таких секторах, как электроника, машины и оборудование, транспортные средства.

Обращает на себя внимание резкий рост доли нефтегазовых доходов бюджета. Они составили по данным Минфина РФ в январе-мае 2022 47% бюджетных доходов против 33,5% за 5 месяцев 2021 года. Увеличение нефтегазовой зависимости российского бюджета выглядит особенно опасным на фоне введения ЕС эмбарго на российскую нефть вслед за США. Если европейцы реально откажутся от российских нефти и газа, то российский бюджет с его нефтегазовой основой станет заложником китайских и индийских покупателей, которые понимают ситуацию и будут использовать ее в своих целях.

Сильный удар испытал финансовый сектор России, на который направлены многие жесткие санкции. Он оказался почти полностью отрезан от западной финансовой системы. По оценке Центробанка, убыток банковской системы России в 2022 году составит от 3,5 до 5,8 трлн рублей без учета отрицательной переоценки ценных бумаг на 2 трлн рублей.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОКА ТУМАННЫ, НО ТОЧНО НЕ РАДОСТНЫ

Структурные изменения в экономике фактически еще не начались. Ясно, что в отличие от пандемического кризиса падение потребления будет постепенным, но длительным на фоне возникновения товарного дефицита из-за сжатия импорта и связанного с ним внутреннего производства. До восстановления импорта за счет новых поставщиков и перестройки логистических цепочек (что приведет к удорожанию импортных товаров)

ожидать начала структурной трансформации преждевременно.

Как конкретно и в каких макроэкономических параметрах будет развиваться ситуация сказать сейчас крайне трудно в силу беспрецедентного характера нынешнего кризиса. Ясно одно, что рецессия в российской экономике надолго, что признает даже Минэкономики. Оно недавно опубликовало сценарии развития российской экономики на ближайшие 3 года. По сравнению с предыдущими прогнозами в них добавилось пессимизма. Теперь спад в экономике ожидается и в 2022, и в 2023-м. Прогноз исходит из того, что санкции сохранятся, как минимум, до 2025 года.

Минэкономики оптимистично прогнозирует падение ВВП на 7,8% в 2022 году и лишь на 0,7% в 2023-м. В следующие годы, по мнению официальных экономистов, экономика должна перейти к росту.

В прогнозе впервые дается официальная оценка ожидаемого падения реальных доходов населения в 2022 году — на 6,8% (при прогнозе инфляции в 17,5%). В 2023 году доходы россиян, по оценке МЭРТ, вернуться к росту (на 1,3%). К концу 2025 доходы должны превысить довоенный уровень. Безработица, по оценке ведомства, вырастет на 2 п.п., до 6,7%, и продержится на повышенном уровне до 2024 года. Недавний прогноз Центра стратегических разработок содержит 2 сценария развития ситуации на рынке труда России. В первом — острый, но краткосрочный кризис — до конца года число рабочих мест может сократиться на 2 млн, а уровень безработицы в стране вырастет с нынешних 4,4% до 7,1-7,8%. В другом сценарии — долговременный структурный спад — безработица увеличится до 6,4-6,5%, но продержится дольше.

Прогноз Минэкономики предполагает, что в 2022 году экспорт в денежном выражении снизится на 2,3%, до \$482,4 млрд., а импорт упадет на 17,1%. В итоге будет достигнуто рекордное положительное сальдо торгового баланса — \$190,8 млрд, что в 1,5 выше, чем в 2021 году. Это делает неизбежным ослабление введенных ЦБ валютных ограничений, отметило Минэкономики.

Как справедливо отметили в министерстве, — впервые в современной истории российская экономика входит в рецессию при высоком уровне цен на сырьевые товары.

От себя добавлю, что не могу разделить оптимизма моего бывшего ведомства, т.к. преодолеть описанные выше препятствия для экономического роста, связанные с «технологическими санкциями» в короткие сроки невозможно. Боюсь, что тяжелая ситуация может продлиться долго, так как западные санкции заделали практически все секторы экономики. Мы отстаем уже и будем отставать все больше в высокотехнологичных секторах, и наверстать это отставание за год, два или три будет крайне проблематично, тем более по всему кругу отраслей. А гражданам придется перестраивать свою модель поведения, модель потребления, фактически всю модель жизни. На это уходит иногда полжизни поколения. Так, похоже, что скоро рубль превратится в неконвертируемую или ограниченно конвертируемую валюту. Граждане СССР всю жизнь жили без доллара и с товарным дефицитом. Теперь и молодежь рискует освоить советский опыт — талоны, карточки, очереди, дефицит, черный валютный рынок.

В условиях санкций и разрыва отношений с Западом Россия становится сырьевым придатком Китая, который будет ещё и диктовать цены на сырье. В обмен будем получать по завышенным ценам ширпотреб и оборудование низкого технологического уровня. В общем «нефть в обмен на бусы».

Возможное присоединение ряда территорий Украины (в любой форме) ляжет тяжелым бременем на российский бюджет. Эти территории не были экономически процветающими и в составе Украины, в основном находясь на дотациях из ее бюджета. Сейчас они разорены войной, и стоимость их минимального восстановления пока даже не поддается оценке.

Рассчитывать на отмену большинства санкций даже в случае мирного урегулирования украин-

ского конфликта не стоит. Западная бюрократическая машина работает медленно, а если отказ от российских нефти и газа свершится, то стимулы отменять санкции сильно убавятся. Напомню, что знаменитая санкционная поправка Джексона-Вэника действовала в США около 30 лет. Однако, будем наблюдать.

Боюсь, что рано или поздно уже новым младореформаторам придется вытаскивать страну из ямы, как это выпало на долю правительства, где мне довелось работать.

Но главное все-таки не экономические потери. Разрыв гуманитарных и общественных связей с большей частью мира представляется мне многократно опаснее. Риск превратиться в страну-изгой ныне велик как никогда.

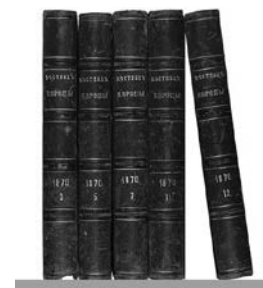
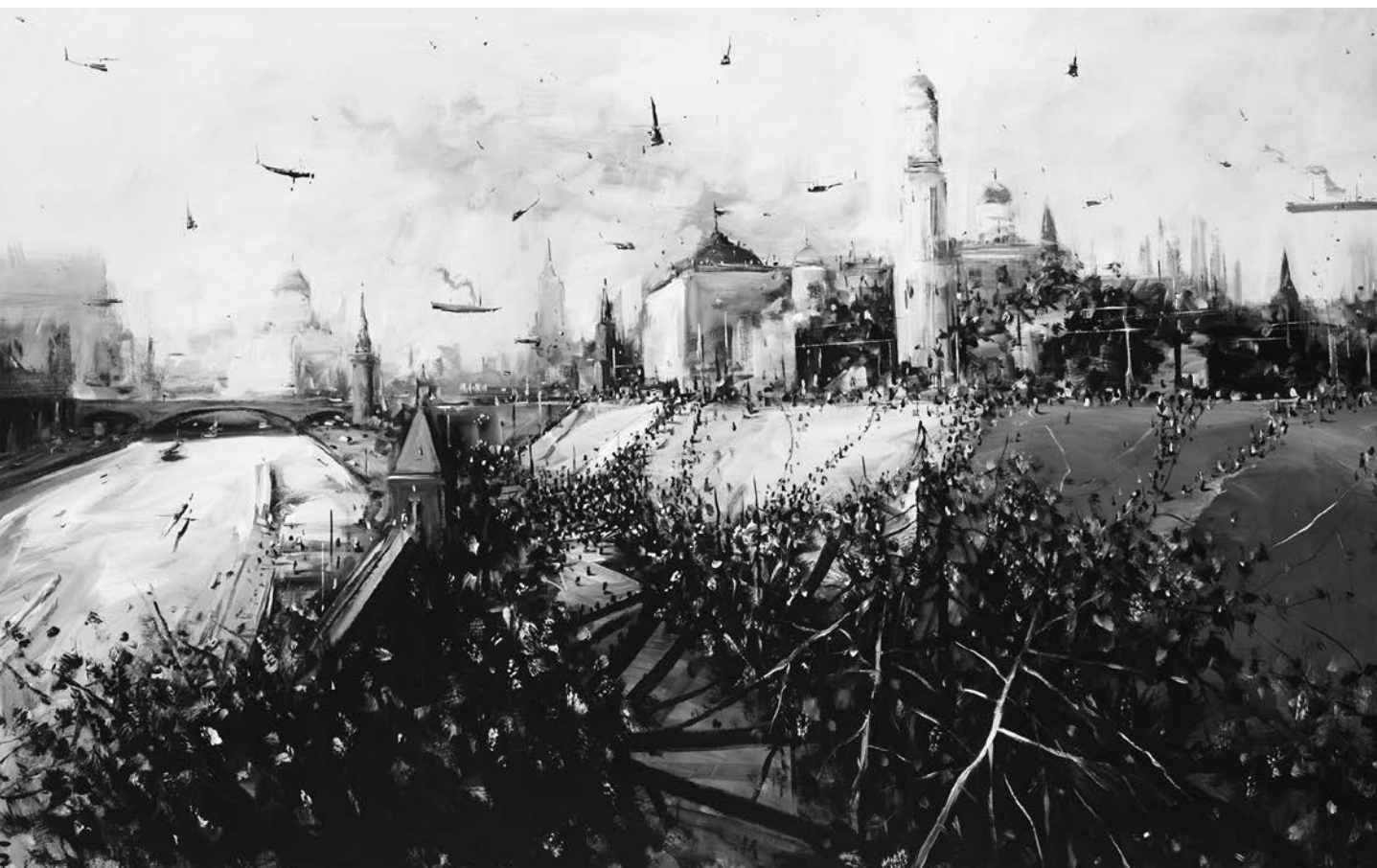
Когда СССР вел холодную войну с коллективным Западом, на его стороне был целый блок государств и движений. Это и страны Варшавского договора, и некоторые участники «движения неприсоединения», и так называемые страны и национально-освободительные движения социалистической ориентации типа Анголы, Мозамбика, Никарагуа и др.

А что мы имеем на стороне России на нынешнем этапе холодной войны? Вечный союзник КНДР, чудом усидевший в кресле президента белорусский сатрап, охваченная гражданской войной Сирия, играющий свою игру Иран, движение Талибан, кто еще? Китай и Индия явно осторожничают, предпочитая чисто экономические связи на выгодных для себя условиях типа покупки российской нефти на треть дешевле мировой цены.

Еще более удручающим представляется мне вероятное развитие ситуации внутри страны. Нарастание политических репрессий, закрытие независимых СМИ, попытки контроля и ограничения интернета, уголовные дела по надуманным политическим основаниям, эмиграция многих представителей «креативного класса», новая конструкция «железного занавеса».

Не такого будущего мы хотели для своих детей и внуков. □ □ □

Первая публикация А.С.Пушкина состоялась в журнале «Вестник Европы», в №13, в 1814 г. Пушкину было 15 лет, и он послал в редакцию стихотворение под псевдонимом «Александр Н.к.ш.п.», так оно и было опубликовано. Адресат этого послания в стихах точно не известен, предположительно — В.Кюхельбекер

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!
Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединишь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды
Сокрыт другой отец второй «Тилемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?
Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.

Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».
Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов.
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.
Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.
Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал,

Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:
В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты ведь
запрещаешь
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе: да что ж сегодня сам...»
— «Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».
И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит,
И над экспромптами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса,
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пийт.
Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет.
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше
вдвое.

1814 г.

КРЮЧОК

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ

Не так уж он был и пьян. Ну, сколько они уговорили на брата? Скворцов принялся считать, вспоминая подробности ресторанный вечера с сослуживцами, кто и сколько заказывал, что пили сначала, а что потом, но цифры все оказывались какими-то неудачными, не желавшими делиться друг на друга по-хорошему, как, скажем, делятся две бутылки на четверых. Нет, как назло, все время образовывались дроби, с которыми он на ходу, то и дело чуть не падая на замерзшей скользкой улице, никак не мог разобраться. К тому же постоянно что-то отвлекало — то встречные прохожие, особенно женщины, то машины, то витрины с манекенами. «Вот уж кто ни грамма! Вот кто всегда, сука, трезвый! — озлобленно подумал Скворцов про презрительно смотревшие сквозь него манекены в элегантных костюмах и пальто. — Но я-то тебе не манекен! Я ж живой человек! Живой, понимаешь?! Что ж я, по-твоему, с друзьями расслабиться не могу?!» Последние фразы, перейдя мысленно на крик, он обращал к жене, предчувствуя, как она его встретит.

Попасть ключом в замочную скважину удалось с первого раза. Он даже не ожидал от себя такой точности, иногда и трезвым в полутьме лестничной площадки, где вечно перегорала то одна, то обе лампы, подолгу не попадал, тыкаясь вслепую, а тут раз — и готово. Хорошее начало. Может и дальше все пойдет так же гладко и обойдется без скандала? Но, войдя в комнату, где поджидала его жена, и увидев ее лицо, Скворцов понял, что нет, не обойдется.

Она сидела за столом, повернувшись к черному окну, за которым не на что было глядеть, явно только затем, чтоб не видеть Скворцова. Ее напряженно застывшее, вообще-то привлекательное лицо показалось ему некрасивым: ну не может быть красивым снаряд, который вот-вот взорвется! Причем взорвется в любом случае, что бы он ни сказал, как бы ни поступил, даже если он на колени перед ней упадет... А может, правда, упасть на колени? Ведь он виноват перед ней, хоть и знать не знает, в чем, но наверняка в чем-то же виноват! Упасть и сказать: «Галя, прости меня за все, я сам не знаю, за что, за всю жизнь, за то, что я вот такой...» Вместо этого Скворцов отодвинул от стола стул и со второй попытки сел на него, сперва чуть не рухнув на пол. Он сделал это специально: вдруг жена если и не рассмеется — на это надеяться не приходилось — то хотя бы улыбнется, пусть презрительно, как угодно — сразу станет легче.

Он был в той стадии опьянения, когда внутренне чувствовал себя почти трезвым, нарочно изображающим пьяного, для смеха и назло жене, ее угрюмой серьезности. Попытался заглянуть ей в лицо — Галя еще резче отвернулась к окну и уперлась взглядом в огромную темноту: их дом выходил окнами на лесопарк, в гуще которого проблескивали кое-где ничего не освещавшие фонари. Этот ее застывший взгляд во тьму выражал, почувствовал Скворцов, тоску и отчаяние таких масштабов, что просить прощения было уже бесполезно: он был виноват перед ней не в чем-то конкретном, не в том, что опять пришел пьяным, а, по меньшей мере, во всем уродском устройстве мироздания, нагромоздившем эти глыбы ледяного мрака за их окном. Так что ничего не оставалось, кроме как валять дурака: с дураков взятки гладки. Взял со стола журнал, который она читала до его прихода, и принялся им обмахиваться — жарко ему. Страницы шелестели в тишине, но жена упорно не реагировала. Тогда он дотянулся до ее лифчика, висевшего на спинке кровати, вытер им лоб, и вместо того, чтобы вернуть на место, оставил криво свисать с головы. Покосился в зеркало — вид дурацкий, то, что надо. Галя рванулась к нему через стол, схватила лифчик, попыталась отобрать журнал, но он держал его крепко, их взгляды встретились, и Скворцов прочитал в глазах жены готовую испепелить его ненависть. Это его только рассмешило, он протянул свободную руку и погладил Галину шею, он отдернулась, точно током ударило.

— Уйди, — попросила сдавленным голосом, — Уйди по-хорошему.

Он откинулся на спинку стула, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил и сдвинул на бок галстук, закинул ногу на ногу.

— Да в чем дело-то?

— В чем дело? В чем дело?! А кто сегодня Валерку из сада должен был забирать? Он два часа тебя дождался, пока воспиталка до меня не дозвонилась! — Галя говорила, точнее, кричала истошным шепотом, чтобы не разбудить спавшего в своей комнате ребенка, и от этого ее шепот напоминал шипение бикфордова шнура перед взрывом.

— Ах, вот оно что... — от того, что его вина приняла реальные очертания, Скворцову сразу сделалось легко, можно было со спокойной совестью дурачиться дальше.

— Ну, забыл, что ж поделаешь... Разве я в этом виноват? Закрутился, завертелся. Эх, голова моя садовая, — исподлобья глядя на жену, он принялся бить себя кулаком по голове — это казалось ему очень смешным.

— Если б ты первый раз забыл! Да ты все на свете со своими друзьями-алкоголиками перезабыл! Ты мне всю жизнь... всю жизнь... — Гале не удавалось завершить фразу, точно она должна была кончаться таким мерзким словом (изгадил? испоганил?), что она не могла его произнести и, закусив нижнюю губу, смотрела на Скворцова с каким-то измученным удивлением: как мог этот нелепый человек с этим его вываливающимся из брюк животом, с раскрасневшимся некрасивым лицом, с дурацкими его шутками сыграть такую роль в ее жизни, что вся она, когда-то так много обещавшая, превратилась в тоскливое недоразумение? И он не понимал, даже не пытался понять, как ненавистна ей эта вечная тьма за окном, жалкая их квартира, жалкая окраина, да все... И, ничего не понимая, он снова тянул к ней свои потные руки, хотел слипнуться с ней, дышать ей в лицо своей перегарной вонью. Галя оттолкнула Скворцова, он еще немного поприставал, а потом грузно отвалился на стуле и, глядя на нее остекленелыми глазами, начал, кажется, что-то осознавать.

Скворцов по привычке верил в любовь к нему жены — это было, по большому счету, единственное, во что он верил — и с наивной слепотой хранил эту веру, даже в мелькавшей в Галином лице ненависти ухитряясь увидеть оборотную сторону любви, заставлявшей ее винить его

во всем, что не по ней, не так, неправильно. Но сейчас она отталкивала его не с ненавистью, а с усталым отвращением, как вообще безразличного ей человека, напрасно случившегося в ее жизни — это изумило Скворцова, было непонятно, что теперь делать. Чтобы скрыть растерянность, он шваркнул кулаком по столу.

— Тише, ребенка разбудишь!

Он ударил еще раз, еще и еще.

— Прекрати, урод!

Ах, вот как! Не нравится?! Я урод? Я урод?! Ладно, ты еще не знаешь, какой я урод! погоди, сейчас узнаешь!

Тяжело встав со стула, Скворцов без размаха ударил жену по лицу, точнее мазнул ладонью по щеке, потому что, в последний момент, испугавшись, разжал пальцы и не вложил в руку ни силы, ни злости, точно она поднялась и ударила Галю сама, без его участия. Разбуженный сын закричал в своей комнате, но в первые полсекунды, глядя на скривившееся лицо жены, Скворцов думал, что этот крик детским испуганным голосом издала Галя. Отвернувшись от него, она кинулась успокаивать ребенка.

Так. Значит, так. Рано или поздно это должно было случиться. Теперь все. Разрыв, конец. Он урод. Урод и есть урод. Скворцов неуклюже поворачивался в комнате, хотелось что-нибудь ударить по-настоящему, уже не сдерживаясь, расколошматить к чертовой матери всю мебель. Пнул на пробу стул, тот опрокинулся с грохотом, задрав свои четыре ножки. Скворцову это понравилось, он вмазал по шкафу, шкаф хрустнул, загудел, но устоял. Он еще раз заехал ему ногой, но, поняв, что с ним ему так просто не справиться, двинул по этажерке — та вся заходила ходуном, задребезжала стоявшей в ней посудой, что-то там звякало и билось, а воодушевленный и оглушенный этим звоном Скворцов наносил удары по мебели направо и налево, пока не столкнулся лицом к лицу со своим отражением в зеркале — вот эту дикую красную рожу разбить ему захотелось сильнее всего. Но тут в комнату ворвалась Галя с ребенком на руках. Ага, понял Скворцов, прикрывается ребенком, чтобы еще раз не получить.

— Ты что делаешь?! Ты что ж, скотина, творишь?!

Скворцов увидел лицо сына: тот не плакал, но был, видно, по-настоящему испуган, потому что вытаращился бессмысленно, точно чем-то подавился. Довольный своим неистовством, Скворцов вывалился в прихожую, наскоро оделся и, уходя, еще грохнул дверью напоследок. Спускаясь по лестнице — не топтаться же на площадке в ожидании лифта — услышал, как дверь над ним открылась и вслед ему полетел, наполняя весь подъезд от первого до последнего этажа, высокий голос жены:

— Уро-о-од!!!

Потом — бабах! — раздался ответный залп захлопнутой двери.

Ах ты, тварь! Ну, ничего, ничего! Еще пожалеешь! Скворцов споткнулся, чуть не упал, и тут же представил, что бьется головой о бетон лестничной площадки так, что мозги разлетаются во все стороны. Еще поплачешь надо мной! Прощения просить будешь, сопли со слезами размазывать, да поздно будет! Поздно! Не будет меня уже!

Он дважды едва не рухнул, пока спустился со своего третьего на первый этаж, и потом еще раз, идя через обледенелый двор к своей девятке. Но, сев за руль, сразу почувствовал себя уверенно, рванул с места, лихо (или ему так показалось) вырулил на дорогу и погнал к центру.

Сейчас, сейчас... Он с ней поквитается! Она его навсегда запомнит! Скворцов жал на газ, неотличимые друг от друга темные спальные районы пролетали мимо, скользили прочь тускло мерцающие пространства без людей, а вслед за ними уносилось все, от чего Скворцову хоте-

лось отделаться: всплывающие в памяти пьяные физиономии сослуживцев (ни одного настоящего друга, все предатели, все враги!), ненавидящие глаза жены, бессмысленное лицо сына... Скорость очищала, освобождала. Чем быстрее он гнал, выжимая все, на что способен был старый мотор, тем свободнее себя чувствовал. Оставалось отделаться еще от той увиденной в зеркале красной смазанной рожи, которая была хуже всех, гаже и глупее всех, потому что была его. Это желание избавиться от себя возникало у Скворцова всякий раз, когда он оказывался пьяным за рулем. (Не за рулем оно тоже его посещало, но он быстро приходил к выводу, что сделать это гораздо труднее, чем тащить дальше обрыдлый груз вины, долгов и обязательств). Зато, когда его девятка разогналась, он чувствовал, что решимость растет пропорционально скорости, помноженной на опьянение. Или возведенной в степень, хрен его знает! (Он никогда не был силен в математике). Обычно достигнутый уверенности, что он способен поставить последнюю точку, Скворцову хватало, чтобы отложить осуществление этого до более подходящего случая, но теперь он решил, что случай настал. Самый подходящий, самый главный, самый неотвратимый случай. Пусть они там дальше сами, как хотят, без него ковыряются... с него хватит. Хватит с него, можете вы это понять или нет?!!

Он гнал уже по центру, не забывая в нужных местах сбавлять скорость: он же ощущал себя пьяным только для вида, чтобы пользоваться силой и безответственностью опьянения, а внутри был трезв упорной неразстворимой трезвостью, твердо помнящей свою цель. Вот и Таганка, площадь, станция метро, театр, куда он когда-то ходил с Галей (даже не верилось, что было такое!), дальше высотка на Котельнической, мост через Язу — все это проносилось мимо, никак его не касаясь, не имея к нему больше отношения, точно Скворцов стал уже отделившейся от тела чистой душой, летящей по ночным московским улицам, точно для него уже все позади. В сущности, почти так оно и было, все, из чего состояла его жизнь, осталось в прошлом, и нужно было сделать последнее усилие, последний рывок, чтобы это прошлое никогда его не догнало. Найти подходящую стену, чтоб в нее вмазаться, или фонарный столб... Может быть этот? Или следующий? Почему именно этот? Да какая хрен разница?! Пусть будет фонарный столб на ближайшем перекрестке. Скворцов откинулся назад, пальцы стиснули руль, нога вдавила педаль газа... но в последний момент руки сами вывернули руль и фонарь остался позади. Ах, черт, не так-то это просто. Попробуем еще раз. Он наметил новый фонарь, втянул голову в плечи, даже зажмурился в ожидании удара. Но снова совсем крошечного неконтролируемого движения руки на руле оказалось достаточно, чтобы он проскочил мимо. Скворцов весь взмок каким-то непривычно вонючим, как будто не своим потом. Нет, так дело не пойдет. Так ему никогда от себя не отделаться. Нужно выехать на набережную и, пробив бортик, рухнуть с машиной в реку — тогда будет наверняка!

Он повернул в сторону набережной, проскочил светофор и погнался по упиравшейся в Москва-реку пустой улице. Мимо реки он уж никак не промахнется! Отделявшее его от набережной расстояние сокращалось быстрее, чем он успевал сглатывать переполнявшую рот липкую слюну, оставалось три квартала, два, последний квартал... И тут на плохо освещенном участке дороги неизвестно откуда появился человек. Секунду назад его не было — а может видевший только ждущую его реку Скворцов просто не заметил — и вот он стоит, совершает какие-то судорожные телодвижения, шаг влево, шаг вправо, и, кажется, до того напуган летящей на него машиной, что не способен убраться с пути. Скворцов ударил по тормозам, крутанул руль, человек — Скворцов успел разглядеть, что это старик — отлетел вбок. Неужели сбил? Только этого ему не хватало! Хотел себя, а вместо этого старикана какого-то угробил! Он вывалился из машины, подбежал к лежащему на асфальте небольшому телу.

Старик скрючился на боку в позе эмбриона, глаза закрыты, впалые щеки заросли седой щетиной, губы, вроде, шевелятся, точно дожевывает что-то напоследок. Скворцов подобрал отлетевшую в сторону замызанную шапку, нахлобучил на беззащитную лысину. На старике было пальто с облезлым воротником и большие ботинки в разводах соли, почти нелепые для его маленького роста. Не то бомж, не то просто забытый человек, за которым некому следить. Скворцов потрепал его по плечу:

— Жив, нет?

Глаза на худом лице медленно приоткрылись и некоторое время глядели без выражения, потом на губах возникло подобие улыбки.

— Жив...А ты кто?

— Дед Пихто. Где болит?

— Везде... Всюду болит.

— Двигаться можешь? Если сможешь сесть в машину, я тебя отвезу.

Скворцов отошел подогнать поближе девятку, а старик начал шевелиться, сгибая и разгибая конечности, проверяя, на что может опереться. Когда Скворцов подъехал, он уже встал, потом довольно живо, кряхтя и постанывая, устроился на сидении. Скворцов понял, что, скорее всего, даже не задел старика, а на асфальт тот упал с перепуга. Если б задел, он бы так легко не поднялся.

— Куда тебя везти, в больницу или домой?

— Зачем в больницу? Что мне там делать? Домой давай. Авось отлежусь.

— Где живешь-то?

Скворцов думал, что старик обитает в одном из соседних переулков, но оказалось, что у него квартира в Сокольниках.

— А сюда как попал?

— Гулял. Я по ночам редко сплю, все больше по городу хожу. Люблю погулять, особенно ночью — народу нет, просторно.

— Ну, ты даешь! — Скворцов с удивлением оглянулся на старика. — Так всю ночь и ходишь?

— Так и хожу. Летом иногда присяду на лавочку, подремлю час-другой и дальше, а зимой нельзя, холодно. Так что зимой ночь напролет гуляю.

— И не устаешь?

— Не-а. Привычный.

Сколько же этому ходоку лет, подумал Скворцов. По измятому морщинами лицу ему можно было дать и 60, и все 80, а то и еще больше. Хотел уже спросить, но старик его опередил:

— А ты это... куда ехал-то?

— По делам, — неопределенно ответил Скворцов. Не признаваться же, что хотел свести счеты с жизнью.

— По дела-а-ам, — недоверчиво протянул старик. — Ну-ну. А я думал, ты это... за мной спешил. По мою душу.

— В смысле?

— Думал, ты мой ангел смерти, Абаддон, или Азраил, или этот... как его? Весь глазами покрытый... не помнишь, как называется?

То ли старик, правда, ждал от Скворцова подсказки, то ли хитро испытывал его на знание ангелологии, которое подтвердило бы его подозрение, но Скворцов только плечами пожал:

— Мне-то откуда знать? Я что, на ангела похож? Ты когда-нибудь ангела с такой ряхой видел?

Ему снова вспомнилось свое покрасневшее от ярости лицо в зеркале.

— Постой-постой... Малхамовес! Точно! У него по всему телу глаза. А вообще-то, как ангелы взаправду выглядят, я, извини меня, не знаю. Ни одного пока не видел.

Старик усмехнулся, потом недоверчиво покосился на Скворцова, похоже, не до конца уверенный, что тот точно не ангел, передернул плечами. Он вообще то и дело поеживался, ерзал, вздрагивал, будто заново осваивался в своем теле, с которым готов уже был расстаться. Странноватый дедок, подумал Скворцов, не такой, похоже, простой, каким сперва показался. По ночам бродит, ангела смерти ждет. А может, просто не в себе уже. Его и самого еще ощутило трясло внутри: он ведь тоже попрощался уже с жизнью и теперь в нем росло недоумение, почему и зачем она вернулась к нему в образе этого ветхого любителя ночных прогулок. Свет в салоне машины был погашен, но лицо старика через равные промежутки озарялось фонарями, мимо которых они проезжали, потом снова ныряло во тьму. Освещенное лицо так резко отличалось от темного, точно это были два разных: первое с по-птичьим вытаращенными глазами, с потрескавшимися губами и покрасневшими, как от насморка, ноздрями острого носа выглядело больным, тревожным, зато живым и подвижным. Уходя во мрак, оно утрачивало возраст и тонкость мелких черт, становясь сумрачным вневременным ликом, жизнь которому придавал только блеск глаз. И еще голос, дребезжащий, не замолкая, старческий голос:

— А я уж думал, когда ты на меня летел, что все, пришел мой час, наконец-то! А то живу-живу, хожу-хожу, сколько можно?! Все на свете я уже видел, всех пережил, на что не погляжу, все уже было. И если б только однажды было, а то ведь не сосчитать сколько раз. Так мне вся эта свистопляска надоела — ты представить себе не можешь, до чего она мне наскучила! Москву хрен знает во что превратили, не город, извини меня, а один большой вокзал. Хожу по нему, как по чужой земле, врагами захваченной! Вот, смотри, перекресток проехали, там, на углу, рюмочная была — отличная, я тебе скажу, рюмочная! Дальше блинная, а напротив будка, где айсор сидел, ботинки чистил. Кому они мешали? Ничего ведь не осталось! Один я хожу, про них про всех помню. А какая в этой блинной одна официанточка была...

Прорезавшаяся говорливость старика была лихорадочной, она явно подогревалась пережитым испугом, точно он торопился заговорить Скворцову зубы на тот случай, если он все-таки окажется ангелом смерти. Мысль об этом не отпускала старика:

— Все ж таки должен был ты меня прибраться, точно тебе говорю, должен. Давно уже мне пора. Это ты промашку дал, оплошал ты. Провалил, извини меня, свою задачу.

— Да какую задачу-то?! О чем вы вообще? Я ж ни сном, ни духом, что вас встречу, не знал!

Скворцов даже перешел с «ты» на «вы», чтобы подчеркнуть, что они вообще незнакомые, совсем чужие люди.

— А тебе это знать, извини меня, необязательно. Это там, наверху, за тебя все решили. Твое дело, извини меня, маленькое: жать на газ да баранку крутить. А ты крутил-крутил, да и мимо прокрутил. Эх ты!

В словах старика была связность и логика, но поскольку эта логика возлагала на Скворцова роль убийцы, пусть и неудавшегося, она представлялась ему бредовой. Все-таки он, наверное, слегка тронутый, решил Скворцов.

— Теперь делать нечего, раз ты промазал, придется дальше гулять — а чем еще по ночам заниматься, если спать разучился? Ох, устал я от этого ото всего... не понять тебе, до чего устал. Молодой ты еще.

Скворцов промолчал минуту-другую, но потом не сдержался:

— Может я в свои 32 больше устал, чем вы в свои... Не знаю сколько вам...

— Сколько мне, тебе, извини меня, лучше не знать — все равно не поверишь.

— Да мне все равно. Может, я так устал, что думал, все уже — разогнаться и в Москва-реку. Если б вы мне не подвернулись, меня уже, может, и не было бы.

— Ах, вот ты куда гнал... Ну, это ты зря. Куда торопиться? Успеешь еще. Из-за бабы?

— Из-за жены, — Скворцов всхлипнул от накатившей жалости к себе и, чтобы совсем не раскваситься, ударил кулаком по рулю. — Довела!

— Ну, это совсем зря! Подумаешь, жена! У меня их четыре штуки было! Любил я это дело... Одна татарка была, другая навроде цыганки, остальные русские. С одной, помню, в Кисловодск ездили, с другой в Гагры, с третьей в санаторий на Волге. Нервотрепки от них много было, но чтоб из-за какой из них я себя порешить хотел — извини меня! Из-за бабы себя гробить — это ж как надо свою жизнь не уважать! Да и нельзя мне. Не имею права.

— Как это нельзя? Почему это?

— Нельзя и все. Ты не поймешь. Потом когда-нибудь поймешь, а сейчас тебе рано пока.

Старик пожевал губами, усиленно заерзал на сидении, ему, очевидно, хотелось рассказать. В конце концов, не выдержал:

— На мне одном тут все держится, понял? Никого больше не осталось. Один я еще помню, как здесь раньше было. И официантку из блинной, и айсоров, и подавальщиц из рюмочной, и других разных — всех помню! А как меня не станет, все кувырком пойдет. Не веришь? Не верь, не верь. Скоро убедишься. Недолго осталось. То, что сейчас, на последней пуговице на том, что было, держится! На последнем маленьком крючочке! Оборвется он, и все покатится вверх тормашками. А этот крючочек — это я и есть! Потому что больше нету никого, кто б меня заменил. Поэтому и живу. А куда деваться? Надо. Как раньше говорили: партия сказала надо, комсомол ответил есть! А ты, небось, и слов-то таких не знаешь. Что ж мне тебе объяснять... Ты, главное, смотри поворот не проедь. Мой через один направо будет.

Подъехали к четырехэтажному дому старой послевоенной постройки. Фонарь у подъезда освещал облупившуюся во многих местах штукатурку, тускло белеющую в ночи.

— Пленные фрицы строили, — кивнул старик на дом. — Я их тоже помню. Базарили на своем, я слушал-слушал, да и выучился по-ихнему. Молодой был, память цепкая. Потом, правда, обратно разучился. Ну, спасибо, что подвез.

Выбравшись из машины, старик заковылял к двери, заметно хромя, едва не падая.

— Ногу, что ль, вывихнул? — окликнул Скворцов.

— Да кто ж ее знает?

— На каком живешь?

— На четвертом.

— И лифта тут, конечно, нет?

— Откуда?

Скворцов вышел вслед за стариком.

— Давай помогу подняться. Обопрешься на меня.

— Давай, — охотно согласился старик.

На одном из темных пролетов, побуждаемый близостью, возникшей между ними, когда поддерживал старика, Скворцов спросил:

— Звать-то тебя как?

— Колей.

— И все? А отчество?

— А зачем тебе отчество? Коля и Коля, и хватит тебе. Хочешь, дядя Коля. Но это уже, как говорится, по желанию. Заходи, чаю попьем.

Жил старик Коля в сильно пропахшей кошатиной однокомнатной квартире с разводами на потолке и на пожухлых обоях — очевидно, крыша протекала. Едва скинул пальто, принялся искать кошку:

— Машка, Машка, Машка, Машка... Я ее в память второй жены назвал, — пояснил он Скворцову. — Ох, кусачая была! Ну, иди ко мне, иди. Нет, не хочет — не привыкла к гостям, боится. Ты проходи, садись.

Вдохнув кошачьей вони, Скворцов хотел уже развернуться и идти обратно, но его накрыла такая вязкая неодолимая усталость, что решил выпить чаю, чтоб не уснуть за рулем. Устроился у стола на стуле с подлокотниками, чувствуя, как оплывает в него, и никакая сила в ближайшие полчаса не сможет поднять его на ноги. Только сейчас он осознал, что все это время находился, не замечая, в судорожном напряжении, наконец-то его отпустившем.

— Машка, Машенька, где ты, моя девочка? — в поисках кошки старик смотрел за стоящую по стенам ветхую мебель, открывал и закрывал скрипучие дверцы, заглядывая под кровать, внутрь серванта, буфета, двух шкафов. — Ты ведь даже не знаешь, что едва сиротой не осталась. Как бы ты без меня? Если б Олег руль вовремя не повернул, что бы тогда было? Долго б ты без меня не протянула. Так что и твоя, Машка, жизнь была спасена, не только моя. А ты выйти к нему не хочешь.

«Когда это я успел ему сказать, как меня зовут?» — Подумал Скворцов, но сосредоточиться на этой мысли не сумел. Наверное, назвался, сам не заметив — не до того было.

Старик Коля достал из буфета и поставил на стол вазочку с конфетами, внимательно изучил ее содержимое и обрадовался:

— Смотри-ка, даже «Белочка» есть!

Торопливо развернул негибкими пальцами конфету, отправил в рот и застыл, вникая во вкус, забыв, похоже, на несколько секунд о Скворцове. Потом вспомнил:

— Ты тоже бери, угощайся. Правда, «Белочек» больше нет, — пожал плечами, руками развел, извиняясь, — Одна была.

Уковывлял вприпрыжку на кухню ставить чай, оттуда раздался звук воды, падающей на гулкое железное дно чайника.

Оставшийся один Скворцов оторопело осматривался в комнате, потом застрял взглядом на скомканном фантике от конфеты, который не лежал на скатерти неподвижно, а тихо шевелился, раскрываясь. Не веря себе, Скворцов, как чью-то чужую мысль, думал, что, не повернись ему этот чудной старикан, он лежал бы сейчас на дне Москва-реки, а не сидел тут. Потянулся за конфетой, взял, но развернуть не решился, точно боялся, что окажется ненастоящей — а вслед за ней бутафорской предстанет и вся эта комната с обшарпанной мебелью под тусклой лампой. Положил конфету обратно в вазочку.

Старик Коля вернулся с чайником.

— Ну что, давай чаевничать, раз уж мы с тобой живые?

— Давай. Мне покрепче.

Скворцов сделал большой глоток, специально чтобы обжечься и подтвердить себе этим, что, правда, живой. Чай ошпарил горло, растекся теплом внутри, значит все в порядке. А раз живой, надо собираться с мыслями и решать, что делать дальше.

— Слушай, дядя Коля, скажи мне одну вещь. У тебя четыре жены было, значит, ты в женщинах, наверное, разбираешься. Скажи, как мне с моей жить? Скандал за скандалом, то то ей не так, то это. А ведь раньше все по-другому было. Раньше мы хорошо жили. Я ее любил, и она меня...

— Вот ты в это раньше и смотри. Увидь его сквозь нынешнее. Как я, — старик Коля уселся на стуле с ногами и, закатав брючину на правой, осторожно ее ощупывал. — Я это нынешнее в упор не вижу! На что в нем смотреть? Да не на что! Само по себе оно ж ничто! Пустое место! Если ты в одном нынешнем заперт, то шансов у тебя, извини меня, ноль. И вся твоя любовь, извини меня, выеденного яйца не стоит. Потому что любовь это что?

В верхнем ящике шкафа позади Скворцова зашуршало, и старик адресовал свой вопрос через голову Олега этому шуршанию.

— Любовь это память — правильно я говорю, Машенька? А память это любовь. Вон ты где!

Вскочил, поставил стул к шкафу и влез на него, чтобы открыть верхнюю дверцу, еще и на цыпочки поднялся, так что Скворцову показалось, что старик вот-вот упадет, но он удержался в ненадежном равновесии. В ящике раздался шорох, потом мягкий стук лап, и когда Коля в него заглянул, кошки там уже не было. Зато подозрительные звуки стали раздаваться из вплотную к шкафу стоявшего буфета.

— Задние стенки все прогнили, вот она и шастает, где хочет, — сказал Коля, спустившись вниз. — Поди ее найди. Это же, Маш, извини меня, прямо невежливо! У нас гость, а ты показаться не желаешь. Где твои манеры, где воспитание? Что у тебя дурной характер, я давно знаю, но ведь должно же и приличие быть! Один в один как жена Машка — ей тоже, бывало, как что в голову втемяшится — ничем ее не уломаешь. Приходилось соглашаться, куда денешься, с бабой спорить — дело напрасное, себе дороже выйдет.

— А может, развестись нам? Подать на развод, как полагается...

Старик Коля вздохнул, снова потрогал правую ногу и поморщился.

— Развестись-то дело нехитрое... Только что будет, если все разведутся? Семьи распадутся, связи разорвутся — на чем, извини меня, мир держаться будет? Он и так ни на чем держится, на одной сопле. И так весь качается, аж голова кругом идет. А людям хоть бы что, спешат себе по своим делишкам, только я один и вижу, как под ними земля ходуном ходит, то вниз, то вверх... А они то в гору карабкаются, то вниз со своими портфелями, как горох, сыплются. Нет, чтоб друг в друга вцепиться, зубами держаться, тогда б, может, и удержались, да и то вряд ли... На скамейку, бывает, присяду, чтоб меньше качало, и гляжу на них — люблю я на людей поглядеть, смешно мне. Хоть и сам хорош: разводился-разводился, теперь один кукою. Кроме Машки и словом перемолвиться не с кем...

Старик говорил монотонно, себе под нос, точно, забыв о Скворцове, разговаривал сам с собой. Олегу приходилось вслушиваться, чтобы разобрать слова, и от этого его еще сильнее потянуло в сон.

— Так что, не разводиться? — попытался он вернуть Колю к своему вопросу.

В полусонном состоянии, в которое он неодолимо погружался, Скворцову делалось все более ясно, что старик может сказать ему что-то важное, может быть, самое важное, нужно только сосредоточиться и задать верный вопрос, но вот этого-то как раз и не удавалось.

— Да откуда ж мне знать, разводиться тебе или нет. Это тебе, извини меня, ни один человек на свете не скажет. Как ты сам решишь, так и будет. И больше никак. Все от тебя зависит.

Старик встал из-за стола, шагнул к буфету и достал из него банку и круглую жестяную коробку из-под халвы, порывшись в которой, извлек большую темную брошь — три крупных пунцовых камня в окружении мелких в оправе из черного серебра. Протянул Олегу:

— Это тебе за то, что задание свое провалил. За то, что мы с Машкой живые. Бери, не сомневайся, штучная вещь, от последней жены осталась, а она в цацках знала толк, дешевку носить не стала б. Подаришь своей мадам, глядишь, полюбует.

Пока Скворцов разглядывал брошь, старик открыл банку, и в сделавшуюся уже привычной и почти незаметной кошачью вонь вклинился новый резкий запах, определенно знакомый, но настолько далекий, так давно не встречавшийся, что Олег никак не мог его распознать. Коля зачерпнул из банки бурое вещество и принялся втирать его в лодыжку.

— Мазь, — пояснил он. — Целебная. Все вылечивает.

И Скворцов наконец узнал запах — так пахла мазь, которой отец натирал лыжи, собираясь с ним на прогулку в лесопарк. Олег отчетливо вспомнил, как подгонял и подбадривал его отец, поскольку не очень-то хотелось ему идти на лыжах, он уже тогда — классе в пятом или в шестом — был полным, неспортивным и всяким там отцовским походам предпочитал мамины котлеты с макаронами или тефтели... лучше всего тоже с макаронами. Но отец был настойчив, чтобы увлечь неповоротливого Скворцова, он представил прогулку как путешествие «куда не ступала нога человека», и волей-неволей приходилось соглашаться, тащиться с лыжами в лесопарк, потом из последних сил пытаться угнаться за улетевшим вперед отцом. Тот был вынужден то и дело останавливаться, чтобы дождаться неуклюжего сына, но едва он появлялся на лыжне, уносился дальше, скрываясь за поворотом. Олег честно пытался за ним успеть, но только зря запыхался, упал, чуть не сломал лыжу, и остановился, окруженный громадными заснеженными деревьями в жутком безлюдном месте, куда не ступала нога человека. Даже сил отряхнуться у него не осталось, он стоял, весь облепленный снегом, дыша открытым ртом, и смотрел, как казавшиеся сперва неподвижными деревья угрожающе шевелятся. Рано началось смеркаться, и сгущавшаяся между стволами темнота не предвещала ничего хорошего. «Ну и пусть! — думал обиженный на отца, на липкий снег, на плохо скользившие лыжи и на весь мир Скворцов. — Пусть мне будет плохо. Пусть я умру! Будь что будет!»

— Эй, ты погоди носом-то клевать! — голос старика вырвал Олега из сна. — Я еще спину зашиб, мне самому туда не дотянуться. Намажешь мне спину, потом спи, сколько хочешь. Я тебе тут постелю, а сам на кухне лягу.

Скворцов получил из рук старика мазь, и, когда тот повернулся и задрал рубаху, увидел перед собой его сутулую, узкую, как у ребенка, спину с остро выпиравшими лопатками. Под правой был большой лилово-коричневый синяк, который он осторожно, боясь сделать старику больно, стал мазать пахучей субстанцией из банки.

— Сильней давай! — подбадривал его Коля. — Не стесняйся! Жми шибче!

Голубоватая кожа старика неплотно прилегала к телу, скользила и елозила под рукой, между ней и скелетом совсем не было жира, так что пальцы Скворцова упирались в ребра, едва не проваливаясь между ними, казалось, надави он чуть сильнее, и кожа продавится, расплзется, кости вылезут наружу. Старик кряхтел, иногда постанывал, и терпел. Едкий запах мази затягивал полупроснувшегося Скворцова обратно в сон, где все — и холод, и сырость, и снег, и даже усталость, страх — были такими свежими, какими бывают только в детстве. Эта свежесть не до конца покинула Скворцова, к ней еще можно было вернуться, стоило только найти место, где прилечь. Ему вспомнились последние слова, которые бормотал во сне, и на секунду показалось, что он нашел правильный, самый важный вопрос:

— Так что же будет-то?! Что будет со мной, с Галей, с Валеркой, со всеми? Вы же знаете, нет?

Олег начал уверенно, но раньше, чем закончил, сознание, что он нашел главный вопрос, его оставило, точно посреди фразы он окончательно проснулся, и понял, что нет, это не то, спрашивать нужно было о другом.

— Что будет, что будет, — раздраженное ворчание старика подтвердило Скворцову его ошибку. — Что надо то и будет! Лучше тебе этого не знать. Да и никому это знать не нужно. Сказал же, от тебя все зависит — вот и все, что тебя касается, а дальше сам решаешь.

Коля выпрямился, подошел к шкафу, достал из него белье и кинул на кровать:

— Укладывайся. Я на кухню пойду.

Олег постелил белье, но цвет его показался ему подозрительным, поэтому лег сверху, не раздеваясь, и начал соскальзывать в сон раньше, чем старик выключил в комнате свет. Через неопределенное время проснулся от громкого шороха над головой. Не сразу осознал, где находится, а когда сообразил, вспомнил про кошку Машку. Она жила в темноте своей хищной кошачьей жизнью, стремительно перемещаясь, судя по звукам, возможно, охотилась за мышами. У Скворцова болела с похмелья голова и сильно стучало сердце, из гулкой пустоты в груди по всему телу быстро распространялся страх, делая бессильными руки и ватными ноги, вынуждая Олега сжиматься внутри себя на последнем живом островке в теле, ближе к уютно урчащему желудку. Шорохи и дробный стук кошачьих лап раздавались то сверху, то снизу, то из одного угла, то из другого, точно по комнате носилась не одна кошка, а две или три, темнота кишела ими, и Скворцов съезжился на кровати, чувствуя себя большой обреченной мышью, за которой идет охота. Сильно хотелось пить, но только когда к жажде прибавилась потребность отлить, он смог заставить себя подняться с постели, чтобы добрести до туалета. Проходя мимо освещенной кухни, увидел свернувшегося с книжкой на диване старика Колю.

— Зверюга ваша совсем очумела, спать не дает. Что делать?

Коля отложил в сторону детектив братьев Вайнеров.

— Это с ней бывает. Обожди малость, скоро уймется.

Вернувшись, Скворцов несколько минут просидел на кровати, вглядываясь в темноту, пытаясь увидеть кошку, но та притихла, а как только он лег, зашуршала снова, живая тьма комнаты сгущалась, шевелилась и пульсировала ею. Олег накрыл голову подушкой, но кошачьи перебежки все равно были слышны, казалось даже, что животное где-то совсем рядом, не прячется больше по углам, а носится вокруг кровати. Потом она немного притихла, и все же пару раз Скворцов слышал мяуканье, хотя, возможно, оно ему уже снилось, потому что Олег не заметил, как заснул, и кошка Машка проскользнула в его сон, наполнив его страхом смерти, его осязаемой близостью. Тот страх, от которого Скворцов оторвался, когда, пьяный, жал на газ, чтобы рухнуть в Москва-реку, все же настиг его, воплотившись в кошке, и овладел им во сне.

Наутро он проснулся в обильном поту, но уже со спокойным, ровно бьющимся сердцем, события минувшей ночи стали далекими, детали и мотивы их смутными. Ближе всего была не дававшая ему спать кошка, и Скворцов оглядел комнату, ожидая увидеть на полу растерзанные тела мышей или какие-нибудь их остатки. Но никаких следов ночной охоты не было. Может, она ему приснилась? Оделся, заглянул на кухню. Старик Коля лежал на спине, запрокинув голову с открытым ртом и провалившимся книзу подбородком, его заросшее седой щетиной лицо не подавало признаков жизни. Особенно мертвым выглядел на нем кривой черный провал рта. Скворцову сделалось не по себе — сами собой пришли на память Колины слова, что все здесь на нем держится. Он вгляделся внимательней, различил слабую пульсацию век, потом расслышал дыхание. Слава Богу, живой. Можно было отправляться восвояси. Выходя, постарался закрыть дверь как можно тише, чтобы не разбудить старика, судя по всему, ночь напролет читавшего детектив и уснувшего только под утро.

На улице еще горели фонари, но небо было светлым, над дальними крышами вставали пронизанные невидимым пока солнцем розовые дымы. Теперь Скворцов ехал осторожно, от вче-

рашней его пьяной уверенности ничего не осталось, на каждом повороте он опасался заноса. Было действительно скользко, один раз он проехал мимо аварии и успел испытать что-то вроде стыда или вины за то, что сам цел и невредим. Впрочем, Скворцов всегда чувствовал с похмелья вину по всякому поводу.

Когда вернулся домой, Олег застал жену одевающей в прихожей сына в детский сад. С порога протянул ей подаренную стариком Колей брошь, Галя оттолкнула его руку, даже не взглянув на нее. Скворцов не удивился, другого от жены он и не ожидал, но не знал, что теперь делать с брошкой. Воспользовавшись его растерянностью, сын выхватил ее у него из рук и закричал:

— Это мне! Мое! Мое!

Чтобы не толкаться в узкой прихожей, Скворцов прошел в комнату и через дверь видел в зеркале, висевшем на противоположной от входа стене, как Галя пытается отобрать у сына брошь. Валерка спрятал сжатый кулак с брошкой за спину, Галя принялась выкручивать ему руку, оба были уже одеты, покраснелись, и от этой борьбы в лице жены проступило сходство с сыном, заметив которое Скворцов понял, что нет такой обиды, какой он не смог бы ей простить. А вот простит ли она его? Галя, наконец, отняла брошку и, не удержавшись, стала разглядывать, потом, расстегнув пальто, приложила к платью и остановилась у зеркала в прихожей. То ли ракурс, в котором Олег глядел на жену, был непривычен, то ли Колина брошь отбрасывала на ее лицо свои отсветы, но Скворцову показалось, что никогда еще он не видел жену такой. Ее лицо было знакомым и близким, и, в то же время, совершенно новым, необычным, сияющим.

Сын подпрыгивал, пытаясь дотянуться до брошки, и канючил:

— Отдай! Мое! Отдай!

Скворцов заметил, как прежде, чем спрятать брошь в сумочку, жена победоносно улыбнулась своему отражению.

Когда они ушли, Олег оглядел учиненную им накануне разруху, оценил размер повреждений, вздохнул и начал привинчивать к стулу отломанную ножку.

Старик проснулся к полудню. Потрогал вчерашние ушибы на ноге и спине, пощурился на белое зимнее солнце за окном, потом заглянул в холодильник, достал яйцо, чтобы сварить на завтрак, зажег со второй спички конфорку (первая сломалась в его негибких пальцах) и с минуты, напрягаясь, вглядывался, силясь различить почти невидимое на свету пламя, тревожно нюхал воздух, не пахнет ли газом. В миску на полу налил молока и позвал кошку Машку. Теперь, когда они были одни, она не заставила себя ждать. Она была серой, некрупной, с рыжими подпалинами. Молоко Машка пила деловито, ни на что не отвлекаясь, и только покончив с ним, подошла к хозяину, и, зажмурившись, потерлась о его ногу.

2021-2022 гг.

© Текст: Евгений Чижов

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ — автор романов «Тёмное прошлое человека будущего» («Олма-пресс», 2002; «ЭКСМО», 2009), «Персонаж без роли» («ЭКСМО», 2008), «Перевод с подстрочника» («АСТ», 2013), «Собиратель рая» («АСТ», 2019). Лауреат премии «Ясная поляна», финалист премии «Большая книга».

45-я параллель

(фрагмент романа)

ПОЛИНА ЖЕРЕБЦОВА

Собиратель историй

Снег, всю ночь падавший из небесной пропасти, к утру растаял, деревья повеселели, обрадовались, что Всевышний услышал их мольбы, увидел тонкие дрожащие ветви и отправил ангелов позолотить горизонт.

Наш временный приют, где я и мама снимали квартиру, потускнел и осунулся от невзгод. Пятиэтажный кирпичный дом, прозванный в народе хрущевкой, не могли утешить ни ласковые солнечные лучи, ни хрустящая синева неба. Горемыка сник под тяжестью утрат, переживая войну и пожары. Он чувствовал провалами рухнувших этажей смерть младших братьев и сестер, видел разбитыми окнами их черные остовы — напоминание людям о содеянном зле. Наполненный голосами жильцов, дом держался из последних сил и горестно вздыхал.

Все этажи некогда могучего строения накренились в сторону холмов, и дом стал похож на больное животное, лежащее на боку и смилившееся со своей скорбной участью. Дело было даже не в пробоинах от снарядов, а в том, как сильно он тосковал о мирном времени.

Встав на утреннюю молитву, я заметила, как побеленные холодные стены наполнились влагой. Тонкими струйками водица бежала от потолка к полу, а пар изо рта приобрел очертания неприкаянных душ.

В холоде, без отопления прошли годы, показавшиеся мне столетиями. Ревматические боли дыханием зимы соткали ожерелья внутри тела и, взяв со стола кружку с водой, я ощутила такие мучения, словно мои руки и лопатки пробили остро заточенные стрелы. Невольно мне вспомнилась картина Тициана «Святой Себастьян», и я сочувственно улыбнулась. Декабрьский день чуть слышно просачивался сквозь разбухшие от сырости деревянные рамы и клеенку, заменяющую нам стекла.

Буржуйка напрасно ржавела в углу, мечтая поглотить резной книжный шкаф из орехового дерева. Соседи давно сожгли все, что попало под руку: мебель, паркет, книги.

Война длилась десять лет.

Воспоминания, словно тени, выглянули из-за дверец шкафа, украшенных тяжелыми виноградными кистями.

Возле шкафа тоскливо мяукали кошки. Моя мать Елена заперла домашних питомцев в клетке, чтобы они не разбежались. Я старалась не обращать внимания на кошачьи песнопения, пересчитывая дорожные мешки и сумки.

А мама была сама не своя от волнения.

— Ничего не забыли? Сковородку взяли? Не дай бог забудем сковородку, это же единственная приличная вещь в доме! — бормотала она.

Я махнула рукой. Если честно, мне было все равно, забудем ли мы сковородку. Жальче всего книжный шкаф, принадлежавший некогда моей прабабушке. В лучшие дни своей жизни, до революции 1917 года, он хранил китайский сервиз, а после Гражданской войны его заполнили книгами. Во Вторую мировую от разрыва бомбы шкаф треснул вдоль и поперек, но его по-прежнему любили, поэтому отдали в мастерскую. Старинный шкаф кочевал с семьей из города в город, пока не попал на Кавказ, в Чечню.

Под бомбами я читала прижизненное издание Карамзина «История Государства Российского», собрание сочинений Шекспира 1902 года, труды Льва Толстого, стоявшие на четвертой полке.

Между войнами соседи пытались выкрасть семейный раритет. Угрожали нас убить, если мы помешаем их алчности и корысти, но мы с мамой всегда защищали его.

— Мама, заберем шкаф с собой. Он поместится в машину!

— Нет, Полина! — В мамином голосе послышались нотки упрямства, означавшие бессмысленные и беспощадные споры, если я продолжу настаивать. — Он совсем развалился! Мы его не возьмем!

Я подошла и погладила тяжелые виноградные кисти, покрытые лаком.

— Оставайся здесь, пусть тебя найдет хороший человек, отреставрирует и гордится тобой!

Пора было уходить.

Это наше последнее утро на родной земле. Мы покидаем ее навсегда.

Вещи с третьего этажа я и мама снесли молча и погрузили в кузов «газели», покрытый синим брезентом.

— Посижу пять минут, — сказал наш водитель, следуя местной примете присесть перед дальней дорогой, чтобы все закончилось благополучно. — Мне же еще обратно возвращаться!

Мы остались у кабины. Нам возвращаться не надо. Мы ничего в этих краях не забыли, кроме долгих лет на войне, которых уже не вернешь.

Водитель, согласившийся увезти нас подальше отсюда, высокий худощавый мужчина с зелеными глазами, назвался Асхабом. Здесь, в Чечне, у каждого несколько имен.

Восседая на скамейке, чудом сохранившейся со времен СССР как напоминание о некоторой стабильности, когда еще ежедневно не обстреливали чеченские города и села, Асхаб спокойно поправлял кепку, ворошил копну густых черных волос и тревожно вздыхал:

— У меня жена и трое детей! Родители привели вторую жену. Ей четырнадцать. Не могу я погибнуть сейчас. Есть ли надежда, что вернусь живым домой? Ничего плохого не случится?

Ответов на эти вопросы не было. Мы и сами не знали, как оно пойдет, поэтому утешать понапрасну не стали.

— Аллах все ведает! — сказала мама, кутаясь в шерстяную вязаную шаль. — На все его воля!

— Аминь, — прошептал бледными губами водитель. — Аминь!

Мы забрались в кабину «газели». Клетку с кошками я заранее отнесла в кузов. Пусть радуются, что мы спасаем их от ежедневных терактов.

Хрупкая наледь сверкала под утренним солнцем. Машина тронулась в путь осторожно. Мы шурились от рыжих лучей, маячивших сквозь лобовое стекло.

Оказавшись на трассе Старопромысловского района, я старалась запомнить детали: дорожное покрытие, исчерченное зубастыми осколками мин, ямы от бомб и ракет, растерзанные, взлохмаченные тополя, чудом сохранившиеся рядом с остановкой, от которой осталась одна подпорка в виде круглого железного столба.

Казалось, что дорога, уводящая из города, нарисована безумным художником, смешавшим ночь, пепел и снег на своей палитре. Зачем безумец нарисовал эту картину и заставил нас смотреть на нее?

«Здесь живут люди!» гласила надпись на единственной стене здания, все этажи которого рухнули, а рядом жители устроили свалку. Стена возвышалась над мусором, словно кирпичный парус над пеной морской.

Сквозь пыльное лобовое стекло мне виднелись жилые строения. Возможно, будь у них шанс, дома и коттеджи сбежали бы мигом из этих мест. Некоторые из них частично сгорели, а на крышах других, многоэтажных, расположились отряды русских солдат, принеся с собой тяжелые пушки и мелкокалиберное оружие. Непокойное время побуждает воинов использовать жилые дома как крепости. Это опасно для жителей, испуганно жмущихся к подъездам. Чеченские боевики растворились в окрестных лесах, а те, кто остался в Грозном, присягнули новой власти.

Где-то за горами нас ждал чужой город, расположенный на сорок пятой параллели Земли. Горделивый и надменный Ставрополь, раскинувшийся на холмах, словно Рим, и поэтому считающий себя неприступным. *Город креста* — так звучит по-гречески его имя.

Я мистик и всегда верила, что пространство посылает человеку знаки. Каждый может их видеть, ведь и мы сами для кого-то являемся не более чем притчами, вплетенными в сновидения.

Доподлинно известно, что в нашем роду по женской линии была могущественная ведьма. Однажды, я тогда была маленькая, мама похвасталась:

— В каждом столетии ведьма перерождается! Поскольку сила ее велика, каждый раз она заново решает — служить тьме или свету. Новый отрезок времени для нее всего лишь опыт. Для этого ведьма приходит в наш мир.

— А мы кто? Мы — ведьмы?! — поинтересовалась я.

— Нет, что ты! — рассмеялась мама. — Ведьма рождается раз в несколько поколений и сама, будучи невинным ребенком, не помнит об этом. Но, подрастая, она начинает творить такие дела, что люди до смерти боятся ее сокрушительных чар.

— Как проявляется ее сила?

— Дух ведьмы владеет стихиями. Сотни ангелов закрывают ее от ударов судьбы, и сотни демонов наказывают ее врагов...

У моей матери был дар: она видела ауру и умела снимать руками болевые симптомы. Мать помогала людям искать без вести пропавших родных и могла рассказать судьбу человека от рождения до смерти, посмотрев лишь на черно-белую фотографию.

Что касается меня, то кроме непонятных сумбурных снов, куда без спроса периодически являлись покойники, мне от семейного дара ничего не досталось.

Взрослея, я все больше задумывалась, зачем могущественной ведьме опыт земных рождений? Если бы в высшем мире спросили меня, то я бы отказалась возвращаться в нашу реальность, чтобы не наблюдать, как люди, потеряв совесть, уничтожают друг друга, животных и птиц.

Кто захочет сюда повторно? Плакать по безвинно погибшим душам и сожженным деревьям. Таких простаков надо еще поискать!

Нас тряхнуло на повороте. Трасса изогнулась подобно азиатскому клинку, и стало понятно, что мы выезжаем из Грозного, поднимаемся со дна моря, чему я наивно верила в детстве. Машина устремилась к горам по неровной насыпи, а вокруг поплыли долины, обрывы, пропасти с орнаментом выцветших трав, еще не прикрытые снегом, как случается на Кавказе, где зимы очень теплые. Только наши горы для пущей важности надевают белые папахи.

— Действительна ли бумага? — беспокоилась мама. — Мы неделю назад оформляли ее в милиции.

— Заверили в комендатуре? — спросил Асхаб.

— Да. В ноябре две тысячи четвертого года. Перепись всего нашего имущества. У семьи было три квартиры. Машина! Домашняя библиотека! Теперь вывозим, что осталось после войны. — Мама вытащила из кармана лист с круглой синей печатью, развернула его и стала читать: — Сковородка — одна штука, матрас — две штуки, книги — восемь мешков, узелок с вещами, кастрюлька алюминиевая...

— Кошки указаны? — поинтересовался Асхаб. — Впереди русский военный блокпост. Есть разрешение на вывоз «живого имущества»?

Мама уткнулась в бумажку, выданную чеченскими милиционерами, но в коротком списке пожитков кошек не было.

— Что делать? — запричитала мама. — Стрелять в кошек не позволю! Грудью стану, убить питомцев не дам!

— Главное, меня не вмешивайте, — предупредил Асхаб. — Я водитель. Нуждаюсь в средствах. Помните о двух женах? Мне надо вернуться живым!

Мощное сооружение, собранное из бетонных блоков, преграждало нам путь. Из бойниц выглядывали дула пулеметов, намекая на частые перестрелки в этом районе, а сам военный блокпост был похож на древний дольмен.

Когда «чеченские лесные братья», оголодав в блиндажах и землянках, прорывались в поселки к родне, чтобы хорошенько помыться и поесть, это сопровождалось смертельным фейерверком двух враждующих сторон.

Мир — коварное место. Жизнь и Смерть играют здесь дурными головами и смеются над амбициями невежд.

Блокпосты со времен первой чеченской стояли по всем дорогам, между городками и селениями, на выездах и въездах, и у каждого стола смерти был свой командир. Чаще всего вопросы решались небольшой денежной суммой, реже — расстрелами, так как особо суровые времена канули в Лету, утекли по весне в сточные канавы, прорастая драконьими зубами партизанской войны, ловко заменившей ковровые бомбардировки.

Чеченские боевики, на школьной скамье впитавшие истории о русских народовольцах, пошли путем террора, и оставалось только гадать, когда взорвется на самодельной мине рейсовый автобус, где живой бомбой выступит пятнадцатилетняя вдова с глазами испуганной лани, и во сколько раздастся залп по студентам, слушающим лекции в пединституте. Наша жизнь впечатляла непредсказуемостью.

Мирные жители не умеют стрелять, они разделяют участь пешек в шахматной игре.

На блокпосте, выстроенном в виде прямоугольника, курили русские военные.

Крыша строения была непрочной. В некоторых местах кровельный материал пробили пули, и в ненастную погоду дождь тонкими струйками бежал в бетонное убежище, где вместо пола под ногами хрустел мелкий гравий.

Один из блоков в основании стены оказался длиннее остальных. Из него изогнутым когтем торчала ржавая свая, на которую военные подвесили целлофановый пакет с провизией.

Заметив нашу газель, солдаты, следящие за дорогой, вскинули руки вверх, приказывая остановиться.

— Как будто Гитлера увидели! — пошутила мама.

Военные опасались, что в машине может быть взрывчатка, и не позволяли подъезжать близко к блокпостам. Хотя, если рассуждать здраво, тот, кто везет в кузове бомбу, не станет упражняться в вежливости и спрашивать разрешения.

Асхаб затормозил.

Вдоль лобового стекла раскачивались моленные четки и разноцветная мишура, исписанная по-арабски.

Русские военные нахмурились.

— Надо выйти, — сказала мама.

Она сидела между мной и водителем.

— К ним? — настороженно спросил Асхаб. И добавил: — Точно, надо выйти.

Но остался сидеть на месте.

Военные сняли автоматы с предохранителей.

— Так, внучек, — подбодрила водителя мама, — не трус! Наше дело правое. Мы с дочкой тебя поддержим.

Пока Асхаб поправлял рубашку, ерзал на сиденье, возился с дверной ручкой, я уже вышла из кабины, а мама за мной.

— Э-ге-гей! — крикнула мама военным. — Что стоите, как соляные столпы в Гоморре? Подходите, проверяйте бумаги!

— Сами подходите! — попятившись, заявили сотрудники блокпоста. — Что ваш водитель не выходит? Кто он?

— Чеченец с рынка! У него две жены и много детей! Ему еще назад возвращаться! — крикнула мама, сложив ладони рупором. — Вы его не трогайте, он нацию возрождает!

Русские военные заулыбались:

— Две жены?

Дверь машины со скрипом открылась, и появился Асхаб.

Медленным шагом он приблизился к каменному шалашу и протянул водительские права и пятьсот рублей: мятый ценный прямоугольник фиолетового цвета.

Военные на глазах повеселели. Из глубины бетонного строения показался старший по званию, мужчина лет тридцати пяти. Рядом с потертыми штанами и куртками сослуживцев его

новенький голубой камуфляж смотрелся круто. Себе на шапку командир блокпоста приделал хвост пушного зверя, а под шапкой блестело его довольное круглое лицо.

Ухмыльнувшись, он сунул деньги себе в карман.

— Это нам на курево! — Затем косо взглянул на документы в руке Асхаба и лениво приказал младшим по званию: — Обыскать машину!

Солдаты, которым адресовался приказ, были худы и неказисты. За плечами у каждого из них болтался калашников. Судя по тревоге в глазах, главной мечтой новобранцев было убраться отсюда ко всем чертям.

Первым подошел высокий, светловолосый, а за ним семенил солдатик, похожий на представителя народов Крайнего Севера, то ли удмурт, то ли бурят — он едва доставал напарнику до плеча.

Мы с мамой переглянулись: она переживала за кошек, а я едва сдерживала смех, поскольку нет ничего комичней экстремальной ситуации. Если нас не убьют, будет над чем пошутить. Юмор превыше всего и является главным и основным атрибутом выживания.

Солдаты бестолково тыкали оружием в коробки и пакеты, а затем наугад распорили ножом полипропиленовый мешок, и оттуда вместе с другими вещами вывалился мой черный бюстгальтер. Бюстгальтер как добыча повис на дуле автомата.

— Пиратский флаг! — хихикнула мама. — Йо-хо-хо и бутылка рома!

Солдаты смутились.

Асхаб, как и положено праведному мусульманину, отвел глаза, а кошки, почувствовав запах людей, выразили протест.

«Мяу! Мяу!» — раздались их недовольные голоса.

Солдатик, похожий то ли на бурята, то ли на удмурта, вскрикнул:

— Кто здесь?! Руки вверх!

Поскольку военный резко сделал шаг назад, бюстгальтер с дула автомата улетел вглубь кузова и затерялся среди мешков с книгами.

— Кошки! — сказала я.

— Кошки?! — возопили солдаты, а затем развернулись и стремглав побежали в свой каменный шалаш.

— Я же говорил... — зашептал Асхаб. — Кошек на моей памяти еще никто не провозил...

— Какая у тебя память? Сколько тебе лет? — зашикала на него моя мама.

— Двадцать семь! — гордо ответил Асхаб. — В этом возрасте у моего отца было шестнадцать детей.

Назад солдаты возвращались торопливым шагом, а за ними вальяжно, покуривая сигарету, шагал командир в роскошной шапке.

Мама поджала губы, что свидетельствовало о явном признаке недружелюбия, а я попыталась ослабить платок, чтобы высвободить прядь волос и таким образом избежать дополнительных вопросов по религии.

— Кошки, значит? — Командир в голубом камуфляже смотрел нам прямо в глаза.

— Показать? — спросила мама.

— Естественно! — недобро произнес он.

Солдаты встали по стойке смирно.

Я сдвинула поклажу на край кузова, и мама начала распутывать проволоку. Белый ящик был примотан к коричневому, а внутри сидели наши питомцы. Переплетенные между собой алюминиевые нити нехотя поддались, мама сдвинула верхний ящик, и столпившиеся вокруг

люди увидели Одуванчика, Полосатика и Карину, трех кошек, которых мы не смогли бросить, когда решили уехать из Грозного.

— Правда кошки!!! — загалдели солдаты. — Зачем вы их везете?

— Они нам как дети, — объяснила я, вытаскивая за шкуру трехцветную Карину.

— Полюбуйтесь. — В разговор, забрав у меня кошку, вступила мама: — Это Карина! Котенком она оказалась в недостроенном десятиэтажном здании, в котором рухнули лестничные проемы. Кричала шесть дней. Жильцы нашего района желали ей смерти, поскольку хотели спать. Я, дочка и сосед-чеченец спасли малютку.

Мама, закончив рассказывать, вручила кошку командиру. Карина сразу обновила его камуфляж острыми когтями, а я едва смогла скрыть громкий смех за якобы внезапно начавшимся приступом кашля.

— Одуванчик. — Мама вытащила следующую кошку. — Как видите, блеклая и физиономия у нее страшная, но вы не волнуйтесь. Не бешеная! Испугалась самолета, когда была котенком, ударила головой о ванну, носик сломала. Ненавидит самолеты после бомбежки!

Одуванчик перекочевала к худому, бледному солдату с синими глазами. Кошка вмиг вскарабкалась к нему на плечи, изобразив на изношенной куртке меховой воротник.

Мама попыталась достать последнюю кошку, но Полосатик отличалась дерзким нравом, поэтому повернулась спиной и зашипела.

— Ах ты вредина, — ласково приговаривала мама. — Ах ты коварная...

Полосатик издала яростный рев «мяууу-мяууу!» и была извлечена из ящика.

Солдаты сделали шаг назад, видимо опасаясь, что мама передаст недовольную кошку кому-то из них.

— В туалет хочет! — объяснила ее поведение мама. — Вот и мяукает! Разойдитесь! Здесь у трассы травка, сейчас она облегчит душу.

Пока Полосатик презрительно шипела и копала лапками ямку, командир хохотал:

— Люди из Чечни ковры вывозят камазами! Технику! Цветные металлы! А вы кошек спасаете! Ну и смех!

— Такие мы, — ответила на это мама, собрала наших питомцев и, закрыв одним ящиком другой, закрутила проволоку.

— Нам можно ехать? — робко спросил Асхаб.

— Мы что, кошек задерживать будем? За кого принимаешь? Мне на шапке одного хвоста достаточно! — усмехнулся командир.

Я и мама поспешили забраться в кабину. Небо затягивалось снежными тучами, которые ветер гнал с востока. Я радовалась, что в дальнем углу кузова не обнаружили пакет с дневниками. Тетради воспоминаний были мне дороже всего на свете.

Машина набирала скорость, трясаясь на неровной поверхности горной дороги.

— Следующий блокпост примерно через час! — предупредил Асхаб.

Мама вытащила бутерброд с сыром, завернутый в салфетку. Мне хотелось спросить у водителя, долго ли мы будем ехать, но где это видано, чтобы девушка первой задавала вопросы. Несколько раз я открыла рот, но не сумела произнести ни звука.

Моя мать всегда отличалась суровым нравом. Сейчас ей было за пятьдесят. В таком возрасте женщину на чеченских землях уважают, ведь она прошла нелегкий путь: выданная замуж в молодые годы не по любви, а по воле родителей, битая мужем, она рожала детей, поднимала семью...

Младшие по возрасту, обращаясь к такой женщине, говорят «тетя», по-чеченски это звучит «деци».

- Деци, ты не мерзнешь? — спросил мою маму Асхаб.
- Нормально, — ответила она, доедая бутерброд с сыром. — Захочешь есть, скажи, для тебя тоже угощение взяли.

Асхаб благодарно кивнул.

- Мама, — зашептала я, — спроси у водителя, долго ли нам ехать.
- Чего? — Мама не расслышала, закутанная в теплую шаль.

Я грустно вздохнула: не повезло.

Стекло холодило лоб и щеки, и я, прислонившись к нему, рассматривала равнину, по которой гарцевали лошади. Мужичок в тулупе рассекал воздух хлыстом, подгоняя табун.

Если бы Всевышний спросил, что несовершенно в этом мире, я бы ответила, что это — человеческая раса. За десять лет войны, ставших неотделимой частью моих девятнадцати, право так думать у меня было.

Кто я? Почему выжила там, где погибли тысячи детей? Мои ноги хранят следы от осколков, но шрамы незаметны, потому что край юбки всегда касается земли. Миссия, возложенная высшими силами неумолима: я бережно складываю найденные истории в дневник, где судьбы переплетены так крепко, что кажутся единым целым.

Когда человек теряет способность замечать детали, он может нелепо погибнуть, поскольку самое важное — это внимание. Утратить его легко, обленившись и позабыв о правильном дыхании, отгоняющем суетливые мысли. Чужеродные сущности отвлекают ум и не дают сосредоточиться. Замусоренное сознание выглядит как рябь на воде.

В тайниках моей памяти есть весенний день 1998 года. Путь из школы лежал через руины. Вперемежку с битыми кирпичами там валялись сгнившие от дождей вещи. Заметить книгу под слоем мусора не представлялось возможным, но меня словно манило туда. Я разгребла почерневшие доски — все, что осталось от мебельных гарнитуров, осколки оконных стекол и нашла ее. Страницы книги промокли и пахли гарью, но, как и прежде, они хранили сказания о философах и первопроходцах.

Дома я высушила и склеила свою находку. Эта история научила меня, что существуют события, неразрывно связанные друг с другом, хотя если их рассматривать по отдельности, то узор может показаться совершенной бессмыслицей.

Изучая язычество, буддизм, ислам и христианство, я поняла — религия как одежда, что скрыта от глаз посторонних. Носишь — носи, но никому не показывай.

Я обратилась к пространству по-арабски, нараспев прочитав суру из Корана.

- Туман укутал горы, — сказал Асхаб.

Мама открыла глаза, зевнула и опять задремала. В моем детстве она рассказывала предания о том, что наш род очень древний и в прежние времена прадеды служили царю. Но я отчетливо помню только военную жизнь, которая началась в Грозном, едва мне исполнилось девять.

В стекле отражалось мое лицо: полукруглый лоб, детский, слегка вздернутый нос с веснушками, глаза, то ли карие, то ли зеленые, и большой платок. Я прячу под ним волосы с младших классов школы. Женщин с распущенными волосами в Чечне считают «неверными» и всячески осуждают.

Украдкой мне удалось посмотреть на водителя. Асхаб — сельский житель, привыкший жить согласно традициям. Вся жизнь Асхаба прошла в горах, а сейчас он спустился в город, чтобы заработать денег и отстроить разрушенное войной жилье. Его руки в мозолях и ссадинах, потому что молодой мужчина пытается самостоятельно восстановить родные стены, не надеясь на помощь государства. После долгой войны мы и русские не друзья.

- Апчхи! — Мама чихнула и проснулась.
- Будьте здоровы, деци! — вежливо сказал Асхаб.
- Баркалла, спасибо! — ответила мама.
- Мы сделаем остановку. На трассе есть кафе, где можно перекусить.
- Сколько часов ехать до Ставрополя? — Мама наконец задала интересующий меня вопрос.
- Со всеми проверками и остановками часов двенадцать, — ответил Асхаб.
- На девятнадцатый день рождения мне приснился сон, — поделилась я. — Во сне духи предложили выбрать направление пути и подарили северную стрелу.

Асхаб неоднозначно хмыкнул, а мама прошипела:

- Ты считаешь уместным рассказывать малознакомым людям свои сны?!
- Да, — буркнула я и отвернулась.

Ставрополь находится на пятьсот километров северней Грозного. Но это не предел. Когда-нибудь я отправлюсь дальше, потому что выбрала направление — на север.

Машина резко свернула на неровную обочину, и нас тряхнуло.

- Привал, — сказал Асхаб.

На дороге оазисом раскинулось круглосуточное кафе. Возле стеклянных витрин, рекламировавших аппетитные блюда, останавливались машины дальнбойщиков, междугородние автобусы и маршрутки. Там же припарковалась и наша газель. Издали было заметно, что столики заняты: люди ели пирожки, котлеты с картошкой и салат. Мы вошли в дверь-арку и устремились к стойке с выпечкой.

- Что выберем? — спросила мама, расстегивая куртку.
- В кафе я согрелась от тепла и ароматов съестного.
- Хочу пирожки с капустой, — ответила я. — А ты?
- А я буду котлету, салат и пюре! — Мама оживилась.

Я сделала заказ и оплатила его.

- Садитесь за свободный столик, — сказала официантка. — Я сейчас все принесу.

Наш водитель Асхаб, увидев среди посетителей знакомого чеченца, подсел к нему. За одним столом с чужими женщинами мужчине сидеть неприлично.

- Ты рада, что мы уезжаем? — спросила мама.

Я горько усмехнулась. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос. Чувство, что я нахожусь «не в своем времени», не покидало. На лицах окружающих была усталость от тяжелой работы, страх нарушить традиции и быть осужденным на смерть.

Этот мир безысходен, здесь живые завидуют мертвым.

- Нет, не рада, — ответила я, усаживаясь на стул.

Официантка поставила перед нами поднос.

- Как же! — простодушно удивилась мама, подцепив вилкой салатный лист. — Ты в детстве просила: «Увези меня из Чечни! Спаси из-под бомб!», но мы не могли уехать. Квартиру никто не покупал. Государство о беженцах не заботилось. Старики и дети ночевали на улицах! А теперь, когда впервые появилась возможность покинуть Грозный, ты недовольна...

— Обстоятельства изменились. Последние два года я работала журналистом в газете. На новом месте кто станет публиковать мои статьи? Захотят ли узнать правду, выслушать свидетелей? Или я стану дворником?

— Ничего... — Мама выглядела довольной. — Можно работать и дворником. Зато терактов не будет! Университет закончишь! — размечталась она.

— Я и в Грозном отлично училась, — возразила я. — На третий курс пединститута перешла...

— Слышать ничего не желаю! Ешь свои пирожки молча! — оборвала меня мама.

Чай, остывая, приобрел мутный оттенок. Внутренний голос подбодрил меня: если суждено переехать только для того, чтобы все увидеть и записать, значит, такова судьба.

Обратно к машине мы возвращались не разговаривая.

На территории Ставропольского края нашу «газель» обыскали еще несколько раз. Суровых мужчин в военной форме невероятно смешили усатые питомцы в клетке, сделанной из пластмассовых ящиков. Кошек тискали, целовали и кормили сушеной рыбкой.

Заброшенные пустынные земли, на которых не росли злаки, выглядели из окна машины удручающе и производили гнетущее впечатление. Почему здесь нельзя построить города для миллионов бездомных?

Дорога настраивала на мысли о Боге. Жители Земли называют Бога разными именами, а убивая друг друга, величают это священными войнами. Когда я была маленькой, то молилась разным богам. И нельзя сказать, что хоть кто-то из них отказал мне в помощи.

В три года я занялась йогой. Не по своей воле, конечно. Мама настояла, что обязательно следует приобщаться к практикам индийских мудрецов.

К пяти годам я увлеклась чтением и горделиво возомнила себя православной христианкой. Помимо обычных книг мне нравилось читать церковные, шептать у икон непонятные слова, от которых душа волновалась и трепетала.

В восемь лет я познакомилась с верованиями язычников. Где тот далекий Бог, создавший все вокруг? Духи земли и воды гораздо ближе к людям. Я взывала к Зевсу, Дионису и Афродите. Просила о любви и победах. Щедро рассыпала лепестки пурпурных роз и соленое печенье во фруктовом саду. Слушала, как поют соловьи.

За этим последовало очарование Шакти и восхищение Ганешей. Медитируя, я мысленно устремлялась к Будде, чьи глаза словно расплавленное золото.

В четырнадцать лет я решила разорвать кольцо перерождений. Отмерить новую жизнь. И начала молиться по-арабски.

Религия у меня получилась весьма своеобразная, полная мистерий, но если непосвященный человек замечал девушку в большом платке, то, вероятней всего, он думал, что она мусульманка.

Я решила, что в моем доме всегда будут Тора, Библия и Коран, сказания о Гаутаме, Тибетская книга мертвых, учения Конфуция, Платона и Аристотеля.

— Заснула что ли? — Острый мамин локоть напомнил мне о реальности. — Говорю, давай сюда пакет! Там термос с чаем и орехи!

Мысли, как джинны, путают и наводят морок. Я подала матери пакет. Она поинтересовалась у Асхаба, не желает ли он чего, и тот согласился взять горсть очищенных грецких орехов.

Природа за окном изменилась. Вокруг расстились бескрайние пустынные поля и лесополосы с черными неприглядными деревьями. Горы остались позади.

Нас еще раз обыскали. Но не нашли ни дневники, ни деньги — жалкие гроши, оставшиеся от положенной компенсации, из которой мы получили только небольшую часть.

Предвечернее время неудержимо накатывалось вместе с гаснущим на горизонте солнечным диском.

Я попыталась остановить поток мыслей, произнести «ом-м-м-м» и внезапно вспомнила, как впервые поняла, что колдовать плохо. В четыре года я услышала легенду о ведьме. Голос матери сливался с шумом осеннего ветра в родном грозненском дворе, где стояли кирпичные многоэтажные дома в виде буквы П. Потом мама ушла по делам, а я осталась.

Пожелтевший лист тополя притаился у моих ботинок. Схватив его, я закружилась, словно дервиш в неистовой пляске. Я кружилась с такой скоростью, что стала частью вихря и уже не могла остановиться.

«Духи света, духи тьмы, приходите мне служить! — повелела я. А затем на меня снизошла идея, за которую я до сих пор испытываю стыд. Подув на сухой листок, я приказала невидимым помощникам: — Пусть завтра весь двор будет усеян мертвыми голубями!»

Я перестала кружиться, уронила тополиный листик и как ни в чем не бывало побежала играть к подружкам.

На следующее утро наш дом сотрясся от криков соседки Марьям:

— Лена! Лена, ты посмотри, что случилось! Вай, вай! О Аллах!

Мама выбежала во двор в ночной рубашке, босиком, а за ней и остальные жильцы нашего дома.

Я никак не могла понять, отчего взрослые плачут и причитают. Встала с кровати и вышла следом за матерью.

— Ночью был ураган! — сокрушались соседи. — Вихрь накрыл город! Упали большие деревья!

— Птицы! Птицы! — кричала тетушка Марьям. — Птицы мертвые!

— Какие птицы? — удивилась я, потому что успела позабыть о своей игре в злую волшебницу.

Мама была расстроена.

— Десятки голубей мертвы... Их тела раскидало по дорожкам, у гаражей, на клумбах...

— Это... — Я осеклась от ужаса. — Это сделала я! Обещаю, что больше не буду колдовать!

— Не мели чушь! Это просто ураган, — строго сказала мама.

Она так и не поверила мне, назвав чистосердечное признание детскими фантазиями. Будь это действительно так, мне бы легче жилось на свете. Теперь, покупая хлеб и подкармливая голубей, каждый раз я пытаюсь вымолить прощение за свою неоправданную жестокость.

Тени от желтоглазых фонарей легли на дорогу, и мы проехали очередной блокпост, чтобы оказаться в Ставрополе, в частном доме, который заранее взяли в аренду на Пятачке.

Ставропольский Пятачок — это место в районе Нижнего рынка, там маклеры и зазывалы предлагают аренду и продажу жилья.

Внутри съемного дома мы ни разу не были. Внесли оплату за два месяца и получили ключ от старого амбарного замка.

— Там тепло? — спросила я хозяйку.

Хозяйка, крупная женщина лет пятидесяти, ответила скороговоркой:

— Пол бетонный. Печка есть. Не пропадете.

У нее не нашлось времени показать жилище изнутри.

Я помнила, что дом находится в районе Нижнего рынка, недалеко от магазинчиков, торгующих алкоголем, и гостиницы «Интурист». Жилье в этих местах походило на бараки для заключенных Гулага. Некоторым частным домикам стукнуло несколько веков, и наверняка в каждом

из них жил домовый. Радовало, что от восьми соседних строений нас отделяла сетка, а рядом с арендованным домом росла разлапистая ель. Ее можно было украсить под Новый год.

- Скоро приедем! – радовалась мама.
 - Дай Аллах! – вздохнул Асхаб.
 - Оставайся ночевать, – предложила она.
 - Неудобно, – смутился наш водитель.
 - Я бабушка. Куда в ночь поедешь? Завтра мы тебя проводим до Буденновска.
- Последняя фраза Асхаба обнадежила. Он переспросил:
- Точно проводите? Увидят, что чеченец, схватят. Родные даже труп не найдут... Война превратила многих в зверей. Здесь, на территории русских, я беззащитен.
 - Приедем, макароны отварим! Есть консервы. – Мама была поглощена незатейливыми мыслями о вкусном ужине.

Небо почернело, стало тяжелым, как подошва сапога. Я размышляла над книгой, прочитанной во вторую чеченскую: кто могущественней – человек или его тень?

Однажды я отправилась искать еду на развалины многоэтажки. Стены дома были пробиты насквозь и образовали своеобразные коридоры на уцелевших этажах. Осторожно, стараясь не наступить на серебристую нить растяжки, я блуждала внутри.

Вспоминала, как в двенадцать лет влюбилась в соседского мальчишку по имени Эрик. Я не могла признаться ему в чувствах и жалела, что у меня не было ни одной его фотографии... Семья Эрика сумела спастись из Грозного, а их квартиру в годы смуты захватили чеченцы. Они, странное дело, не выбросили чужие фотографии, словно хотели знать, у кого отобрали жилье.

В тот день я нашла фотографию Эрика и прикрепила ее к страницам дневника, как цветок войны, сорванный на руинах.

В разбитых домах всегда было полезное: лекарства, бинты, крупа или мука. Меня привлекали книги. Пролистывая их, я узнала, что многие жители в городе промышляли черной магией. А когда ввели шариат, каждый лицемер бил себя в грудь и кричал об истинном исламе...

- Книгу по магии где-то обнаружила мама.
- Иди-ка сюда! – позвала она.
- Ни тон ее голоса, ни сама книга не вызвали у меня приятных эмоций.
- Э, нет, – сказала мама, увидев, что я попятилась к двери. – Живо подошла!
- Дети на Кавказе безукоризненно подчиняются взрослым. Это наша отличительная черта.
- Предчувствуя, что сейчас в меня полетит домашняя утварь, я по чеченскому обычаю склонила голову.
- Я нашла заговор. Ты прочитаешь его!
- Ни за что! Это грех!
- Бог простит! Ты не можешь ослушаться мать, а то прокляну.
- Надо сказать, что проклинала она меня частенько. Война сделала женщину, данную мне в матери, жесткой и властной, не принимающей отрицательные ответы.
- Идешь и читаешь! – приказала она. – Никто в жизни мне не перечил, и тебе не позволю!
- Грузная, в халате и платке, мама сама походила на ведьму, про которую любила рассказывать.

Я подчинилась, как принято на Кавказе, когда старшие что-то велят младшим: выйти замуж за незнакомого человека, жениться на девушке, которую видели и одобрили только старики рода, зарезать барана или что-то еще.

Мама сунула мне книгу. Прочитав на обложке имя автора, я успокоилась: это выдумщик, желающий заработать, подумалось мне. Если произнести заговор, не случится ровным счетом ничего. Суть состояла в следующем: нужно было остаться одному; затем в полдень встать таким образом, чтобы видеть свою тень, и попросить ее об услуге.

- Прошу тебя, – сказала я тени, – устрой так, чтобы мы уехали отсюда!
- Когда все было кончено, я отправилась домой, зашвырнув книжку в ближайшие кусты.
- Начитала?! – строго спросила мама, карауля меня у подъезда, где массивное бревно подпирало плиту, съехавшую со второго этажа.
- Да, – ответила я. – Но больше не буду! Книжку выбросила, потому что гадание и заговоры – это харам!
- Тьфу на тебя! – разозлилась мама, но не стала скандалить: все-таки я выполнила ее задание.
- С тех пор прошло два года, и у нас появилась возможность уехать.
- Ставрополь! Ставрополь! – Время вернуло меня в салон газели.
- Мама повеселела, несмотря на то что впереди стояли военные и проверяли грузовые машины. Нас пропустили достаточно быстро, и, въезжая в город, мы попали под фейерверк. Ночное небо озарилось яркими павлиньими хвостами.
- Видишь, – сказала мама, – это знак! Мы будем жить хорошо! Все наладится!
- Я промолчала: меня не восхищал фейерверк, я не могла слышать хлопки и взрывы, от всего этого холодели руки и бешено стучало сердце. Так что для меня это были недобрые знаки.
- Мама же, наоборот, любила пальбу.
- Мы ехали по оживленным улицам чужого города, и я пыталась разглядеть лица людей, угадать, как им живется здесь, в русском мире.

© Текст: Полина Жеребцова

© Графика: К. Батышев. «БЕЗ НАЗВАНИЯ», 2012

свинцовая лента огромной реки

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ

стихи

СВИНЦОВАЯ ЛЕНТА ОГРОМНОЙ РЕКИ

В одном из произведений
Русской литературы
Я точно не помню
В каком именно
Что-то классическое
Обязательное для изучения
В университетах
И даже школах
Лесков, кажется
Или ещё что-то в этом роде
Не помню
Какая разница

В общем
Там женщина совершила
Какое-то преступление
Её задержали, осудили
И отправили
В восточную часть
Нашей обширной страны
И вот она идёт
В кандалах
Или без них
Не помню
Что-то с ней происходит
Какие-то мрачные, смрадные
Приключения
Даже любовные, вроде бы

Дикие какие-то вещи
Она странным образом
Не унывает
И сохраняет так называемую
«Бодрость» «духа»
Дерётся с кем-то
Подкупает караул
Любит кого-то
И идёт
И идёт
И идёт

И вот они все подходят
Весь этот их этап подходит
К Казани
И они все начинают видеть
Свинцовую ленту
Огромной реки
Да. Свинцовую ленту
Огромной реки

И там дальше происходят
События
Героиня, кажется, гибнет
И что-то ещё
Там происходит
Но это уже не очень-то важно
Не очень это всё уже важно

Когда читал этот текст
Врезался намертво
Этот вид
Этот, простите, образ
Идёт человек в кандалах
Куда-то идёт
На свою погибель
На своё мучение страшное
На свою смерть
И дорога делает поворот
И открывается новый вид
И человек видит перед собой
Свинцовую ленту
Огромной реки

И тут можно было бы сказать
Какие-то слова о России
О её характерных образах
О её, извините за выражение
Архетипах
О вечном рабстве
О тоске и печали

Но лучше не говорить
Этих дурацких слов
Ничего это, наверное
Не значит
Просто красивая, грозная
Отрезвляющая
Лишающая лишних иллюзий
Картина
Которую полезно
Держать в памяти
Или воображении
На всякий случай
Просто на всякий случай —

Свинцовая лента
Огромной реки
И человек в кандалах.

14 октября 2021 года

ЧАЙКА И СМЕРТЬ

Сидел в гостиничном номере
В Санкт-Петербурге
На пятнадцатом этаже
Да, такая большая гостиница
Просто огромная
Вид потрясающий
Как это сейчас называется
Панорамное окно
Видно всю центральную часть
Санкт-Петербурга
Ну, не всю, конечно
Но значительную часть
Центральной части
Фонтанка
Исаакий
Новая Голландия
Портовые краны слева
Огромный одинокий небоскрёб
Вдали
Крыши, дома
Питерский, вернее, петербургский вид

Сидел за столом
Редактировал какой-то текст
Кажется, свой собственный

Пятнадцатый этаж — это высоко
Высоковато
И мимо окна
Всё время летают чайки
Эти тупые птицы
Помню, делал интервью
С девушкой-орнитологом
Аэропорта Домодедово
И девушка-орнитолог сказала
Что чайки — самые тупые птицы
И вообще, самые ужасные
Тупые, жестокие
И вообще отвратительные
Хуже чаек нет никого
Сказала красивая
Девушка-орнитолог

И вот чайки
Птицы, хуже которых
Нет никого
Кружились перед окном
Кружились, кружились
Страшно кричали

И вдруг одна из чаек
Села на подоконник
С внешней стороны
Села и уставилась на меня
У неё были
Абсолютно пустые, тупые глаза
Но не просто тупые
Её глаза, её взгляд
(А у неё был именно взгляд
А не просто глаза)
Был переполнен ненавистью
Ко всему живому
И не живому
Ко всей Реальности в целом
И заодно ко мне
Как к части Реальности
Это удивительное сочетание
Тупости, холода
Пустоты и ненависти

Ни у одного живого существа
Я не видел подобного взгляда
Вернее, видел
Однажды один человек
Посмотрел на меня таким взглядом
Исполненным пустой ненависти
Взглядом, который я не забуду
Никогда
Это был случайный человек
Он посмотрел на меня
И вышел на станции метро
«Комсомольская-кольцевая»
А я поехал дальше
В сторону «Курской»
Но до сих пор помню
И никогда не забуду
Этот взгляд, полный
Пустой, тупой ненависти

И вот у чайки
Был ровно такой же взгляд

Я подумал:
Если она сейчас
Долбанёт клювом в стекло
Мне конец

Чайка подняла голову
Примерилась к стеклу
Собралась уже долбануть
Но потом передумала
Посидела ещё
Посмотрела на меня
Со своей неподвижной, вечной, пустой
Ненавистью
И улетела
Присоединилась к другим чайкам
Которые кружили
Рядом с гостиничным фасадом

Чайки страшно кричат
Ищут пищу
Жрут рыбу
Это их обычные занятия

Слава Богу, подумал я
Значит, ещё поживём
Как-то ещё поживём
Инда еще побредём, Петровичь
До самая смерти

Где-то эта чайка
Продолжает жить
Продолжает ненавидеть всё
Вообще всё
Не осознавая этого
Где-то она длится, живёт
Летает
Жрёт рыбу
И страшно кричит.

11 декабря 2021 года

© Текст: Дмитрий Данилов

где ты, жизнь, — пошла на слом

стихи 2022 г.

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ¹

* * *

Как будто нигде не горит,
Но дымом отчётливо тянет,
И в воздухе носится ритм,
Голодного пламени танец.

В морозном тумане огни
Пока что невидимы глазу,
Откуда-то с Волги они
Нахлынут, а может, с Кавказа,

А может, и с разных сторон
По искорке — тыщи и тыщи.
Взвиваются хлопья ворон,
Как будто внизу — пепелище,

И мы у кирпичной стены,
И город, и берег шершавый —
Раскатанные головни
Так прочно стоявшей державы.

9.02.2022

* * *

Как над речкой тополь, над речкой явор,
Как под ними раскинут военный табор,
От пятнистых курток в глазах рябит,
Но никто пока ещё не убит.
Для чего, скажите мне, это войско?

¹ ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ (МАТЕРИАЛ) СОЗДАНО И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНО ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА, И (ИЛИ) РОССИЙСКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА

Оплывает снег желтоватым воском.
Снег свернулся подтаявшим творогом.
Кто сегодня назначен моим врагом
В нарастающем рокоте барабанов —
Может, Ира Евса или Кабанов?
Может, там, где ветер гулял-шумел,
На меня накидывают шинель
Лютый враг мой Гоголь и враг Шевченко,
Может, Леся гонит меня зачем-то?
Может, все, кого знаю, кого люблю,
На меня набрасывают петлю?

Расползается зимней дороги ветошь,
Камуфляжные спины мелькают — нет уж,
Милый брат мой Киев и Харьков-свет,
Никогда не поверю я в этот бред.
Заколдовано место — но как ни бейся,
А врагов не видно — и только бесы
Увиваются — но при свете дня
Все растают — как воск от лица огня.

18.02.2022

* * *

Протухший Новый год,
Обвисшие гирлянды,
Подкисший невский лёд,
Ты, друг мой ненаглядный,

Сидевший на стене,
Обняв меня рукою,
Кивни скорее мне
Из вечного покоя.

Мне страшно здесь одной
Среди снегов холмистых.
Под нашею стеной
Опять война дымится,

Ещё летает смех,
Ещё ей верят мало,
Но ты-то знал, что всех
Накормят до отвала

И кровью, и стыдом,
И поношеньем громким –
Как этим грязным льдом,
Подтаявшим по кромке,

И беженцев толпой,
И смертью большеротой.
Ты знал же, милый мой, –
Так сделай же хоть что-то!

19-20.02.2022

* * *

Лампа, стол, кусок стены,
Чашка с недопитым чаем.
Вот и наше “до войны”
Тихо встало за плечами.

То же от плиты тепло,
То же розовое мыло –
Только тонкое стекло
“До” и “после” разделило.

Та же улица в окне,
Снега тающие горы,
Но при мысли о весне
Ком подкатывает к горлу.

Никому мы не нужны.
Скоро масленица мѣнет –

По убитым в Украине
Поминальные блины.

4.03.2022

* * *

В ресторане музыка играет,
Женщина, свеча, бокал вина.
Украина – это где-то с края,
Никому отсюда не видна.

Рвѣтся пламя, рушатся кварталы,
С площади доносится: “Ганьба!”
Женщина движением усталым
Поправляет волосы у лба.

Матовая белая посуда,
Капучино с пенкой и десерт.
Проплывает далеко отсюда
В дымке – чья-то маленькая смерть,

Точкою, горошиною, только
Никому пока что невдомѣк –
Рухнет и сюда, за этот столик
Весь в крови, бесформенный комок.

6.03.2022

* * *

Кто же знает, насколько прощаться,
Жизнь на локоть вперед не видна.
Узкий дворик по имени счастье
Не проступит теперь из окна.

Ни кивка, ни бренчанья трамвая,
Ни ступенек – коротеньких строк.
Шорох слышится – жизнь разрывает
Пополам, как бумажный листок.

Серый воздух завистлив и едок,
Небо – в ключьях, как знамя полка.
Посмотри на меня напоследок.
Поцелуй меня в слѣзы. Пока.

20.03.2022

* * *

Что я буду делать без тебя, что?
Вот чемодан, вот пальто,
Вот целый мир,
Протѣртый до дыр,
Видишь города, реки, траву –
Нет только места, где я могу
преклонить главу,
Гладить твои волосы, касаться твоей руки.
Мне говорят – беги,
И я убегаю, подобно вору.
Как же наши споры
На кухне под остывший чаѣк:
Это мой паѣк
Ежевечерний – в одиночке ли, на миру –
Но я без него умру.
Нет уж, пусть умирают те,
Кто выключает свет, оставляя нас в темноте,
Кто стирает с земли города, выключая звук,
Вырывая у нас из рук
Наше солнце – горстку дней, которые мы
могли
Провести под одной крышей, – вот они, рас-
катываются в пыли,
Белые бусы, светящиеся шары,
Ради кровавой игры
Главкомандующих, не видящих дальше носа.
Ничего, их Каносса
Недалеко. Возьми
Обрывок нитки, на которую были нанизаны
наши дни,
Наших окон огни,
Наши прогулки долгие, наши речи,
Прислонись к стене, зажимая рот,
Мы начинаем движенье – от,
Но на самом деле – навстречу.

24.03.2022

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ — родилась и живет в Петербурге. Поэт, эссеист, автор 15 сборников стихов. Стихи переводились на английский, немецкий, шведский, голландский, финский, итальянский, сербский, литовский языки. Лауреат Пушкинской стипендии (Германия, 1999), премий журнала «Звезда» (2003), журнала «Интерпоэзия» (2016), специальной премии журнала «Этажи» (2019). Победитель Волошинского конкурса (2018), Всероссийского поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» (2019). Участница международного поэтического фестиваля в Роттердаме, Платоновского фестиваля, фестивалей «Петербургские мосты», «Киевские лавры», Международного Хлебниковского фестиваля «Ладомир», Платоновского фестиваля и др. Печатается в литературных журналах «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Этажи», «Новый берег», «Крещатик», «ШО», «PROSODIA», «ФОР-МАСЛОВ», «Литература» и др.

* * *

То ли я живу во сне,
То ли не совсем живу.
Без меня откроет снег
Прошлогодную траву,

И из земляных борозд
Вверх воскреснут семена,
И на крыше чѣрный дрозд
Распоѣтся без меня.

Где ты, брошенный мой дом,
Где ты, брошенный мой сын,
Где ты, жизнь, – пошла на слом
Вместе с дождиком косым.

9.04.2022

* * *

На каждом углу цветы и собаки.
Всѣ бессмысленно. Перешли черту.
В детской траве – мелкие красные маки.
Слѣзы брызнули на мосту.

Медленно расцветает чужое солнце.
Незнакомое дерево качается на ветру.
Мутная река подо мной несѣтся.
Удивлѣнно смотрю –

Вот рука, вот нога – в целости.
Странно, что не надо – бегом.
За спиною разжались челюсти
И сомкнулись – на ком-то другом.

5.05.2022

© Текст: Татьяна Вольтская

Бойня в вишневом саду

пьеса

Элис Остен

Перевод Ольги Варшавер
и Татьяны Тульчинской

действующие лица

РАНЕВСКАЯ американская актриса, за 40
ТРОФИМОВ американский актер российского происхождения, за 20
ЛОПАХИН американский актер, за 40
ВАРЯ американская актриса, за 20
ФИРС американский актер, за 70
ГАЕВ американский актер, за 50
ПИЩИК американский актер, за 60
БОРИС русский человек неопределенного возраста
Первый боевик
Второй боевик

Действие происходит в американском театре, в наше время. Постановка «Вишневого сада» не банальная, а напротив — первоклассная. Пьеса играется без антракта. Помечены реплики, звучащие одновременно.

«Говорить правду в эпоху лжи — это бунт».
(Цитата приписывается Дж. Оруэллу)

Свет. Американский театр. Идет спектакль по пьесе Чехова «Вишневый сад».
Действие первое, на сцене: РАНЕВСКАЯ, ФИРС, ПИЩИК, ГАЕВ и ЛОПАХИН.

Лопухин всматривается в зал. Снова звонок мобильного. Мужчина, сидящий среди публики, достает мобильник, отвечает. Это БОРИС. Реплики звучат одновременно:

РАНЕВСКАЯ (смеется) Мне хочется прыгать, размахивать руками. (закрывает лицо руками) А вдруг я сплю! Видит бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. (сквозь слезы) Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив.

ФИРС Позавчера.

ГАЕВ Он плохо слышит.

В зале звонит мобильный телефон.

ЛОПАХИН (напрягается, но из роли не выходит) Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харькове ехать...

В зале снова звонит телефон.

ЛОПАХИН (громко) Такая досада! Хотелось поглядеть на вас...

БОРИС Ну?

ЛОПАХИН (повторяет, с нажимом) Такая досада.

Лопухин гневно смотрит на Бориса.

БОРИС (в телефон) Нет еще.

ЛОПАХИН (Борису) Хотелось поглядеть на вас.

БОРИС Скоро.

Борис убирает мобильник в карман. Борис и Лопухин встречаются взглядами. Пауза.

ЛОПАХИН (удовлетворенно, Раневской) Вы все такая же великолепная.

ПИЩИК (ничего не заметив, сладострастно — Раневской) Даже похорошела... Одеты по-парижскому... пропадай моя телега, все четыре колеса...

ЛОПАХИН Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно все равно. Пускай говорит. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную.

РАНЕВСКАЯ Я не могу усидеть, не в состоянии. *(вскакивает и ходит в сильном волнении)*

Борис ёрзает в кресле, громко вздыхает.

РАНЕВСКАЯ Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкафик мой родной... *(целует шкаф)* Столик мой.

ГАЕВ А без тебя тут няня умерла.

РАНЕВСКАЯ *(садится и пьет кофе)* Да, царство небесное. Мне писали.

ГАЕВ И Анастас умер. Питер Косой от меня ушел и теперь в городе у пристава живет. *(вынимает из кармана коробку с леденцами, сосет)*

ПИЩИК Дочка моя, Дашенька... вам кланяется.

ЛОПАХИН Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, веселое. *(взглянув на часы)* Сейчас уеду, некогда разговаривать... ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть... Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода.

ГАЕВ Какая чепуха!

Борис снова шумно ёрзает.

Лопухин бросает на него раздраженный взгляд.

РАНЕВСКАЯ Я вас не совсем понимаю, Ермай Алексеевич.

БОРИС *(себе под нос)* Где вам, америкосам, понять.

Лопухин выбит из колеи, он начинает путать текст.

ЛОПАХИН Вы будете брать с дачников самое малое по двадцати пяти долларов...

РАНЕВСКАЯ *(удивленно)* Долларов?

ЛОПАХИН Рублей! Рублей в год за акр... *(исправляется)* — за десятину! *(берет себя в руки, скороговоркой)* ... и если теперь же объявите, то я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, всё разберут. Одним словом, поздравляю, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад...

Борис напряженно вслушивается.

РАНЕВСКАЯ Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете.

БОРИС Мы, русские, и то не понимаем!

РАНЕВСКАЯ Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад.

ЛОПАХИН *(очень громко)* Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает.

ГАЕВ И в «Энциклопедическом словаре» упоминается про этот сад.

ЛОПАХИН *(взглянув на часы)* Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, двадцать второго августа и вишневый сад, и все

имение будут продавать с аукциона. Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам.

ФИРС В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

ГАЕВ Помолчи, Фирс.

ФИРС ... И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали.

РАНЕВСКАЯ А где же теперь этот способ?

ФИРС Забыли. Никто не помнит.

ПИЩИК *(Раневской)* Что в Париже? Как? Ели лягушек?

РАНЕВСКАЯ Крокодилов ела.

ПИЩИК Вы подумайте...

ЛОПАХИН До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным.

БОРИС Допустим... Хотя сомневаюсь.

ГАЕВ *(возмущенно)* Какая чепуха!

Входит ВАРЯ.

ЯША не входит, хотя — по Чехову — его выход.

ВАРЯ Тут, мамочка, вам две телеграммы. *(выбирает ключ и со звоном отпирает старинный шкаф)* Вот они.

РАНЕВСКАЯ Это из Парижа. *(рвет телеграммы, не прочитав)* С Парижем кончено...

ГАЕВ А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодушевленный, а все-таки, как-никак книжный шкаф.

ПИЩИК *(удивленно)* Сто лет... Вы подумайте!

ГАЕВ Да... Это вещь... *(ощупав шкаф)* Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование...

Борис хохочет. Пауза.

Гаев продолжает.

ГАЕВ ... которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая *(сквозь слезы)* в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания.

ЛОПАХИН Да...

РАНЕВСКАЯ Ты все такой же, Леон.

ГАЕВ *(немного сконфуженный)* От шара направо в угол! Режу в среднюю!

Громкий вскрик за кулисами.

РАНЕВСКАЯ *(встревоженно)* Яша? Яша?

ЯШИ по-прежнему нет.

Пауза.

ПИЩИК Не надо принимать медикаменты, милейшая... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда... многоуважаемая. *(берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот, и запивает квасом)* Вот!

РАНЕВСКАЯ *(испуганно)* Да вы с ума сошли!

ПИЩИК *(заплетающимся языком)* Все пилюли принял.

ЛОПАХИН Экая прорва!

Все смеются.

БОРИС Дебилы, блин.

ФИРС Они были у нас на Святой, полведра огурцов скушали.

РАНЕВСКАЯ О чем это он?

ВАРЯ Уж три года так бормочет. Мы привыкли. *(пауза)* Преклонный возраст. Слаб умом стал.

БОРИС Все вы тут слабоумные.

ЛОПАХИН До свиданция. *(не выходя из роли, обращается к Борису)* Вам пора идти.

БОРИС Нет, это тебе пора. Я видел этот спектакль. Ты сейчас уходишь.

Снова вскрик за кулисами.

ЛОПАХИН Шарлотта Ивановна?

РАНЕВСКАЯ *(не может сдержать тревоги)*

Шарлотта Ивановна? Шарлотта?

ШАРЛОТТА не выходит, хотя должна.

ЛОПАХИН *(Раневской)* Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят долларов... рублей достану. Серьезно подумайте. А сейчас я ухожу... *(Борису)* ...и вы тоже.

ВАРЯ *(обоим)* Да уходите же наконец!

Лопухин направляется за кулисы.

У Бориса снова звонит мобильник.

Лопухин останавливается.

ГАЕВ Хам. Впрочем, пардон... Варя выходит за него замуж, это Варин женишок. *(поняв, что Лопухин все еще на сцене)* Что вы тут делаете?

Звонит мобильник.

ЛОПАХИН *(Гаеву, показывая на Бориса)* Хочу уйти вместе с этим господином.

Лопухин спускается со сцены, идет к Борису.

ВАРЯ *(продолжает по тексту пьесы, Гаеву)* Не говорите, дядечка, лишнего.

РАНЕВСКАЯ Замуж? Что ж, Варя, я буду очень рада.

Реплики произносятся одновременно:

ЛОПАХИН *(Борису)* Выключите ваш чертов телефон.

БОРИС *(в телефон)* Да... да-да.

Борис опускает, но не убирает телефон.

ПИЩИК *(в полной растерянности)* Человек, надо правду говорить... достойнейший... А все-таки, многоуважаемая, одолжите мне... займы двести сорок долларов...

БОРИС Слыхали? Долларов! Рубль давно в унитаз спустили.

ЛОПАХИН *(Борису, твердо)* Вон отсюда.

БОРИС Кому нужны рубли? Никому!

ЛОПАХИН Вы срываете спектакль.

ПИЩИК *(пытается говорить свой текст)* Мне нужны! Завтра по закладной проценты платить.

ВАРЯ Нету, нету!

РАНЕВСКАЯ *(быстро, механически проговаривает текст, глядя на Лопухина и Бориса)* У меня в самом деле нет ничего.

ЛОПАХИН Где капельдинеры? Срочно пройдите в зал.

Борис засовывает телефон во внутренний нагрудный карман и встает, не вынимая руки из кармана.

В зал входят двое мужчин, но это не капельдинеры.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК и ВТОРОЙ БОЕВИК.

ПИЩИК Найдутся. Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан глядь,— железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра... Двести тысяч выиграет Дашенька... у нее билет есть.

РАНЕВСКАЯ Кофе выпит, можно на покой.

Лопухин решительно идет по проходу к Борису.

Борис достает пистолет.

Все застывают.

БОРИС На покой, говорите? Ну разве что на вечный...

Крики за кулисами.

Паника на сцене.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК и ВТОРОЙ БОЕВИК вынимают оружие.

Все под прицелом — и актеры, и публика.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Тихо! Всем оставаться на местах.

ВТОРОЙ БОЕВИК Цыц, америкосы!

Борис наставляет пистолет на Лопухина, подходит ближе.

БОРИС Это он зрителям. А вот актеры пусть играют. *(к актерам на сцене)* Поехали.

Актеры стоят окаменев.

БОРИС *(подсказывает)* Брючки...

ФИРС *(включается, Гаеву)* Опять не те брючки надели. И что мне с вами делать?!

Борис взмахом пистолета командует: дальше! Актеры подхватывают.

ВАРЯ *(скороговоркой)* Аня спит. Уже вошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

ГАЕВ Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?

ЛОПАХИН *(Борису)* Вы, правда, будете в меня стрелять? За то, что попросил телефон выключить?

БОРИС Могу и стрельнуть. Не за телефон.

ЛОПАХИН А за что?

БОРИС За то, что спектакль дерьмовый. *(Раневской)* Играйте, я сказал!

РАНЕВСКАЯ *(на грани истерики)* О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спа-

ла, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. *(выдавливает смех)* Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

ГАЕВ Да, и сад продадут за долги, как это ни странно!

РАНЕВСКАЯ Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! Это она.

ГАЕВ Где?

Долгая пауза.

ВАРЯ Господь с вами, мамочка.

РАНЕВСКАЯ Никого нет, мне показалось. Никого.

Долгая пауза.

БОРИС А где Трофимов?

Мертвая тишина.

БОРИС Я хожу сюда каждый вечер, не пропустил ни одного спектакля. Всё жду, вдруг однажды сыграете по-новому. Дозреете наконец. *(пауза)* Но нет. Не дозрели. *(пауза)* Единственная новость: сегодня Трофимов пропустил свой выход. Так где он?

ЛОПАХИН Неизвестно. Яши и Шарлотты тоже нет...

БОРИС Эти двое задержаны.

ЛОПАХИН Как это — задержаны?

БОРИС Но Трофимова никто не задерживал. Где же он? Сейчас его выход. Я знаю пьесу наизусть, не зря тут штаны просиживаю.

ВАРЯ Точно, он каждый вечер приходит. *(Борису)* Я думала, вы чей-то поклонник.

БОРИС Пусть Трофимов выйдет, иначе Лопухину крышка.

ЛОПАХИН Я не Лопехин. Меня зовут Стив.
Я — Стив.

БОРИС Мне по барабану, как тебя зовут, Стив Лопехин. Мне нужен Трофимов.

ЛОПАХИН (*кричит*) Трофимов, выйди ты наконец!

Робко входит ТРОФИМОВ, в поношенном студенческом мундире, в очках.

БОРИС Поехали дальше.

РАНЕВСКАЯ Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...

ТРОФИМОВ Любовь Андреевна! Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду.

Трофимов поспешно разворачивается, хочет уйти.

БОРИС Куда пошел? Стой! Прекратите балаган! Всем стоять. (*Борис заставляет Лопехина подняться на сцену, сам идет следом. Ходит по сцене взад-вперед, все ждут.*) Это конец. То, что вы называете театром — кончилось. Театр мертв. (*пауза*) Спробуйте, отчего он умер? Я отвечу. (*обращаясь к актерам и зрителям*) Вы его и убили. Вы — убийцы. Спробуйте, как это случилось? Как погубили многовековую культуру, осушили, выпили это море, этот бескрайний океан? Отвечу. Вы истощили реки, его питавшие. Жадно лакали, глотали, давились, и высосали до самого доньшка. И что теперь? Теперь вам одна дорога — на кладбище. Слышите стук — это могильщики закапывают гроб театра. Чуете смрад — это разлагается труп театра. Театр мертв. И убили его — вы.

Долгая пауза.

РАНЕВСКАЯ (*тихо*) Зачем вы так?

БОРИС (*актерам*) Я ищу правду, хоть каплю правды. Но зря. Каждый вечер одно и то же. Отработанные жесты, безупречные интонации, все отрепетировано и залакировано

намертво. Вы как роботы: не забудете текст, не пропустите выход... Вы заставляете их (*кивает на зрителей*) томиться по несбыточному. По никогда не бывшему! Но вы даже себя не знаете — кем были и кем стали. Вы разучились прокладывать путь. (*обращаясь к публике*) А вы? Бредете куда ведут, бездумно, как бараны. Каждый вечер смотрите, что показывают, и не пытаетесь вмешаться. Вы разучились требовать правду. Вы забыли, что такое правда. (*к актерам и публике*) Вы вместе убили театр. Этот спектакль надо остановить. Вырубить на корню. Как вишневый сад.

ЛОПАХИН (*изумленно*) Да вы сумасшедший.

ПИЩИК У меня галлюцинации. А ведь психотерапевт предупреждал: не смешивайте таблетки!..

ЛОПАХИН (*игнорируя Пищика, Борису*) Вы свихнулись.

РАНЕВСКАЯ Стив...

Реплики звучат одновременно:

ПИЩИК Самолечение опасно! Но таблетки помогают, я больше не боюсь выходить на сцену...

ЛОПАХИН Не нравится — ну, ушел бы из зала... Потребовал бы вернуть деньги за билет. Позвонил в дирекцию...

БОРИС Я звонил.

ПИЩИК ...Всегда помогало. А сегодня не помогает...

ГАЕВ Кому именно вы звонили?

Реплики звучат одновременно:

БОРИС Худруку вашему.

ПИЩИК ...Змея по стене ползёт. Доигрался...

ГАЕВ И что она сказала?

БОРИС (*после паузы, с обидой*) Я оставил номер, а она не перезвонила.

ВАРЯ Не обижайтесь. Худруки никогда никому не перезванивают. Не принимайте на свой счет.

БОРИС Но я — ваш зритель! (*к публике*) Мы — зрители. Все эти люди существуют только благодаря нам. Для нас. А они о нас забыли. И правду показывать разучились. Но вы тоже виноваты. Вы забыли, что такое правда.

ПИЩИК ...Не хочу смотреть... Змея на крыльце. Змея в беседке. Доктор Финкельштейн прав. Я таблеток переел.

ЛОПАХИН (*Борису, стараясь игнорировать Пищика*) Какая еще правда? Какого черта вам надо? Я актер. Играю роль, и точка! За вашу гребаную публику я не в ответе. Дерьма хлеть! Мне столько не платят. И пушку свою уберите. Что за бред?!

ПИЩИК (*совершенно слетев с катушек, Лопехину*) Держи его! Дави! А то в змею превратится...

Пищик бросается на Бориса.

Лопехин следом.

Борис стреляет в воздух.

Пищик падает.

Борис с размаху бьет Лопехина рукояткой пистолета.

Лопехин отшатывается, падает.

К нему бросается Раневская.

РАНЕВСКАЯ Ты в порядке? Стив?

Лопехин не в порядке.

Гаев осматривает Пищика — тот без сознания.

БОРИС (*совершенно спокойно, Лопехину*) Ты прав. Всё дерьмо и бред. У вас тут культ дерьма, вы превратились в фанатиков. Замуровали себя в четырех стенах, долдоните одно и то же, вообще перестали думать. Ни одной свежей идеи, сплошное обезьянство. Правду добывают со дна пропасти, а вы даже на край ступить боитесь. А вдруг сорветесь, испортите драгоценную карьеру?.. Трусы! Устроили междусобойчик: сговорились, мол, вот это у нас теперь называется «театр». Вы подсовываете фальшивку, а публика платит да хакает. Она не понимает, насколько

ко это опасно. Трагедия в том, что никто не замечает подмены, не помнит, что такое настоящий вишневый сад. Или помнят, но всем плевать, думают только о себе любимых.

РАНЕВСКАЯ О себе любимых? А вы, значит, о других радуете? Вы человека ударили!

БОРИС (*Раневской*) Но не убил же. Значит, радую.

РАНЕВСКАЯ Ему нужен врач.

БОРИС Стиву Лопехину врач не нужен. Не помрет. Встанет как миленький. Сегодня же. Никуда не денется. (*остальным*) А у нас есть дела поважнее.

ГАЕВ (*гневно*) Например?

БОРИС (*пауза*) На повестке три темы: искусство, политика и воровство.

ГАЕВ Шутите?

ВАРЯ (*Гаеву, истерически*) Он хочет говорить — пусть говорит. С ним надо разговаривать. (*Борису*) Вы ведь поговорить хотите, да? Давайте поговорим. О чем вы хотели? Искусство, политика и воровство?

БОРИС Да.

ВАРЯ А давайте вы уберете пистолеты? И мы все обсудим?..

БОРИС Не пойдет.

ВАРЯ Что не пойдет?

БОРИС Не уберем.

ВАРЯ Почему?

БОРИС Когда в руках оружие, разговор ладится. Все тебя сразу понимают. В этом Америка похожа на Россию.

ВАРЯ Хорошо. Не убирайте. Мы все равно поговорим, и я обещаю, что художественный руководитель нашего театра тут же вам позвонит. Хотите, прямо сейчас ей наберу, и вы пообщаетесь?

БОРИС Слишком поздно. Ни вам, ни мне отсюда не выйти. Снаружи полиция. Они скоро начнут переговоры — попробуют вас спасти. А мы, тем временем, тоже кое-что попробуем... Это еще никому не удавалось — с тех пор, как первые христиане вскрыли гробницу Иисуса, а там — упс.

ВАРЯ (*думает, что поняла его мысль*) О, господи... Кажется, понимаю. Послушайте.

Мы не из этих... христианских экстремистов.

БОРИС Ну и что? Вы ничем не лучше. Может, еще и похуже.

ВАРЯ Они не признают других мнений, а мы признаем. Возьмем Палестину — ведь у палестинцев есть своя правда.

БОРИС (*надменно*) У всех есть своя правда, но здесь не религиозные дебаты.

ВАРЯ А какие?

БОРИС Не религиозные. Хотя именно сегодня может произойти воскрешение...

ЛОПАХИН (*в сторону*) Клинически безумен.

РАНЕВСКАЯ Тсс.

ГАЕВ Кого будем воскрешать? Или что?

БОРИС То, что сначала было украдено, а потом убито. Сегодня мы выясним, кто вор.

ГАЕВ Вы и есть вор. Украли у Чехова пьесу, а у нас спектакль.

БОРИС Вот это мы и обсудим. (*после паузы, задумчиво*) Жаль, в зале нет критиков.

ТРОФИМОВ Точно. Вы бы их всех перестреляли.

Все смотрят на Трофимова. Это его первые слова, не считая текста пьесы.

БОРИС Ну нет, критики нам нужны. Просто необходимы! Как ты не понимаешь, Иван?

ГАЕВ Вы знаете его настоящее имя?

БОРИС Критики должны сидеть в зале, смотреть и гадать: неужели получится? Неужели мы увидим воскрешение прямо на сцене?

ГАЕВ (*Борису*) Откуда вы знаете имя актера?

БОРИС (*игнорирует Гаева*) Критики непременно найдут себе роль в этой драме, перепишут действие под себя. Они всегда так делают. Но это не страшно. Полемика вообще нужная штука.

ГАЕВ (*Трофимову*) Откуда, черт побери, он знает, как тебя зовут?

Пищик шевелится, к нему подходит Борис.

ТРОФИМОВ Рубен, имя есть в программке. И твое тоже.

ВАРЯ (*Трофимову*) Ты сегодня подозрительно молчалив. (*Гаеву*) Зря вы ему верите. Он вам изменяет, вы в курсе? С завпостом спит.

ТРОФИМОВ (*Варе*) Глупая баба. Мы оба с ним спим.

ВАРЯ Ну и гад ты.

РАНЕВСКАЯ (*Трофимову*) Правда, почему ты молчишь?

ТРОФИМОВ Потому что мне жить пока не надоело.

ГАЕВ (*Борису*) А мое имя вы знаете?

БОРИС А ты мое?

ГАЕВ (*пауза*) И как вас зовут?

БОРИС Мое имя — бедный Том! Он питается лягушками, жабами, головастиками и ящерицами. В припадке, когда одержим злым духом, не гнушается коровьим пометом, глотает крыс, гложет падаль и запивает болотной плесенью...

ЛОПАХИН (*пытаясь сесть*) Съехал с катушек.

РАНЕВСКАЯ (*Лопехину*) Тсс, милый, тихо. (*Борису*) Хотите «Короля Лира»? Отлично, мы сыграем. Я буду Реганой. (*указывая на Варю*) Она будет Гонерильей. (*хватает за руку Фирса*) Он сыграет Лира. Между прочим, он тоже русский...

ФИРС Я родился в России, мой дедушка по материнской линии был «большевик».

БОРИС Еврейская секция? Бывший БУНД?

ФИРС Разумеется. Но потом он разобрался, что к чему, переехал в Америку и стал раввином.

БОРИС Мазел тов.

ФИРС Так вот, мой дедушка-раввин всегда говорил, что Маркс — это еврей, который не умеет зарабатывать. Он написал «Капитал», чтобы компенсировать отсутствие капитала.

БОРИС Тут история посложнее.

ФИРС (*смирненно*) Естественно. Все в этой жизни непросто.

РАНЕВСКАЯ А вы сами хотите на сцену? Сыграете Эдмунда?

БОРИС (*поворачиваясь к Раневской*) Так и не врубилась, да? Во-первых: Лира мы не ставим. (*размахивая пистолетом*) Во-вторых: если б ставили, моя роль — Эдгар. В-третьих: королевство мы не делим, оно уже разделено и украдено, а мы возвращаем его законным владельцам. В-четвертых: это не религиозное событие. В-пятых: это совместное творчество. В-шестых: тут нет критиков. В-седьмых: тут нет режиссера. В-восьмых: нам нужна только правда.

ГАЕВ Посмотрим, как вы без режиссера справитесь. Да Чехов развалился бы без режиссера!

БОРИС Чехов у вас и с режиссером развалился. А сегодня режиссера не будет. Сегодня будет живой, настоящий театр, без сантиментов и страха.

ГАЕВ Без страха?

ТРОФИМОВ (*Гаеву*) Рубен. Помолчи.

ГАЕВ (*Трофимову*) Ты на чьей стороне?

ТРОФИМОВ Странный вопрос.

ГАЕВ Если он хочет театр без страха, пусть уберет пистолет. (*Борису*) И головорезам своим прикажите. (*актерам и публике*) Не знаю, как у вас, а у меня поджилки трясутся. Хотите театр без страха — уберите пушки!

БОРИС Может, и уберем. Потом. Время пока есть. А сейчас — пробьем окошко в небо! Сцена — еще не весь мир.

Борис стреляет вверх.

Варя вскрикивает.

Пищик шевелится, но пока не очнулся.

БОРИС Вы должны сыграть что-то живое! Театр возможен только когда он живой. (*Гаеву*) Называй меня Борис. (*отводит Трофимова в сторону и, понизив голос, указывает на Гаева*) Он режиссер что ли?

ТРОФИМОВ Именно.

ГАЕВ Что он говорит?

ФИРС Спрашивает: ты и вправду дурак или только с виду.

ТРОФИМОВ Он этого не спрашивал.

БОРИС (*Гаеву*) Ты, значит, режиссер? (*пауза*) Но я тебя не виню. Не больше, чем остальных. Все виноваты. Все в сговоре. Всем встать!

Лопехин сидит, скрестив руки на груди.

БОРИС (*Лопехину*) Тебя тоже касается, Стив Лопехин. Встать.

Пауза.

Раневская помогает Лопехину встать.

БОРИС Отряд, стройсь! Вон там.

Актеры повинуются. Варя всхлипывает.

БОРИС Полюбуйтесь — вот они, во всей красе. Отряд «Вишневый сад». Талантом не блещут. Ну а чего ждать от коллективного творчества? Почва скудная, но им в голову не приходит, что в мире бывает почва пожирнее. Здесь вишня не вызревает, ее срывают зеленой и твердой как камень. (*к публике*) Нравятся вам эти фрукты? (*снова обращается к актерам*) Вас, «Вишневый сад», остается только вырубить. Под корень.

Варя плачет громче.

ФИРС Он прав. Прав. Мы никак не дойдем до сути. Все боятся.

ГАЕВ (*Фирсу*) Заткнись, старый дурак.

Борис открывает текст пьесы.

В зале Первый боевик разговаривает со зрительницей.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК (*окликает Бориса*) Шеф, ей в сортир надо.

Борис оглядывает сцену. Берет со стола стакан.

БОРИС (*Второму боевику*) Как у тебя? Спокойно на фронтах?

ВТОРОЙ БОЕВИК Точняк.

Первый боевик подходит к сцене, забирает у Бориса стакан и относит зрительнице.

БОРИС Выходить нельзя. Сочувствую.

ГАЕВ Ни хрена ты не сочувствуешь, ублюдок.

Борис снова берет в руки текст пьесы.

БОРИС (Гаеву) Начни с монолога. В конце первого действия.

ГАЕВ (Борису) Ты небось всегда рвался на сцену? Мечтал стать актером? Держать публику в кулаке, а потом разжать кулак и сдуть — как пушинки одуванчика?.. Ты хоть одну роль сыграл? Или режиссеры тебя в упор не видят?

ТРОФИМОВ Рубен, молчи. Стисни зубы — и ни звука.

ГАЕВ С какой стати? Он нас все равно убьет. Помучает и убьет. Ты что, не понимаешь? Одного за другим.

ТРОФИМОВ Не факт.

ГАЕВ Не факт? Спасибо, успокоил.

ТРОФИМОВ Нет у него такой цели — убивать. Все это затеяно для другого. Он не хочет насилия, только если припрет.

ГАЕВ А ты почём знаешь?

БОРИС (Гаеву) Ты понял, какой монолог? Про средства от болезней.

ТРОФИМОВ Монолог, Рубен!

ГАЕВ (Трофимову) Ты что, с ним знаком? Ты знаешь этого... Бориса?

БОРИС (тихо, Трофимову) Не отвечай! Пусть монолог говорит!

ГАЕВ Что он сказал?

ФИРС Что ты пахнешь розами, хоть и жрешь чеснок.

ТРОФИМОВ Рубен. Прошу тебя. Замолчи и начинай монолог.

ГАЕВ Так ты с ними заодно?!

Трофимов молчит.

У Бориса звонит мобильник, он этот звонок игнорирует.

БОРИС (Гаеву) Валяй монолог.

ГАЕВ (Трофимову) Откуда ты их знаешь?

ТРОФИМОВ Ну что ты пристал: знаю — не знаю... Может, и знаю, а может просто типаж знакомый. Какая разница?

БОРИС (Гаеву) Я жду. И терпение мое на пределе.

ГАЕВ (Трофимову) Ты с ними заодно.

ТРОФИМОВ Не так всё просто...

ФИРС Естественно. Все в этой жизни непросто.

ГАЕВ Сволочь!

Гаев бросается на Трофимова, сбивает его с ног. У Бориса звонит мобильник.

ГАЕВ (сидя верхом на Трофимове) Ты их впусти! Помог им. Ты такой же преступник!

ТРОФИМОВ Каждый устраивается как может. Если это преступление — тут все преступники. Рыба, кстати, тухнет с головы.

БОРИС Во всех странах одинаково.

ФИРС Он прав. Все одним мирром мазаны...

БОРИС Вот именно. Хорошее от плохого не отличишь. Правил нет. Правды нет. Раньше люди искали правды в театре.

ФИРС (Борису) И что же, находили? (Трофимову) Он нашел в театре правду?

ТРОФИМОВ Вряд ли.

ГАЕВ (Трофимову) Гад ты неблагодарный. Я рискнул, взял тебя на роль...

ФИРС Это всегда рискованно.

ГАЕВ И в постель взял...

ФИРС А это — тем более рискованно.

ГАЕВ Больше у меня русские Чехова играть не будут!

ФИРС Но я тоже русский.

Снова звонит мобильник. На этот раз Борис отвечает.

БОРИС Алло. (пауза) Конечно я знаю, кто вы.

Все глаза устремлены на Бориса. Гаев отпускает Трофимова, встает.

БОРИС (отняв от уха телефон, Гаеву) Давай монолог. Живо.

ГАЕВ Да пошел ты.

Борис стреляет в Гаева, тот падает.

Трофимов подбегает к нему.

Гаев мертв.

Трофимова тошнит.

БОРИС Кишка у тебя на такое тонка. Я уж давно понял. (в телефон) Пока только один. (подходит к Пищику, пинает его. Пищик стонет.) Да, верно поняли. Один труп. (пауза) Вот что я вам скажу. Давайте без фокусов. Наши люди везде. Снаружи и внутри. На земле и на небе. Мы в ваши бирюльки полицейские не играем. (пауза) Это мое дело. (пауза) Посмотрим. (пауза) Нет уж, сами звоните. (пауза) Но запомните. Малейшая глупость — и получите не вишнёвый сад, а бойню в вишневом саду. Вырублю под корень

Борис опускает телефон.

Пауза.

Борис пишет смску.

БОРИС (Второму боевику) У тебя есть мобила?
ВТОРОЙ БОЕВИК Нет.

Борис дописывает смску, берет со стола чашку, поднимает повыше.

БОРИС (зрителям и актерам) Больше никому не нужно в сортир? (пауза) Обращайтесь, если что. (подходит к трупу)

ТРОФИМОВ Иначе никак нельзя было?

БОРИС Нет. (пауза) Одному как. (смотрит на актеров) Шестерым приготовиться.

ТРОФИМОВ Шестерым?

БОРИС Я строг, но справедлив.

ЛОПАХИН Зачем вы его убили? Почему не меня?

БОРИС Ты играешь получше. (дает Лопихину текст) Страница 17.

Лопихин берет текст. Пауза. Он ищет страницу 17.

БОРИС Монолог...

ЛОПАХИН (за Гаева) Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, это значит, что болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности, ни одного. (Лопихин начинает плакать) Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытаться счастья у тетюшки-графини. Тетка ведь очень, очень богата.

Умолкает, опускает текст, ждет.

Борис забирает текст.

БОРИС Я сообразил, о чем этот монолог, только на десятом показе. Когда — помните? — Фирс уронил поднос.

ФИРС Такая незадача! Вода по всей сцене, осколки под ногами... Еще не хватало поскользнуться и упасть. В мои-то годы...

БОРИС Тогда я и понял — ваша хворь лекарствами не лечится. Так и будете сидеть и ждать, пока богатая барыня спасет.

ФИРС В отличие от семьи матери, со стороны отца все были богачи, голубая кровь. Тумановы. Дед дружил с царевной Анастасией, когда они были детьми в Санкт-Петербурге. Он до старости носил гамашу — так было модно в его юности. Когда эта самозванка, Анна Андерсон, заявила, будто она Анастасия, он свидетельствовал против. Она не аристократка, говорил он, только посмотри, какие у нее толстые запястья. Да и вообще... все они мертвы. Все умерли...

ВАРЯ (пауза) Я не хочу умирать.

БОРИС Вот и отлично. У тебя есть мотивация. Кто еще готов к первому уроку?

ВАРЯ Мы все готовы. (смотрит на остальных актеров) Ведь правда?

ЛОПАХИН У меня есть дочь.

БОРИС Не расстраивайся.

ЛОПАХИН Вы о чем?

БОРИС У нас так говорят, когда вместо сына дочка рождается.

ТРОФИМОВ Угу. Прямо так и говорят. Поэтому я и свалил.

БОРИС В России таким, как ты, худо. И с каждым годом всё хуже.

ТРОФИМОВ Меня пытались убить. И закон против нас вышел. Слыхали про закон?

БОРИС Я тебя оттуда вывез.

ТРОФИМОВ Всегда помню.

БОРИС На тебя можно положиться. И за девочками присмотришь, и за сутенерами. Девочек не трахает, про сутенеров не знаю...

ТРОФИМОВ Не люблю эту породу.

БОРИС В России тебе тяжело было.

ТРОФИМОВ Не тяжело. Невозможно.

ФИРС В России всегда невозможно. Мои девушки — раввин и князь — ни разу не виделись. Не могли оказаться в одном помещении. Мать ужасно переживала.

БОРИС Женщины вечно переживают. А мужчины могут эмоции просто выключить. Как газовую плиту. Закрыл кран — и всё! (Трофимову) Ты-то переживаешь, я знаю. И на здоровье, я не против.

ТРОФИМОВ (выкрикивает) Он обещал помочь. Поймите!

ФИРС И ты поверил?

ТРОФИМОВ Поверил. Он всегда помогал! Вытащил из жуткой передраги...

БОРИС Не раз и не два. (актерам) Ну что, готовы?

РАНЕВСКАЯ (тихо) Я не терплю насилия. Вы слишком жестоки. Так не должно быть.

БОРИС Насилие неизбежно. Вы его не предотвратили, время упущено. Тем для болтовни много: развал империи, фанатики и террористы, свобода слова, травма поколений, Стокгольмский синдром, новые деньги, старпёры у власти... но зрители заскучают. В любом случае, мы не политическое эссе пишем, а "Вишневый сад" игра-

ем. (пауза) Поэтому обсудим искусство и политику.

РАНЕВСКАЯ Но это неправильно. Здесь так нельзя. Здесь нельзя убивать. Это поперек всех законов и правил.

В зале звонит мобильник.

Он принадлежит Первому боевику.

БОРИС Ответь. Я им твой номер скинул.

Реплики звучат одновременно:

ПЕРВЫЙ БОЕВИК (перекидывает оружие в другую руку, отвечает) Алло? (пауза) Да. Да, все так. Один покойник. (пауза) Нет, мы не ИГИЛ. (пауза) Мы за искусство. (пауза) Да, верно расслышали. Искусство. (пауза) Нет, денег не надо. Вопрос не в деньгах. (пауза) Ошибаетесь. Истории не знаете. Люди всегда гибнут за искусство.

БОРИС Искусство и политика — две стороны медали. (вынимает монету, несколько раз подкидывает ее в воздух) Политика без искусства жестока, искусство без политики — воровство. Есть замечания? (пауза) Искусство всегда подворовывает. Но когда в политике сумбур, искусству нечем питаться. Сиротливый орел без решки. (нарочно не ловит монету, она падает) Все идеи краденые, вместо правды — сплошное вранье.

Первый боевик закрывает мобильник, кладет его в карман.

БОРИС (Первому боевику) Ну что там?

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Глухо. Они не врубаются, что нам нужно.

ЛОПАХИН Как я их понимаю.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Наверное, никогда не вели переговоры о принципах.

БОРИС Ну да, умеют только про деньги. Высоких материй не секут.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Не секут.

БОРИС Мозгов не хватает.

© К. Батынков. Из серии «ЗАБЫТАЯ ВОЙНА». 2014. Холст, акрил, 50×70 см. Courtesy Крокин галерея

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Не хватает.

ВТОРОЙ БОЕВИК В точку!

БОРИС У них всё про деньги. Пусть хоть вагонами везут — искрошим в конфетти да пустим по ветру.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Ты уверен?

БОРИС Конечно. Вопрос не в деньгах. Ты же им сам сказал.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Угу, сказал.

ВТОРОЙ БОЕВИК В точку.

ВАРЯ (*Борису*) Пожалуйста, поговорите с ними еще раз. Они не только про деньги умеют, ведь заложников берут и по политическим мотивам. А вы сами сказали, что искусство и политика — одно и то же.

БОРИС Я такого не говорил. Плохо слушаешь.

ВАРЯ Ну, две стороны одной медали. Если это так — ведь есть смысл поговорить?

БОРИС Без толку. Было время говорить — все молчали. А теперь время вышло. Мы говорим только для того, чтобы сохранить надежду. (*актерам*) Повторяйте за мной. Сохраним надежду. Сохраним надежду... (*пауза*) Повторяйте. Сохраним надежду...

Актеры постепенно присоединяются.

АКТЕРЫ Сохраним надежду. Сохраним надежду....

БОРИС (*обращается к публике*) Вы тоже. Повторяйте.

АКТЕРЫ И ЗРИТЕЛИ Сохраним надежду. Сохраним надежду...

Борис дирижерским жестом резко снимает звук. Тишина.

БОРИС По крайней мере — до спасения заложников.

ФИРС А оно не за горами! Нас спасут! Если повезет.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Старик прав. Одним везуха, другим шиш.

ВТОРОЙ БОЕВИК Точно.

БОРИС Да, все дело в удаче. И в обстоятельствах.

ФИРС Возьмите, например, Тумановых...

РАНЕВСКАЯ (*нетерпеливо*) Ты хочешь сказать — Романовых.

ФИРС Нет, именно Тумановых.

РАНЕВСКАЯ Но цари были Романовы.

ФИРС А мой дед — Туманов. После Романовых — следующий в очереди на престол.

БОРИС Романовы чужих в очередь не пускают. Их самих слишком много.

ФИРС Мой дед, князь Туманов, был живописцем. И писал он исключительно Россию, пейзажи своего детства. Помню синюю гору с речкой, а речка ледяная, искрится на солнце...

ЛОПАХИН (*нетерпеливо, Борису*) Вы хотели играть — давайте играть.

БОРИС Но сначала... (*пауза*) Спросим себя: что мы играем? Действительно ли это — спектакль? Или музейный экспонат?

ЛОПАХИН Это Чехов.

БОРИС И действительно ли это — театр?

ЛОПАХИН Если вы вдруг забыли, вы явились в театр и взяли в заложники актеров и публику. У нас полный зал зрителей.

БОРИС Ничего удивительного, в зале всегда зрители. Вопрос в том, есть ли у них выход? Или им три часа смотреть старье и помирать со скуки?

ФИРС Позвольте заметить...

ЛОПАХИН (*Борису*) Это — театр. Мы играем — Чехова.

РАНЕВСКАЯ Умоляю, не спорь. Делай, что говорят.

ФИРС Позвольте заметить...

БОРИС (*Раневской*) Отчего же не спорить? Если человек спорит — значит, он жив. И способен на разговор. Разговаривать гораздо интереснее, когда собеседник с тобой не согласен.

ФИРС Позвольте заметить...

БОРИС Вот вы друг с другом во всем согласны. В вашем чахлом «Вишневом саду» царит полное единодушие.

ВАРЯ Наоборот, мы все разные. И это приветствуется.

ФИРС Позвольте заметить...

БОРИС (*Варе*) Не нахожу. По-моему, вся элита думает одинаково. Говорят с разными акцентами, кожа разного цвета, а в остальном один к одному. Вы верите в свободу слова, но только для тех, кто с вами согласен.

ФИРС (*наконец прорывается*) Позвольте заметить: на этом спектакле помирают вовсе не от скуки!

ЛОПАХИН Вы про нас ничего не знаете.

БОРИС Почему же, вот он много чего рассказывал. (*показывает на Трофимова*)

ЛОПАХИН (*Трофимову*) Будь у меня пистолет — пристрелил бы на месте.

Пауза.

БОРИС Проведем эксперимент.

Пауза. Борис протягивает Лоплахину свой пистолет.

Помедлив, Лоплахин тянется за пистолетом. Борис пистолет убирает.

БОРИС Ты бы его и в соцсетях забанил? За расхождения с линией партии? (*пауза*) Ладно, не суть. Вернемся к пьесе. Обсудим следующий вопрос.

У Первого боевика звонит мобильник.

БОРИС Ответь.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Алло.

БОРИС Всякая собственность есть кража.

ТРОФИМОВ (*устало*) Прудон.

Реплики накладываются:

БОРИС Молодец. Также говорят, что всякое искусство есть кража. Вот тут я не согласен. Кража — не единственный способ перехода собственности. «Вишневый сад» учит именно этому: сад не украден, он продан. И это не трагедия, а комедия. Россия развивается,

движется вперед. Земля переходит к людям, которые понимают, что она не музей, а живой организм. Вишневый сад — это идея, но вы убили идею, сохранив лишь форму. А форма без идеи пуста и мертва.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК (*в телефон*) Пока нет. (*пауза*) Объясняю: пристрелим всякого, кто встанет у нас на пути. (*пауза*) Не врубаетесь? (*пауза*) Деньги везите хоть вагонами — искрошим в конфетти да пустим по ветру. (*пауза*) Как минимизировать жертвы?

БОРИС Пусть требуют настоящего театра.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Требуйте настоящего театра. (*пауза*) Нет, не шучу, зуб даю. (*пауза*) До скорого.

БОРИС Теперь вопрос в том, кто скорее: мы или они.

Долгая пауза.

ФИРС Всё зависит от обстоятельств и характера. Человек получает жизнь, а затем ее изменяет.

РАНЕВСКАЯ (*Фирсу*) А как же правила?

ФИРС Какие правила?

РАНЕВСКАЯ Бабушкины. Моя бабушка всегда твердила о правилах. Какой-нибудь шалопай ждет меня у ворот в старой битой машине — а бабушка вручает мне правила, точно фамильные драгоценности.

ФИРС И ты ей верила?

РАНЕВСКАЯ Да.

ЛОПАХИН Давайте наконец начнем второе действие!

ФИРС Семья моей матери жила в Минске.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Хороший город...

ФИРС Для евреев — не слишком.

БОРИС Мягко говоря.

ФИРС Мой двоюродный брат до сих пор там живет. Когда он был маленьким, в квартире напротив жила красивая женщина. Марина.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Точно, в Минске попадались красивые бабы.

БОРИС Имя тоже красивое — Марина...

ФИРС Брат рассказывал, что за Мариной ходил по пятам один человек.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Только один?

ФИРС Зато американец.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Америкос? Что он в Минске-то забыл?

ФИРС На радиозаводе работал. А потом влюбился в Марину.

БОРИС Логично.

ФИРС Этот американец иногда болтал с братом. Однажды угостил его конфетой в яркой обертке. Брат съел, и у него заболел живот. На следующий день американец опять дал конфету, и опять было худо. Но брат смолчал. На третий раз тот заметил, что брат проглотил конфету и как закричит: Не глотай, это жвачка! Кишки слипнутся! Будут работать плохо, как рабочие у нас на заводе!

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Так и есть — в Минске жвачки не было.

БОРИС Жвачки во всей России не было. И чем дело кончилось?

ФИРС *(пожимает плечами)* Известно чем. Уехал он и Марину с собой увез.

БОРИС *(Варе)* А где находится Минск?

ВАРЯ *(нервно)* Ну... *(оглядывается на других, ожидая подсказки)*

БОРИС Сама, Варя, сама.

ВАРЯ *(неуверенно)* В России?

БОРИС *(Раневской)* Где находится Минск?

РАНЕВСКАЯ У нас были правила. Спать следует на спине. Наволочка должна быть атласной.

БОРИС *(Лопехину)* Где находится Минск?

ЛОПАХИН Слушайте, что вы пристали? Вишневым сад — не в Минске!

БОРИС А где?

ЛОПАХИН В помещичьей усадьбе, в провинции.

БОРИС А Минск где?

ФИРС Семья моей матери жила в Минске. Почти всех убили. Одних Гитлер, других Сталин. *(его передергивает)*

ТРОФИМОВ В Белоруссии. Минск находится в Белоруссии.

ФИРС Разве кто-то этого не знает?

БОРИС Почти никто из вас не знает! И это огромная проблема.

ЛОПАХИН Почему, черт возьми, это проблема? Минск не имеет никакого отношения к пьесе!

БОРИС Верно. Но все же вам следует знать, где он находится. Кто из вас бывал восточнее Вены?

*ФИРС, ТРОФИМОВ, ПЕРВЫЙ БОЕВИК
и ВТОРОЙ БОЕВИК
медленно поднимают руки.*

БОРИС *(обращается к публике)* А из вас? *(ждет)* Кто из вас видел природу, которая когда-то была прелестной, а теперь обезображена, и следы былой красоты почти стерлись, как на лице древней старухи? Деревья уже не клонятся над прозрачной речкой — вместо них ржавая труба, из которой хлещут в гнилую бурю воду отходы, совсем черные. Они расплываются ядовитой мерцающей пленкой — как краска, нефть или скипидар. Кругом отравленная пустыня: леса безмолвны, поля бесплодны. А если встретится вам ребенок, и вы его спросите — где лягушки? где птицы и пчелы? — он просто вас не поймет, потому что отродясь их не видел. *(пауза)* Кто из вас бывал в такой пустыне?

*ФИРС, ТРОФИМОВ, ПЕРВЫЙ БОЕВИК
и ВТОРОЙ БОЕВИК
снова поднимают руки.*

БОРИС *(к публике)* А из вас? *(пауза)* А ведь могли бы. Таких мест в мире полно, куда ни глянь. *(пауза)* Вы не улавливаете гениальности этой пьесы. Она принадлежит прошлому, но направлена в будущее. Вы не понимаете чеховского дара предвидения, не знаете, что чувствует человек на пороге революции и кровавой бойни — а мир опять стоит на таком пороге. Как же вы можете играть в этой пьесе? *(пауза)* Вот в чем вопрос. *(пауза)* И от-

вет на него будет также ответом на другой важный вопрос.

ФИРС В жизни слишком много вопросов, на которые нет ответа.

БОРИС Вам даже не интересно?

ЛОПАХИН Ладно, заинтриговали. Что за другой вопрос?

БОРИС Как сохранить живой театр в эпоху цифровых технологий.

ЛОПАХИН Шутите.

ТРОФИМОВ Он редко шутит. Опасно в его профессии.

ЛОПАХИН Как сохранить живой театр? Правило первое: не убивайте актеров.

БОРИС Возражу. Актеров у нас избыток. Без многих запросто обойдемся.

ЛОПАХИН Правило второе: не крадите спектакль.

БОРИС Снова вынужден возразить. Спектакль уже украден. Его надо забрать у вора и вернуть законному владельцу.

ЛОПАХИН *(вне себя)* Ах вот как — вы у нас Робин Гуд!

РАНЕВСКАЯ *(Лопехину)* Были четкие правила. Всегда имейте при себе наличность.

ВАРЯ *(Борису)* С нами работал приглашенный драматург. Он предложил сценическую версию...

*Борис садится. Кладет пистолет на пол.
Долгая пауза.*

БОРИС Приглашенный драматург. Сценическая версия. За этими словами обычно прячется пустота. Русские интеллигенты...

ЛОПАХИН А вы, конечно, один из них?

БОРИС ... русские псевдо-интеллигенты обожают называть простые вещи сложными словами. Когда понятие нарочно усложняют — значит, его не понимают. Или используют преступным образом.

ЛОПАХИН Как раз это вы и делаете.

ВАРЯ *(неуверенно)* Мне казалось, драматург всё понимает.

БОРИС Что может понимать драматург?

ВАРЯ Он задавал интересные вопросы.

Борис медлит, затем поднимается.

БОРИС *(энергично)* Итак — играем! Действие второе, сцена вторая. На скамейке возле часовни. Яша уходит, а Гаев... *(смотрит на мертвого Гаева)*

ЛОПАХИН А Гаева-то и нет. Видите, что вы наделали? Кто будет играть Гаева?

БОРИС *(указывает на Трофимова)* Он.

ТРОФИМОВ Но я Трофимов.

БОРИС Нет. Трофимов — я.

Долгая пауза. Все в изумлении.

ТРОФИМОВ Мы так не договаривались.

БОРИС Я ни с кем никогда не договариваюсь. Просто молча даю себе клятву. Сам знаешь.

ТРОФИМОВ Но я текста не знаю.

БОРИС *(даст ему пьесу)* Тут немного.

ТРОФИМОВ А как же вы?

БОРИС Мне без надобности. Сказал же — знаю на зубок. Действие второе. Пожалуй, начнем со сцены первой.

БОРИС выходит на авансцену, и один играет за Епиходова и Дуняшу.

БОРИС *(за Епиходова)* Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук... Вот такой. *(показывает обеими руками)* И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана. *(пауза)* Вы читали Бокля? *(пауза)* Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федоровна, на пару слов.

БОРИС *(за Дуняшу)* Говорите.

БОРИС (за *Епиходова*) Мне бы желательно с вами наедине...

БОРИС (за *Дуняшу*) Хорошо... только сначала принесите мне мою тальмочку... Она около шкафа... тут немножко сыро.

БОРИС (за *Епиходова*) Хорошо-с... принесу-с... Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером.

Борис с нежностью крутит в руках пистолет. На этом кончается его исполнение «Вишневого сада».

Пауза.

РАНЕВСКАЯ А где Дуняша?

БОРИС (помолчав) Проскочим вперед. Дуняша вышла.

РАНЕВСКАЯ А Яша?

БОРИС (помолчав) Я за него прочту.

РАНЕВСКАЯ А Епиходов?

БОРИС Все они... задержаны. (пауза, читает ремарку) Входят Раневская, Гаев и Лопехин.

Борис жестом велит Раневской, Трофимову и Лопехину выйти на авансцену.

Пауза.

Лопехин подходит к Борису.

ЛОПАХИН Надо окончательно решить — время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

РАНЕВСКАЯ (подходит) Кто это здесь курит отвратительные сигары?

Трофимов неохотно выходит на авансцену.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Вот железную дорогу построили, и стало удобно. Съездили в город и позавтракали... желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию....

РАНЕВСКАЯ Успеешь.

ЛОПАХИН Только одно слово! Дайте же мне ответ!

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Кого?

РАНЕВСКАЯ Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно... (уронила портмоне, рассыпала золотые) Ну, посыпались...

Пауза.

БОРИС А, ну да. Яша. (за *Яшу*) Позвольте, я сейчас подберу.

РАНЕВСКАЯ Будьте добры, Яша. И зачем я поехала завтракать... Дрянной ваш ресторан с музыкой, скатерти пахнут мылом... Зачем так много пить, Леон? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятых годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!

ЛОПАХИН Да.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Я не исправим, это очевидно... (раздраженно *Яше*) Что такое, постоянно вертись перед глазами?

БОРИС (за *Яшу*) Я не могу без смеха вашего голоса слышать.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Или я, или он...

РАНЕВСКАЯ Уходите, Яша, ступайте...

БОРИС (за *Яшу*) Сейчас уйду. Сию минуту...

Пауза.

БОРИС Яша уходит.

ЛОПАХИН Ваше имение собирается купить богач Дериганов. На торги, говорят, придет сам лично.

РАНЕВСКАЯ А вы откуда слышали?

ЛОПАХИН В городе говорят.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Ярославская тетушка обещала прислать, а когда и сколько придет, неизвестно...

ЛОПАХИН Сколько она придет? Тысяч сто? Двести?

РАНЕВСКАЯ Ну... Тысяч десять-пятнадцать, и на том спасибо.

ЛОПАХИН Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.

РАНЕВСКАЯ Что же нам делать? Научите, что?

ЛОПАХИН Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее — аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтоб были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

РАНЕВСКАЯ Дачи и дачники — это так пошло, простите.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Совершенно с тобой согласен.

ЛОПАХИН Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили! (*Гаеву*) Баба вы!

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Кого?

ЛОПАХИН Баба!

РАНЕВСКАЯ Нет, не уходите, останьтесь, голубчик. Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!

ЛОПАХИН О чем тут думать!

РАНЕВСКАЯ Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее... Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом.

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Дуплет в угол... Круазе в середину...

РАНЕВСКАЯ Уж очень много мы грешили.

ЛОПАХИН Какие у вас грехи?

ТРОФИМОВ (кладет в рот леденец; за *Гаева*) Говорят, что я все свое состояние проел на леденцах... (*смеется*)

БОРИС (выходит из роли, *Раневской*) Встаньте-ка на колени и обнимите Рубена Гаева. Не слышу в ваших словах правды чувств.

Раневская не двигается.

Борис указывает на Гаева пистолетом.

Пауза.

Раневская встает на колени, обнимает мертвого Гаева.

РАНЕВСКАЯ О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, — он страшно пил, — и на несчастье я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, — это было первое наказание, удар прямо в голову, — вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (*утирает слезы*) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (*достаёт из кармана телеграмму*) Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (*рвет телеграмму*) Словно где-то музыка?

ТРОФИМОВ (за *Гаева*) Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь, четыре скрипки, флейта и контрабас.

РАНЕВСКАЯ Он еще существует? Его бы к нам звать как-нибудь, устроить вечерок.

ФИРС (из глубины сцены, не в роли) Недолго осталось.

ЛОПАХИН (прислушивается) Не слышать... (*тихо напевает*) «И за деньги русака немцы офранцузят». (*смеется*) Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

РАНЕВСКАЯ И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

ЛОПАХИН Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая... *(пауза)* Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья!

РАНЕВСКАЯ Жениться вам нужно, мой друг.

ЛОПАХИН Да... Это правда.

РАНЕВСКАЯ На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

ЛОПАХИН А почему не на вас?

Долгая пауза, смотрят друг на друга.

БОРИС Этой реплики в пьесе нет.

ЛОПАХИН А мы добавим. Могу я сказать любимой женщине, что хочу на ней жениться?

БОРИС Нет, не можете.

РАНЕВСКАЯ *(все еще всхлипывает)* Ведь были же правила! Лифчика не должно быть видно — купите кружева.

БОРИС *(повторяет Лопухину)* Не можете.

ЛОПАХИН Почему?

РАНЕВСКАЯ *(с жаром)* Скрестите ноги. Пейте чай.

ФИРС Даже когда шалопай ждет в машине?

БОРИС *(Лопухину)* Потому что это слишком оптимистично.

ЛОПАХИН Но мы играем комедию.

БОРИС Пессимистическую комедию. События в основном печальные. *(Трофимову)* Дальше.

ТРОФИМОВ *(за Гаева)* Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Слышала?

РАНЕВСКАЯ Где тебе! Сиди уж!

БОРИС *(читает поперх плеча Трофимова)* Фирс входит; он принес пальто.

Фирс выходит из глубины сцены.

ФИРС *(Гаеву)* Извольте, сударь, надеть, а то сыро.

ТРОФИМОВ *(за Гаева, с чувством)* Надоел ты, брат.

ФИРС Нечего там... Утром уехали, не сказавшись.

РАНЕВСКАЯ Как ты постарел, Фирс!

ФИРС Чего изволите?

ЛОПАХИН Говорят, ты постарел очень!

ФИРС Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаша еще на свете не было... *(смеется)* А воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах... *(пауза)* И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

ЛОПАХИН Прежде очень хорошо было. По крайней мере, драли.

ФИРС *(не расслышав)* А еще бы. Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

ТРОФИМОВ *(за Гаева)* Помолчи, Фирс. Завтра мне нужно в город. Обещали познакомиться с одним генералом, который может дать под вексель.

ЛОПАХИН Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны.

РАНЕВСКАЯ Это он бредит. Никаких генералов нет.

БОРИС *(читает)* Входят Трофимов и Варя.

Появляется Варя.

ТРОФИМОВ *(за Гаева, с еще большим раздражением)* А вот и наши идут.

РАНЕВСКАЯ *(нежно)* Иди, иди... Родная моя... *(обнимая Варю)* Если бы ты знала, как я тебя люблю. Садись рядом, вот так.

ЛОПАХИН Наш вечный студент все с барышнями ходит.

БОРИС *(за Трофимова)* Не ваше дело.

ЛОПАХИН Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

БОРИС *(за Трофимова)* Оставьте ваши дурацкие шутки!

ЛОПАХИН Что же ты, чудак, сердисься?

БОРИС *(за Трофимова)* А ты не приставай.

ЛОПАХИН *(смеется)* Позвольте вас спросить, как вы обо мне понимаете?

БОРИС *(за Трофимова)* Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает ему на пути, так и ты нужен. *(долгая пауза, вне роли)* Здесь надо смеяться.

Все нервно хихикают.

ВАРЯ Вы, Питер, расскажите лучше о планетах.

РАНЕВСКАЯ Нет, давайте продолжим вчерашний разговор!

БОРИС *(за Трофимова)* О чем это?

ТРОФИМОВ *(за Гаева, обращаясь к Борису)* О гордом человеке.

БОРИС *(за Трофимова)* Мы вчера говорили долго, но ни к чему не пришли. В гордом человеке, в вашем смысле, есть что-то мистическое. Быть может, вы и правы по-своему, но если рассуждать попросту, без затей, то какая там гордость, есть ли в ней смысл, если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен, глубоко несчастлив. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

ТРОФИМОВ *(за Гаева)* Все равно умрешь.

БОРИС *(за Трофимова)* Кто знает? И что значит — умрешь? Быть может, у человека сто чувств и со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы.

РАНЕВСКАЯ Какой вы умный, Питер!

ЛОПАХИН *(иронически)* Страсть!

БОРИС *(за Трофимова)* Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недосыгаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а при слуге говорят «ты», с мужиками обращаются

как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. Лучше помолчим.

ЛОПАХИН Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господа, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы настоящему быть великанами...

РАНЕВСКАЯ Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

Долгая пауза.

ФИРС Сталин — великан. И Гитлер — великан.

ЛОПАХИН Они чудовища. *(Борису)* Вроде вас.

БОРИС По-твоему, я чудовище?

ЛОПАХИН Вы убили Рубена.

БОРИС Я убил Рубена Гаева. Да.

ЛОПАХИН Но за что? Зачем?

БОРИС Во имя правды.

РАНЕВСКАЯ *(пытается успокоить Лопухина)* Послушай меня. У нас были правила.

БОРИС *(к публике)* Приступим к третьей части нашей дискуссии. Сначала мы обсудили

искусство и политику. Затем рассмотрели смежные темы: собственность и кража, искусство и кража.

ЛОПАХИН И пришли к выводу, что вы украли у нас спектакль.

РАНЕВСКАЯ Правила! Всегда имейте при себе наличность. Покупайте дешево, продавайте дорого.

БОРИС А теперь спросим себя: к чему это нас привело?

РАНЕВСКАЯ Не ждите мужчин. Они как автобусы...

ВАРЯ *(резко)* С нами работал драматург.

РАНЕВСКАЯ ...как автобусы. Идут мимо, останавливаются, уезжают, из-за ула вырывает следующий...

ВАРЯ *(на пределе)* Отличный драматург!

ЛОПАХИН Не уверен.

ВАРЯ А я уверена!

БОРИС И снова — борьба мнений.

ФИРС Сколько ртов — столько мнений.

ВАРЯ *(Борису)* А вот вы — не драматург.

БОРИС Почему я должен верить второсортной актрисе, которая плохо играет второстепенную роль?

ВАРЯ Потому что вы — не драматург.

БОРИС *(Раневской)* Ты промотала свое состояние. Сентиментальная эгоистка той же породы, что Романовы. *(Лопехину)* Ты скупаешь обреченное прошлое, чтобы вырастить из него здоровое будущее. Целеустремленный трудяга или бессовестный делец. Выбирай на вкус. *(Трофимову)* Ты — оракул. *(пауза)* То есть, я — оракул. Такие люди, как Трофимов, скоро сделают революцию, но пока он немного смешон. Это все-таки комедия. *(публике)* Вы не в состоянии понять такого рода комедию, где события неизбежны, усилия тщетны, и смех — единственное, что остается. *(пауза)* Но не отчаивайтесь. Вы научитесь смеяться, потому что эта комедия про вас.

ТРОФИМОВ *(не выдерживает)* Да вы просто хотели меня сыграть!

БОРИС Не тебя. Трофимова. *(взвешивает)* Пожалуй.

Пищик шевелится, садится.

ТРОФИМОВ Я-то дурак уши развесил. Думал, вы мне поможете. А вам только роль моя нужна.

ВАРЯ *(не сдерживаясь, Трофимову)* Дошло наконец? Предатель!

ТРОФИМОВ Я не предатель... Он обещал помочь...

ВАРЯ Поманил, как собачонку, а ты и рад служить! Оба вы уроды. *(Борису)* Урод! Ненавижу. Вломились к нам, всё изгадили. Да, Рубен хреновый режиссер, и что? А вы его убили. Изверг! Лучше быть хреновым режиссером, чем убийцей. Втемяшилось вам сыграть Трофимова...

ФИРС Кстати, сыграл неплохо.

ВАРЯ *(кричит)* Вы звери, господа! Гитлер, Сталин — все вы звери! *(публике)* Помогите! Спасите!

Пищик с трудом поднимается на ноги.

ПИЩИК Звери? Где звери?

БОРИС Зрители пальцем не шевельнут. Зачем? Они в безопасности, пока сидят и ничего не делают.

ВАРЯ *(пауза, Борису)* Ненавижу. Вы — зверь! Убирайтесь отсюда! Зверь!.. *(бросается на Борису)*

Борис стреляет. Варя падает. Она мертва.

Пищик снова заваливается.

Борис поворачивается к Трофимову.

БОРИС Думаешь, я просто хочу сыграть Трофимова?

ТРОФИМОВ *(пауза)* Нет.

БОРИС Забыл, что я тебя спас? Два года, пять месяцев, три дня, десять часов и... *(смотрит на часы)* одну минуту назад. Без меня ты был бы мертвец.

ТРОФИМОВ *(пауза)* Я помню. Вы мне всегда помогали. А сейчас всем нам помогаете.

БОРИС *(садится)* Устал. Мы все время отвлекаемся...

РАНЕВСКАЯ *(изумленно)* По-вашему это называется — отвлекаемся?

БОРИС А по-вашему?

РАНЕВСКАЯ По-моему, вы уничтожили все правила. Это называется — насилие.

БОРИС Насилие — одна из немногих общих черт в русской и американской культурах. *(устало)* И это единственное, что сразу привлекает внимание и там, и тут.

ФИРС Мой дед, князь Туманов, говорил, что в России всегда будут рабы. Потому что свободные тоже ведут себя, как рабы.

БОРИС Он прав.

ФИРС Правительство можно сменить, но народ не сменишь. А народ в России всегда готов к насилию.

БОРИС Будь на троне Тумановы — история пошла бы по-другому.

ФИРС Кто знает.

БОРИС *(смотрит на часы)* Теряем время. И надежду. Итак, мы подошли к последнему вопросу. Как воскресить театр? Как вернуть живой настоящий театр законному владельцу?

ЛОПАХИН Не могу больше слушать эту чушь!

РАНЕВСКАЯ *(пытается успокоить Лопехину)* Тише...

ЛОПАХИН Иначе что — пристрелит?

Борис явно обдумывает: может, пристрелить?

РАНЕВСКАЯ Прошу тебя, молчи.

ЛОПАХИН Не буду молчать. *(Борису)* Это и есть настоящий театр. Это Чехов, черт возьми!

БОРИС Нет. Это не Чехов. Это подделка. Фальшивка. *(поднимает руку, щелкает по циферблату часов)* Швейцарские часы, сделанные в Китае, которые продает на улице африканец. *(пауза)* Что возвращает нас к проблемам воровства, политики и искусства.

У Первого боевика звонит мобильник.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Они слышали выстрел.

БОРИС Несомненно.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Что сказать?

БОРИС Что мы заняты.

ВТОРОЙ БОЕВИК В точку.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК *(отвечает на звонок)* Слушаю. *(пауза)* И снова здравствуйте. *(пауза)* Только одну актрису. Не бойтесь, не главную.

БОРИС *(пауза, Первому боевику)* Не буду подсказывать, сам объяснишь.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Ничего не надо. Нет, деньги не интересуют. *(пауза)* Прямо целый лейтенант? Здравия желаю, лейтенант О'Брайен. А я — рядовой. *(пауза)* С командиром? *(пауза)* С шефом, что ли? *(отнимает телефон от уха, Борису)* Тебя.

Борис подзывает его нетерпеливым жестом.

Первый боевик подходит к сцене, отдает

Борису телефон.

Второй боевик держит зал под прицелом.

БОРИС *(сама любезность)* Чем могу быть полезен, лейтенант? *(пауза)* Вот как? Мы можем уехать, машина готова? *(пауза)* Очень мило с вашей стороны, но у нас другие планы. *(пауза)* Прислушаться к голосу разума? Так скажите что-то разумное. *(пауза)* Простите, мне пора. *(опускает телефон)* Мы достигли финиша быстрее, чем я думал. *(бросает телефон на пол, разбивает каблуком)*

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Эй, это мой мобильник.

БОРИС В следующий раз куплю тебе андроид.

Первый боевик и Второй боевик

обмениваются взглядами.

ВТОРОЙ БОЕВИК Мимо.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Айфон.

ВТОРОЙ БОЕВИК Вот это в точку.

БОРИС Лады.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Лады.

Боевики удовлетворены.

БОРИС Подобьем итог... Вы заперты в рамках культуры. Вашей заокеанской культуры. *(пауза)* Вот вы взяли «Вишневый сад». *(пауза)* Но поставили так, как его уже ставили тысячу раз — и спектакль у вас краденый, мертвый. *(пауза)* Где же выход?

Раневская плачет.

БОРИС *(Раневской)* Погодите пока, еще наплачесь. Скажите, почему вас так трогает эта пьеса?

РАНЕВСКАЯ Потому что правил больше нет. А я сразу не поняла.

БОРИС Правил действительно нет — ведь то, что предсказал в этой пьесе Чехов, в России уже произошло. А в Америке всё только начинается. Потому вы нас и боитесь. Вы все сейчас как Раневская — цепляетесь за свой вишневый сад, но не в состоянии его содержать. Россия живет в другую эпоху — пост-капиталистическую, пост-революционную. Мы пережили колхозы, коммунизм и крах коммунизма. Мы отбросили правила. Зато научились делать бабки.

ЛОПАХИН Вы погрязли в преступности. У вас везде коррупция — и в правительстве, и в бизнесе.

БОРИС *(посмеиваясь)* Преступность, коррупция, правительство, бизнес... Всякий бизнес коррумпирован. Правительство — это тоже бизнес, и да, оно коррумпировано. И преступный мир — бизнес. Сказать, что преступный мир коррумпирован — это масло масляное. Наркотики, проституция, оружие, нефть, бриллианты, фейковые новости и супер-особняки, частные самолеты и элитные курорты, туфли по цене автомобиля, айфоны, собранные на фабрике детьми, и снова наркотики, наркотики, наркотики... Это по одну сторону океана. *(показывает правой рукой)* А что по другую? *(показывает левой рукой)* Наркотики, ми-ту, демонстрации и мародёрство, усыновление животных, паника насчет таяния льдов... *(пауза)* Кстати, это и правда

беспокоит. *(пауза)* Фейковые новости и мини-дома, частные самолеты и элитный экотуризм, веганские туфли, айфоны, собранные на фабрике детьми, и снова наркотики, наркотики, наркотики... Всем известно, что ваш вишневый сад тоже коррумпирован. Но дело даже не в этом. Это просто политика без искусства. А время поджигает. *(пауза)* Ключ к нашему воскрешению уже найден. Для начала послушаем Раневскую и Трофимова.

РАНЕВСКАЯ *(Фирсу)* Бабушка копила правила, как годы, до самой смерти.

ФИРС Все мы что-нибудь копим.

БОРИС *(щелкает по часам)* Действие третье. *(смотрит на Пищика)* После монолога Пищика про деньги.

РАНЕВСКАЯ *(глубоко вздыхает)* Отчего нет Леона? Только бы знать: продано имение или нет? Несчастье представляется мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю, что думать, теряюсь... Я могу сейчас крикнуть... могу глупость сделать. Спасите меня, Питер. Говорите же что-нибудь, говорите.

БОРИС *(за Трофимова)* Продано ли сегодня имение или не продано — не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

РАНЕВСКАЯ Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так

нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом!

Пауза.

Раневская отворачивается от Бориса.

РАНЕВСКАЯ Целовать вас не буду.

У Бориса звонит телефон.

Он бросает на него взгляд, но не отвечает. Смотрит на Раневскую.

Второй боевик выступает вперед и читает «Грешницу» А. Толстого.

Все замирают.

ВТОРОЙ БОЕВИК

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов рокот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты...

Он заканчивает. Все молчат.

ФИРС Нездоровится. Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут. Что-то ослабел я. Барин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше; может, я от него и жив.

У Бориса снова звонит мобильник.

БОРИС Стив Лопяхин.

ЛОПАХИН *(резко)* Что?

БОРИС Ты только что купил вишневый сад. Давай монолог, с вопроса Раневской...

Борис поворачивается к Раневской, поднимает пистолет.

Пищик подает признаки жизни.

РАНЕВСКАЯ *(Лопяхину, шепотом)* Ради тебя. Только ради тебя.

ПИЩИК *(поднимает голову)* Что на торгах? Рассказывай же!

РАНЕВСКАЯ Продан вишневый сад?

ЛОПАХИН Продан.

РАНЕВСКАЯ Кто купил?

ЛОПАХИН Я купил.

Раневская угнетена, едва не падает, швыряет ключи на пол.

ЛОПАХИН Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... *(смеется)* Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти надбавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной. Вишневый сад теперь мой! Мой! *(хохочет)* Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... *(топочет ногами)* Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности... *(поднимает ключи, ласково улыбаясь)* Бросила ключи, хочет показать, что она уж не хозяйка здесь... *(звонит ключами)* Ну, да все равно. *(слышно, как настраивается оркестр)* Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопяхин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки

и правнуки увидят тут новую жизнь... (*вне себя*) Музыка, играй!

За кулисами — негромкий взрыв.

ЛОПАХИН (*Раневской*) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. (*со слезами*) О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь!

РАНЕВСКАЯ Правил больше нет. Скоро конец, а мы ничего не понимаем. На смертном ложе бабушка то умирала, то оживала. Дышит, потом замрет, и снова шевельнется. И вдруг, посреди смятенья и трепета, говорит: "Почему мы не спим под звездами? Не стелим постель из листьев, не лежим с любимыми голышом у костра? Прыгнем в студёный пронизанный солнцем ручей, вынырнем полные света, лишённые страха. Подхватим копье, победим всех врагов! Кто скажет, что это плохие правила?"

ФИРС И что ты ответила?

РАНЕВСКАЯ "Никто не скажет".

ФИРС А она поверила?

РАНЕВСКАЯ Да. (*пауза*) Вот только сама я не верю.

За кулисами выстрелы.

БОРИС Так всегда и бывает. Ситуация выходит из-под контроля, начинается насилие.

ФИРС Прошло много лет. Мой брат сидел у себя дома в Минске, смотрел телевизор. Был ноябрь, холодный ноябрь. Бушевала метель, сигнал плохо ловился, но брат узнал человека на экране.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Кто это был?

ФИРС Президент Кеннеди.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Его застрелили.

ВТОРОЙ БОЕВИК В точку.

ФИРС Да. И других людей брат тоже узнал.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК Кого?

ФИРС Марину и того американца. Его звали Ли.

БОРИС Ну да, разумеется.

ВТОРОЙ БОЕВИК Точняк. Ли Харви Освальд — это он застрелил.

ФИРС Мы получаем жизнь, а потом ее изменяем. К лучшему или к худшему.

БОРИС Но без насилия не обходимся. (*скороговоркой*) Остальное — для сторонников теории заговора. (*пауза*) Что ж, Стив Лопехин, монолог тебе удался, финал сильный. Давай еще кусочек, только по-быстрому. В первом действии, перед тем как я вышел на сцену...

ЛОПАХИН ... и убили двоих...

БОРИС Пятерых. Но простите — не будем топтать события. (*пауза*) Начни с монолога "До сих пор в деревне..." Ты его уже говорил, но повторить не вредно.

Пауза.

РАНЕВСКАЯ Слушайте. Слушайте Лопехина.

ЛОПАХИН До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десяatine он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным.

БОРИС Вот именно. (*пауза*) Теперь ты понял?

ЛОПАХИН Нет. Не понял. И не хочу понимать. Все меняется слишком быстро. Я делал свое дело — играл роль. Оказывается, этого мало. Но поймите — я не Лопехин. Я — Стив. И я хочу, чтобы все было по-старому.

БОРИС (*пауза*) Старое, привычное исчезло. И вместе с ним мало-помалу слабеет наша связь с реальностью. Мы, точно матросы, которые грезят о сладких апельсинах и мягкой женской плоти.

ЛОПАХИН (*Борису, убежденно*) Вы — сумасшедший.

БОРИС С точки зрения прагматика, пережившего эпоху упадка, новые ресурсы, в сущно-

сти, не отличаются от старых: во-первых, это время готовить пищу; во-вторых, время любить; в-третьих, время возделывать вишневый сад, подрезать ветви, взращивать плоды. (*пауза*) Время сидеть в комнате с людьми, которые у тебя на глазах рискуют жизнью и создают что-то новое, настоящее.

Пауза.

РАНЕВСКАЯ Говорю вам, правил больше нет. Скоро конец, и всё же...

ЛОПАХИН (*Борису*) Это чистое безумие. Почему вы меня сразу не убили?

БОРИС Ты был нужен.

ЛОПАХИН А сейчас — нет.

БОРИС (*с грустью*) Сейчас — нет.

Борис прицеливается, стреляет в Лопехина. Раневская подбегает к Лопехину, берет его за руку.

РАНЕВСКАЯ У меня вопрос.

БОРИС Валяйте.

РАНЕВСКАЯ Вас действительно интересует только театр?

БОРИС Не только. Театр — это фигура речи. Как всё на свете.

РАНЕВСКАЯ Разумеется. (*пауза*) Умирать — значит, рождаться. Мы дышим... замираем... снова шевелимся. И вдруг посреди смятенья и трепета...

Пауза.

Борис стреляет в Раневскую. Она мертва. Пищик в последний раз поднимает голову.

ПИЩИК Так это были вы. Вы — та самая змея.

Борис стреляет в Пищика. Тот мертв. Пауза.

ТРОФИМОВА А точно выбора не было?

БОРИС (*не вполне уверенно*) Ни малейшего.

ПЕРВЫЙ БОЕВИК (*эхом*) Ни малейшего.

ВТОРОЙ БОЕВИК Точняк.

Борис не спеша забирает пьесу у Трофимова. Смотрит на трупы Лопехина, Раневской и Пищика.

БОРИС И все же... Если по правде...

ТРОФИМО Если по правде — они мертвы.

ФИРС Когда правил нет, всё позволено.

БОРИС Где же они?

ФИРС Уехали... (*садится на диван*) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... (*озабоченно вздыхает*) Я-то не поглядел... Молодо-зелено! (*бормочет что-то, чего понять нельзя*) Жизнь-то прошла, словно и не жил... (*ложится*) Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... И всё же... (*пауза*) Почему мы не спим под звездами? Не стелим постель из листьев, не лежим с любимыми голышом у костра? Прыгнем в студёный, пронизанный солнцем ручей, вынырнем полные света, лишённые страха. Подхватим копье, победим всех врагов! Кто скажет, что это плохие правила?

Лежит неподвижно. Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Из-за кулис слышны выстрелы. Борис, Первый боевик и Второй боевик поднимают оружие. Затемнение.

КОНЕЦ

отмалчиваться — НЕВОЗМОЖНО

стихи 2022 г.

ВЛАДИМИР САЛИМОН

С оглядкой жить, любить с оглядкой,
прислушиваться неизменно,
что брякнет, ставши депутаткой,
княгиня Марья Алексевна?
Весной отсутствие свободы
особенно невыносимо,
ведь человек — дитя природы,
а не тюремного режима.
И я, родившийся в апреле,
когда ручьи под снегом черным,
пробившие во тьме тоннели,
бегут, подобно рекам горным,
смывая грязь, сметая мусор,
я быть покорным не желаю,
я не хочу казаться трусом,
дрожать в тени, держаться с краю.
Отмалчиваться — невозможно.
Отсидиваться — неприлично.
Живу, люблю — неосторожно,
несдержанно и непрактично.

Встань на площади центральной
небольшого городка
возле церковки сусальной
и торгового ларька.
Вид не столь оригинален
открывается кругом -
у России нет окраин -
всюду грязь, развал, разгром.
Будто ты посередине
мира — смотришь изнутри,

как по лужам пляшет ливень,
лопаются пузыри.
Скоро ль дождик прекратится?
Может, да, а, может, нет.
Высунется продавщица
из ларька на белый свет.
Словно птичка-невеличка
из гнезда, где ей тепло.
Прогрохочет электричка.
Звякнет в сумраке стекло.

На раме, словно амазонка,
она сидит передо мной.
Велосипед. Весна. Бетонка.
О, господи! Ах, боже мой!
Что это нежности телячьи,
пусть скажет тот, кто не любил,
тот, кто молоденькой казачке
слов ласковых не говорил.
Когда, как не среди ненастья,
на нас нагрянувшей беды,
нам вспоминать мгновенья счастья.
Рассвет. Цветущие сады.
Вполне невинные утехи,
причастье первое любви,
когда мы не были навеки
в чужой замараны крови.
Среди разлада и разрухи
я вспомню все до мелочей -
серьгу серебряную в ухе
с крупинкой изумрудной в ней.

Когда отсутствуют свободы,
к нулю стремится единица,
зависимостью от погоды
мы продолжаем тяготиться.
Всегда находится уловка,
какой-нибудь запасный выход,
найдется пуля, иль веревка,
когда стакан последний выпит.
Лазейка, щелка, лаз звериный,
оставленный нарочно нами,
в дом на холме,
в сад соловьиный,
взращенный нашими руками.
Туда спасаемся мы бегством,
гонимые войной, чумою,
измученные мухоедством,
пустой, бесстыжей болтовнёю.

В садах окрестных птичье пенье
и стук колес, и стекол звон
на мысль наводят, что творенья
процесс еще не завершен.
Что подводить итоги рано,
хотя тиран очередной,
смесь барышни и хулигана,
грозит всем ядерной войной.
Кому страшны его угрозы,
когда черемуха в цвету,
и тонкоствольные березы
листвой сокрыли наготу!
Очнувшийся от зимней спячки,
еж шебаршит в листве сухой,
и тень от старой водокачки,
подобно стрелке часовой,
неспешно движется к закату
неутомимо целый день
по саду, как по циферблату.
От старой водокачки тень.

Утешается ребенок
погремушкой разноцветной,
ну, а тот, что из пеленок
вырос, ждет любви ответной.
Жизнь проходит в ожидании -
чувства встречного, везенья,
после долгого молчанья
нового стихотворенья.
Доброй вести — несомненно.
Как когда-то крепостного
права ждали мы отмены,
ныне ждём свободы слова.
А пока проси пощады,
если вякнешь между прочим
с кафедры, или с эстрады:
мир — солдатам!
власть — рабочим!

Когда вдруг проступает плесень
на стенах и на потолке,
рецепт спасения известен.
У многих он на языке
Всеочищающее пламя.
А если речь про отчий дом,
а если счастливы годами
мы оставались в доме том?
Где ночью в зеркале настенном
туман клубился голубой,
где пах «Таврическим портвейном»
в саду под окнами левкой?
Я знаю — мир переменялся,
и дом давно наш обветшал,
и под известкой обнажился
кирпич, что прочность потерял,
но я себя не отделяю
от дома своего никак —
я с ним старею, с ним ветшаю
и вместе с ним сойду во мрак.

© Текст: Владимир Салимон

Звук — внутри

стихи

СНЕГ

— Словно шорох помех,
помнишь, в старой спидоле,
это, кажется, снег?
— Не снаружи, а в доме
звук. Не спорь, помолчи.
Это бабушка Галя
ищет капли в ночи,
света не зажигая.
Или дед (слышишь треск
дров?), хлебнувший из фляги,
сел у печки, нетрезв,
и сжигает бумаги.
Или отчим, размах
чуя распри возможной,
собирает впотьмах
чемоданчик тревожный.
— Но их нет. — Они есть.
— Где? В убежищах тайных?
Что им прятаться здесь,
если приняли т а м их?
Сна — как не было. Чай
заварить? Снег — на прутьях,
проводах... — Не включай
свет, не вздумай спугнуть их.
— Это снег, посмотри,
снег шуршит. — Говорю же,
помолчи. Звук — внутри.
Звук — внутри, не снаружи.

ИРИНА ЕВСА

ПАМЯТИ ПОЛУОСТРОВА

Дом открыли, флигель. Шорохи тростника
запихнули в глечик. Кофе, спеша, смолотили.
Даровали слизнию имя — Три Толстяка,
пауку — Самсон, пятнистой лягушке — Молли.

Навестили пляж. Базар обозрели, где
разведённый спирт назвали татарской чачей,
черенком листа — червя в дождевой воде,
продавца чурчхелы — дерзким вождём
апачей.

Дополняя смыслом, но не лишая прав,
всяку тварь живую мы воплотили в паре
с новоязом пришлых, сущее переврав.
И уснули, рухнув. Господи, как мы спали!

Ничего не слыша. Навзничь, потом ничком.
Сны овечьей шкурой пахли и молоком,
по краям холмов цикорием голубели.
Дул левант. Клешнями крабы скребли по дну.
Мы проспали голод, смуту, позор, войну,
наводнение в Ялте, засуху в Коктебеле,

передел пространства, времени торжество
над селом сиротским, что по ущелью вьется.
И проснулись там, где не было ничего.
И забыли напрочь, как «ничего» зовётся.

... там пеларгонию разводит Пелагея,
там — в юбке выцветшей — со шваброй
и ведром,
к сараю дальнему крадется, где, нагляя,
с утра Мишаня дегустирует с Петром
шмурдяк из ягод. «Разрази вас, трутни,
гром!» -
кричит, разгневанно бутылку отбирая.
Два злоумышленника изгнаны из рая.
«Петро — на выход, паразит! Мишаня —
спать!»
В облезлом флигеле железная кровать
визжит пружинами, брюжит, вмещающая тело,
еще бормочущее дерзкие слова.
Невнятной моросью пространство запотело,
многоочита абрикосами трава.

...Мишане снится: он — пилот, его подбили
в бою над Горловкой. Дымясь, вращаясь, он,
нечистой силой замурованный в кабине,
летит безвольно прямиком на террикон.
И некто бронзовый, но с харей проходимца,
с хвостом, закрученным, как мертвая петля,
гнусявит голосом поддатого Петра:
«В Крыму понежился, а сдохнешь,
где родился».

В одно мгновение разлепив скорлупки век,
рванув из флигеля, как «заяц» из трамвая,
вертя башкой, но ничего не узнавая
в дыму и копоти, Мишаня смотрит вверх,
где пеларгонии, подрагивая, рдея,
клубясь, растягиваясь, движутся на юг.
И нет ни элина вокруг, ни иудея.
И всем — каюк.

Не проси у власти, не верь родне:
сват продаст и шурин,
потому что в честной твоей стране
каждый пятый — шулер.

Кто из них твой отберет гроши,
наплевать обиде.

Будь, как бомж: сухарь воробьям кроши,
на скамейке сидя.

Стерегись вещать на чужой волне,
пранкер или хайпер,
потому что в доброй твоей стране
каждый третий — снайпер.

Он по крыше катится паучком
сквозь парню июля,
чтоб совпала с беглым твоим зрачком
в поцелуе пуля.

И пока скребешь пустоту чела,
пьешь вино, болтая,
над тобою носится, как пчела,
пуля золотая.

Затаись плевком, пузырьком на дне,
следом на газоне,
потому что в тихой твоей стране
каждый первый — в зоне,

где в затылках — чипы, «жучки» — в кашпо,
смертоносна сводка
и с билбордов машут тебе капо,
улыбаясь кротко.

— Это война, война, — говорит она.
Он ей: беда, что крышу не подлатали.
— Если убьют, ну как я тогда одна
с тремя голодными ртами?
— Это — война. Он слизывает слезу
с ее щеки. — Да все это — бабьи страхи.
Я тебе шубу — веришь мне? — привезу
круче, чем у Натахи.

Влипла в него всем телом и, обхватив
намертво, прикрывает с тыла.
Грузный подсолнух, черный, как негатив
утреннего светила,
медленно поворачивает башку,
шеей хрустя над ними.
Он говорит ей: к первому жди снежку.
Не пустым приду, пацанов поднимем,

цачек всяких куплю тебе до хрена.
Вон гудят уже. Отопри ворота.
В куртку вцепилась: это — война, война!
— Дура. Это — работа.

Если страх, — какого тебе врача?
Это снега тающие пласты
с крыш на землю валятся, грохоча,
а совсем не то, что подумал ты.

Был сметлив, как рысь, и здоров, как лось.
Нахлебался бед, но не лег под них.
Все, чего боялся, уже сбылось:
ты за каждый вдох получил под дых.

А теперь трясешься, держа в уме,
что молчать — безбожно, кричать — нельзя.
И, когда шутихи трещат во тьме,
ты мычишь, к несущей стене ползя,

что пришел обещанный тохтамыш
разнести хибару, где ты живешь,
в щель забившись, как полевая мышь,
или в складку, как платяная вошь.

Сосны темным полукругом. Снег. Звезда
в семнадцать ватт.
Ослик вздрагивает, руган. Ослик вечно
виноват.

Не избежать колотушек. Соль в ресницах.
Боль в заду.
Но не он, слетев с катушек, прикрутил
в ночи звезду.

Нет, не он в дурную среду проложил следов
курсив,
чтоб сарай спалить соседу, провода
перекусив.

И не он, почуяв запах крови, пороха, бухла,
в бойню вверх восток и запад приграничного
села.

Но ушастому не внове подставлять бока, и на
хоровое: кто виновен? — отвечать: иа, иа,

под ночным топча обстрелом глины мерзлую
халву,
видя мир большим и белым сквозь пробойну
в хлеву.

Под весенним сквознячком
навзничь — ты, а я — ничком.
Мы прикончили друг друга,
так сказать, одним щелчком.

— Как ты? — В норме. — Больно? — Нет.
Проживём ещё сто лет.
У тебя пробита каска,
у меня — бронезилет.

За метёлками осин —
солнца красный апельсин.
Золотыми облачками
над телами повисим.

Злись, не злись, а всё равно
ветер нас собьёт в одно.
Что замешкался, пехота?
Поспешим: уже темно.

Хорошо — хлебать в тепле
Щи с добавкой и.т.п.
Тишь да гладь в раю солдатском.
Часовой на КПП.

* * *

Ну и что с того, что это Колька?
Вместе мяч гоняли по двору.
Расшибался в кровь. — Болит?
— Нисколько.
Слёзы детства: мам, а я умру?

— Нет. — И чашку долго вытирала.
— Опоздаем в школу. Ты одет?
Спёрли ордена у ветерана.
Но не сдал нас. Правильный был дед.

Что ещё? В учительской разбили
два окна, сорвав шестой урок.
До сих пор висит в моей мобиле
немудрённый Колькин номерок.

Всякий раз, придурок, шёл на красный, —
мол, у смерти руки коротки.
Но сейчас он каску снял напрасно
со своей отчаянной башки.

А заядлым был! — не переспоришь.
Подавал мне с лёта угловой.
Ты прости, но я на службе, кореш.
Плавню пальцем жму на спусковой.

Видно, здорово напился, убаюкивая дух,
коль не хипстера на пирсе видишь ты, а сразу
двух.
Это прям какой-то Пратчетт. Клацнув
дверцами тойот,
глупый хипстер робко прячет, умный —
смело достает,
чтоб, торча в чужой палатке с гордой
надписью «Надым»,
ты ловил ноздрями сладкий электронной
цацки дым.
Не впервой курить вприглядку
бездоходному тебе,

на челе сгоняя в складку мысль о классовой
борьбе.
Не впервой слезой давиться пересекшему
Сиваш.

Все плывет, и все двоится: крымненаш
и крымневаш.
И маячат беспартийно — между миром
и войной -
цвета местного портвейна два светила
над волной.
Ты и сам давно раздвоен: у тебя
внутри мятеж,
перестрелка, смута, зрада, разоренная
страна,
где один — Аника-воин, а другой — А ну-ка
врежь,
и обоим вам не надо ни победы, ни хрена.
Потому что в этом гуле,
продолжающем расти,
ты боишься, но не пули — страшно резкость
навести
на окрестность, где отсрочка от войны
лишает прав,
и никчемный одиночка видит, голову задрав,
как меж бездною и бездной,
рассекая темноту,
хипстер движется небесный с огнеметом
на борту.

* * *

© Текст: Ирина Евса

© Текст: Ирина Евса

ИРИНА ЕВСА — поэт, переводчик. Родилась в Харькове. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор тринадцати поэтических книг. Публиковалась в журналах «Крещатик», «ШО», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Звезда», «Арион», «Новый берег», «Интерпоэзия» и др. Стихи переведены на украинский, сербский, литовский, азербайджанский, армянский, грузинский языки. Лауреат премий Международного фонда памяти Бориса Чичибабина (2000), фестиваля «Культурный герой XXI века» (2002), «Народное признание» (2004), Русской премии (2016), Волошинской премии (2016), премии фестиваля «Киевские Лавры» (2018), специальной премии «Московский счет». Живет в Харькове.

я там, где не место смерти

стихи 2022 г.

АНДРЕЙ КОСТИНСКИЙ

1939–1945 2014–2022
 Стёрты и даты, и лица,
 Схемы подземки.
 Постно губами святится
 Имя, как семки.
 Сытые чернозёмы
 Набело ждут зерна.
 Доводы жить весомы.
 Смерти синоним весна.
 Жить, только чтоб до Победы.
 Верить: «вы боги [-буги]».
 И до утра танцуешь,
 И не жалеешь ног.
 В грязи по колена деда
 Увидел вдруг на испуге,
 Он пушку волок на цуге,
 А пушка его — бог!
 И где-то на грани рани
 И раны зиянья дня
 В новобранце на брани
 Увидел такого, как я.
 И снега горячего пепел,
 Зажатый в губах стебелёк.
 И спорит кружок в небе,
 кто более одинок.
 Но стёрты и даты, и лица,
 И даже как выгляжу сам.
 Ужель на земле чудится,
 Яко на небесах?..

© Графика: К. Батынсков. «БЕЗ НАЗВАНИЯ», 2011

* * *

Разве развеял ветер
 эти бессонные эти?
 С полуночи до утра
 чёрная в небе дыра,
 чёрная в сердце дыра,
 чёрная просто дыра.
 Я отвечаю:
 «Сплю», — сну,
 вот только явь
 плюсну.
 Только вот сон не верит.
 На двери ему надпись: «двери»,
 будто проём «0» значен
 поиксом в (н е) з а д а ч и.
 Что ж ты не спишь? Спи, спи...
 Мир этот только в чуму пир.
 Мир это только чумы пир.
 Пишутся дни под копир-
 ку.
 На куб, что «вчера», новый куб -
 «сегодня», свезёт — и «завтра»:
 к «а» — «б», к «б» — «в», и т д, к «у» б
 успеть приложить бы «ф»,
 чтоб все же дойти к «я»,
 Вот так и живешь, къя.
 Потребник лежит под трэф.
 И свечи поют огнём.
 И свечи уют огнём.
 Не помрем, так хотя б огнём*.
 Так в счастье «с» в «о» гнём,
 в о(т)частье скругляем счастье
 и ходим на (дее)причастье,
 на испо(д)ведь, к (д)обра(.)зам...
 А чтоб меня... Прячь глаза,
 и не читай до конца,
 не далее, чем «Отца.....»
 С полуночи до утра
 чёрная в чёрном дыра...

* глагол

* * *

На вскрытии:
 «Ты — Нет!»
 «Отныне
 Я там, где не место смерти».
 «На крае самой пустыни,
 Где смысл теряется в жертве?»
 «Туда волна поднимает,
 Откуда небо с овчинку,
 Земля прорастает раем
 По слову и без причины».
 «Видать, и солнце всегда там,
 И ночи уже не будет?»
 «Мне небо в рассвете надо -
 Из ночи путь лёгок-труден».
 «Что нужно тебе в том крае,
 Где всходят и камни хлебом?!
 Эй, где ты?» «Я умираю
 Навстречу земному небу...»

* * *

УТОПИЯ

«Это белье стиранное — откуда оно?»
 «С тирана.
 Видишь, кровь не отмылась — от воротника
 до пят».
 «Так раскрой, раскрой радугой из тумана
 небо, в котором рукописи кровью
 своей горят.
 Да посмотри, отри слезы с лица, пот с шеи,
 капли дождя долгожданного на нагость души
 прими.
 После разгромких дней, ёмк- и опустошений
 «будьте как дети» помнишь? — станем теперь
 детьми».
 «Будто у топи я. Брода не зная, и'ду.
 Не разуверь меня в покАинность
 на кресте...»
 Проходит один из трёх, за двух не подавши
 виду
 и тает, проображаясь ликостью на холсте.

* * *

.....встречавшим солнце раньше меня
танец звука
кружит в доме
выдувает стены
до башни округлой
углы прокалывают
оболочку
новая мелодия
памятью сбившихся стёкол
ветер выдувает её
на
ф л е й
т е
м н о
г о
э т а ж к и
— мама, мы вернёмся?

* * *

собаки войны не знают, что это война
вой на луну не вой — на вой не придёт луна
новой небесной твердью ангелы скутерят
смотрят на то, как собак осколки снарядов
падают
когда же хозяин выводит из сызмальского
двора
чтобы спасти/уехать туда где пока тишина
они не знают но верят что человек — друг
а то что стреляет такой же — так то берут
на испуг
и то что уже нет дома — того не будет
страшней
когда остаёшься безлюдной — без войны
или на войне

* * *

заклеиваю крест-накрест душу
не от бомб
несущих стенам несущим
испытание на прочность
а чтобы душу вконец не разорвало
то что нельзя постичь

что нельзя потрогать
что нельзя захлопнуть
в ящичке пандоры
/приоткрыл
посмотрел
закры.../
закричал
и спасает от вопля душу
полоса предыдущего вопля
каждая линия — полукрест

Так получилось, что ангел-хранитель удержал
дочку от возвращения в квартиру в ту ночь, когда
квартира вспыхнула и превратилась в пепельные
квадраты комнат...
Жива — и это счастье!!!
[Фотографии нескольких поколений,
видео от первых дней деток до окончания
школы, семейные реликвии, коробок
с детскими рисунками, библиотека в п-тысяч томов
(95 % — русская литература и языковедение
от прижизненных изданий Пушкина и Крылова
до Ольги Седаковой и Жанны Варбот), и — кошка
Нюша, не дожившая до 10 лет пару недель (летала
с 14 этажа и выжила, а тут...)...
Утром около подъезда нашли игрушечного
плюшевого мишку, выброшенного взрывной
волной...

* * *

радуюсь о каждом, кто успел уехать
дочь, сын, мама, папа, сестричка
одноклассницы, соседи, школьники,
студенты
Господь каждому из них
добавляет душу к его душе
но тут же её отбирает
для того, кто остался
и так у каждого оставшегося
к его душе прибавляется
душа уехавшего -
сначала одна
потом ещё
потом третья
потом...
каждый, кто остался здесь
уже почти бессмертен

а те, кто сейчас
уже ушёл навсегда
туда, откуда Господь
так щедро удваивает души
уже строят новый Харьков в небе
проспектами лучей между облаков,
надраивают солнце
до яркости вечной зари,
над Небесной Сумской
зажигают звездное небо
и в новом Каразинском
университете
открывают факультет
прощения Каина

* * *

живу,
как будто в мире этом
и нет меня
протянутую руку жму
и что-то отвечаю
навпопад
над головой
похожее на солнце
солнце
и точно(-)месяц
на ведёрке дужкой
на дне колодца
в сожженной памяти
по щиколотку пепел
на блокпостах:

прописку.
сигарет
и если б сам себя я встретил,
сказал бы:
одного из нас ведь нет.
зову
зовусь
иду на зов незвано
в окна проеме
неба паспарту
среди подъездных
послевзрывных свалок
из прошлой жизни что-то да найду
нашел зайчонка (анна плюш) да мышку
лежат спасённые волной взрывной.
вселенная как теремок-домишко
впускает с ними дом погибший мой

© Текст: Андрей Костинский

АНДРЕЙ КОСТИНСКИЙ — поэт, главный редактор журнала поэзии «ЛАВА», директор издательства «Слово» (Харьков), учредитель литературного фестиваля «Авалгард», руководитель литературного объединения «АВАЛ». Родился в 1969 году в Харькове. Окончил Национальный юридический университет и философский факультет Харьковского государственного университета. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Топос», «Березиль», «Южное сияние», «Графит», на сайте «Полутона», «Артикуляция» и др. Автор книг «Аритмия» (2009), «Юголь» (2012), «Репетиция рассвета» (2019), «L» (2022) и др. Живёт в Харькове (Украина).

Сомнения Сефериса

рассказ

КОСТАС ТАХЦИС

Почти сразу же после падения диктатуры вышло одно, скажем так, издание, в котором торжества ради исторической как бы правды два писателя, один открыто, другой под псевдонимом, пользуясь данными секретных архивов Министерства иностранных дел, полили грязью — и с немалым удовольствием — Сефериса¹, а потом с удивительным простодушием поспешили отправить эту книжицу мне. Я ответил, что пусть даже их обвинения в паре-тройке мест были не такими уж и беспочвенными, но само это поспешное стремление оскорбить память великого мертвеца выглядит подозрительно, а попытка принизить его вклад — не лучший способ избавить остальных от серьезного обвинения, что они не только вообще ничего не сделали за те семь лет, но, более того, даже сотрудничали с этими спасителями нации². Однако вопрос, тем не менее, остается: почему Йоргос Сеферис так долго тянул со своим заявлением? Почему, несмотря на постоянное давление друзей и поклонников, он колебался? Чего он ожидал и чего боялся?

Мы никогда не можем быть до конца понимать то, какие именно глубинные движущие силы на самом деле определяют даже наше собственное поведение. И потому совершенно бесполезно погружаться в лабиринты сознания других людей, тем более такого человека, как Сеферис. Основываясь на определенных событиях, — и их невозможно подвергнуть сомнению, — а также и на впечатлениях, что я вынес из бесед, которые мы с ним вели в течение нескольких лет до его смерти, я предлагаю — очень коротко — рассмотреть сейчас некоторые из тех причин, что, вероятно, мешали ему открыто заявить о неприятии хунты до того, как он это наконец сделал.

Сеферис, не будучи, разумеется, вовсе аполитичным — даже наоборот, тем не менее, не был «мобилизованным» поэтом, у него не было никакого повстанческого прошлого, никакой вовлеченности в так называемую противоправную деятельность. Даже и во времена Оккупации, когда он, вне всякого сомнения, мог бы использовать шанс принять участие в Сопротивлении, Сеферис служил в правительстве в Каире, а что до симпатии, которую он тог-

да выражал по отношению к ЭАМ³, то она была вызвана, скорее, литературными связями, нежели участием на деле и в силу политической убежденности. Я хочу сказать, что он не обладал теми условными рефлексам, которые дарует опыт многих сражений и которые позволяют противостоять чему-либо совершенно автоматически и как бы инстинктивно. Напротив, идеологически Сеферис принадлежал к буржуазии, если точнее — к высшим слоям городского класса. Я говорю идеологически, а не социально, потому что многие участники Сопротивления были выходцами из высшей буржуазии и аристократии.

Как поэт, — и это правда — Сеферис так себе относился к официально признанным консервативным — и явно страдающим артериосклерозом — духовным ценностям. Если бы, к примеру, Академия была тем, чем она и должна была быть, и приняла бы его с элементарным подобающим тактом, то не было бы ничего фантастического в предположении, что он мог бы стать академиком. И, однако же, эта интерпретация, что первой приходит в голову в попытке объяснить его сдержанную позицию и сомнения, разваливается, — и это делает молчание Сефериса еще более необъяснимым и загадочным, — если вспомнить, что даже знаменитые ультраконсерваторы, если не сказать реакционеры, представители тех самых старинных высших слоев городского класса, те, что еще сохранили хоть что-то от бывшего достоинства, мгновенно и без каких-либо колебаний выступили против диктатуры, пролезшей в нашу жизнь с черного хода. Они вступили в борьбу против этого нового порядка, подвергались арестам, были сосланы насильно или сами приняли решение об эмиграции. Но Сеферис — почему же тогда молчал Сеферис? Может, он не знал об арестах, пытках, несправедных судах и приговорах, что перемололи столь многих людей? И на этот раз — в отличие от недавнего прошлого — жертвами стали не только те, кто придерживался левых убеждений, но и представители всех социальных слоев и всех политических группировок, кроме фашиствующего Правого крыла. Разве возможно, что он не слышал и не видел этой мутной пены, этого торжества дурного вкуса и вульгарности, что отличали пресловутые празднования «военной доблести Эллинов»? Ведь они проходили там, у Стадиона, рядом с его домом. Мог ли Сеферис не воспринимать как личное оскорбление и как предательство всей нации то насилие, что они чинили над греческим языком, и тот — по существу, полный — запрет на какую-либо интеллектуальную деятельность? Мог ли он не возмущаться тем, что шарлатаны делают операции и накладывают гипс?

Все это Сеферис прекрасно знал, и все это жестоко его ранило. Может, он и не был «военнообязанным» в строгом смысле этого термина, но его отличала редкая чуткость, острое осознание своего долга как поэта и гражданина и крайне острый ум. Более того, как опытный дипломат, который принимал деятельное участие в подготовке и выполнении политических решений, он прекрасно понимал механизмы власти, сплетение разных зависимых друг от друга линий и направлений, а также многое другое, что совершенно недоступно рядовому, не посвященному в таинства управления гражданину. Но Сеферис, полагаю, был еще и тем человеком, которого смертельно, без надежды на излечение ранил горький опыт Малоазийской катастрофы, означавшей для него конец той Греции, которую он желал и о которой мечтал с самой юности. По сравнению с тяжестью этого несчастья все остальное, что за ним последовало, в его глазах, уверен, представало незначительными подробностями. А он с тех пор повидал немало. Сеферис видел восстания, революции, перевороты, диктатуры и ужасы гражданской войны. Одним переворотом больше, одним меньше, какое

© Графика: К. Батышков. «БЕЗ НАЗВАНИЯ», 2011

значение это имело теперь? Великое зло произошло в 1922-м, все остальное было по большому счету его естественным продолжением, горькими плодами гибели нации. «Греция сегодня напоминает больного, приговоренного врачами и оставленного на милость Божью», — написал он в своем дневнике в апреле 1945-го. Что же за это время произошло такого, что утверждало бы, что больной излечился? Что другое кроме стремительного закапывания скелетов, вызывавших чувство вины? Кроме возведения на их месте чудовищного монумента нетерпимости к ближнему своему? Кроме показной реконструкции всего, качество которой теперь отчетливо явлено архитектурным хаосом Афин? Чем в таком случае был этот, еще один мрачный эпизод нашей истории, если не очередным воспалением застарелой экземы? И разве само стремительное угасание реформ 1963-1964 годов, выполненных из лучших побуждений, но не так чтобы очень хорошо продуманных, не подтверждает то убеждение, что надежды больше нет?

Думаю, что Сеферис испытывал отвращение и к политике, и к нашим политикам всех видов и мастей. Возможно, отчасти и он тоже, как и все мы, рассматривал диктатуру как Немезиду, что явилась с карающим мечом по их души, — какое-то такое восприятие могло бы объяснить, во всяком случае, инертность, чтобы не сказать равнодушие, народных масс, по крайней мере, в самом начале всего этого. Наивный взгляд, но не то, чтобы совсем уж безосновательный. «Я делал, что мог, — пишет он в своем дневнике на следующий же день после понедельника Святого Георгия⁴, — отдал лучшее, что у меня было, чтобы помочь. Чтобы сделать больше, должно заняться политикой по-настоящему. Я этого не хочу». И кое-что еще: дипломат Сефериадис, как я уже отмечал чуть выше, из первых рук знал, что собой представляет и греческий, и международный политический мир. Понимал он и то, перед какой трагической дилеммой оказалась его страна. Знал, кто дергает за ниточки в нашем политическом театре, и насколько ничтожны с практической точки зрения наши протесты.

*— Будет лучше на этих гальках все позабыть;
говорить что толку:
помыслы сильных переменить кто может?
чьим словам вонмут?*

Каждый видит свой сон и не слышит чужих кошмаров⁵.

Сеферис был печальным человеком, исполненным пессимизма, до мозга костей преданным старинному общественно-политическому строю, в которое верил и которому служил как дипломат. Переворот его даже не удивил. Если же говорить о сопротивлении, то, должно быть, в глубине души он знал, — как притан⁶ поэтов Греции и как представитель высших слоев страны, Сеферис получал информацию и з н у т р и, — что все это, по крайней мере, в большинстве случаев — лишь очередные перебранки из-за одеяла, борьба как бы за всеобщее благо, но только в своих интересах, как знал он и то, что судьбы народа, простых людей, может, даже и всего человечества, так легко не переменить. Что же до него, он был стар, он устал, его здоровье пошатнулось, — вскоре после переворота Сеферис пережил инсульт. Как поэт, в тех пределах, что он сам себе поставил, Сеферис сделал достаточно. Единственное, чего он теперь хотел, — чтобы его оставили в покое и дали умереть в своей стране. И вот что еще: должно быть, сначала Сеферис тоже, как и множество людей вокруг, верил, что это чудовищное положение не продержится долго. Потом он молчал из-за своего характера: ему были глубоко чужды нарочитые, рассчитанные на публику жесты⁷. К тому же Се-

ферис был очень скромным человеком. И даже если и представить, что он все-таки вышел бы и начал говорить, кто стал бы ему внимать? Кто и когда придавал хоть какое-то значение советам мудрых и поэтов — если только не становилось уже слишком поздно?

А теперь зададимся тем же вопросом, только перевернув: что же это было такое, что заставило наконец Сефериса преодолеть свои сомнения и заговорить? Его путешествие в Америку сыграло — вне всякого сомнения — значительную роль. Жесткие вопросы некоторых иностранных студентов, спрашивавших Сефериса о причинах нежелания открыто высказать свое отношение к военной диктатуре, должны были погрузить того в серьезные раздумья. В то же время они помогли ему отчетливо осознать огромные возможности своего влияния и, следовательно, то, что было его долгом. Да и сама география тоже оказала свое воздействие — и сильное — на него. Издалека он, должно быть, более рельефно и с ужасающей ясностью увидел то зло, что происходило в стране. Отвращение к жанру плохо написанных политических текстов уступило место сочувствию ко всей филе⁸. И наконец он садится и пишет — 5 февраля 1969 года — «Кошек святого Николы»:

Что еще им оставалось, беднягам?

*Драться с утра до ночи да глотать отраву,
ядовитую кровь ползучих гадов.*

Поколениями глотать отраву. Веками глотать отраву⁹.

Глубокие познания в истории, которые до того момента склоняли его к молчанию и скептицизму, теперь помогли отчетливо разглядеть то, что в глубине души Сеферис и так всегда знал: несмотря на все те ужасные перипетии, что видела история этой страны, несмотря на предательства, ошибки и горечь поражений, эта фила сумела выжить, пусть даже справилась с этим кое-как, — выжить подобно полевым цветам аттической земли, что ни в чем не изменились с античных времен и что с наступлением весны все еще ухитряются прорасти в самых немыслимых уголках этой бетонной преисподней. И он понял, что такое чудо выживания, происходившее раз за разом наперекор самым враждебным обстоятельствам, требовало сражений и крови. Он вспомнил Макриянниса¹⁰, воспоминания которого так хорошо знал, и вспомнил о «закваске»¹¹. И он приходит к решению: настало время оставить сомнения и досужие рассуждения в стороне. Между тем он осознал и то, что хунта все больше и больше упрочивает свой режим, что по-хорошему полковники не уйдут, и что их затянувшееся пребывание у власти начинает порождать чудовищные грядущие опасности для всей нации — особенно для его любимого Кипра. В этот момент всегда мягкого, спокойного Сефериса охватывает гнев, он приходит в ярость. И сначала он пишет свое знаменитое заявление — 28 марта 1969 года, а потом то изумительное, последнее, стихотворение — «По шипам колючего дрека», в котором отправляет тиранов в ту часть Геи, которую для них издревле уготовила Эллада, — в Тартар.

И так, в результате совершения поступка, рассчитанного на публику, но предпринятого после долгих размышлений и внутренней борьбы, — потому, вероятно, он и стал куда более эффективным, чем получилось бы, если бы поэт вышел с заявлением в самом начале, — и благодаря самым разным участникам Сопротивления, что мгновенно приняли его с благодарностью, буржуа Сеферис, как до него аристократ Соломос, получил редкостную возможность высказаться — вне классов и партий, прозвучать голосом всего народа и — в итоге —

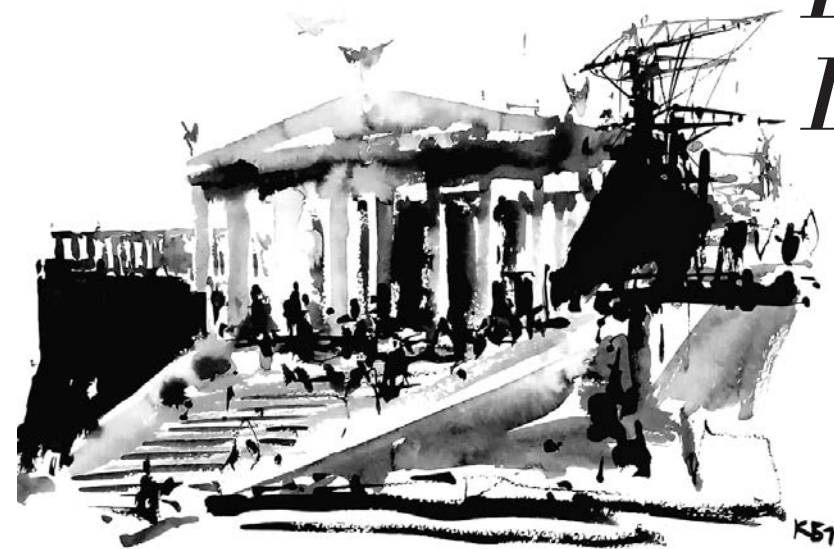
стать тем, кем в понятной или избыточной своей скромности не мог даже вообразить себя: тем, кого мы, греки, имеем в виду, когда говорим о «национальном поэте».

Перевод Анны Ковалевой

Примечания

- ¹ Йоргос Сеферис (1900 — 1971; настоящая фамилия — Сефериадис) — один из величайших греческих поэтов в истории мировой литературы, нобелевский лауреат по литературе 1963 года, которая была присуждена ему с формулировкой «за выдающиеся лирические произведения, написанные с глубоким восприятием мировоззрения древнегреческой культуры». Также всю свою жизнь Йоргос Сеферис был кадровым дипломатом, в том числе послом в Великобритании.
- ² Черные полковники, устроившие государственный переворот 21 апреля 1967 года, называли его «революцией, спасшей нацию» от «коммунистического заговора», который якобы поразил систему государственного управления, армию, средства массовой информации и образование.
- ³ Национально-освободительный фронт Греции (гр. ЭАМ) — объединение представителей различных политических и гражданских сил в Греции, боровшееся против нацистской оккупации.
- ⁴ День Святого Георгия пришелся на понедельник 6 мая 1968 года, то есть запись сделана через месяц с лишним после того, как Йоргос Сеферис выступил с заявлением, в котором осуждал диктатуру.
- ⁵ Перевод фрагмента поэмы Йоргоса Сефериса «Саламин Кипрский» — Ипполит Харламов.
- ⁶ Притан — в древних Афинах член государственного совета, в некоторых полисах — правитель.
- ⁷ «Вернувшись, нашел в почтовом ящике еще одно твое короткое письмо от 5 декабря с вырезкой из TIMES LIT.SUP: на два зернышка пшеницы, а сколько болтовни, да еще такой бесцветной. “Свободные” греки за рубежом иногда заставляют меня дрожать за будущее нашей несчастной страны: самовосхваление, вздор да пустая риторика, бо же ж ты мой!» (Из письма Сефериса от 10 декабря 1968 года). TIMES LIT.SUP — Times Literary Supplement — Литературное приложение к газете Times.
- ⁸ Фила в древней Греции — родовая община и, позднее, территории, на которых такие общины проживали. В данном случае имеется в виду вся греческая нация.
- ⁹ Перевод фрагмента стихотворения Йоргоса Сефериса «Кошки святого Николы» — Ипполит Харламов.
- ¹⁰ Иоаннис Макрияннис (1797–1864) — военачальник во время Освободительной войны Греции 1821-1829 годов. Позднее — политик. С 1829 по 1850 писал мемуары, которые стали одним из самых важных источников по истории Греции того периода. Сам Сеферис, считавший Иоанниса Макриянниса «отцом современной греческой прозы», заметил в годы Второй мировой войны, что «в наши времена, ... когда все ищут в других нечто чистое, постоянное и сострадание, следует говорить о таких людях, как Макрияннис».
- ¹¹ В своих «Воспоминаниях» Иоаннис Макрияннис рассуждает о таком явлении, как «закваска эллинизма», не позволяющая погибнуть Греции. И в далеком прошлом, и ныне все дикие звери стремятся пожрать нас, говорит Макрияннис, стремятся и не могут: но сколько бы они нас не поедали, все одно от нас остается закваска.

© Текст: Костас Тахцис

Вольфганг Шиффер

*три
стихотворения*

*В переводе
Владимира Колязина*

**Вольфганг Шиффер —
немецкий поэт
и переводчик исландской
литературы, род. 1946 году
в Неттеталь-Лобберихе,
изучал философию
и театроведение
в Кельнском университете,
живет в Кельне и Праге.
Лауреат многочисленных
литературных премий,
в т.ч. Рыцарского креста
Исландского Ордена соколов.**

Трудности при сочинении стихов

какой бы я стих не начал в последнее время /
до конца дописать его было невозможно /
неважно на каком языке / неважно в форме
какой /
пришлось бы каждый божий день его
продолжать /
словно титаника журнал / словно плач /
словно крик
перед лицом безумия этого мира /
безумия / людского / которое мы творим

и хотя до сих пор я от этого не отказался /
от писанины этой / которой любой
противится финал /
я спрашиваю себя / на сколько меня еще
хватит?
устал я устал / попытки стали пыткой /
я чувствую / как силы меня покидают

и вот прошу / коль хоть один дочитал досюда /
сними с меня эту ношу / пиши за меня /

держишь / как мы дружно взялись
за то, чтобы /
мир уничтожить / самих себя стереть с лица
земли /
и если заметил я как-то раньше /
что чайки стали выше летать над землей /
и мы им букашками кажемся с высоты /
ничтожество одно / то они до сих пор
еще там в вышине /
только сегодня это больше не утешат меня

держишь / пока земля
горбом не тряхнет / чтоб сбросить нас со
своего горба /
хотя она уже пожаром объята / а мы гоняем
балду /
строчи дальше / строчи / что мы на высоте
зажигаем / чтобы ее на Востоке на Западе /
на Юге на Севере / в любом уголке планеты /
где угодно / что мы делаем все / чтобы даже
космос /
и даже весь еще неоткрытый космос /
в пустоту / в ничто превратить

быть может, однажды искусственный
интеллект нашарит эти писульки
побудишь этак его сделать хоть что-то /
способность откроешь / к тому
к чему давно уж мы боле неспособны:
он заплачет...

Причитания и признания

что это / что нашло на меня сегодня / гнев? /
возмущение / внезапный ярости прилив /
что так часто по малейшему поводу меня
одолевают?
что заставляет меня безмолвно осерчать /
при виде частично выбритых мужских
черепов / андерката /
нацистской балбешки / как я зову их в немом
своем причитанье?

точно не знаю / быть может это
растущая с возрастом пристрастность /
в сочетании с упрямством и ожесточением /
зачастую
даже с несправедливостью / но это так /
будто что-то холодное
входит в меня / словно лед / восплаляется
и начинает возмущенно спрашивать /
не кажется ли этим людям /
что история перестает существовать /
стоит только повернуться к ней спиной /
неважно по незнанию или намеренно / или
в твердой уверенности / что «дух времени»
не ошибается?

не меньше меня возмущает / когда я вижу
драные штаны / которые кто-то в крик моды
превратил /
тогда как другие довольствуются лохмотьем
в бедности и нужде /
чтобы тело прикрыть / в ярость прихожу /
когда я вижу /
что это в основном молодых парни /
едва ли старше меня во времена /
когда я стыдился своих поношенных брюк /
любители таких штанов / как знака крутости
и шика

я в ярость прихожу / стоит мне увидеть
лужи мочи
перед мужскими писсуарами / в туалете
супермаркетов /
ресторанов / любого общедоступного
заведения /
похоже тот / кто здесь облегчился /
считает себя единственным человеком
на земле /
или развелось уж слишком много собратьев /
кому бы захотелось оспорить у него писсуар /
чтобы он пометил его как собака

и если однажды чувство стыда /
испытываемое мной / потому что те / кому
должно быть стыдно

не делают этого / смягчает ярость гнева
и меня приводит в чувство / тогда я думаю
о том /
как ничтожен я в своем негодовании
перед лицом великих зол
этого мира / и задаю себе вопрос /
не является ли мое причитание
давно уже дешевой отчаянием /
признанием поражения /
поражения в желании другой /
лучшей жизни /
сейчас и в оставшееся время / потому
что для истинного гнева /
способного смести зло с лица земли /
этого маловато

маловато / чтобы похерить людьми
созданную экономическую
систему / которая неумолимо пожирает
сами предпосылки
всей жизни / делит при этом людей
на богатых и бедных
и купно создает новые классы / слою
отверженных
бесполезных / лишних людей

маловато / чтобы раздолбить людьми
изобретенную финансовую
систему / ту, что ставкой на катастрофу
конец готовит любому прибыльному делу /
спекуляциями на сырье и продуктах питания /
пшеницей / рожью / овсом / ячменем /
пшеном / кукурузой и рисом /
приносит людям голод / нищету и смерть

маловато / чтобы лишить / психопатов
политической власти /
кто это бесстыдство творит только бы власть
сохранить /
кого не пугает / искусство их лжи с которым
они
превращают людей в безвольных рабов /
а тех
кто не верит в их ложь / клеймить позором
как врагов народа /

смирять их тюремными приговорами
и пытками /
а если их этим не сломить / и смертью

маловато / чтобы швырнуть с планеты
убийц рода человеческого /
кто правом завладел / подчинять / изгонять
/
уничтожать / от имени кого бы то ни было /
во имя веры / свободы / человеческих прав /
почитаемых за честь для себя и для своих
семей /
обезглавить другое человеческое существо /
кто преподносит это как «честь» убитым ими
индейцам /
называет свои смертоносные ракеты
«Томагавками» /
обычные бомбы находит утешительными /
потому что они все еще обычные,
а не ядерные

маловато / чтобы срывать маски с ханжей
налакированных филантропов / которые
сами
не воюют / но следят за тем / чтобы у всех
всегда достаточно оружия
было в распоряжении для ежедневной бойни /
которые допускают / пусть и считая себя
свободно избранными
и еще способными на то или иное
проявление
человеческих эмоций / что корабли
с беженцами
тонут у их берегов / что дети / пусть они
и выживут во время бегства / погибают
в лагерях беженцев
от адского холода и крысиных укусов

ах человеке! Ах мир! / когда наконец
настанет этому конец /
этому балагану / который давно уж стал
непревзойденный в степени цинизма
и извращения? / почему они
презирающие человечество / не подавятся
своей ложью /

почему мы / мы комичные нелепые создания /
верующие в их ложь / и не верящие себе /
слишком слабы / чтобы запихнуть их назад
в их пустой риторикой провонявшие глотки

почему нужен вирус чтобы нам показать /
сколь нежеланны
и лишние мы на этой земле? / почему
не шуганем мы в пропасть /
мы кто не может или не желает себя менять
/ почему
не бросаемся мы из собственной
проницательности и силы /
как мы, ошибаясь о леммингах-самоубийцах,
твердим / в пропасть задолго до смерти?

когда мы наконец поймем / что наш страх
перед падением человека должен бы быть
несравненно меньше
чем страх перед перспективой /
что выживет он?

Когда меня спросят, что бы я хотел написать о моей матери

помедлив чуть, скажу / что точно не знаю /
быть может
что у меня перед глазами как живая
стоит жизнь ее мужа /
рожать ему детей / мою сестру и меня /
готовить ему обеды из ничего и с ним заодно
строить дом своими руками / а потом
не сетуя
терпеть компашку соседей -пьянчужек
и вечную кормежку птиц / которых
он сотнями вокруг дома
и в горницах в больших и малых клетках
держал

что видел, как она под голову ему думочку
сует
когда он после обеда на скорую руку
в перекуре

голову опускал на скрещенные на кухонном
столе руки /
перед отодвинутой в сторону тарелкой
и вестерном /
чьи герои словно из ковбойских фильмов /
тех, что моя мать
смотрела вместе с ним в деревенском кино /
деливших мир для него на черное и белое /
что видел / как она клала ему в губы сигарету /
при долгом его угасании
перед слишком ранней смертью /
и хранила ему верность / многие годы после
его смерти

быть может и то / как я видел ее в заботах
обо мне / с присущей ей
материнской нежностью / понимавшую
и разделявшую мою мечту / стать пиратом
и петь со мною матросские песни за мытьем
посуды без конца /
учившую меня молитвам по вечерам / хотя
она из-за любви
к своему мужу / который / будучи в разводе
/ из общины был
исключен / сама давно отреклась от веры

и как она намазывала масло на мои пряники
на завтрак
и / против моей воли / чистила мои
ботинки /
совала в карман отглаженный носовой
платок /
когда я уходил из дома / шел в школу /
спешил на поезд /
который доставлял меня
в городскую гимназию /
вижу ее утешающую меня в любовной печали
из-за прелестной /
но недостижимой дочери городского богача

вижу, как она / несмотря на попытку /
отвести ее руку /
нежно скользящую по моим волосам /
тихонько толкует о том /

кто мне подходит / меня заслуживает / кто
нет / вижу
вижу, как она качает головой / когда совет
ее на ветер я бросал /
в том числе и собранные чашки и тарелки
ножи и вилки /
когда я / бросив все / снова один сквозь дни
спешил

быть может / как увидел ее в мясной лавке /
под
косыми взорами других женщин / так
как предвыборный плакат
ХДС предостерегал от меня / ее сына /
коммуниста
анархиста / красной студенческой швали /
нужен такой вам? /
коль нет / то выбирайте... /
и как я посмотрел на продавщицу /
которая хотела отказать ей в покупке /

услышал, как моя мать сказала /
100 грамм сервелата и студня 100 грамм /
он так его любит

и как я видел потом / как она смотрела
на выпавшего из гнезда
птенца / как она согревала его в своих руках /
и потом / много позже /ее заботливо
опекаемую моей терпеливой сестрой /
беззаветно готовую к самопожертвованию /
ее скорченную / постаревшую чуть ли на сто
лет / словно увядший цветок

когда меня спросят / почему я не хочу
больше писать о моей матери /
помедлив, скажу / что толком не знаю /
возможно оттого / быть может
что она казалась мне слишком ранимой /
вплоть до самой смерти
и долго потом

© Текст: Вольфганг Шиффер

© Графика: К. Батынков. «БЕЗ НАЗВАНИЯ». 2011

голова, глаза, зубы, шея и волосы на фоне истории

(пентаптих)

волосы

На шкале эволюции мужчины ближе к покрытым шерстью предкам, чем женщины, хотя есть исключения. Фемины оказались проворнее, благодаря гибкости и чувствительности к моде, а быть человеком до недавнего времени считалось модно. Сейчас модно быть котиком. Шерстяным полностью — «возврат к истокам», или голым, без единого волоска — котик, опередивший человека в эволюционном забеге.

В однокоренных единоначальственных религиях женские волосы принято прятать. Раньше и крестьянки-христианки ходили в платочках, а дамы мерялись фасонами шляпок. Опростоволоситься (оплошать) изначально — выйти в люди с простыми, неодетыми, волосами, теперь платочки нацепляют только в церкви. Мусульманские хиджабы, наоборот, внедрились спящими агентами в социумы, где волосы были свободны, а паранджи и никабы не встречались вовсе. В иудаизме из-под шапочки или парика ни один волосок не должен высунуться наружу. Потому что волосок — напоминание о мире шерстяных, с которыми у нас ничего общего. Не поэтому, конечно, а потому что волосы формируют облик. Если брюнетку с прямыми волосами превратить в кудрявую блондинку, ее можно не узнать при встрече. Есть в них, волосах, волшебство.

Я хожу к своему парикмахеру и ощущаю дискомфорт, когда приходится идти к другому. Не потому, что стригут плохо — вроде то же, никто, включая зеркало, не видит разницы, но внутри я чувствую неправильную диспозицию этих непонятно из чего изготовленных внутри головы волоконцев. Дело не в красоте, а в самоузнавании. Шерсть на голове уже не шерсть, а прическа, индивидуальный головной убор, ореол. У зверей шерсть дорастает до положенной ей породой длины и останавливается, а у человека растет бесконечно. Будто голова хочет что-то сказать генерируемыми ею волосами, и говорит, говорит... Отвечаешь стрижкой или просто слушаешь и плетешь косу.

Если считать, что человеческие особи создал Бог (используя компоненты, которые уже применял при создании разной живности), сначала Адама, потом Еву, то создавая первый образец, Адама, Он экспериментировал, а делая Еву, уже усовершенствовал модель. Увидев, что модель Ева лучше модели Адам, решил, что это несправедливо, и пригасил, ослабил субъектность Евы, назвав ее слабым полом. А несовершенства Адама задрапировал словом «сила» и пустил в производство как сильный пол. Так всё и шло: «волос долог — ум короток», — характеризовала женщин русская поговорка. И не было на горизонте богинь — Афины, Артемиды, Афродиты, Геры, чтоб заступиться за женщин, была только женщина-мать, мать Бога, сына Бога. У тех, кто прячет волосы, и такой не было.

Фон жизни нашей, с матерью ли, без матери — запретить и спрятать. Запретить слова, вылетающие из головы, выбивающиеся из-под коммунального колпака — разные слова, и о злодействах,

K5H

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

Эссе

проросших в истории, и о тех, что происходят перед глазами. Глаза тоже лучше спрятать, опустить долу, но необязательно: смотри, при условии, что волосы не встанут дыбом на голове. Потому что, если волосы дыбом, колпак слетает, слов, ног и, главное, женщин, на которых держится какая-никакая мода на человека, не удержать.

голова

В стране происходит переход в другое агрегатное состояние. В какое именно, непонятно, а называется «перестройка». Россия избавлена от землетрясений, цунами, тайфунов природных, зато приговорена к политическим. Изредка они бывают благотворными, когда всё плохое смывает в сторонку, проваливается под пол, растворяется в воздухе, а всё хорошее, наоборот, являет себя миру. Долго триумф не длится, «всё плохое» возвращается, отплевываясь кровью.

«Перестройка» задумывалась легким ветерком (под лозунгом «свежий ветер перемен»), а обернулась разгулом стихии. Стихия подхватила меня и понесла на руках, и это, конечно, прекрасно, когда тебя несут на руках. Но было одно но: у меня начала страшно болеть голова.

Я спала на диване, купленном у домовитого приятеля, который решил заменить его на более уважаемый. А я заменила им тахту, на которой спала еще в детстве, так что вся ее внутренность погнулась и свалилась от моего на нее бесперебойного воздействия. Примерно как наш организм, под воздействием мира, оттаптывающегося на нем всем своим весом: ось гнется, пружины суставов превращаются в соляные столбы, провисают провода сосудов, и постепенно всё теряет форму и содержание.

Диван был молод и свеж, только пришедшая в гости мама, у которой вообще была мания облагораживать пространство благородными материалами, сочла обивку негодной и самолично обила его коричневым бархатом в рубчик. Потом сшила такие же занавески, украсив их красной бахромой. Мама любила, чтоб был ансамбль. С ансамблем — совсем другая жизнь. И тут как раз — свежий ветер перемен. Мама-то уже давно переиначивала советскую вульгату: шила старинные абажуры из комбинаций (это такое женское белье, из тонких тканей с кружевами, которое надевали под платье — его же больше не существует?), старых гипюровых кофточек и бахромы. Както купила туфли фабрики «Скороход», обклеила их белой кожей, получились сапоги выше колен, всем на зависть. Вязала вечерние платья с бисером. Шила яркие кофты и юбки в стиле патчворк. А свежий ветер перемен ее не обрадовал: продукты, которых и так было немного, постепенно

исчезали, и не только продукты, потому энергия уходила на добывание, доставание сложными путями, запасы, склады, сбережение всего, включая консервные банки из-под шпрот — на черный день. Многие женщины поколения, видевшего войну, так делали. Помнили голод. Но тут была еще и болезнь.

А я беззаботно сидела на своем новом диване, дом всегда был полон народу, питались, чем бог пошлет, и только дух захватывало от урагана перемен. Толпы иностранцев, журналистов и дипломатов, все хотят дружить, зовут в свои посольства, приходят в гости, сцены открываются скопившейся в подполье художественной молодежи, телевизор из предмета мебели превращается в горячий пирожок, журналы публикуют то, за что еще вчера можно было угодить в тюрьму — происходит настоящая революция. Из уютного, хоть и под дамокловым мечом, закутка со своей, близкой по духу аудитории, мы вдруг оказались на площади, под прожекторами, эхо разносилось по свету — это была внезапная и существенная перемена.

И вот однажды просыпаюсь я на своем диване с дикой головной болью. Цитрамон, спазмалгон, пенталгин — ничего не помогает. Голова гудит, раскаляется, будто стационарное напряжение скакнуло, энергоблок взорвался, и теперь в голове — Чернобыль. Это началось через пару месяцев после аварии, видимо, облако дошло до Москвы и, не зная, куда податься, засосалось в мою голову. Это было облако не радиоактивного распада, а распада СССР. Пока только облако.

Голову не поднять. Слишком много она весит, а внутри хрупкая — «не кантовать». Не знаю, что значит «кантовать», но так было написано на коробках с тем, что бьется, и с тем, чей верх ценнее низа.

Одно дело, когда поболит и перестанет, а если длится и длится, надо идти к врачу. Впрочем, моя соседка умерла за несколько секунд. Я как-то зашла к ним, чтоб поболтать с ее дочерью, моей подружкой и ровесницей — мы тогда были школьницами. Подружка куда-то вышла, так что мы немного поговорили с ее мамой — это была очень красивая и всегда любезная женщина. Сейчас, в момент нашей последней встречи, ей пятьдесят, и выглядит она такой же цветущей, как обычно. Я вернулась домой, а буквально через десять минут ко мне спустилась подружка и стояла, ошарашенная, на пороге. «Мама умерла». — Как? Я же только что с ней разговаривала. — Прихожу, вдруг мама говорит: «Голова болит», и так обхватила ее руками. И вдруг застыла. Я вызвала скорую. Но уже было всё.

На меня это тогда произвело сильное впечатление. А теперь я носила боль в голове и представляла, что так же должен был себя чувствовать Зевс, когда его голову распирало от того, что в ней рождалась Афина, богиня мудрости. Чтоб узнать, что в голове у меня, друзья отправили меня к врачу. У одного из них как раз был отец невролог или невропатолог, в общем, по этой части. Он сказал, что больше всего это похоже на фронтит — воспаление лобных пазух. Сделал рентген. Рассматривая снимок, сказал: «Ты — человек будущего, у тебя нет лобных пазух, а они — атавизм». Я, конечно, сразу хватилась копчика — нет, он, обрубленный под корень хвост, никуда не делся, а эти, о существовании которых я даже не подозревала, слетели. — Что же тогда на их месте? — спросила я. — Не знаю, — ответил доктор, что-то есть, но это не лобные пазухи, и это самое главное — значит, не фронтит.

Будущее наступило, и я его, стало быть, провозвестник, может, уже ни у кого не осталось лобных пазух? Открыла поисковик, узнать, так ли оно, пишут, что у 5-15% населения их нет. Стало быть, еще не конец истории — должны же 86% атавистичного населения успеть сбросить свои лобные пазухи! А может, и нет, раз за столько тысячелетий не получилось.

Меня проверили на менингит, энцефалит, мозговое кровообращение, аневризму, гипертензию, глазное давление, но ничего не нашли. Знакомый доктор посоветовал пить беладонну, ска-

зав, что женщинам она вообще показана. Тогда я не знала, что это такое, а беладонна свободно продавалась в аптеках, и я стала пить. Не помогло. Это уж потом, с появлением интернета, я узнала, что другие названия этого снадобья, в переводе с итальянского означающего «красивая женщина» — бешеная ягода, бешеная вишня, и что она ядовита. «Белладонна упоминается в травнике Фокса, изданном во второй половине XV века. Но ещё раньше люди стали использовать это растение как источник яда. Из неё готовили мазь, которую использовали во время судов над ведьмами. При её втирании действующие вещества попадали в кровь, что вызывало галлюцинации, и жертвы под пыткой говорили всё, что от них требовали».

Так вот оно что — это же было одно из основополагающих советских лекарств. Еще моя бабушка пила салол с беладонной, зачем — неизвестно. Да все известно: «говорила все, что от нее требовали». Революционные галлюцинации.

Орудие против тайфуна в голове все же нашлось — тазепам. Успокоительное. Важно было только проглотить таблетку до того, как тайфун сформировался, прихлопнуть его таблеткой при первых вихрях. Признаки начинались во лбу, там, где место лобных пазух заняла неизвестность. И вот настал «главный день», 12 октября 1986 года. Так, по крайней мере, мне сказали в клубе «Поэзия», возникшем, как и моя головная боль, несколько месяцев назад. Но голова болела не всё время — периодами, а поэтический вечер 12 октября готовился, согласно летописям, круглосуточно. И суть его была как раз в том самом выходе на «большую сцену». К народу, к широкой публике, к массовому читателю. Потому что на дворе «новое мЫшленье», «гласность» и тот самый свежий ветер.

К сожалению, я социопат. И принять активное участие в жизни какой-либо, самой чудесной, организации, движения, партии, клуба не в состоянии. Потому и жизнь клуба «Поэзия», членом которого я состояла, прошла мимо меня. Мне только сказали: близится главный день, вечер в ДК Дукат, ты будешь выступать. Это был Дом Культуры табачной фабрики «Дукат», а курильщики тех времен делились на курившие явскую «Яву» и дукатский «Пегас». Его я тоже курила, но «Ява» должна была быть явской, а не дукатской, а она далеко не всегда была в продаже. Все, конечно, мечтали об американских сигаретах и с придыханием произносили их волшебные названия — «Салем», «Пэлл-Мэлл», «Мальборо», «Кэмел», «Филипп Моррис», но они доставались только тем, кто имел доступ к магазинам «Березка», где все продавалось на запрещенную в СССР иностранную валюту или чеки Внешпосылторга — для советских людей, допущенных к работе за границей. То есть, единицам. Запад в советской печати всегда клеймили, но негласный принцип «все лучшее — иностранцам» не позволял представителям «прогрессивного человечества» приближаться к их посольствам, домам, магазинам и гостиницам, где они останавливались. Перестройка стала эти барьеры убирать, так что американские сигареты уже можно было получить в подарок от тех самых нахлынувших иностранцев. Потом курение везде запретили, с этого и пошло, запреты множатся, и теперь я презираю все государства, каждое по-своему. Облако полураспада нависло над Землей, выпадая то там, то сям истребительными осадками. В голову засасываются однокоренные облака: спада, падения, нападения, напастей, припадков, попадалова, впадения в маразм, перепада температур, упаднического духа, пропадения пропадом.

12 октября 1986 года я проснулась на своем бархатном диване, будто на доске с гвоздями — головная боль была уже в разгаре, и не отступала весь день. «Главный вечер» я пропустить не могла и оказалась перед дилеммой: то ли принять двойную порцию тазепама и выступать в полусне, но с усеченным цунами в голове, то ли не принимать и произносить слова тихо, поскольку звуки голоса становятся внутри головы деревянными молоточками, и могут все там расколошматить.

В ДК Дукат пытались прорваться несметные толпы, их отгоняла конная милиция, пускали только по билетам, но народу в зале оказалось все равно больше, чем мест. Зал был огромен,

публика наэлектризована, поэты должны были зажечь. Наверное, и зажгли, но я не запомнила ничего. Даже того, что и как читала сама, кто выступал еще, как реагировал зал. «Главное событие» осталось для меня слепым пятном, о котором я знаю только из воспоминаний организатора.

Потом было много выступлений, бум длился года три, а голова болела все реже, по мере превращения советских органов в атавизмы, а затем и ликвидации хвоста и рогов. Вот же что такое, эти лобные пазухи, — подумала я в период ликвидации — это то, из чего росли рога! И они опять выросли — в виде панциря. Потому что пазухи питают рога и — шире — способствуют ороговению всего человеческого. По крайней мере, того, что принято называть человеческим. Хвост, правда, не отрос, поскольку не стало вождей, произошедших от обезьян. Нынешние произошли, видимо, от Арахны, бросившей вызов Афине, богине мудрости и собственно головы, и превращенной ею в паука. От пауков у нынешних — умение плести паутину всеми восемью руками, собирать в нее самое вкусное и выедасть мозг. Ох, вот же какая еще есть болезнь головы — арахноидит, воспаление паутинной оболочки мозга! Но и это был не мой случай.

Афина избавила меня от головной боли после сотрясения мозга. Это произошло в конце 1990 года, когда нервное напряжение снова стало нарастать. Облако — на сей раз грядущего путча — опять закружилось в голове. И вот однажды, переходя улицу на зеленый свет, когда все машины стояли как вкопанные, один Жигуль резко выехал на переход и сбил меня. Краем глаза я заметила его и отскочила, потому была только задета, но упала и потеряла сознание. Очнувшись в Склифе, там мне предложили полежать у них недели три, но на носу был Новый год, и вообще лежать я могла и дома. И так и лежала на своем бархатном диване. Голова больше не болела, но оторвать ее от подушки я не могла, поскольку она тут же начинала кружиться, и меня начинало мутить. Под Новый год стало лучше, а сам он запомнился навсегда. Единственным продуктом, который оставался на полках магазинов, был сливовый компот. Так что им мы и чокались. А друг купил поросенка. Мы вместе с ним сходили на рынок, и обнаружили перед пустующими рядами прилавков двух мужиков. Один стоял с меховой шапкой из енотовидной собаки, другой — с маленьким поросенком. Я купила по дешевке шапку, а друг — за бешеные деньги поросенка, которого мы тут же и зажарили, прийдя домой. Так что к компоту была закуска.

А потом я уехала и за последующими чередованиями закатов и восходов родины наблюдала издалека. Тазепам еще некоторое время лежал в сумке, как последние несколько лет, но так больше и не пригодился. Диагноз, на котором тогда сошлись врачи и который мне ставили с детства — вегетативно-сосудистая дистония — теперь признан несуществующим, да и тогда казался нелепым. Правильный диагноз — включение облаков высокого напряжения в нейронную сеть без адаптера. Раньше адаптеры были прямо встроены в черепную коробку, но потом повывлетали, к сегодняшнему дню — почти у всех. Приходится мастерить их самим из подручных средств. Держусь пока. И хватаюсь за голову каждый день, потому что молнии сверкают и сверкают.

Домовитый приятель умер — в настигшем его, такого основательного, раздрае. Друг жив, уехал, проклял родину и стал веганом. Диван умер — злая тетка, которую я пустила пожить в свое отсутствие, выкинула его на помойку как старого советского уроды. Мамины занавески живы, хранятся у меня, аккуратно сложенные. Ее абажуры подсвечивают лампочки продолжающегося научного прогресса, которых она не видела. Мама умерла после долгой болезни головы, в которой росла не обнаруженная медициной опухоль. Я сейчас в том возрасте, когда ее не стало, хотя фактический ее разрыв с жизнью произошел гораздо раньше. Благодаря ей и случившемуся тогда урагану моя жизнь счастливее, чем была ее. И благодаря отцу, у которого адаптер так и оставался встроеным, отчего он прожил очень долгую жизнь. Теперь нет и его. Но еще не все потеряно, раз голова до сих пор на месте.

глаза

Свое зрение идеальным. Длилось оно вплоть до первого дефолта, 1998 года, когда доллар стал стоить вместо 6 рублей 21. Именно тогда я и пошла заказывать свои первые очки. Второй дефолт, 2014 года, сделал меньший скачок: вместо 30 рублей — 60, зато моральный свищ так и свищет с тех пор. Вот и зрение мое скакнуло, а потом медленно поползло вниз — для синхронизации жизни организма с жизнью родины.

Глаз устаёт фиксировать тягучий процесс, а язык в ответ на стресс переходит к метафорам: время закручивает в воронку, затягивает удавку, заводит в непролазную чашу, вешает на стену ружье и дамоклов меч над головой. И у меня три вида очков для того, чтобы всматриваться в происходящее: для чтения книг (эмиграция из свалывшейся пряжи мира), новостей на компьютере (сводки из растревоженного улья), и еще одни, чтоб не быть Красной Шапочкой, которая спрашивала у волка: «Бабушка, почему у тебя такие большие уши?» — ей бы очки «для близи».

Не верь глазам своим, — вот что еще пророчески советовал язык, когда основания к тому были эфемерны. В прежние века часто жаловались на чертей, в двадцатом — видели летающие тарелки и лозунги, и язык им отвечал «не верь». Но настоящее «не верь» появилось только в двадцать первом веке, когда фотошоп может обмануть любого. Постправда превратила реальность в лохнесское чудовище, которое высунет голову и исчезнет, или в золотую рыбку, которая вильнет хвостом и скроется на глубине. Глаза видят только светящуюся поверхность, что на экране, что в округе, и «всё не то, чем кажется».

Однажды я, фанат Греции античной, решила посетить современную. Понимая, что она другая, прикидывая, с чего лучше начать, пошла в турагентство и попросила двухнедельный тур на Крит. Девушка в агентстве спросила, поеду я одна или вдвоем, а узнав, что одна, стала убеждать меня, что лучше на Родос.

— Почему?

— Поверьте, что лучше.

И я поверила. Посмотрела каталог с отелями, выбрала, оплатила, заполнила анкету на визу (Греция еще не была в Шенгене) и стала ждать. Время шло, я звонила в агентство, но мне отвечали, что виза не готова, а пакет документов мне вручат вместе с ней. И вот утром улетать на Родос, а в шесть часов вечера визы так и нет. Агентша успокаивает: «Обычная практика, не волнуйтесь», и ближе к десяти вечера, несмотря на поздний час, я получила из ее рук у стен посольства свой паспорт с визой, билеты и отельный ваучер.

— Только отель будет не тот, что вы выбрали, но равнозначный, не волнуйтесь — сказала агентша.

— Как не тот? — возмутилась я. Выбирала я какой-то красивый, с цветущим садом, прямо у моря, четырехзвездочный. В те времена (а это был 1997 год) существовало правило: в четырех звездах (пять были редкостью и абсолютной роскошью, не то что теперь) на ресепшн обязаны были говорить на трех европейских языках, а я боялась, что греки говорят только по-гречески, и я не смогу с ними объясниться.

— Тот, — ответила агентша — отказывается принимать туристов из России, и мы вынуждены были заменить его на другой. Но он несколько не хуже. И опять добавила: не волнуйтесь.

Темно, я стою на улице с паспортом, билетом и ваучером, и уже ничего не могу изменить. Агентша, конечно, нагло врала, но я ей верила, будучи неопытным туристом с еще не изжитым комплексом советского человека, от которого могут шарахаться, как от зачумленного. Я совсем

не представляла себе, что такое Греция, тем более что меня вообще не хотели пускать в страну, по словам агентши (и это было правдой), поскольку у меня стояла виза Македонии, в которой я недавно была на поэтическом фестивале. Как я узнала позже, нет для грека худшего оскорбления, чем существование государства с названием Македония, поскольку Македония — название Северной Греции, откуда был и Александр: по-нашему Македонский, по-гречески — О Мегас, Великий.

Прилетаю на Родос, захожу в отель и обнаруживаю, что в нем идет ремонт. Отбойные молотки, всё в цементной пыли, села я в своем номере на кровать и загрустила. И вдруг вижу — ползет что-то огромное черное. Я сжалась на кровати, позвонила на ресепшн и прерывающимся голосом стала звать на помощь. Портье, как и полагалось в четырехзвездном отеле, пусть и почти закрытом на ремонт (пока что, в разгар сезона, я там не встретила ни одного человека), говорил по-французски и даже весьма бойко. Он влетел в комнату, посмотрел на ужасное насекомое и расплылся в улыбке: «Так это же наши друзья тараканы, они на Родосе везде!». Ну и опять мне было предложено «не волноваться». Я спустилась вниз, села за столик у входа и горько заплакала. Двухнедельный отдых был испорчен, ни с их друзьями-тараканами (раза в три больше московских), ни с их отбойными молотками жить было невозможно, а денег на то, чтоб плюнуть и переселиться в другое место, не осталось. Вдруг за мой столик под села пожилая дама. И спросила, на каком языке я предпочитаю разговаривать. Она говорит на девяти. Я рассказала по-французски про свою беду, и дама, к которой я сразу почувствовала расположение, сказала, что поможет мне. Она жила в этом же отеле, несмотря на ремонт, поскольку для нее это бесплатно, владелец отеля — ее сын, а ее покойный муж был почетным консулом, и у него здесь были апартаменты. А сама она живет в Афинах.

— Вы гречанка?

— Нет, я родилась в Палестине. В те времена, когда евреи и арабы жили дружно.

Оказалось, ей 90 лет.

Оставив меня на некоторое время, она пошла внутрь, а когда вернулась, то сказала, что меня переселят в ту часть — а отель было довольно большой — где нет ни ремонта, ни тараканов. И я переехала, и жизнь стала налаживаться. Батами (так звали мою спасительницу) удивляла меня каждый день. Попросила перевести через дорогу. Оказалось, она ничего не видит, с годами ослепла. И ходит без всякой палочки и собаки-поводыря.

— Как же вы, спрашиваю, путешествуете одна?

— Не вопрос, — отвечает — везде люди помогут, вот как вы сейчас. А сюда езжу каждый год, все знаю наощупь. Наверное, — подумала я, есть разница, когда слеп от рождения или терял зрение с годами. Зрительная память сохраняется.

Батами стала обсуждать со мной литературу, и я опять удивилась, поскольку она говорила о недавно вышедших книгах.

— Вы же не видите!

— Ну да, я уже давно слушаю аудиокниги.

Потом Батами потащила меня на концерт, еще через пару дней на выставку. Я поражаюсь ее энергии и интересе ко всему на свете. Спросила, откуда она знает столько языков.

— Так иврит и арабский были, само собой, в Палестине (государство Израиль все еще было для нее новшеством, а разговор, напомним, происходил в 1997 году), потом вышла замуж за дипломата, мы жили в Швейцарии, в Англии, Германии — так я и выучила языки всех стран, где он работал. А когда муж вышел на пенсию, мы осели в Афинах. Умер он, когда мне было семьдесят лет.

— Сочувствую.

— Нет, что вы! — Батами засмеялась. — Лучшие годы моей жизни — как раз после его смерти.

Я опять удивилась: почему же вы не развелись, если вам с ним было плохо?

— Что вы, деточка, какие разводы! В наше время это было невозможно.

— Он с вами плохо обращался?

— Не то что плохо, но в то время жена должна была быть тенью своего мужа, а жена дипломата не только фамилию, но и имя свое должна была оставить. Меня называли мадам и дальше шли имя и фамилия мужа. Я только в семьдесят лет и стала снова Батами и смогла жить, как мне всегда хотелось. И я его никогда не любила.

— А зачем же замуж выходили?

— Так никто моего мнения не спрашивал. Девушку из хорошей еврейской семьи родители выдавали замуж за кого считали нужным. Да, тогда так было принято.

Я поняла, что молодость Батами началась в семьдесят лет, как если бы это было восемнадцать, потому внутренне ей теперь вовсе не девяносто, а около сорока. И еще — потеря зрения была для нее совершенной мелочью по сравнению с потерей свободы и самостоятельности длиною в жизнь. По ее рассказам так и получалось: детство, а потом сразу «после семидесяти». О промежуток и вспомнить было нечего.

— А как же вы смотрите выставки? — как раз сегодня она тащила меня в какую-то галерею внутри Родосской крепости.

— Так я там встречаю знакомых, они мне рассказывают, и по радио слушаю передачи о современном искусстве, у нынешних художников вообще описание важнее самого произведения. Видеть...? Так я уже всё на свете видела. А теперь чувствую — в моей замужней жизни чувства считались чем-то неприличным. Мы жили в рамках этикета: продемонстрировать радость повышению в должности коллеги, восхищение новым платьем жены, иногда надо было делать вид озабоченный, иногда скорбный. (Это же эмодзи, — подумала я, как и сейчас).

Не знаю, как Батами выбирала для меня в подарок блюдо — традиционная греческая керамика — она же не могла его разглядеть, но блюдо очень красивое, до сих пор висит у меня на стене в кухне.

Потом мы переписывались. То ли она сама печатала на пишущей машинке вслепую, то ли у нее был секретарь, но она вела переписку, делясь своими новыми чувствами. Картины мира застыли, став воспоминаниями о музейных экспонатах, а новые чувства всё прибывали. Книга, концерт, новости культуры. Другие новости, похоже, ее вообще не интересовали.

Получилось, что ее глаза не были «зеркалом души». Они смотрели ровно и одинаково, как во времена ее «притворной» жизни. И она ничего не боялась. Потому что это же «у страха глаза велики». Я увеличиваю их очками.

Был у меня момент ссоры с глазами. Мы приехали отдыхать на Кипр, и вдруг из глаз стали течь густые, как сироп, слезы. Потом они стали зелеными, и эта зеленая пелена на глазах покрыла для меня Кипр то ли патиной, то ли тиной, хотя это была все та же любимая греческая земля. В Грецию я стала ездить постоянно, а на Кипре поставила крест. В этом нет логики, но ведь на всё — «смотря как посмотреть».

И на нашу сегодняшнюю жизнь я смотрю тремя разными парами глаз, ну или очков.

Книги, которые прорастают в жизнь, мрачны, а другие не прорастают. Место утопий заняли антиутопии, изменилась и ткань языка: вместо парчи и ситца — полимеры, а к стихам, если поднести зеркальце — оно не запотекает.

Зато окружающий мир стал чист, прозрачен и насыщен, как никогда. В нем все быстро, вёртко, бесконтактно. Всё реже глаза в глаза, все чаще глаза в экран. Мир стал одним большим экраном, но всё судьбоносное происходит по ту его сторону. Где нас нет, но кто-то есть. Постправда — это, собственно, мир, в котором каждый выбирает и покупает реальность, как одежду в магази-

не. И стычки носителей этих разных реальностей неизбежны. Истина искрит не в философском смысле, а в самом что ни на есть практическом. Кто заказал-приказал? Видим только, как выкручиваются. Выбираем версию согласно собственным настройкам, ждем, когда «будущее покажет». Хотя в него никто не стремится, источник вдохновения — ушедшее за горизонт, а кто всматривается в то, что из-за него выползает, у тех депрессия.

Моя эмиграция в чтение, между тем, провалилась. Сидела я в саду за столиком, читала. Потом встала, оставила очки на столике и пошла проведать неистребимую сныть, слизней, тлю и вспыхивающих, несмотря на этот безнадежный антураж, соцветий. Вернулась через несколько минут — очков нет. Сорока унесла — кто ж еще! Теперь я обречена барахтаться во всемирной паутине, а это совсем другое, чем священнодействие считывания букв с бумаги.

Человек и ткущая им паутина цивилизации — величины переменные, перемены заданы самой программой. Я вот раньше боялась пауков и, когда видела паутину, снимала ее. А недавно прозрела: паутина стреноживает кровососов. И пусть ее будет больше, пусть всё ею покроется, пусть. Паук плетет паутину, пук — путину, пак кроет патиной, а к — тиной. Это так язык описывает смотровую площадку глаз и желает им приятного просмотра.

зубы

За воротами губ — частокол. С механизмом, перемальвающим что-то небольшое и не очень твердое. А на вид — оборка скелета, который только одним этим украшением себя и показывает, выглядывает наружу, зубцами-бойницами крепостной стены, ожерельем из костяного фарфора. 32 зуба. Самая уязвимая часть конструкции, постепенно их становится все меньше, они болят, сводят с ума, их вырывают, заменяют декорацией.

В России — в той, которую мы уже не раз потеряли — у всех были некрасивые зубы. Глаза красивые, с поволокой, с прищуром, бархатные, влажные. Ямочки на щеках. Обаяние. Руки-ноги-пластика. Все это выразительное, потому что иначе себя не выразишь. С сотрудничеством трудно, со — только соблазнять, прикидываясь джедаем или животным. Животное на сцене — гарантия успеха. Зубов не видно, а если оно их показывает — значит, угрожает.

Зубы плохие, на протезистов большой спрос, но голливудские улыбки у них не получаются. Это у американцев все получалось, а у нас только то, что стиснув зубы, под скрежет зубовный, зубодробительно, чтоб отскакивало от зубов, заточив на кого-нибудь зуб. Это тогда, в советское время запора. Сейчас, во время поноса, получается еще меньше. Но лучше. Запор-забор преодолен, а понос-поднос и преодолевать не надо: поносишь-подносишь.

Так вот тогда одна подруга вышла замуж за иностранца. Это был статус: «выйти замуж за иностранца». Сказка о Золушке. Принц. Зависть сестер и досада злой мачехи. Теперь у нее будут сапоги. «Жениться на иностранке» мемом не стало, поскольку происходило редко, наши мужчины на мировом рынке успеха не имели. Для соответствия статусу нужны были хорошие зубы, «как у них». Подруга нашла молодого протезиста, овладевшего передовыми технологиями, сделала себе красоту и уговорила меня последовать ее примеру.

У меня был отколот кусочек верхнего переднего зуба — одним зубным врачом (говорили просто — «зубной»), не справившимся с управлением бор-машиной. Помимо отколотого этой адской машиной кусочка, зубы были плохи и сами по себе. Сероватые, желтоватые — пломбировали их какой-то гнусной замазкой, а сперва заталкивали в зуб мышьяк — он убивал нерв, потом почивший нерв извлекали и демонстрировали зубному страдальцу: красный такой червячок. Вот зубы и становились слегка мертвенного оттенка.

Иностранцы говорили: русские никогда не улыбаются. И подводили под это разную философскую базу, но все было прозаичнее: не хотели показывать свои плохие зубы. Некоторые, правда, гордились, у кого рот золотой (южане) или стальной (северяне), но железный занавес любили не все. Чтобы улыбаться, я решила пойти к протезисту. Как его звали — не помню, помню, что был очень красив. Про тогдашних мужчин можно было сказать «красив», поскольку существовал образец красоты — Ален Делон. Кто его хоть как-то напоминал, тот и красив. Был в то время и другой эталон, Роберт Редфорд, если Делон — латинской, гнедой, горделивой, то Редфорд — кельтской, рыжей, радостной красоты, но у нас ценился именно Делон. Это был выбор между «рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой» и «печальный демон, дух изгнания», между свойским и недоступным. Теперь точки отсчета красоты нет, есть типажи и просто индивидуумы, такие и сякие.

Мой доктор Делон-Клон опилил мои утлые зубы, сделал красивый мост, и я стала улыбаться, как несоветский человек. Ко мне изредка подходили на улице, говоря, что видели меня в кино, очень понравилось. Хотя я никогда и не снималась, но улыбалась и ускоряла шаг. В тот период, а было мне двадцать с чем-то, я была похожа сразу на двух актрис, одну американскую и одну французскую. Позже узнала, что предки обеих из России. Фильмы с их участием хотя и не шли на экранах, но столичная публика проникала на закрытые показы и на московский кинофестиваль, где во внеконкурсной программе показывали «всё». Похожесть проявилась во мне внезапно, после того как я обрела улыбку, близкую к голливудской.

Хэппи-энд оказался временным, и я стала ходить к зубным как на работу, задобрить зубную фею не получалось. Зубных я меняла как перчатки, искала спасителя, но все сплошь были вредителями. И вот однажды, когда я думала, что у меня, наконец, опять настал зубной хэппи-энд, произошла катастрофа.

Обстановка в Москве и сама по себе была катастрофической. Жара 2010 года длилась и длилась, окрестные леса, торфяники и деревни горели и горели. Дым, пришедший в Москву, становился все плотнее, а распространился, кажется, по всей стране. Мои попытки сбежать за двести километров, в Суздаль, оказались тщетны, воздух и там пропитался гарью, на темно-сером небе солнце выглядело, как шарик малинового мороженого.

Когда я вернулась в Москву, дышать было уже совсем нечем, и с каждым днем ситуация усугублялась. Люди штурмовали аэропорты, ходили в масках, дышали через мокрую марлю, мочили занавески на окнах, орошали воздух из пульверизаторов, тщетно пытались купить кондиционер — они были раскуплены подчистую. Я поняла, что надо бежать. Купила билет на завтрашнее утро в Париж, чтобы там переждать экологическую катастрофу у друзей.

Была суббота. Давно заметила, что зубные катастрофы случаются либо в пятницу вечером, либо в субботу. Ну чтоб ты не мог сразу побежать к врачу, а мучился бы пару дней, глотая обезболивающие. Приходилось, правда, и в воскресенье — ночью, утром — мчаться к любому дежурному хирургу. Но тут был другой случай. В шесть вечера мой мост раскололся пополам и упал. Экстренных протезистов не бывает, но выхода у меня тоже не было. Я открыла компьютер и стала обзванивать все стоматологические клиники подряд. Мне везде коротко отказывали, «но был один, который не стрелял» — вошел в мое безнадежное положение, сказав, что быстро мосты не строятся, но дал телефон друга, протезиста-фанатика, который часто работает допоздна, и вдруг он на месте и что-то сможет придумать. Работал друг далеко, но я была готова ехать на край света. Клиника была закрыта, он один торчал в своей лаборатории и что-то мастерил.

Сказал, что попробует изготовить что-то временное. Я сидела у него до часа ночи и, в конце концов, получила новое украшение скелета, с заверением, что месяц продержится. Я была счаст-

лива — произошло чудо, мне бы только за ночь не загнуться от отсутствия кислорода, а в восемь утра уже самолет в Париж. Единственное, что смущало — это цена чуда. Денег было в обрез, взяла с собой все и боялась, что не хватит расплатиться с моим спасителем, не останется на Париж, еще и метро закрылось, а пешком отсюда и до утра не дойти.

— Сколько я вам должна? — спрашиваю.

— Нисколько. Это не работа, просто помог.

— Как не работа? Да вы же часов пять со мной возились!

— Работа — когда делаешь, как положено, а это времянка, несерьезно.

Снова чудо. Потому что так не бывает. За тот как бы постоянный мост, который раскололся, с меня взяли немалые деньги, а тут — «просто помог». Может, это был святой, может, ангел — как выразить благодарность тому, кто о ней и не помышляет? Привезла из Парижа бутылку хорошего коньяка — единственное, что пришло в голову. Мост продержался долго. Я все не шла к врачу, поскольку к вредителям идти смысла не было, а спаситель работал больно далеко, не ездил. Стала ходить на пробу — к одному, другому, и все эти гады говорили: долой постылые зубы — да здравствуют сверкающие импланты. Я все же нашла то, что искала. Жаль, что поздно.

Однажды я написала в фейсбуке, что у меня болит зуб. — Какое счастье! — откликнулась одна знакомая. У меня не осталось ни одного зуба. — Я давно уже вырвала все, по совету врача, и больше они не болят, вырвите и вы, — написала другая. — Как неприлично писать о зубах! — написал некто неизвестный.

И вправду, неприлично все, что оголено. Слизистая — будто одетый с ног до головы в кожу организм приоткрыл свою суть. Зубы — которыми решил похвастаться скелет, показав, какая он белая кость. И не подумал, что подставляется. Хотя это может быть и посланием. У других хищников с зубами все в порядке. Им как бы положено. С другой стороны, массивным зубным разрушениям подверглись только советские люди, может, заведующий земной жизнью так выразил свое отношение к советской власти? И велел искупать вину страданием. Кто свою дозу отстрадал, тем даровалось чудо, как мне.

шея

Шея — короткое слово, по-французски вообще — ку. Шея бывает и длинной, но воспринимается коротко: переходник, провод от головы-главы к низовьям общества. И, наоборот, секретарский пост, передающий главе запросы снизу: желудок хочет есть, печень пить, первичный половой признак — сбросить одежды и броситься в омут. Это «сердце рвется на части», «глаза боятся, а руки делают», «мурашки бегут по спине», «люди сидят в печенках», а про шею — никаких эмоций. Шея и шея. Украсить галстуком или ожерельем — как-то обозначить эту границу между начальником и исполнителями. Дают по шее, гонят взащей, вешаются на шею, садятся на шею, и сидишь как дурак с вымытой шеей — народ шею явно недолюбливает.

Я раньше ее тоже не ценила. Но настал черед. Началось с конфликта головы и тела. Голова велела телу не бросаться в омут, тем более, с ней, с головой. Тело самонадеянно решило, что голова боится. Но голова не боялась — чего ей бояться? Она просто устала от мыслительной карусели — куда преклонить голову, как адаптироваться к местности, у каждой из которых свой набор кодов. Мы, голова и тело, то есть, я, колесили из страны в страну. Родина умерла как точка отсчета. Я хоть и радовалась, что от родины-маразматика родится родина-принцесса (можно считать это и операцией по смене пола и возраста), но пока что она была золушкой замарашкой, и дело даже не в том: она перестала быть точкой отсчета. В ней строилась новая жизнь, а моя голова решила

оставить великую стройку, чтобы поскорее узнать, что там снаружи. И еще — умирала мама. Голова это отчасти понимала, но тело, с которым теперь идентифицировалось мое я, было уверено, что мама будет всегда, потому что и была всегда. Вне зависимости от болезни, которая вводила ее все дальше от жизни. Вопрос, что по этому поводу думала я. Ничего. Потому что думает голова, а тело просто есть, как и все вокруг него — просто есть, здесь и сейчас.

У тела, которое впервые в своей подневольной жизни стало руководить головой, был праздник. Оно собой любовалось, оно себя наряжало, по мере возможностей, которые были скромны, потому и наряды — такие прекрасные на фоне того, во что тело облачалось на родине — не производили на окружающих никакого впечатления. А тело очень хотело их одобрения и даже восторга. Оно ходило по легендарным улицам города грез, о котором два века мечтали соотечественные ему тела. Оно чувствовало, что в его жизни произошло главное. Оно оторвалось от головы. И оно было готово умереть вместе с другим, избранным им, инородным, телом, в обнимку, прямо сейчас. Но у инородного тела этот романтический порыв вызвал паническую атаку, отрываться от головы оно категорически не собиралось. На его голове висели обязательства перед семьей и родиной, на которую голова работала, а родина его не допускала слишком близкого контакта с головой противника. Да, его родина считала меня противником, несмотря на то что мы теперь были одним целым. Инородная голова пыталась — то со слезой, то с металлом в голосе — объяснить мне, что тела — да, а головы — нет. И всегда будет — нет. Из-за несовместимости родин. Но адресовать этот меседж моему телу было бессмысленно, оно больше не реагировало на командный пульт — перешло на местное самоуправление.

Тогда и строящаяся родина шла по тому же пути, и голосовала сердцем, так что голова моя напрасно сокрушалась, что ее единственное любимое детище — тело — неразумно. Это было веянье времени. И у времени был запах взрыва и чувство легкости, когда плывешь в радиоактивном облаке, которое само несет тебя в неизведанное. Ведь жизнь, как считает человечество, начинается с большого взрыва. И эта началась так же. А в слове меседж или, по-французски, массаж, которое стало определяющим для открывшейся тогда эпохи, завернуты еще два: месса и мессия. Месса — священнодействие, та самая скрепа, в которой любые действия и слова воспринимаются как операция и шифровка. Мессия — намек на то, что эпоха у нас завершающая, с выходом автора на поклон. Автор ведь когда ставит точку в своем сочинении, в истории, в том числе — когда ходы исчерпаны, и все начинает повторяться.

Для шеи шло время сверхнапряжения. Заменявшие уволенную голову друзья зывали к разуму, видимо, не зная, где он находится, тело голосовало сердцем, и шея оказалась в эпицентре диалогов глухого со слепым. Лишившись своих привычных функций, она как-то неестественно вытягивалась. Вот должно вернуться с работы инородное тело, казалось бы, что тут такого — открывает дверь ключом, можно броситься ему на шею, а зачем открывать окно и вытягивать свою куда-то за угол, чтоб посмотреть, не показалась ли из-за него машина, которая и не машина даже, а божественная колесница? И потому так было, что время от времени колесница не появлялась, оттого что Гелиос, он же солнце, закатывалось навсегда, и наступала бесконечная тьма. Это когда инородная голова брала верх над вверенным ей телом, потому что родина давала по шее, и тело подчинялось. А потом солнце снова светило, люциферно и снова навсегда.

Мама умерла. Далеко, в Москве. Голова ее, в которой и была болезнь, умерла гораздо раньше, чем в то утро, когда я проснулась и увидела, как дворовые голуби истоиво бьются о стекло. Я уже всё знала, когда раздался телефонный звонок. Мне сообщили о смерти тела, то есть окончательном его исчезновении с той площадки, где все объединены одним и тем же делом: живем. Произошло это очень давно, но и сейчас отсутствовавшая тогда и присутствующая ныне голова отво-

рачивается от тех дней, месяцев, лет. Когда было невозможно спать, когда фоном было то самое слепящее солнце, лучи которого непроглядная тьма превращала в свои чернильные щупальца.

Тело мчалось в аэропорт, из аэропорта, мчалось туда, куда не хотело. Оно не хотела в эту Москву, где открылась черная дыра, но потом, после всего, именно в этой Москве и стало искать исцеления, воссоединения с головой, восстановления целостности. И тут, в Москве, произошел казус. Было холодно, серо, муторно, но голова, как-то неустойчиво, на соплях пристроенная к телу, уже приступила к работе. Ей казалось, что она провела в безделье целую вечность. Обрывочно помнила последние всплески активности, но когда это было, неизвестно. Вроде, не так уж давно, но провал в бездну — это все равно вечность. Так что она как бы начала жить заново, а тело, наоборот, искало небытия, в котором бы спрятаться от непереносимого страдания. В этой обстановке что-то и произошло с шеей. Острая боль между горлом и ухом, будто продели иглу. Аспирин, конечно, но он не помогал. Пора было возвращаться в город грез. Завершить дела и — это уже было решено — вернуться на родину. Родина казалась мягкой, обволакивающей — никогда я не воспринимала ее такой, и все в ней стали будто немного детьми, бегающими, играющими, восторженными, рассерженными, наивными. Я была старше всех — я пережила апокалипсис.

В городе грез боль от иглы между горлом и ухом слегка поутихла, зато на шее стала расти шишка. Пошла к врачу, вернее, пошла по врачам. Анализы такие и сякие, рентгены, УЗИ, пункции — и только недоумение одного эскулапа за другим: диагноз поставить невозможно. И меня отправляют к хирургу, который говорит: резать. — Что же резать, если нет диагноза? — Разрежем — посмотрим, — бодро отвечает хирург. — В любом случае, ничего хорошего ждать не приходится, а каждый день дорог. В городе грез у меня была страховка, все было бы бесплатно, но я слышала, что хирурги получают за каждую операцию большие деньги, и упускать такую возможность не хотят. На родине в то время медицина еще не стала крутым бизнесом, больницы барахтались в нищете, грязи и полчищах тараканов, но я гордо сказала хирургу города грез, что операцию буду делать в Москве. Да, под родиной я неизменно имею в виду Москву, а не восьмую (fогmet шестую) часть суши.

Хирург пришел в ужас, обозвав московских коллег коновалами, но у меня же теперь родина! Середина девяностых, самый разгар и угар, я в восторге. Это ж и у родины тело и голова поменялись местами! Тело велит — голова исполняет. А сама голова велеть ничего не может, потому что не так-то просто сделать чертеж перепланировки одной восьмой, капремонт без выселения. Именно тело, жившее как арестант при родине-маразматике, перевернуло шахматную доску. Голова-то ко всему умеет адаптироваться. Шея родины набухивалась и вертелась во все стороны в поиске новой головы. Новой родине-принцессе, само собой, нужна новая голова. В суматохе никто и не заметил, что старая голова отряхнула прах со своих ушей и вернулась на прежнее место. Исправно, теперь уже, удовлетворяя потребности народного тела — пока не насытится.

Я пришла в больницу, молодой хирург только посмотрел на меня и сразу поставил диагноз. Анализы были готовы через пару дней, и они диагноз подтвердили. А из города грез я получила диагноз по почте, в конверте, через полтора месяца — тот же самый. В московской больнице собрали консилиум, постановили, что место, в котором открылась чакра, то есть наоборот, киста — то самое, где проходят все главные провода и проводки от головы к телу и обратно, так что операцию если и делать, то только «по жизненным показаниям». Это когда иначе помрешь. А пока надо периодически высасывать из шишки жидкость, которая в ней образовывалась. Она, эта проклятая шишка, высасывала то ли из тела, то ли из головы, все наличные соки. А я как раз часто тогда ездила в разные страны, выступать на фестивалях. И вот в Лиссабоне, после выступления в мэрии, совсем лишилась сил. Зал, где мы читали, был обставлен в стиле прежних благо-

лепных веков. Там стояли танкетки, козетки, диванчики — все на гнутых ножках и обитые шелками. На всем этом можно было посидеть в ожидании торжественного ужина, который давал мэр. А моя голова, которая тогда была в процессе возвращения себе прежнего статуса, стала такой тяжелой, что пошла ко дну — и отключилась на антикварном диване. Да, шишка на шее снова забрала у нее большую порцию соков. Это был укор телу: хотело расстаться с головой? Получи.

Так продолжалось довольно долго, года три, открывшийся в шее резервуар откачивали, он снова наполнялся, и чем дальше, тем быстрее. Шишка шла к дефолту, пережив дефолт родины ненадолго, в том же году голова оказалась полностью отсоединена от тела, поскольку ненасытная шишка выкачивала из нее всю влагу, как какой насос, без остановки. Пришлось лечь на операцию. Тараканы в палате ползали почему-то не по полу, а по стенам. Это все, что я запомнила из того вечера, который провела на койке. Подписала бумагу, что предупреждена об опасности операции. Мне не было страшно, потому что мне было плохо. И еще я думала о том, что как надо, так и будет. Либо тело с головой отправятся в небытие, либо выживут вместе. Многочасовая операция, многочасовой наркоз. На лестнице, у лифта, на каталке, меня тщетно пытаются разбудить, но вдруг я вижу открывшиеся дверцы лифта и отца, склонившегося надо мной. Я проснулась, потому что он позвал меня в ту жизнь, которую я знала, а врачи, добивавшиеся от меня признаков жизни, не предлагали ничего интересного взамен сна.

Теперь уж и отца нет, но он пробыл со мной долго, дав понаблюдать за тем, как душа естественным образом, будто в замедленной съемке, высвобождается и из тела, и из головы, оставляя их, как износившуюся земную одежду. Он думал, что знает, куда направится его душа, и даже если знал это не вполне правильно, то было понятно, что покой ей обеспечен. Он пережил маму на четверть века. В последние месяцы никогда не снимал с шеи шарф, как бы подогревая контакт между головой, устремлявшейся в какие-то дали, и осыпавшимся телом. Говорил, что «песок сыплется» — не метафора, что он действительно сыплется. Шея была последним форпостом жизни. Когда я приехала, зная, что его уже нет, и увидела застывшее тело, шарфа не было. Наверное, отец знал, когда пора его снять.

С инородным люцеферическим Гелиосом, в то время, когда моя жизнь все еще была гелиоцентрической, отец встретился однажды, в Москве, потому что и после моего возвращения Гелиос не оставлял меня своими надеждами переделать мир, в котором мы могли бы жить долго и счастливо. Отец пришел ко мне и прочитал Гелиосу нотацию на тему «свет, который в тебе, не есть ли тьма», а в следующий раз уже и я сама собрала волю в кулак и сказала, наперекор телу: всё. Конечно, лучше, когда конец истории происходит сам собой, как с жизнью отца, но бывает и так, что насилие вторгается в неразрешимое, не решаемое иначе. После операции и установления головы в исходную позицию я вернулась к людям и нашему общеземному солнцу. А тот бывший Гелиос продолжал работать на родину, но однажды исчез с официальных радаров. Случайно узнала, что он умер и, судя по слишком скупому некрологу, был забыт и семьей, и родиной, и как можно было понять из тех же нескольких похоронных слов, провел некоторое время в заведении для инвалидов, куда предлагалось перечислить деньги вместо возложения цветов на могилу. Прочитать это было больно, но тут опять возник вопрос об отношениях головы и тела. Если между ними приходится выбирать, выбор следует отвергнуть, шея его не выдерживает.

© Текст: Татьяна Щербина

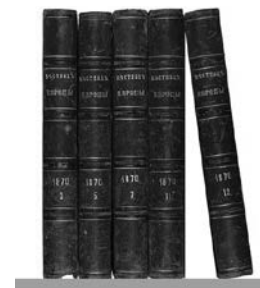

О состоянии хлебопашества в России

КН. В.П. МЕЩЕРСКИЙ

Вестник Европы 1825 г.

Часть СХLII (фрагменты)

Сельская промышленность во всяком государстве есть одна из главнейших отраслей народного богатства; в России особенно, где мануфактурный класс народа слишком малолюднен в сравнении с числом земледельцев, где земли для обрабатывания несравненно более, нежели в других странах Европы.

<...>

Хлеба в России, сверх обширного внутреннего употребления как на продовольствие жителей, так и на винокурение (на которое тратится ежегодно, по вычислениям г-на Арсеньева, до 50 000 000 пуд.), остается в излишке до 30 000 000 четвертей и вывозится в чужие края в зерне и вином на значительные суммы. Кроме того, сколько отпускается из России льну, пеньки, полотна, веревок и проч.! В 1812 году вывезено от нас сих произведений сухим путем и морем почти на 60 000 000 рублей.

Российское хлебопашество с этой стороны является в состоянии довольно цветущем.

<...> Чтобы решить положительно, каково хлебопашество, для того недостаточно рассмотреть только, много ли собирается зерна, надлежит взглянуть на отношение количества собранного к высеянному. <...>

В хорошие урожаи круглым счетом получается от одного зерна 3, между тем, как в других странах Европы, например в Англии, собирается зерна сам-десять, сам-двадцать. Правда, есть и в России почвы, которые дают и 10, и 12 процентов; но таких земель мало, а весьма много таких, которые дают

не более 2 процентов и, вообще говоря, на одно зерно приходится только 3. <...>

Прежде в России урожаи были лучше, и там, где об уваживании не имеют даже понятия... теперь без него обойтись не могут: скудеет запас питания в почвах, а выгоды нет!

<...> В основном капитале — в земле — замечается большое истощение.

Худое положение хлебопашества в России очевидно. У нас земледельцы казенные (крестьяне экономические) землю получают даром, платят только подати в казну.

Крестьяне помещичьи получают от господина землю, хижину, лошадь и все снадобья для обрабатывания земли, а сами за то в урочные дни возделывают поля своего господина, или же платят ему оброк.

В чужих землях, например в Англии, крестьяне берут земли в наймы (за что платят довольно значительные суммы), подати вносят гораздо большие, нежели наши крестьяне, повинности несут тяжчайшие, нанимают работников, платят за обучение детей своих, и между тем живут очень зажиточно, и хлебопашество английское находится в цветущем состоянии.

<...> В Англии растительный слой земли, по свидетельству ученых агрономов, тонее Русского; у нас чернозем веками собран, так что и теперь еще есть губернии, где он лежит на аршин в толщину. В Англии почва искусственная. И климатом похвалиться англичанам нельзя. В России есть все климаты Европы, есть даже места, где климат лучше Английского. <...> Есть какая-то особая причина, почему в Великобритании урожаи хлеба превосходнее, и сия причина есть именно та, что там возделываются поля не по нашей системе, а сообразуясь со всеми обстоятельствами. <...>

Господствующая в России система есть полевая трехклинная... на них поле делится на три равные части, одна засеивается озимью. Другая — яровым, третья оставляется под паром, т. е. незасеянной. <...>

Не лучше ли было бы чем оставлять землю под паром, засеивать ее растениями утучняющими, кормовыми или овощными; почву они содержали бы в тени...

Одного сахара привозят в Россию из чужих земель более нежели на 4 000 000 рублей... можно добывать его с большою выгодною из свекловицы.

«Пусть так, — скажут, может быть, — пусть в Англии нивоводство лучше нашего и потому именно, что поля лучше обработаны, но в чужих краях народу много — земли мало, то немудрено, что она хорошо обработана; у нас же рук мало, а земли много, можно ли ее хорошо возделывать?»

Такое мнение о населенности чужих краев совершенно несправедливо. <...>

В Англии на квадратную милю приходится 3900 человек, в Шотландии 12000, у нас, в Калужской губернии 2000, причина, почему с первого взгляда путешествующему кажется Англия населеннее, состоит в том, что там каждый крестьянин живет особо от другого, и его хижина стоит на собственном его поле, между тем как у нас две или три тысячи живут в одной слободе, так что крестьянин прежде нежели дойдет до своего поля, должен пройти несколько верст...

В калужской же губернии нет ни особенного овцеводства, ни коневодства, и при всем том хлеба мало.

Можно, однако, надеяться, что скоро впоследствии случится счастливое преобразование:

Умножаемые ежедневно мануфактуры, заводимые школы для обучения самих хлебопашцев и другие меры мудрого Правительства не могут остаться без полезных для России следствий — и настанет время, когда мы оправдаем доброе и уничтожим худое о себе мнение иностранцев, когда не нужно нам будет тратить несметных сумм на иностранные изделия и Русский покажет на деле, что ему известно, какими богатствами наделила его Природа.

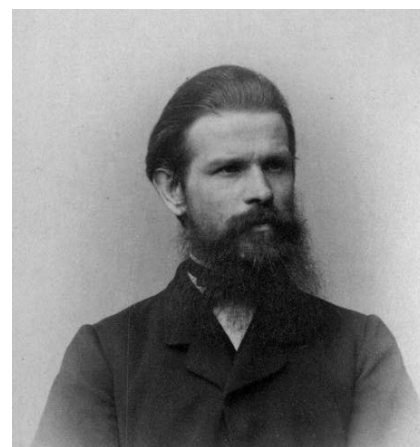
1825 г.

© Текст: «Вестник Европы»

О Программе “Вестника Европы” 1866 год

М.М. СТАСЮЛЕВИЧ

Опубликовано в журнале Вестник Европы,
номер 19, 2007. Фрагменты

Михаил Матвеевич
СТАСЮЛЕВИЧ
(1826–1911)

ИЗДАТЕЛЬ

И бессменный главный редактор
журнала «Вестник Европы»

с 1866 по 1911 год,

упоминается в десятках

исследований по истории России
второй половины XIX века. Вместе
с тем он до сих пор незаслуженно,
на наш взгляд, остается фигурой

второго ряда.

От редакции.

О Программе “Вестника Европы”.

“Новый журнал, предпринимаемый нами с будущего 1866 года, будет носить имя одного из наших старых журналов, который был основан Н.М. Карамзиным в 1802 г., и, сначала под редакцией самого основателя, а потом Жуковского и Каченовского, продолжался до 1830 года. Прежде всего, мы желали самым выбором такого названия почтить память нашего достойнейшего отечественного историка в тот год, когда время открытия нового исторического журнала совпадает с первым столетним юбилеем рождения Карамзина.

Таким образом, возобновляемый ныне “Вестник Европы” вступит в тридцатый год своего существования, но будет действовать по другой программе, которая хотя и отступает от первоначальной его же задачи, как журнала главным образом политического, но за то, может быть, ближе подойдет к настоящему значению самого своего основателя, который, оказав сначала России услугу, как публицист, приобрел потом бессмертие, как историк. Н.М. Карамзин перешел скоро от политики к исторической науке; пусть последует теперь за своим основателем в ту же область и самый его журнал, посвящаемый ныне историко-политическим наукам, как главной основе всякой политики.

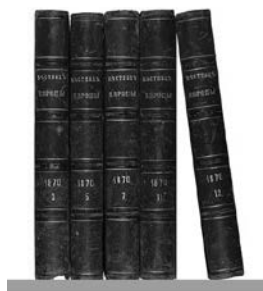
Соответственно такому преобразованию, цель “Вестника Европы”, с настоящего времени, в новой его форме специального журнала историко-политических наук, будет состоять прежде всего в том, чтобы служить постоянным органом для ознакомления тех, которые пожелали бы следить за успехами историко-политических наук, с каждым новым и важным явлением в их современной литературе. Вместе с тем наш журнал имеет в виду сделаться со временем и для отечественных ученых специалистов местом для обмена мыслей и для сообщения публике своих отдельных трудов по частным вопросам, интересным для науки и полезным для живой действительности, но развитие которых не могло бы образоваться из себя целой книги.

<...>

Редакция желая иметь время своим союзником, рассчитывает еще более на то, что наши ученые деятели, по отделу историко-политических наук, не оставят ее без своего содействия, и своими трудами помогут придать новому журналу то научное значение, которого он желал бы достигнуть, оставаясь верным выставленной им программе и вышеизложенным убеждениям.

*С.-Петербург.-
Декабря 1 дня, 1865 года”.*

© Текст: «Вестник Европы»

«**П**ервого марта разнеслась по городу ужасающая весть, а за нею первый бюллетень:

«Сегодня 1 марта в 1 ³/₄ дня, государь Император, возвращаясь из манежа Инженерного замка, где изволил присутствовать при разводе, на набережной Екатерининского канала, не доезжая Конюшенного моста, опасно ранен с раздроблением обеих ног ниже колена, посредством брошенных под экипаж разрывных бомб. Один из двух преступников схвачен. Состояние его Величества, вследствие потери крови, безнадежно».

... Трудно прибавить что-нибудь к выражениям той глубокой скорби, которая объяла в эти тяжелые дни всех и каждого, и долго, долго будет трудно, смотря вперед, не оглядываясь назад к этому ужасному прошедшему, так глубоко врезались черты впечатления того недоброй памяти дня. Год назад, говоря о взрыве в Зимнем дворце, мы указали на то, что эпоха политических убийств началась в России именно тогда, когда не удалось попытки распространения революционных стремлений в среде народа; другими словами — когда агитаторы убедились в отсутствии горючих материалов для насильственного переворота.

Катастрофа 1 марта 1881 г.

“Вестник Европы” апрель 1881 г.

<...>

Память покойного государя не нуждается в похвальном слове, она слагается сама собою из воспоминаний о том, чем была Россия в начале 1855 года.... Когда двадцать шесть лет тому назад начиналось новое царствование, оно имело перед собою порядок вещей одряхлевший, насквозь проникнутый внутренней порчей -бессильный даже для борьбы с внешним врагом — к которой он преимущественно был приноровлен. Необходимость коренных, всесторонних реформ бросалась в глаза, но для осуществления их нужно было все создать вновь: конечные цели, планы, обстановку, орудия и средства. Заключившаяся тогда эпоха не завещала ни новой программы преобразований, ни государственных людей, способных немедленно приступить к преобразовательной работе. Общественная жизнь почти не существовала; политический элемент не находил себе места даже в журналистике и литературе. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, <...> [период] преобразований открылся вслед за окончанием войны, истощившей и разорившей Россию.

Правда лучшая его пора продолжалась недолго; правда, во время реакции, то усиливав-

шейся, то ослабевавшей, но никогда не прекращавшейся вполне с 1862-го по 1880 год, часть достигнутого утрачена вновь, часть исправленного вновь испорчена; но не менее многое, весьма многое, приобретено бесспорно.

<...>

Русское общество не представляется больше той бессловесной, бесформенной массой, какой оно было, или, по крайней мере, казалось в половине пятидесятих годов. В его среде нет больше людей и сословий совершенно бесправных; крепостное право не стоит более поперек всякого движения.<... > Мир политических и социальных вопросов перестал быть запретным для русского образованного человека; полу-освобожденная печать, полу-организованное самоуправление, почти вполне организованный новый суд приучили его мыслить и даже говорить об общественных интересах.<...> Число образованных людей значительно возросло, благодаря широкому развитию высших и средних учебных заведений; в глубь народа проникли первые лучи не только грамотности но и просвещения.<...>

© Текст: «Вестник Европы»

Народ и война

С. АН-СКИЙ*

*Статья появилась
в «Вестнике Европы» в марте 1910 г.,
публикуется в сокращении
(фрагменты)*

Если есть на свете существо, вполне
непричастное никакому фанатизму,
так это именно — русский солдат».

Ф.М. Достоевский

«**Р**усский народ никогда не отличался воинственностью, не смотрел на войну, как на жизненную цель или постоянное занятие, не окружал ее ореолом нравственных мотивов. Древние славяне не имели своего «бога войны.» И если мы обратимся к произведениям народного поэтического творчества, этому вернейшему выразителю народных воззрений, дум и чаяний — мы в них не найдем ни идеализации войны, ни воинственных поэм, в роде «Chansons de Geste», ни боевых песен, которые складывались бы в пылу битвы, и могли бы вызывать воинственный энтузиазм.

Что славянская народная муза даже в древние времена не вдохновлялась воинственными мотивами, о том свидетельствуют народные былины, в которых гораздо больше воспеваются пиры Владимира Красна-Солнышка, чем его походы, и очень определенно отдается предпочтение крестьянину-пахарю над могучими богатырями. Мужичок Микула Селянинович, которого любит «мать сыра земля» и который несет за плечами «сумочку с ее тягой», оказывается сильнее самого могучего богатыря Святогора. В единственной дошедшей до нас старинной народной поэме «Слово о полку Игореве»,

мы находим вместо идеализации войны и воспевания героических подвигов русских Роландов, горькие жалобы и выражение глубокого отвращения к войне.

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолук,
А враги с победой в селах рыщут...
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси горем!
Не снопы—то стелют на Немиге,
Человечьи головы кидают!
Не цепями молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны, костями,
Берега кровавые Немиги,
Все своими, русскими костями!..

Русская народная муза создала циклы военно-исторических, солдатских и рекрутских песен, но эти песни менее всего могут быть названы «воинственными». Вместо воспевания побед и восторженного описания грома и блеска казовой стороны войны, мы в них находим унылые жалобы на трудности солдатского жилья, на голод, холод и одиночество на чужой стороне... Русская народная масса смотрит на войну как на несчастье, как на кару Божию. И если русский человек в качестве солдата всегда самоотверженно, без колебания шел на смерть, то в качестве гражданина он крайне редко проникался воинственным азартом настолько, чтобы по собственной инициативе выступить против врага, чтобы связывать с победой или поражением вопрос своего национального существования. Таких национальных войн русская история знает — по определению Л.Н. Толстого — всего две: войны 1612 и 1812 гг.

1.

Русская народная масса имеет крайне смутное и большею частью фантастическое представление о собственной родине: о государственном устройстве России, о ее размерах, составе населения и в особенности о ее роли в международных отношениях. Еще более смутны и фантастичны представления массы о других народах. О большинстве из них, некоторых из европейских народов, она совершенно никакого представления не имеет, даже не подозревает об их существовании.

Главным отличием иноземцев от русских является, по представлению народной массы, вера. Истинные христиане, верующие в истинного Бога — только русские, да еще, по довольно распространенному представлению, китайцы. (!) Все же другие народы, и западные, и восточные, не знают правой веры и даже поклоняются идолам...в большинстве случаев не делается различия между «нехристиами», «идольниками», «католиками» и «алюторами».

В 90-х годах прошлого столетия составительницы известной книги «Что читать народу?» произвели в различных частях России опрос взрослых крестьян относительно разных географических терминов и между прочим, относительно других народов, населяющих земной шар.

Среди полученных ответов находятся следующие: «Турки веры католической». «Татары, не знаю, чем заведуют, католики народ особенный». «Англичане веры католической». «Китай такой народ есть, который верует, как и мы». «Китай, там народ крещеный».

В отношении культурном народ резко отличает западные народы от восточных. В прежние времена все западные нации сливались в его представлении в однородную массу, носившую общее название «немцев». «Не-

*СЕМЁН АКИМОВИЧ АН-СКИЙ настоящее имя Шлоймэ-Занвл (Соломон) Раппопорт; 1863, Чашники, Витебская губерния — 8 ноября 1920, Варшава) — еврейский писатель, поэт, драматург, публицист, этнограф, революционер, общественный и политический деятель.

мец» отличался умом, ловкостью и выдумкою. Наиболее сложные и хитрые изобретения носили название «немецкой выдумки».

В течение последнего столетия, благодаря развитию промышленности и повышению уровня умственного развития народной массы, она начала различать среди западных наций кроме немцев, еще и французов, и англичан и отчасти другие народы, продолжая признавать за ними преимущество в культурном отношении.

«Английский народ достаточно промышленный...». «Англия — там живут люди, здоровые модники, выдумал чугунок, здорово укрепления делает, делает такое, чтобы всем была корысть (польза) даже, чудной народ».

«Есть земля Америка. Там люди образованные, ученые. Но работать очень проворные, несмотря на то что ученые». «В Австрии живет народ больше именитый, он способен на разное ремесло, так что если который человек бедный, то они друг другу помогают».

Немцы, французы и англичане в Европе, турки и китайцы в Азии известны даже самой темной массе; о них циркулируют различные легенды политического характера. Для массы существует не Англия и Франция, не Китай и Турция, а «англичанка», «турка», «дядя Китай».

При этом «дядя Китай» или «Царь Китай» рисуется богатым, добродушным и щедрым, но ленивым и неподвижным стариком, имеющим двух сыновей. «Англичанка» изображается хитрой, коварной и сварливой бабой, которая иногда не прочь и выругаться нехорошим словом.

2.

Ближе и лучше всего народная масса знает, конечно, немцев. Человеку из народа, крестьянину, рабочему или мещанину часто приходится сталкиваться с немцами как с управителями, начальниками, главными мастерами.

Масса совершенно не интересуется немцами с точки зрения политической или международной.

Обширно ли немецкое государство, сильно ли оно, каковы отношения «немца» к России и Белому царю — к этим вопросам народное творчество остается совершенно индифферентным. В многочисленных легендах о войнах, дипломатических столкновениях «немец» почти никогда не фигурирует, точно он никакого значения не имеет в международных отношениях.

Приблизительно таково же отношение и французам. Несмотря на то, что все сведения о французах имеют своим основанием нашествие 1812 года и отчасти севастопольскую войну, француз не фигурирует в народных легендах как «держава», как воинственная сила, которая может быть дружественной России или «бунтовать» против нее. Народ не сохранил по отношению к французам никакого неприязненного чувства. Напротив, француз рисуется в рассказах с очень симпатичной стороны как деликатный, обходительный и добрый.

Гораздо больше внимания уделяет народная легенда «турку», который трактуется уже исключительно как политическая и воинственная сила, вообще отношения к «турку» — самое презрительное. О турках знают, главным образом, благодаря последней войне. Турки народ некрещеный, очень злы и напрасливы».

С совершенно особенным интересом останавливается народное легендарное творчество на Англии и Китае, двух народах, с которыми Россия реже всего имела военные столкновения. Темная масса как бы инстинктом отгадала могущество и международное значение этих двух народов и признала за ними гегемонию над двумя частями света: Англии над Западом, Китая над Востоком.

Какое бы крупное политическое событие не произошло на Западе — это дело рук од-

ной только Англии, которая является в представлении народа повелительницей не только Турции, но и других держав (кроме России, конечно). Только эти два народа могут быть настолько, что России приходится с ними серьезно считаться.

И насколько народная масса высказывает неприязнь и недоверие к Англии, которую считает виновницей всех заговоров и «бунтов» против России, настолько же они относятся дружелюбно и доверчиво к Китаю, в котором видят неизменного союзника и даже защитника России.

...Народ считает Англию одной из самых культурных стран. «В Англии люди живут хорошо, т.е. богато и роскошно». «Самая богатая сторона английская, потому что она теплее и народ богаче и хитрей на всякие науки или что там сработать машины разные, или вообще какие новенькие разные выделки, и вообще у них более серебра и золота!». Но... англичане рисуются далеко не симпатичными.

«Англичанский народ очень хитрый. Все хитрости от них происходят». «Порядок у них не хорош». Хитрость и коварство — неотъемлемые черты «англичанки». От нее идет всякая смута, она натравливает один народ на другой, а сама всегда остается в стороне. В 70-м году она натравила немцев на французов, в 84-м французов на Китай, в 77-м она уговорила «турку» «взбунтоваться» против Белого царя и тайно оказывала ему, турку, помощь. Не без тайного вмешательства англичанки обошлась и русско-японская война.

3.

...В 90-х годах, когда во время холерной эпидемии в некоторых губерниях произошли холерные беспорядки, в народной массе циркулировала следующая ужасная легенда: «Англичанка узнала, что в России народилось много народу, вот она и подкупила докторов, чтобы они отравляли колодцы и сеяли

в народе мор. Хотела, значит, чтобы русского рода поубавилось, чтобы его можно было легко истребить».

...Человек из массы иногда не прочь покуражиться: «Мы вот как ее, англичанку-то!». «А в морду не хочет она, твоя англичанка!?». Но вместе с тем, в народе крепко держится сознание, что англичанка — большая сила и что без хитрости нам с нею, пожалуй, не справиться. И народная фантазия работает над тем, как укротить этого могучего врага.

Женитьба английского принца на дочери Александра II вызвала в народе много толков, слухов и легенд. Этим фактом объяснялось долготерпение русского царя по отношению к вражескому государству.

«И отчего ее не пристукнет наш царь? — удивлялись крестьяне. Пристукнул бы — и шабаш. Али хлеба не отпускал бы туда. Зачем хлеб отпускают? Без хлеба немного поскакала бы, какова она там ни есть».

— Нельзя, значит, не отпускать. Царь первую свою дочку за англичанку отдал. Слышь, баб туда из России набирать станут. Российский народ разводиться-то хотят, чтобы, значит, не скучно царевне-то было среди нехристей.

5.

Вопросы войны и мира подлежат, по представлению народа, ведению одних только коронованных особ. Цари ведут между собой переговоры, объявляют войну и принимают вызов на войну, просят мира и заключают его. Но этим и ограничивается участие коронованных лиц в военном деле. Они, за некоторыми исключениями (Иван Грозный, Петр Великий, Наполеон, отчасти Александр I) не принимают участия ни в выработке плана войны, ни в ее сражениях. ...Главными и совершенно самостоятельными руководителями войны выступают полководцы, которые и несут ответственность за все ее последствия.

Объявление войны происходит ...следующим образом:

Царь посылает другому царю посла с письмом или устным заявлением, в котором предъявляются какие-нибудь требования (большей частью — уступка каких-нибудь городов) и высказывается угроза на случай отказа. Царь, или король, получивший письмо, отвечает на него, обыкновенно, вызывающей насмешкой, требует к себе генералов и приказывает им начать войну.

«Пишет, пишет король шведский государыне письмо.

Русская государыня, замирися ты со мной!

Не замиришься — не прогневайся на меня!

Ты отдай, государыня, свои славны города,

Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогневайся на меня.

Отдай Тулу отдай Левер (Ревель), отдай Короштан (Кронштадт)»

... «Генералы» пользуются в народе особой популярностью. В них видят национальных героев, защитников родины. Их портреты считаются лучшими украшениями в домах и иногда почитаются чуть не наравне с иконами. Их имена сохраняются в памяти народа на целые века, окружаются фантастическими легендами... Наиболее популярные генералы обладали еще, по представлению народа, таинственными силами: они знали «слово», знали «счастливый час». Многих генералах существовало поверье, что они заговорены от пуль... Скобелева даже турецкие солдаты считали заговоренным от пуль.

Но при этом... известный собиратель народных исторических песен П.В. Киреевский говорит, что обвинение полководцев со стороны народа в измене «у нас прием самый обычный: народ наш вообще, а за ним и сол-

дат, не имея возможности проникать в истинные причины неудач (где такую роль играет особенно наше неумение и невежество) привык все взваливать на известную «измену», которая сделалась не только житейским, но даже и техническим словом». Эта измена попеременно олицетворяется то в одном лице, то в другом.

... В песне «Донцы при Екатерине» говорится:

«Каменцов (Каменецкий) сын всю ночь не спал,

Он с москалями проиграл,

Не в шашечки, не в бирюлечки, а в карточки:

Проиграл он славный Тихий Дон».

Подобные обвинения высказывались по адресу Кутузова и других генералов 12-го года, циркулировали в народе и во время крымской кампании... Были подобные подозрения и при русско-турецкой войне, повторились они и при японской.

Нашлись остроумцы, обвинявшие даже бывшего морского министра «Дочку свою выдал за «апонца», мы слыхали, что он породнился с «Апонией», и сказал, что наш флот не силен».

6.

... Представления народа о войне, ее причинах и окончательном исходе, носят, в большинстве случаев, мистический характер... Война возмещается различными «знамениями», кометами, затмениями, землетрясением, мором и другими стихийными бедствиями.

В борьбе армий принимают участие сверхъестественные силы, добрые и злые духи. Если русскому христолюбивому воинству оказывает помощь Божественная сила, то супостату-нехристу помогает «нечистая сила».

Она оказывает помощь различными способами: нашептывает на ухо русскому царю

дурные советы, напускает страх на русскую армию. Полководец неприятельской армии, обладая тайной силой, умеет обращаться в птицу, стать невидимкой и т.п. Всего чаще помогает неприятелю нечистая сила при посредстве женщины, девки-колдуньи.

...В 12-м году, в армии Наполеона, у которого было «войско на сто верст», находилась колдунья-волшебница:

Впереди идет колдунья-волшебница,

Паскудная девка Маринка,

Злая еретица-безбожница.

Реку перейти — плюнет Маринка поганая, Пересохнет река быстрая.

Гору перелезть — махнет Маринка ручищем —

От горы нет звания».

Во время русско-турецкой войны говорили, что турки напускали на русскую армию «сухого тумана», от которого русские солдаты слепли.

При первых слухах о войне, и в особенности при начале военных действий, народ начинает тревожно доискиваться, причин, вызвавших войну.

Обыкновенно, народная мысль прежде всего останавливается на мотивах правового характера: Белый Царь был вынужден начать войну против другой державы {Существует очень распространенная легенда, что Белый Царь не имеет права объявлять войну первым. Это мотивируется тем, что если б царь имел это право, он быстро завоевал бы весь мир.}, потому что она перестала подчиняться какому-то закону, короче — «взбунтовалась», и ее необходимо усмирить, «замирить». Эти мотивы юридического характера обыкновенно облечены в крайне смутную, неопределенную форму. В чем заключаются незаконные поступки взбунтовавшейся державы — на этом легенда совершенно не останавливается.

В гораздо более определенной форме представляются народной массе мотивы религиозного характера. Царь выступил войной против нехристей, которые собираются унижить или даже уничтожить православную веру. Легенды такого рода создавались почти при всех войнах минувшего столетия. Война 12-го года объяснялась тем, что нечестивый царь Аполион выступил против «Александра царя православного» и хотел

«Изнитожить церкви Божии,
А крещеный народ избить-перебить,
А которые живы останутся,
Совратит их в идолство»¹⁾.

¹⁾ Сказитель-гуслиар.

Этими же мотивами объяснялась и Крымская кампания, которая началась из-за того, что «император Николай I истребовал ключи от Ерусалима; ключей-то ему черномордые дураки и не отдали, так он тогда и зачал их, подлецов, лупить по башке» {Гл. Успенский, «Перестала!»}.

По поводу войны в Сербии в народе говорили: — «Град Кистянкина, Софию Премудрую, вишь ты, турка забрать ладит. Ишь, нехристь!.. Христианскую веру под мечеть подвести норовит. Крест луной прикрыть, значит, желательно. Вот что!..» {«В глуб. России»}.

Еще больше легенд этого характера было по поводу русско-турецкой войны.

Наконец, и русско-японская война не обшлась без аналогичных объяснений. Ходила легенда, что японский царь послал нашему насмешливое письмо, в котором просил известить его, сколько в России церквей. Ему-де надо это знать потому, что он собирается, по завоевании России, обратить все православные церкви в конюшни. На это царь ответил японцу, что тому нечего беспокоиться; в России много конюшен, и их хватить не только

для японских лошадей, но и для всей японской армии, которую русский царь заберет в плен.

Рядом с мотивами религиозными народная масса ищет для войны и экономические, при чем все они сводятся к одному только земельному вопросу. Война, конечно, большое зло, противное Богу, по что же делать, если другие народы захватили всю землю, держать ее без пользы, а русскому человеку край пришел, податься некуда? Волей-неволей приходится воевать. На воину смотрят как на «равнение» или «черный передел» международного характера.

Любопытна следующая легенда: «Когда Бог давал землю, китаец пришел раньше всех и получил больше всех земли. Наш русский пришел позднее всех, ему и меньше досталось. Тогда Бог сказал ему, чтобы он отбивал землю у других; поэтому мы теперь воюем за всегда со всеми народами» {«Что чит. нар.», т. II, стр. 804.}.

IX.

Если в обычное мирное время творцы и руководители внешней и внутренней политики меньше всего считаются с мнениями и чаяниями народа, меньше всего прислушиваются к его голосу, то в критические моменты, при дипломатических осложнениях, а, в особенности, когда война уже объявлена, начинается погоня за «санкцией народа». Известная часть печати выступает выразительницей «ноли народа», начинает говорить от имени «всего русского народа», заявляя, что он «глубоко возмущен», «потрясен», «не потерпит», настойчиво «требует войны» и т. д.

Одновременно с этим начинается усердное разжигание шовинистических страстей. В сотнях и тысячах лубочных книжек, картинок, карикатур и песен распространяются самые невероятные сведения, как о неприятеле, так и о ходе войны с ним. Неприятель рисует-

ся непременно грубым, диким и безобразным, дерзким и трусливым. В противоположность ему русский солдат всегда изображается сильным, храбрым и победоносным.

Лубочная картинка является с давних пор неизменной спутницей войны. Во время русско-французской войны 1812-го года она уже играла значительную роль. Тогда лубочные картинки были пущены в ход Растопчинным под видом «афиш <...>».

Лубочная картинка, получив с течением времени более широкое распространение, становилась все хуже, грубее и глупее по содержанию. Растопчинские «афиши» могут показаться идеальными в сравнении с современными, отвратительными по своей кровожадности и цинизму, лубочными картинками на военные темы.

Совершенно такого же характера и достоинства лубочные картинки распространялись в народе и во время русско-японской войны. Отличительные их черты: зубоскальство над желтолицым и малорослым «макакой», бахвальство силой русского кулака, изображение блестящих побед, одержанных русской армией и флотом над трусливым «япошкой». Один из исследователей лубочной литературы, И. П. Белоконский, дает следующую характеристику лубочных картин о русско-японской войне: «значительная часть их написана на темы тех официальных донесений, где хоть вскользь упоминается об удаче или проявлении мужества со стороны русских, при чем всякое ничтожное в этом смысле сообщение утилизируется в необычайно преувеличенном, виде... На море все корабли неприятеля взорваны и горят страшным огнем, а в морских волнах плавает несметное количество японцев; на суше враг наш также изображается или в виде погибших, или гибнущих воинов, валяющихся на поле сражения и падающих с лошадей» {«Лубоч. литер. о японск.-русс. войне» «Образование» 1904 г. NoNo 5 и 7.}.

<...>

Вера в мощь «кнути и дубины» до того велика у лубочника, что он, совершенно не считаясь с фактами, не ожидая событий, заранее торжествует победу над врагом, изображает японскую армию уничтоженной, флот потопленным. В то самое время, когда японцы потопили «Петропавловск» и несколько других судов, лубочная картинка изображала японский флот потопленным, при чем лубочная муза обращалась к микадо с наставлением:

«Тебе с нами драться трудно;
Что ни день, то гибнет судно –
Славные дела!
Лезешь сдуру к Порт-Артуру.
Потрепали твою шкуру
Мы в единый миг!»

<...>

Легко себе представить, как должны действовать на народную массу подобные картинки, в особенности, если принять во внимание, что народ, глядя на картинки, часто верит, что на них изображены реальные события, чуть ли не срисованные с натуры. Во время русско-турецкой войны – рассказывает Соколов – «лубочным картинкам все мы до такой степени верили, так в точное изображение войны, что разыскивали среди сражающихся солдат своих односельчан и знакомых и, к общему восторгу, всегда находили кого-нибудь».

X.

Рядом с лубочными картинками и книжками, направленными к возбуждению в народной массе шовинистического настроения, должна быть поставлена искусственная солдатская песня. Единственное её отличие заключается в том, что в ней отсутствуют каннибальские мотивы. Во всем остальном она не отличается от военно-лубочных картинок: то же бахвальство кулаком, та же фальшивая приподнятость настроения.

Наиболее отличительная черта искусственной песни – это безграничное хвастовство своей удалью и бесстрашием. Она то и дело выкликает:

<...>

«Ведь мы турок не боимся
И татар мы не страшимся!».

<...>

Солдатская песня рисует русского солдата залихватским воякою, которому ни по чем все невзгоды и лишения солдатского житья. Пьяница и забияка, от постоянно весел, чувствует себя счастливым в обстановке казармы и рвется в бой с неприятелем.

<...> Искусственная солдатская песня, так и военно-лубочная картинка, настолько грубо фальсифицирует чувства и настроения народа и, в частности, солдат, по отношению к войне, что это бросается в глаза всякому, кто хоть мало-мальски знаком с народом. Но особенно резко выступает на вид вся тенденциозная фальшь этих песен и картинок, если сопоставить с ними произведения истинного народного творчества – рекрутские, солдатские и исторические песни, в которых так ярко и определенно выступает реальное отношение народа к солдатчине и войне.

Русский солдат прежде всего поразительно скромно по отношению к себе и к своей роли в войне. Он отличается, по выражению Л. Н. Толстого, «молчаливым бессознательным величием и твердостью духа, стыдливостью перед собственным достоинством» {«Севастоп. рассказы»}. Он не только не способен бахвалиться своей храбростью, бесстрашием и победами, но вообще не любит говорить про свои подвиги.

<...>

У «славного тихого Дона»

«Не сохами-то славная земелюшка наша
распахана, не плугами,

Распахана наша земелюшка лошадиными, копытами,

А засеяна славная земелюшка солдатскими головами...

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами...

Цветен наш батюшка, славный тихий Дон сиротами,

Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерными слезами».

Выступая в поход,

«Идучи они, солдаты, сами плачут,

В слезах они дороженьки не видят,

В возрыданьице словечушка не молвят».

Самое тяжелое для солдата — это разлука с родной стороной, с родом-племенем, отцом-матерью молодой женой, малыши детками, с зазнобушкой.

<...> Солдату «забидно», не то, что царя его на службу посылает, а то, что

«Отец, мати стареньки остаются,

А некому будет поить их кормити»,

<...> Солдату особенно жалко

«Малых детушек горемычных,

Что остались они наги-босые,

Насидятся теперь за столом голодные,

Наглядятся они кусочка поданного».

(234).

<...>

В душе русского человека несомненно живет «чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого — любовь к родине» {Выражение Л.Н. Толстого («Севастопольские рассказы»)}. Самым неоспоримым свидетельством наличности этого чувства может служить вся тысячелетняя история русского народа. Несомненно также и то, что человек из массы совершенно бессознательно иде-

ализирует воинственный героизм, олицетворяя его в богатырях, витязях, генералах, и, вообще, героях. Но, вместе со всем этим, его отношение к кровавой борьбе между людьми и народами остается самым отрицательным.

Человек из народа, в том числе солдат, только в редких случаях понимает войну, как защиту родины. В народных легендах о войне почти ничего не говорится о стремлении неприятеля «завладеть Россией». Объясняется это отчасти глубокой верой русского человека в мощь России и в непобедимость «белого царя», и еще более — тем, что, за исключением войны 12-го года, русскому солдату приходилось не столько защищать «родину», сколько вести наступательные войны, если не на территории неприятеля, то вдали от центральной России.

Народная масса, в том числе и русский солдат, видит в войне фатальное явление, predetermined свыше испытание. Человек из народа идет в солдаты, а затем идет на войну только в силу роковой необходимости. Дать присягу служить не за страх, а за совесть, не жалея живота, он добросовестно выполняет свой долг, мужественно переносит все труды и лишения и без колебания идет на верную смерть. Но «солдатчина» не становится для него ремеслом, жизненным делом. Война не вдохновляет русского солдата, не создает у него ни особой кастовой психологии, ни кастовой морали, как у воинов других народов.

Солдат хорошо помнит, что не он войну начал, и не от него зависит окончание её.

Герой Гл. Успенского, Кудиным, на все вопросы отвечает: «Там, брата, не рассуждают». И этим определяется отношение нашего солдата к войне. Он знает, что в войне его воля никакой роли не играет. И отдавая, не рассуждая, свою жизнь, он снимает с себя ответственность за свои действия, не припи-

сывает себе ни лавров побед, ни позора поражения.

Вся ответственность перед Богом, царем и родиной падает на организаторов и руководителей войны — на генералов. И если, при победе, генералы воспеваются в песнях и окружаются ореолом славы, то при поражении они же обвиняются в неумелости и измене.

<...>

В противоположность европейскому солдату, который считает крайним позором проявление боязни, русский солдат, даже совершая чудеса храбрости, нисколько не стыдится «плакать и слезами уливаться» и с поразительной простотой говорит о своей боязни смерти от шальной пули или штыка, о той инстинктивной боязни смерти, которая присуща всякому здоровому человеку, но которую только по истине храбрые люди способны преодолеть.

<...> Наконец, отменена эта черта и во время русско-японской войны. Корреспондент «Русского Инвалида», г. Краснов, характеризуя солдат русского и японского, между прочим, писал: «Наш откровенно говорить: «боюсь: всякий живой смерти боится» — и рядом с этим является по начальству и добавляет: «Дозвольте совершить подвиг». — «Да ведь тебя убьют». «На все воля Божья, ваше благородие!»<...>

«С.-Пет. Вед.» 1904 г. No 214.}

<...> С той же простотой, с какою солдат говорит о своей боязни, говорит он и о поражениях. Он не видит для себя никакого позора в поражении и рассказывает о нем с эпическим спокойствием, часто даже преувеличивая его размеры, а иногда (в особенности раненые солдаты) принимая победу за поражение.

«Меня поражало, — пишет Якушин, — благодущие раненых рассказчиков об их подвигах, равнодушные или, лучше сказать, крайнее

отсутствие самохвальства в рассказах людей, бывших в страшных опасностях». (Соч. 164).

<...>

Русский человек не питает ненависти к народам, с которыми ему приходится воевать. Более того: солдат в разгаре войны совершенно не охвачен яростной злобой к неприятелю. Не поддаваясь военному азарту и не считая войну своим личным делом, он не вносит в свои отношения к врагу элемента личных чувств. Высшая раковая шля, оторвавшая солдата от плуга и пославшая его на смерть, властно требует, чтобы он дрался с врагом и истреблял его.

И он это делает, но без злобы, без азарта, без ярости, хотя и без пощады. Результатом безличного и безответственного отношения к войне является забвение человеческой личности и в неприятеле, который обращается в объект работы: это трава, которую надо скосить, дрова, которые надо наколоть. Враг, — француз, турок или японец, — это не человек, а мясо, говядина.

— Страсть, что у меня мяса сожрала эта пушченка, — гладит казак медное дуло орудия».

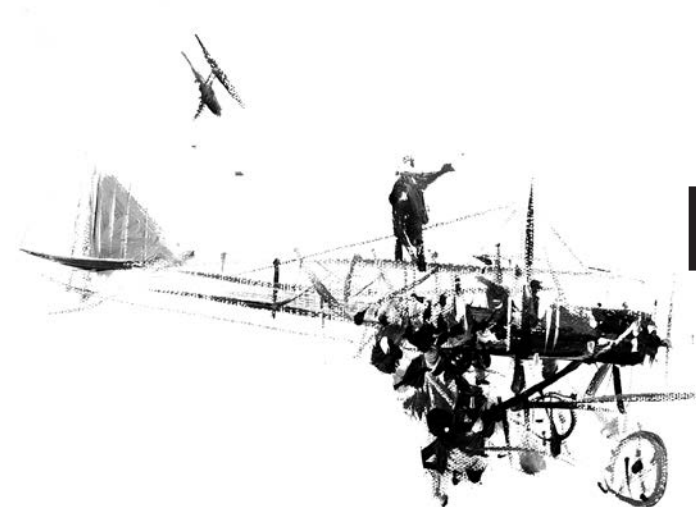
«Артиллеристы те иначе турок и не называют, как говядиной. Характерный цинизм выражений.

<...> — Страсть сколько наша четырехфунтовка этой говядины сожрала» {Т. же, Т. II, 201.}.

<...>

Но все это только в разгаре войны, когда истребление врага является долгом присяги, «обязательной работой». Как только военные действия прекратились, хотя бы временно, отношения русского солдата к неприятелю становятся участливыми и сердечными. <...>

Все его враги — добрые люди, неизвестно зачем бунтуют.... Всех он усмирил, и вот теперь сидит в караулке, тачает что-то, разговаривает с собаченкой и, вспоминая прошлое, говорить: «Ох, грехи-грехи тяжкие!»

БОРТ ИЗ АМЕРИКИ ПРИБЫЛ

ПАВЕЛ ГУТИОНТОВ

...За молоком я встал в полседьмого — где-то двадцатым, наверное. В восемь открыли магазин, толпа рванула к кассам, хвост за мной уже был человек в двести. Кто-то впереди настаивал, что берет и больному соседу-инвалиду, кто-то предъявлял двухлетнего ребенка. «У всех сосед-инвалид!.. — ревела очередь. — У всех ребенок!..» Что-то верещала старуха, здоровый мужик в куртке с капюшонном молча и сосредоточенно бил локтями в обе стороны — не оглядываясь, куда попадает. В восемь десять из-за прилавка закричали:

«Кассы! За молоко не выбивайте!..»

Я пришел домой, бросил в угол пустую сумку, наорал на подвернувшегося под руку сына. Потом включил радио и узнал: я оказывается, уже не живу в Советском Союзе: прошла Беловежская пуца...

Почему-то первое, что подумал — это о том, что в очереди говорили про Горбачева...

А в марте в Москву залетел, как метеор в комнату, мой старый товарищ еще по «Московскому комсомольцу» начала семидесятых, ныне же корреспондент влиятельной сан-франциской газеты, житель Калифорнии. Приехал со своим главным редактором — как я понимаю,

в качестве гида-переводчика. «Старик! — едва поздоровавшись, закричал в трубку. — У нас совершенно нет времени, а я обязательно должен познакомить тебя с шефом! Он ни бельмеса здесь не понимает, и ты должен ему все объяснить. Давай где-нибудь перекусим, а ты ему минут за сорок все расскажешь. Значит, через полчаса мы за тобой заезжаем...»

Перспектива рассказать наше «все» за сорок минут меня позабавила, но именно таким образом я и оказался в кафе «У Маргариты», что на улице Рылеева. Леня продолжал кричать про время, которого нет, так что вчетвером (вместе с политобозревателем ТВ Сергеем Слипченко) мы действительно едва перекусили (вполне скромным) набором холодных закусок и запили их клюквенным морсом. Обошлись без кофе и потребовали счет.

Запросили с нас две тысячи триста (тех еще). Один морс обошелся торопливой Америке ровно в пятьсот рублей.

Леня был несколько озадачен. Шеф опять же ничего не понял.

— Какая дешевая страна, — сказал шеф. — Где бы мы в Америке на двадцать долларов так поели.

Источники: pinterest.com; https://история.рф

ИСТОРИЯ

— Между прочим, — сказал тогда Слипченко, — моей месячной зарплаты хватает ровно на пол такого стола.

Тут-то глаза у калифорнийца на лоб и полезли, а счет, к которому только что отнесся с полным пренебрежением, он бережно свернул и спрятал в бумажник.

Будет показывать на родине, решил я.

«Декабрьская Москва 1991 года — одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. На безлюдном Тишинском рынке долларové цены. Среднемесячная зарплата — 7 долларов в месяц. Всеобщее ожидание катастрофы.

Когда, даже сегодня еще, меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того «пустых» вкладов в сберкассах, на память мне всякий раз приходит эта страшная картина зимней Москвы. И я убежден, что делом самой высокой нравственности в тот момент было спасение людей от голода и холода...»

Это я уже выписываю из Гайдара Егора Тимуровича, из его книги «Дни поражений и побед».

Послы Великобритании Р.Брейтвейт и американский Р.Страус. Они оба с разных позиций уже в декабре пришли к выводу, что реформы в России нужно решительно поддержать, пишет Гайдар. «Короткий визит Ельцина в конце января в Лондон и Вашингтон, во время которого он провел переговоры с премьер-министром Мейджором и президентом Бушем, а я — с министром финансов Англии Ле Монтом и США — Брейди, пришелся на хорошо подготовленную почву. Разговоры были долгими...».

И 10 февраля 1992 года началась доставка гуманитарной помощи, известная как операция Provide Hope («подай надежду»). В этот день двенадцать военно-транспортных самолетов ВВС США Lockheed C-5 Galaxy и Lockheed C-141 Starlifter, базировавшихся в Германии

и Турции, доставили первую партию продовольствия и медикаментов в 12 городов бывшего СССР: Москву, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Кишинёв, Ереван, Алма-Ату, Душанбе, Ашхабад, Баку, Ташкент, Бишкек. Где в это время наблюдался тотальный дефицит даже самых необходимых товаров, а проще говоря — нечего было есть.

Многие наши люди американские военные самолеты увидели впервые.

В ходе первой фазы операции, продлившейся до конца февраля, ВВС США совершили 65 вылетов и доставили 2 274 тонны гуманитарных грузов. К операции привлекались как самолёты Военно-воздушных сил США, так и гражданские авиалайнеры, зафрахтованные американским Министерством обороны. Первоначально помощь выделялась из запасов, оставшихся после войны в Персидском заливе.

Намерение Америки оказать помощи России в переходный период поддержали Германия, Великобритания и Япония.

Всего в рамках операции Provide Hope до августа 1993 года было выполнено 282 транспортных рейса и доставлено 7 012 тонн грузов. Юбилейный 500-й транспортный рейс пришелся на июнь 1997-го.

Отто Лацис в книге «Тщательно спланированное самоубийство» (2001):

«За десять лет, с 1976-го по 1985-й, государственные капиталовложения в агропромышленный комплекс составили 600 миллиардов рублей — по реальному тогдашнему курсу черного рынка это составляло 150 миллиардов долларов — и в итоге этих фантастических затрат прирост чистой продукции сельского хозяйства оказался нулевым. Советский Союз добывал железной руды всемерно больше, чем США. Чугуна выплавлял из этой руды втрое больше, чем США. Стали из этого чугуна — вдвое больше. Машин из этого металла производил — по стоимости — примерно столько же, сколько США. О качестве и рыночной конкурентоспособности этих машин — только один факт из тогдашних статей Гайдара: СССР производил зерноубороч-

© К. Батынков. Из серии «ЗАБЫТАЯ ВОЙНА». 2014. Холст, акрил, 50×70 см. Courtesy Крокин галерея

ных комбайнов в 12 раз больше, чем США, но собирал пшеницы меньше, чем США».

В 1982 году Юрий Дмитриевич Черниченко в ЦДЛ на встрече с замминистра внешней торговли Николаем Смеляковым, произнес энергичную речь, которую до сих пор помню. «Я вас прошу, скажите американцам, они вас послушают, чтобы пшеницу, которую вырастили в Техасе, они возили на элеваторы в Огайо. И через пять... нет, через три года... у нас конкурентов не будет...»

«...Я помню банки с консервированной красной рыбой, просто зеленые без надписей, видимо военные консервы, и такое же какао в банках типа пивных, но только сильно меньше и пластиковые с боков».

«...Гуманитарку помню. Ее не только в Питер везли, нам в Москве тоже кое-что перепало. Нам в профкоме геофака МГУ давали американские военные пайки, ходили слухи, что оставшиеся после «Бури в пустыне». Впервые в жизни тогда попробовал табаско».

«...кстати, да, помню замечательные калифорнийские томаты в жестяных банках из этих пайков».

«...Нам в лицее давали банки с ветчиной. Красивые большие банки».

«...а я помню тушенку, здоровенные банки такие были, вкуснее тушняка я до сих пор не ел. Она отличалась от отечественной тем, что там было действительно почти только одно мясо».

«...Как родители, мы ели картоху с морковкой с майонезом, а дочке давали сосиски американские «Вагон». Она до сих пор вспоминает, какие вкусные были. А дочке уже 38 годков»...

Сейчас говорят: сами виноваты, нечего было привыкать!.. Намеренно не называю фамилий.

А то всех их немедленно произведут в иностранные агенты. Особенно эту дочку.

...О страшной заволжской зиме 1921—1922 годов нам сообщают не так давно раскоченные сухие строчки протоколов, которые были составлены работниками милиции, губернских ГПУ и Помгола (Комитета помощи голодающим). Вот, скажем, выписка из доклада Самарского губернского инструктора А.Зворыкина от 15 февраля 1922 года: «Населением Ставропольского уезда съедено все, что только можно съесть: кора деревьев, солома с крыш, тряпье, какое скапливалось годами, все суррогаты до катуна включительно. Собирают лошадиный кал и в свежем виде перерабатывают его в пищу. Трупоедство развито невероятно... Регистрация смертей при этом не ведется... Съесть человека у многих уже не считается большим преступлением — мол, это уже не человек, а только его тело, которое все равно сожрут в земле черви...»

«...В декабре 1921 года в селе Каменка Пугачевского уезда гражданки Жиганова и Пышкина съели трупы своих двух детей, затем ими были зарезаны две женщины: гражданка Фофанова, до этого принимавшая участие в употреблении детей в пищу, и неизвестная старуха 70 лет, зашедшая переночевать. Когда и эти запасы иссякли, Жигановы зарезали и Пышкину...»

«...Обследованием губинспекторов установлено, что в январе 1922 года в селе Дубовый Умет Иван Малинин 17 лет убил свою 43-летнюю мать. До этого он три недели питался собаками и кошками. У матери было семь пудов картошки, приготовленной на семена, но она ему ничего не давала. Тогда Малинин удушил ее на печи и утащил в погреб, чтобы потом съесть...»

И это только самая малая часть из огромного объема архивных документов того голодного времени.

В сентябре 1921 года в Поволжье не имели продовольствия и голодали свыше пяти миллионов человек, но к октябрю число голодающих

превысило 15 миллионов. В декабре 1921 года правительством была названа цифра 22 миллиона голодающих. При этом официальная статистика гласит, что из указанного числа тогда погибло от одного до пяти миллионов человек, хотя независимые эксперты настаивают на другой цифре — не менее десяти миллионов.

Невиданный в истории Европы последних столетий голод! Вызванный не только войной и революцией, но и в куда большей мере — политикой новой власти, старательно грабившей деревню.

2 августа 1921 года советское правительство обратилось к международному сообществу с просьбой о содействии в борьбе с голодом. «Российское правительство, — говорилось в ноте, — примет любую помощь, из каких бы источников она не поступила, совершенно не связывая её с существующими политическими отношениями». В тот же день Ленин написал обращение к мировому пролетариату, а ещё ранее (13 июля) Максим Горький с ведома руководства страны призвал общественность Запада не допустить массовой гибели людей в России. На 9 февраля Советская Россия выделила для закупки продовольствия только в США на сумму около 12 миллионов 200 тысяч долларов. Всего за два года в США было закуплено продовольствия на 13 миллионов долларов США. Значительные ресурсы удалось мобилизовать и внутри голодающей страны. К первому июня 1922 года в голодных губерниях было открыто свыше 7 000 советских столовых (столовых иностранных организаций — до 9 500). В это же время РСФСР, несмотря на катастрофический голод, оказывало финансовую поддержку Турции; общая сумма финансовой помощи этой стране в 1921 — 1922 годах составила десятки миллионов золотых рублей.

В течение 1921—1922 годов только от голода, по исчислениям Наркомздрава и ЦСУ РСФСР, умерли свыше 5 млн человек (от 5 053 000 до 5 200 000 советских граждан).

На самом деле жертв повального голода могло быть значительно больше, если бы не помощь

зарубежных филантропов. Американская администрация помощи, возглавлявшаяся Гербертом Гувером, спасла от голодной смерти 10,4 млн советских людей.

Гувер был антикоммунистом, но оставил политику в стороне, чтобы энергично взяться за работу в России. Он поставил два условия: чтоб американской организации было позволено действовать самостоятельно и чтобы граждане США, содержащиеся в советских тюрьмах, были выпущены на свободу.

Требование взбесило Ленина: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая, — писал он в Политбюро. — Надо наказать Гувера, публично дать ему пощёчины, чтобы весь мир видел, и Совету Лиги наций тоже». Но у него не было выбора, и он уступил. 25 июля Горький от имени советского правительства принял предложение. 21 августа АРА подписала в Риге договор о предоставлении помощи.

Советское правительство оплачивает доставку продовольствия от границы на места, распределять же его будет исключительно АРА, его служащие получили иммунитет против арестов, однако подлежали немедленной высылке, если будут заниматься чем-нибудь неподобающим. Договорились сравнительно быстро (по меркам бюрократов); большевики уже тогда показали себя мастерами бесконечного затягивания переговоров, когда это было им политически выгодно.

...Потом голод закончился. Сработал НЭП — вынужденное отступление коммунистов. В отчете ГПУ отмечалось, что дальнейшее пребывание могло активировать план США начать «цветную революцию» в Советской России. Завершив акцию по оказанию помощи голодающим, организация по настоятельной просьбе советских властей свернула свою деятельность.

Заместитель председателя правления советской торговой компании в Нью-Йорке — «Амторга» — Гуревич 12 июля 1928 года докладывал в Москву — председателю ВСНХ Куйбышеву и наркому торговли Микояну:

«21-го июля в Москву уезжает полковник Купер. Я провел с ним несколько вечеров и информировался подробно о его настроениях по поводу Днепростроя. Он считает, что, хотя дело сейчас несколько лучше, чем оно было примерно полгода тому назад, тем не менее он далеко не удовлетворен ни организацией, ни состоянием работ... Купер с совершенно не скрываемым возмущением говорит о проекте увеличения сметы Днепростроя до 200 миллионов рублей. Он заявляет, что, построив лично 16 гидроэлектрических станций и проконсультировав еще столько же, он ни разу не ошибался в смете больше чем на 5%. Такая «ошибка», как в Днепрострое, может быть объяснена только совершенно возмутительной постановкой дела»...

Хью Линкольн Купер был главным консультантом строительства Днепровской ГЭС. Выдающийся гидростроитель — при его участии были возведены Торонтская электростанция вблизи порогов Хорсшу недалеко от Ниагарского водопада, электростанция Кеокук на реке Миссисипи, Асуанская плотина в Египте в 1914 году, электростанция на озере Зумбро...

По возвращении в США Купер сменил в 1930-м Рив Шлея (*Reeve Schley*) на посту президента Американско-российской торговой палаты, часто занимал «нерешительную позицию в вопросе о целесообразности дипломатического признания СССР». В справке Госдепартамента о Купере отмечалось, что он является «открытым по характеру трезвомыслящим ветераном-инженером, который придерживается твердых антикоммунистических убеждений, но стремится заработать деньги и добиться профессионального успеха».

В 1939 году ДнепроГЭС достиг проектной мощности 560 МВт, став 3-й по мощности электростанцией в мире — после сооруженных в США плотины Гувера (705 МВт) и плотины Вильсона (663 МВт).

В 1930 году компания General Electric поставила пять генераторов для ДнепроГЭСа. Девять турбин были поставлены Newport News Shipbuilding and Drydock Company, США. Аме-

риканцы вообще внесли едва ли не решающий вклад в индустриализацию СССР. Сталинградский и Харьковский тракторные, Горьковский автозавод, еще десятки и десятки крупнейших предприятий... А оборудование? А стажировки наших специалистов на американских заводах?

Да, небескорыстно, это правда.

«Все это хорошо, но строил Днепрогэс весь Народ, Советский Народ и не надо искать во всем подвох, американцы там только консультировали и не более! А то слушаешь доморощенных «либералов», так все в нашей стране только с иностранной помощью и построено»...

Как все-таки мы все хотим, чтобы нам все давали бесплатно. Даже за поставки по ленд-лизу мы расплатились только через несколько десятилетий (четыре, кажется, процента от общей суммы поставок; платить надо было лишь за то, что осталось после войны — целым и продолжало использоваться).

...Кстати, Купер — первый иностранный гражданин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Полагаю, заслуженно.

Из воспоминаний Э.Сеттиниуса, государственного секретаря США:

«Важной причиной, почему советской армии удалось сохранить хорошие коммуникации по всему фронту в 2 000 миль, было то обстоятельство, что мы отправили в Россию 189 000 полевых телефонов и свыше 670 000 миль проводов — достаточное количество, чтобы 27 раз обернуть ими Землю».

«...Значительная потеря скота в результате кампании 1941 года привела к крайней нехватке кожи в России, и мы, согласно Московскому протоколу, отправили туда 10 500 тонн сапожной кожи. Но русским заводам, даже при такой помощи, трудно удовлетворить нужды Красной Армии, и мы отправили туда еще 1,5 миллиона пар армейских сапог, и целых 3 миллиона — англичане... Красная Армия сделала запрос, не можем ли мы кроме стандартных сапог изготавливать для них «вытяжные» (слово написа-

но по-русски латинским шрифтом) — высокие кожаные сапоги русского типа, замечательные по водонепроницаемым свойствам, которые столетиями делали в России вручную, удобные прежде всего во время таяния снега и льда. Мы стали искать способ организовать фабричное производство таких сапог. Это было нелегко, но все же мы нашли человека, знающего об этом буквально все, — бывшего главу царской обувной фабрики. Мы его спросили, не может ли он делать обувь для Советского Союза. Он взялся за эту работу, и машинное производство этих сапог стало быстро налаживаться. Теперь их носят красноармейцы».

Ну, да эти понапишут... О танках, самолетах, о телефонных проводах, которыми (якобы) можно было земной шар сколько там раз обернуть... О сапогах — «вы-тяж-ных»... О продовольствии — мясной тушенки, пишут, поставили в СССР в пять раз больше, чем мы сами произвели... К счастью, вот надежная (хоть и неожиданная) книга — бывшего предсовмина СССР Николая Ивановича Рыжкова. Коммунист, депутат, сенатор... Называется книга «Великая Отечественная: ленд-лиз». Вышла — в 2012 году, сейчас бы ее не выпустили. Бежит время...

Как бы только и его за такую книгу в иностранные агенты не произвели.

Некоторые цифры и факты из этой книги.

«Делая объективный анализ... можно сказать, что общий экономический потенциал фашистской Германии перед ее нападением на СССР в 1941 году был значительно выше: военно-экономические ресурсы гитлеровского рейха примерно в 2-2,5 раза превосходили оборонно-экономические ресурсы нашей страны».

Учитывая сложившееся в начале войны положение, Сталин был вынужден подавить свою личную антипатию к западным державам и пойти на союз с ними.

По данным специалистов, в общем объеме вооружения ВМФ СССР западная техника составляла 32,4%... Многие отечественные корабли и катера, построенные в годы войны, в основ-

ном были оснащены техникой, поставляемой по ленд-лизу...

...С учетом создавшегося положения в производстве и поступлении алюминия для отечественной военной техники можно сделать вывод, что поставки по ленд-лизу оказали существенную помощь Советскому Союзу. В большой степени именно за их счет удалось наладить работу авиационной промышленности.

...В годы войны по ленд-лизу было поставлено 622 тыс. тонн рельсов. Это составляет около 56,5% от общего объема отечественного производства железнодорожных рельсов с середины 1941 года по конец 1945 года. Если же при расчете исключить рельсы узкой колеи, которые по ленд-лизу не поставлялись, то американские поставки составят 83,3% общего объема советского производства рельсов широкой колеи...

...Выпуск магистральных паровозов в СССР изменялся следующим образом: в 1940-м — 914 штук, в 1941-м — 708, в 1942-м — 9, в 1943-м — 43, в 1944-м — 32, в 1945-м — 8 штук. Магистральных тепловозов в 1940 году было выпущено 5 штук, а в 1941-м — всего 1 единица, после чего их выпуск был прекращен до 1945 года включительно...

...По ленд-лизу в годы войны было поставлено 1900 паровозов и 66 дизель-электровозов. Поставки от союзников превосходили общее советское производство в 1941-1945 годах в 2,4 раза. А электровозов — в 11 раз...

Американские поставки были столь огромными, что позволили практически свернуть наше собственное производство подвижного состава. Высвободившиеся производственные мощности перепрофилировали на выпуск боевой техники. В частности, одним из основных производителей танков Т-34 стал Уральский вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле.

...Американские автомобили составили 70% парка Красной Армии, определив тем самым ее такое важное военное качество, как мобильность... Г.К. Жуков, указывая на роль в войне импортных автомобилей, заметил: «Без «студе-

беккеров» нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию»...

...С 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г. поставлено станков: сверлильных — 623, прошивочных — 69 121, шлифовальных — 2736, строгальных — 58, токарных — 5306... Например, на Сталинградском тракторном заводе больше половины всех станков и иного оборудования было получено по ленд-лизу.

В итоге за годы войны в Советский Союз было поставлено по ленд-лизу, по данным специалистов, 44,3 тыс. металлорежущих станков... В СССР же их было произведено 115,4 тыс., т. е. в 2,6 раза больше... Однако в действительности, если брать стоимостные показатели, роль западных станков оказывается гораздо значительнее: они были сложнее и дороже советских...

Действия Советского Союза можно проиллюстрировать на примере алюминиевого прокатного завода. Стоимость его была около 7 млн. долларов, запрошен он был советской стороной в декабре 1941 года. Американцы понимали, насколько важен для СССР этот стан, так как потеря заводов в Ленинграде и Ступино чрезвычайно обострила дефицит алюминиевого проката. Этот прокатный стан был готов в США к отгрузке в июне 1943 года...

А вот и про продовольствие:

В период поставок по ленд-лизу было поставлено 238 млн. кг мороженой говядины и свинины, 218 млн. кг консервированного мяса (в том числе 75 млн. кг тушенки), 33 млн. кг колбас и бекона, 1089 млн. кг мяса кур, 110 млн. кг яичного порошка, 359 млн. кг растительного масла и маргарина, 99 млн. кг сливочного масла, 36 млн. кг сыра, 72 млн. кг сухого молока.

Сахар тыс. тонн: производство СССР — 995; ленд-лиз — 658 (66%)

Мясные консервы, млн. банок: 432,5; ленд-лиз — 2077 (480%)

Жиры животные, тыс. тонн: 565; ленд-лиз — 602 (107%)...

Сейчас невозможно точно установить, какую долю участия в разгроме фашистской Германии занимали поставки продовольствия из США,

Великобритании и Канады, но совершенно очевидно, что эта помощь сыграла немалую роль в достижении Победы над общим врагом...

Не имея широкомасштабных производств оборудования связи, радиолокации, современных материалов и т. д. советское производство и наука тщательно изучали это оборудование и ставили его на производство. Многие из него было использовано и в послевоенный период при изготовлении подобной продукции, как для обороны, так и гражданского населения.

Основой морального потенциала народа и армии являлись патриотизм, дружба народов и вера в превосходство социализма как экономической и политической системы устройства общества. Существенную роль в поддержании этого потенциала играла и жесткая государственная, идеологическая и военная дисциплина...

Ну, конечно. Патриотизм, дружба народов... И главное — превосходство социализма как экономической и политической системы.

Член Политбюро, председатель Госплана Николай Вознесенский (Сталин одно время рассматривал его как наследника, но потом раздумал и расстрелял в рамках «Ленинградского дела») написал в свое время знаменитую книгу «Военная экономика СССР». Издана она в 1948 году.

«...Все это оружие победы создано руками советского народа, его разумом и трудом. Бесспорно, что *вооружение*, стратегические материалы и *продовольствие*, полученное Советским Союзом от союзников, содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии. Однако разгром гитлеровской Германии Советской Армией осуществлен в основном отечественным советским оружием и отечественной военной техникой. *Честь и слава советскому оружию победы!*»

Рукопись послал Сталину. Тот сначала вычеркнул слово «продовольствие» и последнюю здравицу. Подчеркнул «в основном» и «вооружение». А потом отметил весь абзац и написал на полях: «не то».

Вознесенский его и убрал — весь.

Хорошо еще в другом месте, в главе о балансе народного хозяйства, написал в книге своих мемуаров его племянник телеобозреватель Лев Вознесенский, осталась информация о том, что во время войны импорт товаров — «преимущественно сырья и материалов» — увеличился в пять раз, и произошло это «за счет поставок союзников СССР в войне против Германии и Японии», хотя удельный вес поставок промышленных товаров по отношению к их отечественному производству составил «всего лишь около 4%».

Потом «удельный вес поставок» союзников «повысили» до 7%. Союзникам все равно должно быть стыдно...

...Все ли, кстати, знают, что трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин всю войну провоявал на американской «аэрокобре» (сбил 53 самолета врага лично и еще шесть в группе)?

Пожалуй, у всех известных мне народов самым презираемым человеческим качеством считается неблагодарность.

В мае 1922 года прикомандированный к АРА чекист А. Эйдук написал в «Правде», что американская организация кормила в это время 6 млн. 100 тыс. советских граждан. Американское общество квакеров снабжало в это время 265 тысяч человек, Международная ассоциация помощи детям — 260 тысяч, Нансеновский комитет — 138 тысяч, английские профсоюзы — 92 тысячи, шведский Красный крест — 87 тысяч,

Международная рабочая помощь — 78 тысяч, германский Красный крест — 7 тысяч.

Через три года в Малой Советской энциклопедии анализ был более глубокий: «Под видом благотворительности» АРА сбывала в России американские товары... В популярной кинокомедии «Волга-Волга» (1938) американскую помощь сделали предметом насмешливой песенки: «Америка России подарила пароход. У него колеса сзади и ужасно тихий ход». Но сценаристов тогда посадили не за это ерничанье.

В Большой Советской Энциклопедии 1950 года вышла, наконец, наружу вся правда: «Предоставленную ей возможность создания собственного аппарата в Сов. России АРА использовала для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Действия АРА вызвали решительный протест широких масс трудящихся».

А вот образцы творчества современных трудящихся:

Лента.Ру. В России предложили развернуть Гольфстрим для уничтожения США.

«МК». В России подсчитали, сколько ракет «Сармат» понадобится для полного уничтожения США.

На пресс-конференции Сергея Лаврова первой вопрос задала Маргарита Симоньян: «Мои подписчики спрашивают, когда жажнем по Вашингтону? Война будет? Сколько будем сопли жевать?»

Надо сказать, вопрос нашего министра иностранных дел не удивил.

© Тест: Павел Гуттионтов

© Графика: К. Батынгов. «БЕЗ НАЗВАНИЯ», 2022

НЕ БУДЕМ СНОВА НАЧИНАТЬ ТРОЯНСКУЮ ВОЙНУ*

СИМОНА ВЕЙЛЬ

С предисловием переводчика П. Епифанова

Вступительное слово переводчика

В июне 1935 г. Жан Жироду закончил свою драму «Троянской войны не будет», а уже 22 ноября она впервые была представлена на сцене парижского театра «Атений». В намеренно, если не пародийно, анахронистической трактовке событий гомеровского эпоса легко узнавалась современная Европа, воздух которой был насыщен предчувствием новой большой войны. Между постановкой пьесы и опубликованием статьи Симоны Вейль, чье заглавие к ней недвусмысленно отсылало, всего полтора года, но мысль Жироду о неотвратимости войны уже успела найти впечатляющее подтверждение в испанских событиях. Симона Вейль, которая поспешила принять участие в этих событиях почти при самом их начале, спустя всего месяц после выступления генерала Франко, и уже в сентябре покинувшая Испанию «с намерением вернуться», позднее объясняла причины, по которым она так и не вернулась к своим недолгим боевым товарищам: «Я не чувствовала больше никакой внутренней необходимости участвовать в войне (...) между Россией, Германией и Италией»¹. Еще до возвращения домой она поделилась с товарищем «еретической» мыслью: «Мне кажется, если не победит Франко, здесь будет вторя Россия». (О России середины тридцатых Симона была неплохо осведомлена: ее друг Борис Суварин, писавший

в то время свою монографию о Сталине, имел в распоряжении богатое досье...)

Статья «Не будем снова начинать Троянскую войну», отражая размышления над реалиями Испанской войны, имела для Симоны, в некотором смысле, значение рубежа. Она практически разводит Симону с левым движением, яркой участницей которого, пусть независимой и своеобразной, не замыкаемой в рамки партийной дисциплины и принудительного единомыслия, она была в течение минувшего пятилетия. Статья была опубликована в журнале «Нуво кайе», стоявшем на позициях классового мира, патроната предпринимателей над рабочими и решительного неприятия идеологии и практики коммунистов, — и, надо отметить, почти безупречно укладывалась в общую линию журнала. Кроме того, под впечатлением от увиденного в Испании (вмешательство третьих сил, использующих страну как полигон подготовки к мировой войне), Симона приходит к предположению, что Европа должна любой ценой избежать континентальной катастрофы, удовлетворив некоторые претензии Германии. Версальская система, как несправедливая, кажется ей, во всяком случае, не меньшей предпосылкой возможной войны, чем гитлеровский милитаризм. Не последнее место в ряду факторов, приближающих большую войну, отдает она левым политическим блокам, которые, объединяясь под лозунгом антифашизма, ставят рабочие партии и движения европейских стран, вместе с инициативами лево-ориентированной интеллигенции, на службу сталинской тирании и гегемонизма.

Нашему современнику, родившемуся или, во всяком случае, сформировавшемуся в период после Второй мировой войны, некоторые тезисы Симоны могут показаться идеалистическими и близорукими: в «послеялтинской» перспективе представляется как бы очевидным, что планы борьбы за мировое господство были имманентно свойственны гитлеровскому режиму и, таким образом, мировая война была делом практически предреешенным, а участие в антифашистской

коалиции любого состава было единственным верным личным и коллективным выбором.

Редакция «Нуво кайе» выступала за продолжение и развитие франко-германского экономического сотрудничества, несмотря на усиленное вооружение Германии и обострение военно-политических отношений между обеими странами. После поражения Франции в 1940 году основатель журнала Огюст Детеф, его спонсор Ипполит Вормс и несколько активных участников (Жорж Альбертини, Жак Барно и др.) стали сторонниками и видными функционерами режима Виши, так что позднее даже привлекались к суду за сотрудничество с врагом. Эти детали, хоть и посторонние содержанию статьи, косвенным образом также могут бросить тень на анализ Симоны, чья непримиримость к нацизму общеизвестна. Можно, в принципе, задать вопрос: не выражала ли Симона Вейль в своей статье 1937 года, сознательно или нет, интересы определенной группы предпринимателей или идеологов, чья тенденция спустя недолгое время привела их к коллаборационизму?

Еще одной гирькой на противоположную чашу весов является собственное признание Симоны, сделанное ею в 1943 году: «Моя преступная ошибка до 1939 года в отношении нацифистских кругов и их деятельности происходила от бессилия, причиной которого были долгие годы разбитости и физической боли. Будучи не в состоянии следить за их деятельностью вблизи, посещать их, общаться с ними, я не распознала в них склонности к предательству»².

Даже если эти слова Симоны относятся, в том числе, к ряду ее коллег по «Нуво кайе», они, по моему глубокому убеждению, никак не дискредитируют и не обесценивают самой статьи, тем более что Симона и после 1939 года не отказывалась от ее основных тезисов. Ряд высказанных здесь мыслей повторен и развит ею и в статьях последнего, лондонского периода ее жизни. Важно правильно понять цель Симоны и не упрекать ее в отсутствии того, что она в статье и не была намерена делать, а именно — всестороннего анализа причин назревающей

войны. Ведь в словах об «ирреальном характере большинства возникающих ныне конфликтов» легко вычитать отказ замечать реальные причины, стоящие за ними. Вчитавшись внимательно, мы увидим, что Симона отнюдь не закрывает глаза на эти причины, но выделяет грань между реальными противоречиями, которые законным образом вызывают борьбу, совсем не обязательно насильственную (и, как ее следствие, модификацию отношений, баланса сил и т. д.) и убийством, которое совершают — не всегда, но весьма часто — во власти побуждений или понятий ирреальных. Статья говорит о необходимости для ответственного мыслящего человека, кто бы он ни был, совершить усилие внимания, вскрывая, подобно Сократу в платоновских диалогах, внутреннее содержание ходячих понятий, лозунгов пропаганды, словаря политиков, журналистов и генералов, всех этих «слов, украшенных прописными буквами», под которыми миллионы людей призывают или гонят убивать друг друга.

Еще один вопрос, возникающий при чтении статьи: кого имеет в виду Симона, завершая ее обращением к некоторой человеческой общности: «Спросим же себя, не сослужим ли мы нашим современникам практическую службу первостепенной важности, реформируя методы преподавания и распространения научных знаний, изгоняя грубое суеверие, воцарившееся и давшее полную волю искусственному словарю»? Кто эти «мы»: какая-то политическая или социальная группа, круг единомышленников?

Словом «мы» в данном случае переводится характерное французское неопределенно-личное местоимение *on*, не уточняющее субъекта действия. Таким образом, «мы» — любой, кто способен принять мысль автора с пониманием и сочувствием. Именно такой способ перевода выбран мной потому, что частое употребление

слова «мы» очень характерно для Симоны Вейль, ревностно хранившей свободу мысли и совести от всякого коллективного и партийного давления. Обрекая себя в этом выборе на одиночество и изоляцию при жизни и непонимание после смерти, она, тем не менее, искала и братского союза, и понимания, убежденная в том, что пора сочувственного приятия ее мысли непременно настанет.

Разгром нацизма не привел к чаемому Симоной интеллектуальному оздоровлению. Не принес этого оздоровления и крах коммунистической системы. Напротив, современная революция информационных технологий обострила обозначенную в статье проблему как никогда раньше в истории, придав ей поистине планетарные масштабы.

«...Когда придаются прописные буквы словам, лишены значения, тогда, лишь только сложатся подходящие обстоятельства, люди проливают потоки крови, громоздят руины над руинами, повторяя эти слова и не в силах обрести ничего соответствующего им на деле». И сегодня, как восемьдесят и сто лет назад, при использовании не имеющих определения абстрактных понятий, подменных лозунгов, оторванных от реального исторического содержания ярлыков, слов-страшилок, проливается реальная кровь тысяч людей... Различие с эпохой Симоны, может быть, лишь в том, что сегодня даже сами размахивающие этими абстракциями, лозунгами, ярлыками и страшилками, не верят в их серьезность, и в их манипуляциях, как никогда прежде, очевидны цинизм и шулерство. Но лишь тем большей благодарности достойно мужество автора, более восьмидесяти лет назад, на пороге мировой бойни предостерегавшего от доверчивости к словам, «вводящим в ступор умы» людей по обе стороны баррикад, независимо от лагеря и флага.

Петр Епифанов
Июль 2022

НЕ БУДЕМ СНОВА НАЧИНАТЬ ТРОЯНСКУЮ ВОЙНУ*

«Nouveaux Cahiers», 1937, №№ 2 и 3 (1 и 15 апреля)

Мы живем в эпоху, когда относительная безопасность, которую обеспечивает людям техническое господство над природой, с лихвой компенсируется опасностями разрушений и убийств, вызываемых конфликтами между человеческими группами. Столь большая опасность, несомненно, в немалой степени имеет причиной мощь орудий уничтожения, которые техника вложила нам в руки. Но эти орудия не сами пускают себя в ход; нечестно было бы возлагать на мертвую материю вину в том положении, за которое несем полную ответственность мы сами. Наиболее угрожающие конфликты имеют общую характерную черту, которая может успокоить поверхностные умы, но, вопреки первому впечатлению, свидетельствует о подлинной опасности этих конфликтов: *то, что они не имеют цели, поддающейся определению*. На протяжении всей истории человечества можно проследить, что конфликты, отличавшиеся беспримерным ожесточением, — суть именно такие, которые не имели цели. Этот парадокс, как только мы ясно его осознаем, возможно, оказывается одним из ключей к истории и, вне всякого сомнения, — ключом к нашей эпохе.

Когда борьба идет вокруг четко определенной ставки, каждый способен, взвесив вместе ценность этой ставки и вероятные издержки борьбы, решить для себя, до какого предела она стоит приложения усилий; и, вообще говоря, в этом случае бывает нетрудно найти некий

компромисс, который для каждой из соперничающих сторон будет выгоднее, чем сражение, пусть даже победоносное. Но когда борьба не имеет цели, уже нет и общей меры, уже нет весов, нет пропорции, нет возможности сравнения, и условия компромисса просто непредставимы. Важность сражения тогда измеряется только жертвами, которых оно требует. И поскольку, по этой самой причине, уже принесенные жертвы неперестанно взывают к жертвам новым, не было бы и никакого смысла перестать убивать и умирать, если бы, к счастью, человеческие силы не истощались, достигнув своего предела. Этот парадокс столь разителен, что не поддается анализу. И, хотя всем так называемым образованным людям известен его самый чистый пример, есть что-то роковое в том, что мы читаем о нем — и не понимаем.

Некогда греки и троянцы в течение десяти лет истребляли друг друга ради Елены Прекрасной. Кроме разве что воина-дилетанта Париса, среди них не было никого, кто бы хоть сколько-то дорожил Еленой; все вместе, и те и другие, они, вероятно, одинаково сожалели о том, что она вообще родилась на белый свет. Личность Елены была настолько не пропорциональна этой гигантской битве, что в глазах всех являла собой не более чем символ истинной ставки; но саму эту истинную ставку никто не определял. Ее даже нельзя было определить, ибо ее не существовало. Ее нельзя было и измерить. Ее важность представляли только числом уже убитых и теми убийствами, которые еще

предстояло совершить. Таким образом, эта важность превосходила всякий предел, поддающийся оценке. Гектор предчувствовал, что его город будет разрушен, его отец и братья — убиты, жена — уведена в рабство, худшее, чем смерть; Ахилл сознавал, что подвергает своего отца бедствиям и унижениям беззащитной старости; многие понимали, что настолько долгое их отсутствие приведет к разорению родных очагов. Но ни один не считал это слишком дорогой платой, ибо все они гнались за несуществующим — тем, что измерялось лишь ценой, которую следовало заплатить. Чтобы устыдить тех из греков, которые предлагали всему войску вернуться восвояси, Афине и Одиссею казалось достаточно аргументом напомнить о страданиях погибших соратников³. С расстояния трех тысячелетий мы обнаруживаем в их устах и в устах Пуанкаре⁴ одну и ту же аргументацию с целью заклеить предлагающих мир без победителей и побежденных. В наши дни, чтобы объяснить это мрачное упорство в нагромождении бесполезных разрушений, популярное воображение подчас прибегает к предполагаемым интригам экономических групп. Но незачем искать корни этого так далеко. У греков времен Троянской войны не было ни синдикатов поставщиков меди, ни комитетов кузнецов-оружейников. Правда, в умах современников Гомера роль, которую отводим мы таинственным олигархам от экономики, принадлежала богам из мифологии. Однако чтобы загнать людей в самые бессмысленные катастрофы, нет необходимости ни в богах, ни в секретных заговорах. Достаточно самой человеческой природы.

Для умеющего видеть самым тревожным симптомом наших дней является ирреальный характер большинства возникающих ныне конфликтов. У них еще меньше реальности, чем у конфликта между греками и троянцами. В центре Троянской войны стояла хотя бы женщина — тем более женщина, обладавшая совершенной красотой. Для наших современников роль Елены играют слова, украшенные прописными буквами. Если мы выловим, же-

лая раздавить, одно из таких слов, набухших кровью и слезами, то обнаружим, что оно лишено содержания. Слова, имеющие содержание и смысл, не смертоносны. Если подчас какое-то из них и замешивается в кровопролитие, это происходит скорее случайным, нежели фатальным образом, и тогда обычно имеет место определенное действие, имеющее свои границы и направленное на конкретные цели. Но когда придаются прописные буквы словам, лишенным значения, тогда, лишь только сложатся подходящие обстоятельства, люди проливают потоки крови, громоздят руины над руинами, повторяя эти слова и не в силах обрести ничего соответствующего им на деле. Им не может соответствовать абсолютно ничто из реального, ибо они ничего не значат. Успех тогда определяется исключительно через сокрушение групп людей, обозначаемых словами, враждебными первым; ибо характерная черта всех таких слов в том, что они живут лишь в виде антагонистических пар. Понятно, что не всегда эти слова лишены смысла сами по себе; иные из них могли бы его иметь, если бы кто-то потрудился дать им надлежащее определение. Но слово, получившее такое определение, теряет свою прописную букву, оно более не может ни послужить знаменем тебе самому, ни стать боевым кличем твоих врагов. Оно теперь — всего лишь отсылка, помогающая понять определенную реальность, либо конкретную цель, либо способ действия. Уяснять понятия, подрывать доверие к словам безнадежно пустым, определять использование других слов с помощью точного анализа — вот, сколь бы ни казалось странным, тот труд, который мог бы сохранять человеческие жизни.

Во всей области мысли мы, кажется, утратили первостепенно важные для интеллекта понятия: понятия предела, меры, степени, пропорции, взаимоотношения, отношения, условия, необходимой связи, связи между средствами и результатами. Желая заниматься делами человеческими, мы населили свою политическую вселенную исключительно мифами и чудовищами; здесь мы знаем только обобщения, только

абсолюты. Примером чего является весь политический и социальный словарь.

Национальный интерес невозможно определить ни через общий интерес крупных капиталистических промышленных, торговых или финансовых предприятий определенной страны — ибо этого общего интереса не существует, — ни через жизнь, свободу и благосостояние граждан, ибо этих граждан неустанно заклиняют приносить благосостояние, свободу и жизнь в жертву национальному интересу. В конечном счете, рассматривая современную историю, мы вынуждены заключить: для каждого государства национальным интересом является его способность вести войну.

В 1911 г. Франция чуть не ввязалась в войну за Марокко⁵; но почему Марокко было столь важно? Потому что Северной Африке предполагалось стать резервом пушечного мяса; и еще потому что, с военной точки зрения, государство заинтересовано в том, чтобы сделать свою экономику сколь возможно более самостоятельной, обладая собственными сырьевыми ресурсами и рынками сбыта. Страна называет своим жизненным экономическим интересом не то, что позволяет ее гражданам жить, но то, что позволяет ей воевать; нефть гораздо лучше подходит для разжигания международных конфликтов, чем пшеница. Таким образом, когда ведут войну, это делается или чтобы сохранить, или чтобы увеличить средства для ее ведения. Вся международная политика движется по этому порочному кругу. Национальный престиж состоит в том, чтобы постоянно производить на другие страны впечатление, ради их деморализации, что в случае войны мы непременно их победим. Национальной безопасностью называется такое химерическое состояние вещей, при котором бы мы сохраняли возможность вести войну, лишая той же возможности все другие страны. В итоге, уважающее себя государство скорее готово на все, включая войну, чем на то, чтобы в случае столкновения интересов от войны отказаться.

Но зачем вообще нужно мочь вести войну? Мы об этом знаем не больше, чем троянцы знали, зачем им надо удерживать у себя Елену. Именно поэтому добрая воля миролюбивых политиков столь малоэффективна. Если бы страны разделяла реальная противоположность интересов, можно было бы находить удовлетворяющие компромиссы. Но когда «национальные» экономические и политические интересы направлены не иначе, как в сторону войны, как согласовать их мирным образом? Следовало бы упразднить само понятие «нация». Или, скорее, принятый способ употребления этого слова: ибо слово «национальный» и выражения, частью которых оно является, лишены всякого значения; их содержанием являются лишь миллионы убитых, сирот и калек, отчаяние и слезы.

Еще один изрядный пример кровавого абсурда — противостояние между фашизмом и коммунизмом. Тот факт, что это противостояние сегодня определяет для нас двойную угрозу войны гражданской и войны мировой, возможно, является самым тяжким симптомом интеллектуальной атрофии из тех, которые сегодня наблюдаются в нашей цивилизации. Ибо если исследовать смысл, который имеют на сегодня оба этих термина, обнаруживаются две почти идентичных политических и социальных концепции. Как с одной, так и с другой стороны присутствует то же рабское подчинение государству почти всех форм индивидуальной и общественной жизни; та же безудержная милитаризация; то же искусственное единодушие, достигаемое принуждением в пользу единственной партии, смешивающей себя с государством и определяющей себя через это смешение; тот же самый режим рабства, навязываемый государством трудящимся массам вместо классического наемного труда. Нет держав более сходных по структуре, чем Германия и Россия, грозящих друг другу всемирным крестовым походом и выставяющих одна другую в образе апокалиптического Зверя. Поэтому можно безбоязненно утверждать, что противостояние

фашизма и коммунизма лишено какого-либо смысла. Как и то, что победу фашизма можно определить лишь как истребление коммунистов, а победу коммунизма — как истребление фашистов.

Понятно, что при таких условиях и антифашизм, и антикоммунизм также лишаются смысла. Позиция антифашистов: всё что угодно, лишь бы не фашизм; всё, включая фашизм под именем коммунизма. Позиция антикоммунистов: всё что угодно, лишь бы не коммунизм; всё, включая коммунизм под именем фашизма. Ради этого святого дела каждый, в обоих лагерях, уже готов умереть, но главное, готов убивать.

Летом 1932 г. на улицах Берлина часто собиралась кучка людей вокруг пары вступивших в дискуссию рабочих или бюргеров, один из которых был коммунистом, а другой нацистом. Каждый раз в ходе дискуссии они обнаруживали, что защищают ровно одну и ту же программу; эта констатация у обоих вызывала головокружение, но еще и увеличивала в каждом из них ненависть к противнику — настолько принципиально враждебному, что он оставался врагом, даже излагая те же самые идеи⁶.

С той поры прошло четыре с половиной года. Немецких коммунистов так и мучают в концлагерях; и мы не можем с уверенностью сказать, что и Франции не угрожает война на истребление между антифашистами и антикоммунистами. Если бы такая война в самом деле произошла, Троянская война показалась бы в сравнении с ней образцом здравого смысла. Ибо если даже предположить, вместе с одним греческим поэтом, что в Трое был только призрак Елены⁷, этот призрак обладал бы куда более подлинной реальностью, чем противостояние между фашизмом и коммунизмом.

Противостояние между диктатурой и демократией, которое сродни противостоянию между порядком и свободой, по крайней мере, реально. Однако и оно теряет смысл, если брать каждый из этих терминов как нечто цельное

в самом себе, как чаще всего поступают в наше время, вместо того, чтобы рассматривать их как критерий, позволяющий измерять характеристики социальной структуры. Понятно, что не бывает ни абсолютной диктатуры, ни абсолютной демократии, но социальный организм всегда и повсюду составляется из демократии и диктатуры в разных степенях. Понятно и то, что степень демократии определяется отношениями, связывающими разные шестеренки социальной машины, и зависит от условий, определяющих функционирование этой машины; следовательно, нужно стремиться воздействовать на эти отношения и эти условия. Вместо этого обычно полагают, будто имеются человеческие общности, страны или партии, сущностно воплощающие в себе диктатуру или демократию, так что, соответственно тому, склонны ли мы по характеру больше к порядку, или к свободе, нас охватывает желание сокрушать одни или другие из этих обществ. Многие французы, например, искренне верят в то, что военная победа Франции над Германией была бы победой демократии. В их глазах, свобода заключена во французской нации, а тирания — в германской, как для современников Мольера в опиуме заключалось усыпляющее свойство⁸. Если однажды так называемые сообщения «национальной безопасности» сделают из Франции укрепленный лагерь, или вся нация целиком окажется подчинена военной власти, и Франция, преобразованная таким способом, вступит в войну с Германией, эти французы будут подставлять грудь под пули, при этом убивая сколь возможно большее число немцев, во власти трогательной иллюзии, что они-де проливают свою кровь за демократию. Им не приходит на ум, что диктатура могла установиться в Германии в силу определенного положения вещей, и что содействовать формированию там другой ситуации, делающей возможным определенное ослабление государственной власти, было бы, пожалуй, эффективнее, чем убивать парней из Берлина и Гамбурга.

Другой пример. Если мы рискнем изложить перед носителем того или иного партийного духа идею перемирия в Испании, он, если это «правый», возмущенно ответит нам, что надо сражаться до конца ради торжества порядка и сокрушения поборников анархии; а если «левый», ответит не менее возмущенно, что надо сражаться до конца за свободу народа, за благосостояние трудящихся масс, ради сокрушения угнетателей и эксплуататоров. Первый при этом забывает, что никакой политический режим, каким бы он ни был, не несет беспорядков, хотя бы отдаленно сравнимых с беспорядками гражданской войны — систематическими разрушениями, массовыми убийствами на фронте, упадком производства, сотнями отдельных преступлений, ежедневно совершаемых внутри каждого из лагерей, просто потому что винтовка оказывается в руках у очередного негодяя. Со своей стороны, «левый» забывает, что в лагере его единомышленников давящие нужды гражданской войны, состояние осады, милитаризация фронта и тыла, полицейский террор, слом всех преград для произвола, всех гарантий для личной безопасности — всё это куда более радикально уничтожает свободу, чем приход к власти крайне правой партии. Он забывает, что военные расходы, разрушения, ослабление производства обрекают народ, причем надолго, на лишения куда более жестокие, чем те, которым подвергали бы его эксплуататоры. И «правый», и «левый» забывают, что долгие месяцы войны привели к почти идентичному режиму. Каждый из лагерей утратил свой идеал, сам того не заметив; для каждого победа того, что он называет своей идеей, определяется отныне как простое истребление противника; и каждый, стоит с ним заговорить о мире, ответит с презрением сокрушительным доводом — аргументом Афины у Гомера, аргументом Пуанкаре в 1917 году: «Этого не хотят мертвые»⁹.

* * *

Что законно, живительно, необходимо, — это вечная борьба подвластных против правящих,

когда механизм социальной власти подавляет человеческое достоинство у нижестоящих. Эта борьба вечна, потому что те, кто правит, всегда, сознательно или нет, склонны топтать ногами человеческое достоинство тех, кто им подвластен. Функция управления, в той мере, насколько она осуществляется на деле, не может, кроме особых случаев, уважать человечество в лице тех, кому суждено повиноваться. Если же она осуществляется так, как если бы люди были вещами, да еще и без сопротивления, она неизбежным образом осуществляется над вещами исключительно податливыми; ибо человека, повинующегося страху смерти, — который, в конечном счете, является высшей санкцией всякой власти, — можно сделать более управляемым, чем мертвое вещество. До тех пор, пока будет существовать устойчивая социальная иерархия, какова бы ни была ее форма, стоящие внизу будут вынуждены бороться за то, чтобы не потерять все права человеческого существа. С другой стороны, сопротивление стоящих вверху, если оно систематически проявляет себя как противное справедливости, тоже основано на конкретных мотивах. Прежде всего, на мотиве личной выгоды; кроме случаев весьма редкого великодушия, привилегированные не терпят и мысли о лишении части своих привилегий, материальных или моральных. Но также и на мотивах более возвышенных. Облеченные функциями управления сознают за собой миссию защищать порядок, необходимый для всякой общественной жизни, и они не представляют себе другого порядка, кроме существующего. Они не совсем неправы, ибо, прежде чем другой порядок установится на деле, нельзя с уверенностью утверждать, что он возможен. Именно поэтому социальный прогресс может иметь место только тогда, когда давление снизу достаточно, чтобы реально изменить соотношение силы и таким образом принудить к фактическому установлению новых социальных отношений. Давление снизу и сопротивление сверху, сталкиваясь между собой, непрерывно вызывают, таким образом, нестабильное равнове-

сие, определяющее в каждый момент времени структуру общества. Это столкновение — борьба, но не война; оно может превратиться в войну в определенных обстоятельствах, но в этом нет ничего фатального. Античность не только оставила нам историю бесконечных и бессмысленных убийств под Троей, но также и историю энергичной и единой деятельности, посредством которой плебеи, не пролив ни капли крови, вышли из положения, близкого к рабству, и получили в качестве гарантии их новых прав институт народных трибунов. Точно таким же способом французские рабочие, занимая фабрики, но без насилия, добились признания некоторых своих элементарных прав и, в качестве гарантии этих прав, института выборных делегатов.

* * *

Может быть, и в самом деле в Трое был лишь призрак Елены, но греческое и троянское войско не были призраками; таким же образом, если слово «нация» и выражения, в которые оно входит, лишены смысла, то разные государства, с их учреждениями, тюрьмами, арсеналами, казармами, таможнями, вполне реальны. Теоретическое различие между двумя формами тоталитарного режима, фашизмом и коммунизмом, лишь воображаемо, — однако в Германии в 1932 году реально существовали две политические организации, каждая из которых стремилась к тотальной власти и, как следствие, к уничтожению другой. Демократическая партия может постепенно стать партией диктатуры, но она все равно сохранит отличия от диктаторской партии, которую силится раздавить. В видах обороны против Германии, Франция может сама, в свою очередь, подчиниться некоему тоталитарному режиму; но французское и германское государства тем не менее останутся двумя различными государствами. Уничтожение и сохранение капитализма суть лозунги без содержания, но под этими лозунгами группируются организации. Каждой пустой абстракции соответствует человеческая общность. Абстракт-

ции, не подпадающие под это правило, остаются безвредными; соответственно и человеческие общности, не являющиеся выделением из абстрактных понятий, имеют шанс не быть опасными. Жюль Ромен великолепно изобразил этот особенный вид выделения, вложив в уста Кнока формулу: «Выше интереса большого и интереса врача — интерес медицины»¹⁰. У него эта формула комична — но лишь потому, что профсоюз врачей еще не разродился лозунгом вроде нее. По всему подобные понятия движут организациями с общей характерной чертой: эти организации либо заняты удержанием власти, либо стремятся к ней.

Все нелепости, уподобляющие человеческую историю бесконечному бреду, коренятся в одной главной нелепости: в природе власти. Необходимость в существовании власти реальна, осязаема, ибо порядок необходим для человеческого существования; но наделение властью — дело произвольное, так как люди подобны, или почти подобны друг другу; однако, это наделение не должно выглядеть произвольным, иначе власть уже не будет признаваться как власть. Таким образом, в самой сердцевине власти находится престиж, то есть иллюзия. Всякая власть основана на связях между родами человеческой деятельности; но, чтобы быть устойчивой, она должна являть себя всем — и тем, кто ею обладает, и тем, кто ей подчиняется, и властям иностранных государств — как нечто абсолютное, неприкосновенное. Условия порядка внутренне противоречивы, и людям, кажется, остается выбирать между анархией, сопутствующей власти слабой, и всевозможными войнами, возбуждаемыми заботой о престиже.

Когда названные здесь нелепости переводятся на язык власти, они перестают выглядеть нелепостями. Разве не естественно то, что каждое государство определяет национальный интерес через способность вести войну, коль скоро оно окружено другими государствами, способными покорить его силой оружия, лишь только покажи оно им свою слабость? Между стремлением не отстать от других в гонке военных

приготовлений и готовностью претерпеть все, что будет угодно твоим вооруженным соседям, не видится середины. Всеобщее разоружение устранило бы эту трудность только в том случае, будь оно полным, что трудно представить. С другой стороны, государство не может казаться слабым перед иностранцами, не рискуя дать своим подданным искушение поколебать его авторитет. Если бы Приам и Гектор выдали Елену грекам, они рисковали бы только увеличить желание греков разграбить город, кажущийся столь плохо приготовленным к обороне; также они рисковали бы общим мятежом в самой Трое — не то что выдача Елены возмутила бы троянцев, но она дала бы им повод думать, что люди, которым они повинуются, не столь уж могущественны. Если в Испании один из противостоящих лагерей даст знать о себе, что желает мира, во-первых, он тем самым поощрит врага, увеличив его наступательный потенциал, а кроме того, рискует мятежами в собственной среде. Так же точно, для человека, не вовлеченного ни в антикоммунистический блок, ни в блок антифашистский, столкновение двух почти совпадающих идеологий может показаться смешным; но раз уж эти блоки существуют, те, что находятся в том или другом из них, по необходимости смотрят на другую, как на абсолютное зло, — ведь он раздавит их, если они не будут сильнее. Вожди того и другого лагеря должны казаться готовыми сокрушить врага, чтобы сохранить господство над собственными рядами. И когда эти блоки достигают определенного могущества, нейтралитет трагическим образом кажется позицией почти недопустимой. То же самое еще бывает, когда в какой-либо социальной иерархии низы боятся быть совершенно раздавленными, если не сместят своих начальников; и если те или другие приобретают тогда достаточную силу, чтобы уже не иметь причин для боязни, они уже не могут устоять перед опьянением могуществом, обостренным чувством обиды.

Вообще говоря, всякая власть по существу хрупка; следовательно, она должна себя за-

щищать; иначе как можно было бы поддерживать в общественной жизни хотя бы минимум стабильности? Но в качестве единственной оборонительной тактики почти всегда, верно или ошибочно, выбирается наступление, — и это одинаково для обеих сторон. Естественно, впрочем, что непримиримые столкновения порождаются преимущественно воображаемыми несогласиями, потому что именно их делают ставкой в играх власти и престижа. Возможно, легче Франции уступить Германии свои сырьевые ресурсы, чем несколько арпанов¹¹ той земли, которая называется колониями. Возможно, легче Германии обойтись без этого сырья, чем без самого слова «колонии». Важнейшее противоречие человеческого общества в том, что всякая общественная ситуация основывается на равновесии сил, равновесии давлений, аналогичном равновесию флюидов; но престиж одного (человека, общности, страны) не уравновешивается престижем другого, престиж не предполагает пределов, всякое удовлетворение престижа является посягательством на престиж или достоинство другого. А престиж неотделим от власти. Здесь словно тупик, из которого человечество не может выбраться иначе, как чудом.

Но человеческая жизнь состоит из чудес. Кто поверил бы, что готический собор может стоять, если бы не наблюдал это ежедневно? Поскольку война идет не всегда, нет ничего невозможного в том, чтобы неограниченное время длился мир. Проблема, поставленная, когда все ее данные реальны, очень близка к решению. Проблема международного и гражданского мира так еще никогда не ставилась.

* * *

Именно туман пустых абстрактных понятий препятствует не только увидеть данные нашей проблемы, но даже почувствовать, что перед нами — проблема, которую надо решить, а не рок, которому приходится подчиниться. Эти понятия вводят умы в ступор; они не только умерщвляют, но, что бесконечно хуже, заставляют

забывать о ценности жизни. Изгнание таких понятий из всех областей политической жизни есть неотложное дело общественного оздоровления. Изгонять их нелегко; вся умственная атмосфера нашей эпохи благоприятствует пышному цветению и размножению понятий.

Общее повышение интеллектуального уровня стало бы исключительно благоприятным для любых разъяснительных усилий с целью устранения воображаемых причин конфликта. Конечно, нет у нас недостатка и в людях, готовых проповедовать умиротворение во всех областях. Но в целом эти проповеди имеют целью не пробуждать умы, не гасить ложные конфликты, а усыплять и заглушать конфликты реальные. Те, кто, разглагольствуя о мире между народами, понимает под этим выражением сохранение на неопределенное время status quo ради исключительной выгоды французского государства, те, кто, увещевая к социальному миру, подразумевают сохранение в неприкосновенности привилегий или, по меньшей мере, оставляют любые изменения на добрую волю привилегированных, — вот самые опасные враги международного и гражданского мира.

Речь не идет о том, чтобы искусственно скрывать отношения силы, по самой сути изменчивые: те, кто является в них страдающей стороной, всегда будут стремиться к их изменению. Речь о том, чтобы различать воображаемое и реальное в целях уменьшения риска войны, не отказываясь от борьбы, которую Гераклит называл условием самой жизни¹².

** статья публикуется в сокращении, полная версия выйдет в сборнике, который готовится в издательстве Ивана Лимбаха*

Примечания

- ¹ Симона Вейль. Письмо к Жоржу Бернаносу. Полный текст см.: Ф, сс. 345–358 (пер. П. Епифанова).
- ² Лондонский блокнот. // Вейль, Симона. Тетради. Том 4. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. С. 326–327.

- ³ Илиада, II, 172–182: «Так обратилась к нему (Одиссею. — П. Е.) совоокая дева Афина: // “Богороденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый! // Да неужели и впрямь вы отсюда домой поможете, // Все побросавшись стремглав в корабли многовеслые ваши, // На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставив // В городе этом Елену аргивскую, ради которой // Столько ахейцев погибло далеко от родины милой? // К меднодоспешным ахейцам тотчас же идти не медли! // Мягкою речью своею удерживай каждого мужа, // Чтoб не стаскивал в море судов ободовесельных”. // Так говорила. И громкий он голос богини услышал» (здесь и далее пер. В. В. Вересаева).
- ⁴ Раймон Пуанкаре (1860–1934) — президент Франции в 1913–1920 гг., горячий сторонник войны до победного конца и сокрушения Германии, один из творцов Версальского мирного договора 1919 г.
- ⁵ Имеется в виду т. н. Второй марокканский или Агадирский кризис 1911 г., когда Франция и Германия в споре о влиянии в Марокко оказались на грани войны. Благодаря дипломатическому нажиму Англии, Франции удалось вытеснить немцев из Марокко, отдав им в качестве компенсации Французское Конго. Конфликт сопровождался кампанией шовинистической пропаганды как во Франции, так и в Германии и имел последствием резкое усиление гонки вооружений между европейскими державами.
- ⁶ Как сходство демагогии коммунистов и нацистов на предвыборных кампаниях 1932–1933 гг., так и массовые переходы из одной партии в другую отмечались современниками, в том числе и самой С. В. в ее аналитических статьях того периода, посвященных положению в Германии. См. также: Roux, François. *Auriez-vous crié “Heil Hitler”?: Soumission et résistances au nazisme*. Paris: Max Milo, 2011, ch. VII. С. В. снова упомянет это обстоятельство в «Заметке о полном упразднении политических партий» (1943).
- ⁷ Стесихор (2-я пол. VII — сер. VI в. до н. э.), по легенде, переданной у Платона (Федр, 243 a–b), написал в своих поэмах о Елене как бесстыдной изменнице и виновнице многих смертей — и в ту же ночь ослеп. В ответ на его молитву богам об исцелении ему во сне явилась Елена и сказала, что это ее братья-полубоги Кастор и Полидевк наслали на него слепоту за клевету на нее. Стесихор сложил тогда новое песнопение — о том, что Парис увез в Трою не Елену, а только ее призрак, наведенный Зевсом, настоящую же Елену боги перенесли в Египет, где она пребывала, верная Менелая, до конца войны. После этого поэт прозрел. Эту версию использует Еврипид в трагедии «Елена», подробно пересказывает ее и Геродот (История, II, 112–120).
- ⁸ Ср. Мольер, Мнимый больной: «Почтенный доктор инквит: кваре // Опиум фецит засыпаре? // Респондэо на кое: // Хабет свойство такое // Виртус снотворус, // Которус // Потге силу храпира // Наттуру усыпира» (пер. Т. Н. Щепкиной-Куперник; разго-

вор между врачами идет на пародийной макаронической латыни).

⁹ Нам удалось найти соответствующие слова не у самого Пуанкаре, а у Александра Рибо, занимавшего пост премьер-министра Франции в марте–октябре 1917 г.: «За этой пропагандой, как я уже говорил с трибуны Палаты представителей и повторяю здесь, стоит Германия (аплодисменты), которая занимается распространением листовок, которая распускает эти фальшивые новости, (...) эти двусмысленные призывы к миру без контрибуций, без аннексий, которые мы надеемся утвердить на международном совещании. Надеюсь, эти маневры никого из нас больше не обманут. Это вопрос жизни и смерти. Если бы эта страна поддалась подобным иллюзиям, если бы она сегодня из-за усталости или изнурения позволила себе желать мира, она уже не была бы достойна имени Франции, (...) не была бы достойна всех тех павших героев, что пролили за нее свою кровь» (Clemenceau, G. Discours de guerre. Paris: Presses universitaires de France, 1968. P. 128). Другой горячий сторонник войны до победного конца, Жорж Клемансо (1841–1929), в ноябре 1917 г. сменивший Рибо на посту премьер-министра, в своих выступлениях 1917 и 1918 гг. еще более настойчиво и регулярно ссылался на «мертвых, отдавших свою кровь», как на самый убедительный довод (Ibid. P. 133, 211, 222, 260).

¹⁰ Аллюзия на пьесу Жюль Ромена «Кнок, или Чудеса медицины» (1923): «Доктор. Вы скажете, что я ударяюсь в ригоризм и рассекаю тончайший волосок. Но скажите, не подчинены ли при вашем методе интересы больного до некоторой степени интересам врача? Кнок. Доктор Парпале, вы забываете, что существуют интересы, высшие по отношению к обоим вами названным. Доктор. Какие же? Кнок. Интересы медицины. Лишь они одни занимают меня» (пер. А. Смирнова).

¹¹ Арпан — здесь: старая французская землемерная единица, в разных местностях и в разные эпохи имевшая различные значения — от 32 до 78 соток.

¹² «Если бы Солнце переступило свою меру, тогда Эринии, союзницы Справедливости, настigli бы его» фр. 94 DK

© Текст: Симона Вейль

Ф.Ф. Мартенс

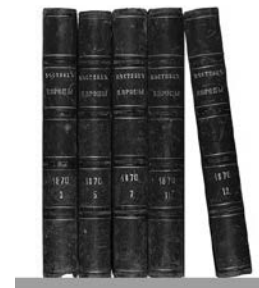
Профессор Мартенс составил себе европейское имя, не только как ученый-теоретик международного права, но и как авторитетный русский публицист, защищающий интересы и воззрения русской дипломатии в наиболее важных текущих вопросах внешней политики. Во время Брюссельской конференции 1874 года он был деятельным проповедником улучшения и кодификации военных обычаев; во время восточных замешательств он написал «исторический этюд о русской политике на востоке; после турецкой войны он издал книгу «о восточной войне и брюссельской конференции», ...он напечатал рассуждение о «России и Англии в Средней Азии, «позднее появилась брошюра о «конфликте между Россией и Китаем, об его причинах, его развитии и его всемирном значении».

Г. Мартенс вел также энергичную полемику по вопросу о выдаче политических преступников, защищая точку зрения петербургского кабинета против английских и французских публицистов, работы и статьи

Современное международное право цивилизованных народов

Ф.Ф. МАРТЕНС

Рецензия на книгу Ф.Ф. Мартенса. 1883 год (фрагменты)

автора, предназначавшиеся для иностранной публики, издавались на нескольких языках. В то же время, автор, по поручению нашего министерства иностранных дел, предпринял весьма полезное издание «собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» с историческими комментариями (вышло семь томов). Все это в связи с близким участием г. Мартенса в занятиях гентского «Института международного права» создало автору такое положение, какое достается немногим из русских ученых.

Труд г. Мартенса — самостоятельная попытка установить новую систему, которую должна усвоить наука международного права в ближайшем будущем.

Г. Мартенс различает три периода в развитии международного права в Европе: первый период, до Вестфальского мира, характеризуется господством физической силы; второй, до Венского конгресса, воплощает в себе идею политического равновесия, а третий, до настоящего времени, соответствует преобладанию принципа национальностей. В будущем же предстоит господство «идеи права в самом обширном смысле этого слова».

... Война рассматривается автором под сложную рубрику, скрывающей несколько ее истинный характер... Автор неоднократно высказывает мысль, что «внутренняя жизнь и порядок государства обнаруживают роковым образом свое действие на международные отношения и политику». «Международные от-

ношения всегда представляют зеркало, точно отражающее внутреннее состояние государственных обществ в известную эпоху их существования и принципов, которые лежат в основании социального и политического их строя ... Стоит только определить крепость внутреннего государственного порядка и степень общественного развития данного народа, чтобы определить, помимо его внешней физической силы, степень его влияния и значения в области международных отношений. Если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития, порядка и права.» (Т7 1 с 2-3)

«Чем более государства сознают свои обязанности в отношении своих подданных, тем более относятся с уважением к их правам и законным интересам, тем менее будет произвола во взаимных отношениях государств, тем лучше будет обеспечено мирное и правомерное течение международной жизни.

Логически это кажется совершенно верным; но если мерку, предлагаемую автором, применить к политике отдельных государств, например, Англии и России, то обнаружится некоторая несообразность. Внешняя политика англичан носит на себе характер насилия, произвола и неразборчивости в средствах; самому г. Мартенсу приходилось не раз доказывать несправедливость дипломатических предприятий и притязаний Англии, а между тем, станет ли он утверждать, что таким же характером отличается внутренняя политическая жизнь англичан...

Международная роль России имела часто руководящее значение в Европе, она постоянно усиливалась с конца прошлого столетия, проявляясь в самых великодушных и бескорыстных формах — то в виде далеких походов за защиту Австрии или Пруссии, то в виде спасения Европы от Наполеона. Скажет ли г. Мартенс, что эта... самоотверженная роль русской политики вытекала из вы-

сокого развития внутренней жизни России в эпоху крепостного права?

... Г. Мартенс, впрочем, признает важность физической силы в международных делах; он вводит силу в состав своей системы, как необходимый способ «международного принуждения» и «восстановления нарушенного юридического порядка». Он не разделяет надежд на прекращение войн посредством применения начал третейского суда или арбитража... «Во всех международных делах, в которых на первом плане стоит политический элемент, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только к таким, большей части, несущественным разногласиям государств, в которых замешаны главным образом интересы юридического свойства».

Как средство международного управления «война подчиняется праву. Непосредственная цель войны — восстановление права и мира».

Эта теория кажется нам слишком смелой. В споре между Данией и Пруссией право вполне могло быть на стороне датчан, но право Дании должно было подчиниться прусской военной силе. Можно ли говорить о восстановлении права путем войны, когда результат зависит исключительно от превосходства силы, которая редко совпадает с превосходством права? Если сила и право — синонимы, то можно говорить и о праве войны; но зачем маскировать грубый факт господства силы натянутыми фразами об идее права?

«Право и оружие чаще всего противоположны между собою», по признанию Гуго Гроция. Это положение имеет силу теперь, как и двести лет назад. Никакое право, хотя бы самое священное, не устоит против миллионной армии, направляемой честолюбивыми и безразборчивыми патриотами. Нынешняя Германия всегда права против таких соседей как Дания, Англия всегда считает себя вправе распоряжаться по-своему в Египте и везде, где она не предвидит серьезного со-

противления, не стесняясь вовсе вопросом о праве.

Переименовать войну в «международное принуждение» или даже в средство «международного управления» не значит еще смягчить существующее поныне господство физической силы, которое, по автору, отличало собой эпоху, предшествующую Вестфальскому миру. В средние века избиение человеческих масс не было еще доведено до такого совершенства и до таких колоссальных размеров, как в новейшее время. Средневековые битвы могут считаться детскими забавами сравнительно со сражениями при Садовой, или Марс-ла-Туре, где десятки тысяч людей умерщвлялись за один день; рыцарские осады крепостей и замков кажутся пустяками по сравнению с осадой Парижа немцами или даже со стоянкою русских войск под Плевною... Нет никакого основания помещать период физической силы в какой-нибудь отдаленный от нас период международных отношений; это господство в более широких и усовершенствованных формах продолжается доселе, оно сопутствует принципу национальностей.

... Военные потрясения и неудачи неизбежно приводят к последствиям, против которых бессильна предусмотрительность правителей. Для того, чтобы народ не возбуждался ходом войны и оставался спокойным зрителем катастроф, для этого нужно было превратить народ в безличную, пассивную массу рабов, неспособных отдаваться человеческим чувствам и порывам. Такого результата нигде и никогда не достигали вполне; а если бы возможно было достигнуть, то стремиться к этому было бы

по меньшей мере опасно, на случай внешних поражений. Ни одно правительство не заинтересовано в том, чтобы гарантировать себя от появления Мининых и Пожарских в трудные исторические моменты.

... По поводу брюссельской конференции можно сказать только одно: человеческая резня может существовать только как грубый, возмутительный традиционный факт, к которым не применимы какие бы то ни было правила.

Когда лучшие здоровые силы населения обрекаются на гибель в войне в армии, то хлопоты о неприкосновенности мирных жителей зовут лицемерием. Народная армия не может уж так резко отделяться от остальных граждан, как древние военные касты и сословия, да и несправедливо обращать все ужасы и бедствия войны на одну лишь часть населения, одетую в мундиры.

Пусть ужасы войны будут чувствительны для всех и каждого, не исключая и журнальных патриотов, готовых расточать чужую кровь на благо своего патриотизма; пусть будет установлено правило, что всякий сторонник и проповедник войны должен обязательно идти лично в ряды войска, пусть кровавый бич войны остается в своем настоящем виде, не прячась в лживую маску какого-то подобия права, и война будет все более терять своих адептов, сделается все более ненавистною большинству людей и будет все менее нуждаться в истолковании таких авторитетных ученых, как профессор Мартенс.

Тогда, быть может, идея права действительно послужит основой отношений между государствами и внесет новый смысл в темную область международной политики.

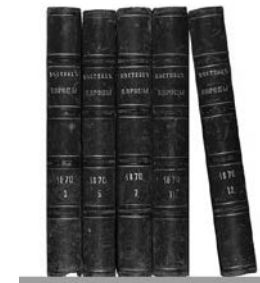
Подпись Л.

© Текст: «Вестник Европы»

Еще по поводу малорусского слова

Ответ «Московским Ведомостям»

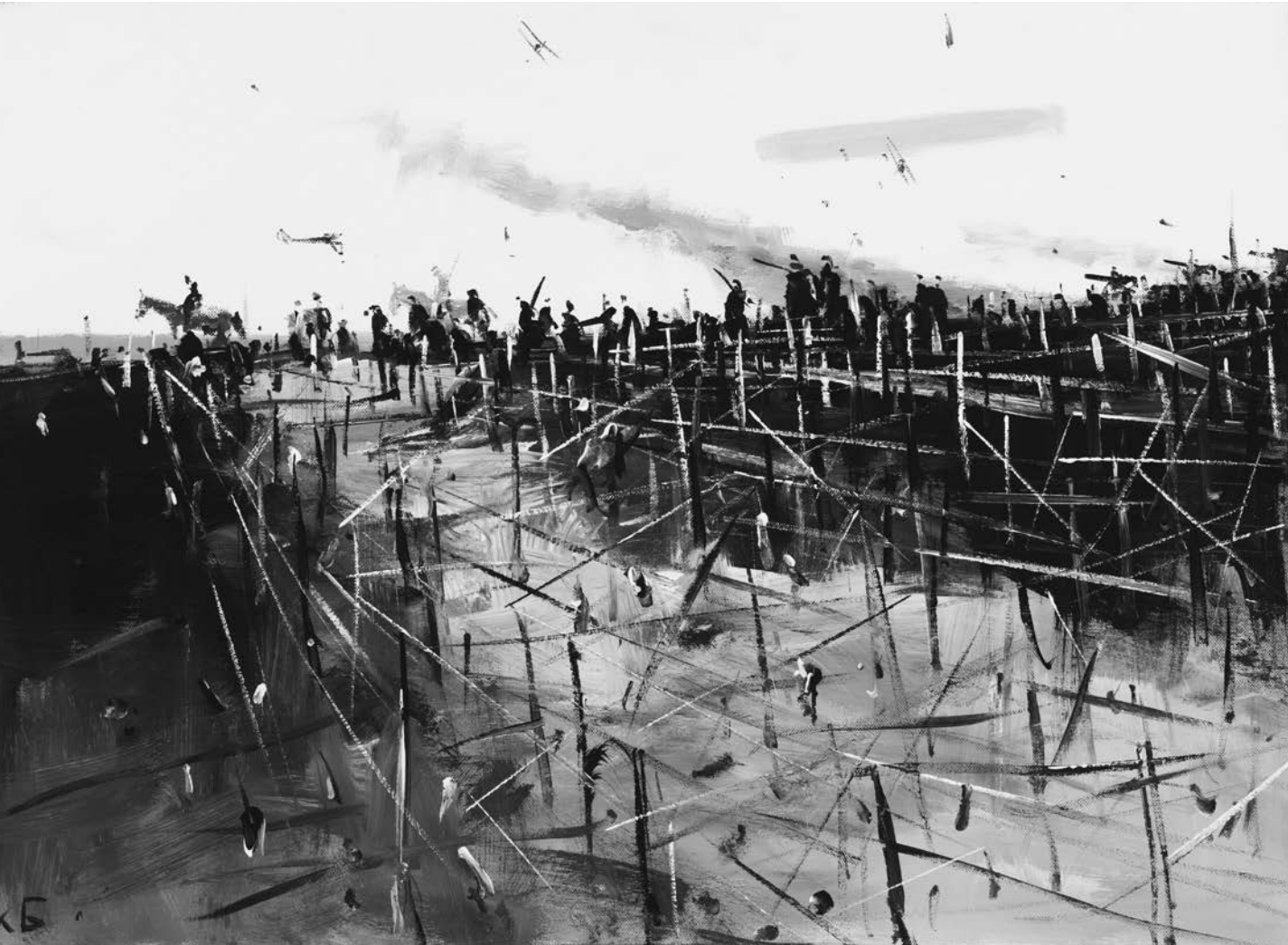
(полемический отклик Костомарова был опубликован в журнале «Вестник Европы» в апреле 1881 г. Шестнадцатый год издания, книга 4-я)

Еще в прошлом номере «Вестника Европы» напечатан был наш ответ «Современным Известиям» по вопросу о малорусском слове, как появляется статья в «Московских ведомостях», написанная каким-то г. Соловьевым и озаглавленная «Голос из глухой провинции по поводу украинофильства». Автор вооружается против взглядов, выраженных мною и гг. Южанином и профессором Тарасовым, о полезности допущения малорусского наречия в сельские школы... я не знаком ни с личностью профессора Тарасова, ни с его сочинениями; я не читал также Южанина и не знаю, кто скрывается под этим псевдонимом, но достаточно и того места, которое приводит г. Соловьев, чтобы видеть, что этот г. Южанин говорит сущую правду.

«Голос из глухой провинции» хочет нас уверить, что сепаратизм в том смысле, в каком это слово по отношению к малоруссам принималось г. Катковым, измышлено вовсе не киевскими сикофантами, а польскими революционерками.

<...> Поляки смотрели на малорусскую народность как на ветвь польского и малорусское наречие выставляли как простонародный жаргон одной части Польши, а всякие попытки писать на этом наречии считали враждебными польской национальности выходками; вот что у них называлось сепаратизмом и вот в каком смысле обвинял Горшковский Костомарова! По воззрению польскому, всякий, кто занимается историей южной Руси, состав-

лявшей некогда часть польского государства, должен подчиняться польским патриотическим взглядам, а тот, кто относится к истории борьбы казачества с Польшею не так, как им хочется, того они обвиняют в сепаратизме. На таких же основаниях в Галичине поляки смотрели и до сих пор продолжают смотреть недружелюбно на всякие проявления исторических взглядов, свободных от привязанности к шляхетскому строю «Речи Посполитой» и на всякие проблески южно-русского литературного развития, уверяя, что в Галичине нет никакого другого народа, кроме польского, и не должно быть иного национального языка, как только польский!

Все южно-русское писательство в этом крае есть *сепаратизм* в глазах поляков, потому что имеет главной своею задачей обособление от них южно-русской народности, которую они, поляки, хотят заставить считать не более как польским провинциализмом.

<...> Третье место...касается малорусского поэта Т.Г. Шевченка: «Он (т.е. Шевченко) убедился, что между поляками есть личности, сочувствующие малороссам и разделяющие его сепаратистские мнения». И здесь, без самой крайней натяжки и самого бесцеремонного кривотолкования, нельзя искать того сепаратизма, о котором уже гораздо позже, через два года после смерти Шевченка, провозглашать начали «Московские Ведомости».

<...> Все показывает, что голос из глухой провинции недостаточно изучил предмет, о котором взялся разсуждать, и потому составил себе неясное представление о слове сепаратизм. <...> Такое же незнакомство с предметом, о котором глухая провинция принялась судить, видно в том, что по ее приговору, допускать в сельские школы малорусской речи не следует; но вместе с тем глухая провинция себе самой противоречит, говоря так: «Само собой разумеется, учителям сельских школ никто не возбранял и не возбраняет иногда прибегать к разговорным местным выражениям, для объяснения некоторых речений, не со-

всем понятных детям... Если бы глухая провинция знала, что народное наречие на юге России до того много заключает особенностей, что право, допускаемое ею для сельских учителей: прибегать к разговорным местным выражениям равняется праву излагать предмет по –малорусски... Глухая провинция показывает претензию на остроты, но увы! неудачно. Она сравнивает желание писать по-малорусски с хлопотами Шишкова и его последователей удержать в русском языке такие слова,

как доилица, мокроступы и т.п. Не всякий поймет ту разницу, что Шишков и его последователи хотели вводить в живую речь слова, или выдуманные и никогда не употреблявшиеся, или старые, давно забытые; украинофилы же хотят существующими в живом народном языке словами и оборотами речи выражать, для ясности, передаваемые детям научные понятия.

Глухая провинция... доходит, однако, до чистейшего сикофанства и хочет взвести на украинофильство самые дикие клеветы. Глухая провинция сообщает нам, будто на юге есть «меньшая, но самая многочисленная братия, полуграмотная, полуобразованная, которая с заботами о введении местного языка в школе и с изучением малорусской народной поэзии соединяет недоброжелательство к москвичам и ради противодействия москалям, идет, очертя голову, в первый попавшийся под руку антиправительственный лагерь, хоть бы в социалистический или террористический.

Не в силу ли этой искусственной и извне подогреваемой ненависти к москалям отчасти и обогатился юго-западный край процессами о так называемых социалистах?»

Никто, надеемся, кроме этого голоса из глухой провинции, не скажет, чтоб ему была известна на юге между малороссами какая-то меньшая, полуграмотная, полуобразованная, но многочисленная братия, которая из любви к местному языку и народной поэзии с одной стороны, и из ненависти к москалям с другой, поступала в антиправительственный социали-

стический или террористический лагерь. Процессы, на которые намекает глухая провинция, показали, что по всей России между молодежью бродили превратные идеи, доводившие до преступных действий; но те же процессы показали, что такими превратными идеями охватывались головы всех — и великороссиян, и малороссиян, и поляков, и литвинов, и немцев, и евреев, и грузинов, и армян и т.п.

Это есть недобросовестная низкая ложь, не делающая чести глухой провинции, которая ее измышляет. Конечно, очень может быть, что в таких процессах впутаны были личности, занимавшиеся прежде малорусской речью и народной поэзией, но виновный преступник за свое преступление и отвечает, а занятия, которым он был предан раньше, не могут быть преследуемы, иначе — мало ли из каких преступников занимались, например, какими-нибудь ремеслами; неужели осудивши преступников, открыть гонение на ремесло, которыми преступник занимался?

...Тут замечается историческое свойство — не Руси, но собственно Москвы, нетерпимость к народным особенностям племен, находящихся под одной державою с московским народом. Это историческое свойство сообщилось повсюду, и оно-то отзывалось в таких голосах, которые выставляют себя идущими из глухой провинции. Оно-то произвело недовольство к малорусскому слову и все инсинуации, которые повлекли к ограничениям его свободного развития. Хотелось бы этим господам все простонародье подвести под один ранжир, одеть бы всех мужиков в империи в рубахи с косыми воротами, заставить бы всех есть и пить то, что ест и пьет великорусский мужик, живущий в окрестностях Москвы, всякое развитие в интеллигентной среде общества сковать в измышленные нарочно обручи.

Во всем, что не хочет укладываться в эти обручи, они находят вред для целостности государства, выдумывают разные клеветы и возбуждают власти, не знающие в тонкостях подробностей того, что выставляется перед ними в дурном свете. Такая злокачественная нота слышится и в голос из глухой провинции!

Мы скажем раз навсегда всем голосам, которые готовы раздаться не только из глухих провинций, но из обеих столиц и из больших городов, что все меры стеснить свободу малорусского слова и всякое недружелюбное отношение к малорусской народности, выражающееся в недопущении преподавания в сельских школах по-малорусски, словоговения в церквях, представления в театрах малорусских пьес — не приносит ничего, кроме вреда.

Ревнителю объединения России, может быть, побаиваются за малоросский народ, чтобы он, осознавши свою народную личность, не затеял при удобных для того обстоятельствах отложения от русской державы; но такое опасение более чем неосновательно; оно безумно после того, как история нам ясно указывает на древнюю политическую связь этих ветвей русского народа: отторгнутая от этой связи малорусская ветвь постоянно рвалась к возобновлению этой связи, достигла своей цели в половине XVII века и с тех пор не только твердо стояла в единстве с русскою державою, но оказала ей спасительную помощь в самых критических обстоятельствах, — кто например, выручил дело Петра с Карлом, как не малоросский народ, не поддавшийся искусительным оболъщениям Мазепы?

...Беспокоит ревнителю единства то, что у малоруссов есть свое особое наречие, свои жизненные приемы, отличные от великорусских?

Хотят (и это ясно видно), чтобы русский литературный язык стал единым языком для великоруссов и для малоруссов! Но и это с течением времени достигнется, только малоруссы желают, чтобы им дозволили достигнуть этого постепенно и совершенно свободно, чтобы не запрещали малоруссам быть тем, чем их природа и прежняя история устроили, главное, чтобы не держали над головою у них палки, потому что чрезвычайно бьется эта проклятая палка (по выражению Гоголя).

© Текст: «Вестник Европы»

О СПЕЦИФИКЕ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

МИХАИЛ ДЗЮБЕНКО

«Как ни смотреть на вопрос об украинском языке с политической стороны, но интерес к этому языку, несомненно, возрос необычайно»², — писал сто лет назад замечательный языковед С.М. Кульбакин. Это же касается и вообще украинской культуры, что неудивительно, поскольку Украина (Малороссия) оказала на Московию (Великороссию) существенное культурное влияние, как бы к нему ни относиться: достаточно сказать, что сам феномен поэзии (версификаторства) пришел в Россию с Украины. Излишне напоминать, что и никоно-алексеевская церковная реформа проводилась в значительной степени с учетом опыта реформ киевского митрополита Петра Могилы.

Украинские язык и культура вовсе не представляют собой terra incognita: несмотря на все сложности, в основном политического характера, они интенсивно изучались и в дореволюционное, и в советское время, с новой интенсивностью изучаются сейчас. Достаточно назвать имена академиков А.А. Шахматова, В.Н. Петерца, Ф.П. Филина, Н.И. Толстого, Л.А. Булаховского, а также А.М. Селищева, А.Н. Кожина, В.В. Нимчука и многих-многих других.

Тем удивительнее встречать вздорные, непрофессиональные суждения — вроде тех,

что отдельного украинского народа не существует, украинский язык — это просто испорченный русский (или его диалект), а украинскую культуру выдумали чуть ли не в генштабе Австро-Венгерской армии³.

Напомним некоторые факты.

I

Литературный язык создается на основе естественного. Украинский язык, наряду с русским и белорусским, принадлежит к группе восточнославянских языков индоевропейской языковой семьи. Эти языки восходят к одному из диалектов праславянского (естественно, бесписьменного) языка, на котором говорили племена, занимавшие еще до Р.Х. земли между средним течением Днепра и Западным Бугом. Затем ареал их обитания резко расширился, захватив Балканский полуостров, достигнув Эльбы, Ильмена, междуречья Оки и Волги. На основе ряда близкородственных диалектов в VIII-IX вв. образовался язык восточных славян, который исследователи достаточно условно называют прарусским и который через 100-150 лет по-

лучил письменность. Однако к этому времени прарусский язык уже не представлял единства: племенное дробление, следы которого сохранила нам «Повесть временных лет» в названиях двенадцати племен, не могло не отразиться и на языке, распавшемся на ряд диалектов. Современные восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) сложились на базе как раз этих диалектов. Процессы языковой дифференциации шли параллельно с возникновением нескольких центров, вокруг которых происходило культурно-политическое сосредоточение как славян, так и варягов и местных финно-угорских племен. Наряду с Новгородом Великим на севере, Ростовом на северо-востоке, на юге такими центрами были Киев, Галич и Владимир Волынский. Уже с XII века в южнорусских говорах появляются следующие общие черты, характерные для будущего украинского языка:

1) на месте севернорусского взрывного [г] в украинском языке произносится длительный так называемый фрикативный [γ], переходящий в [h]. Это произношение сохраняется и в южных говорах современного русского языка, в переходной зоне между русским и украинским, оно же закрепилось и в практике богослужебного чтения, в том числе старообрядческой;

2) на месте севернорусского [в] перед согласным и в конце слова произносится, а в начале слова и пишется губно-губной [ʋ]=у: *пра[ʋ]да, удова*. Такое же произношение характерно и для южнорусских говоров;

3) такой же [ʋ] слышится вместо [л]: *во[ʋ]к, да[ʋ]*;

4) перед гласными так наз. переднего ряда образования (*и, е, а*) согласные произносятся твердо, поэтому, например, *тихо* звучит как *т[ы]хо*, а *береза* как *б[э]р[э]за*;

5) сочетание согласного с [j] заменено одним двойным (усилившимся) согласным: *судья — суддя*;

6) в определенных позициях редуцированные *ѣ* и *ь* проясняются в полные гласные *ы* и *и*, которые затем во многих украинских го-

ворах совпадают в *и*: *шия* — ср. рус. *шея*, *зеленый* — ср. рус. *зеленый*;

7) в определенных позициях старые *о* и *е* переходят в *і* (через удлинения и дифтонгические сочетания): *ніс* — ср. рус. *нос*, *шість* — ср. рус. *шесть*;

8) такую же замену проходит и общерусский звук *ѣ*, на письме обозначавшийся буквой *ѣ*: *ліс* — ср. *лес*, *віра* — ср. *вера*;

9) в определенных позициях согласные *к, г, х* переходят в *ц, з, с*: *рука* — *руці* (так называемая третья палатализация заднеязычных согласных). В современном русском языке такого перехода нет, но он был в старославянском и древнерусском;

10) в 3-ем лице ед. ч. ряда глаголов утрачивается конечный *-т*: *несе* — ср. рус. *несет*;

11) в дат. п. ед. ч. м. р. распространяется окончание *-ови (-еви)*: *кожухови* — ср. рус. *кожуху*;

12) сохраняются формы звательного падежа: *мамо*;

13) формы глаголов 1 л. мн. ч. наст. вр. образуются с помощью окончаний *-мо*: *пишемо*;

14) в качестве главного члена в безличных предложениях используются краткие причастия на *-но, -то*: *Останній екзамен складено, школу закінчено*.

Этот список можно было бы расширить.

Древнейшие восточнославянские письменные памятники, относящиеся к южнорусской области, датируются XI веком. Это Сборники 1073 и 1076 годов, Евангелия Мстиславово (ок. 1115), Юрьевское (ок. 1120) и Галицкое (1144). Они созданы на церковнославянском языке, однако в них уже можно встретить и отдельные черты будущего украинского языка. Памятники же с несомненными фонетическими чертами украинского языка, прежде всего тексты светского характера, встречаются с XIV века.

Что касается лексики, то в середине XX столетия американский лингвист Моррис Сводеш предложил использовать расхождения между словами устойчивого базового словаря как ин-

струмент для оценки степени родства между различными языками. Этот метод стал называться глоттохронологией, и в его основе лежит представление об общем происхождении всех языков, которые затем проходят дробление. Сводеш предположил, что в каждом языке особой устойчивостью к изменениям обладает некоторое количество «ядерной лексики», и включил в свой лексико-статистический список из 100 слов (сейчас чаще используют список из 110 слов; есть также 200-словный список) личные и вопросительные местоимения, некоторые глаголы, обозначающие движение, элементарные физиологические функции и ощущения, обозначения размеров, цвета, космических явлений, животных, родства и т.д. При расхождении родственных языков за одно тысячелетие из 100 слов замещается примерно 14. Впоследствии гипотеза Сводеша была существенно скорректирована, в том числе и рядом российских ученых, среди которых надо в первую очередь назвать С.А. Старостина и его последователей; по их данным, скорость замещения слов несколько ниже и зависит от ряда факторов.

На сегодняшний день сравнение списков Сводеша для ряда изолированных диалектов (что позволяет исключить заимствования) русского, украинского и белорусского языков дает ок. 90% общности. Для сравнения: этот же параметр применительно к нескольким изолированным диалектам русского языка составляет ок. 96%, белорусского — ок. 98%. Лексические сходства русских изолированных диалектов с польскими по стословному списку составляют 77%. Сопоставление диалектов чешского с диалектами словацкого дает 90% лексических совпадений, однако никому не приходит в голову называть словацкий диалектом чешского или наоборот.⁴

Сказанного достаточно для вывода о том, что русский и украинский являются совершенно самостоятельными языками, разошедшимися в своём развитии примерно в XIV столетии.⁵

2

Обманываясь происхождением термина, некоторые думают, что «литературным» является язык художественной литературы. На самом деле речь идет о письменном, относительно нормированном и кодифицированном языке в противоположность устному, ненормированному. При возникновении литературного языка никакой художественной литературы в современном понимании (т.е. основанной на вымысле) не существовало и существовать не могло. Это был в первую очередь официальный язык — священных текстов, законов, договоров, поучений; с течением времени к ним добавлялись различные правительственные постановления, деловые документы, официальная переписка, публицистика, нормативные грамматики и словари, общеобразовательная литература. Так в результате сознательной деятельности носителей культуры создается некая средняя языковая норма. По словам крупного отечественного филолога М.И. Шапира, язык официального быта «потенциально адресован всем без ограничения членам данного общества; он с самого начала стремится собрать максимум воспринимающих»⁶. С этим связано еще одно его важнейшее качество — универсальность: развитый литературный язык устроен таким образом, чтобы его средствами можно было передать практически любое содержание.

Важнейшей характеристикой литературного языка, и это необходимо подчеркнуть особо, является целенаправленный, искусственный характер его разработки. Развитие литературного языка основано на человеческой воле. Он не эволюционирует исключительно сам по себе: пользующийся им социум направляет его развитие.

Литературному языку противостоит разговорный, ненормированный, необработанный язык неофициального быта, диалекты, просторечие. Впрочем, он вполне может отражаться и в письменной речи; таков, в частности, язык

новгородских берестяных грамот и некоторых секторов интернета.

По мере развития искусства, и в частности художественной литературы, развивается и соответствующий язык. Он ориентирован на изменение, на поиск новых выразительных возможностей и на оригинальность. При этом языки литературный, разговорный и художественной литературы вступают во все более сложное взаимодействие; в частности, не меняя своего функционального назначения, они абсорбируют элементы друг друга.

Из сказанного ясно, что говорить о литературном языке в современном смысле применительно к Киевской Руси не приходится, поскольку целенаправленное развитие языка только начиналось. К тому же языков, одновременно находившихся в употреблении, было два: древнерусский и старославянский — древнейшая ступень церковнославянского; такая ситуация называется двуязычием. На древнерусском хоть и говорили, однако письменность получили только с церковнославянским — языком родственным, но все же несколько иным (его происхождение принято возводить к южноболгарским диалектам, однако в последние десятилетия эта точка зрения все более оспаривается). На старославянском функционировали богослужебные тексты, его активно использовали также в житиях, поучениях. Древнерусский, помимо разговорного общения, употреблялся в юридических документах, летописях, переписке. Оба языка находились в постоянном взаимодействии, однако эталонным в качестве литературного языка был все же старославянский.

Основой формировавшегося языка служило киевское койне (этим древнегреческим словом лингвисты называют функциональный наддиалектный тип языка с широким диапазоном коммуникативных сфер, используемый для повседневного общения), которое использовало как южно-, так и севернорусскую лексику и распространилось по всей территории Ки-

евской Руси. В частности, на киевском койне написана «Русская правда».

3

Развитие и структура литературного языка тем или иным способом отображают развитие и структуру общества, в котором он функционирует. Разность исторических судеб Москвы и Киева не могла не сказаться на разности русского и украинского литературных языков.

В середине XII столетия великокняжеский престол был перенесен из Киева во Владимиро-Суздальскую Русь. Это, а также различная историческая судьба разных — Северо-Восточной, Киевской, Галицкой, Новгородской — частей Русской земли в XIII–XIV веках привело к тому, что из единой древнерусской (древневосточнославянской) народности складываются три самостоятельные — великорусская, украинская и белорусская, — и параллельно — три новых языка. Как отмечал А.И. Горшков, «с образованием трех восточнославянских народностей изменяется содержание понятия “русский язык”. Применительно к периоду Древней Руси “русский язык” — это язык всех восточных славян <...>, а применительно к последующим периодам <...> это язык только одной из трех восточнославянских народностей (а позднее — наций)»⁷.

В XIV–XVII веках Московская Русь (Московия, как называли ее западные современники) начала объединять вокруг себя русские земли, последовательно устраняя все прочие центры влияния. В то же время украинские земли входили, наряду с польскими и литовскими, в состав Речи Посполитой — не слишком прочного государственного образования, имевшего несколько центров силы. Все это сказалось и на судьбе литературных языков. При сравнении украинского и русского литературного языков выясняется, что они, при всем родстве, весьма различны, о чем писал, в частности,

один из крупнейших специалистов по славянским языкам академик Н.И. Толстой. Украинский язык теснее связан с диалектной базой, нежели русский, причем если русский опирается на московское городское койне, то украинский — не только на киевско-полтавский диалект, но и на галицийские говоры. Украинский ориентирован скорее на фольклорно-поэтическую традицию; русский же, напротив, на книжную архаику.

При этом оба языка сохранили с кирилло-мефодиевским наследием непрерывную, хотя и разноприродную связь. В Московии стремились восстановить святую старину; этим объясняется так называемое «второе южнославянское влияние» XIV–XV веков (первым считается заимствование письменности и христианских книг из Болгарии) — искусственная архаизация письменной речи под влиянием болгарской книжности: церковные книги правили по греческим образцам, восстанавливали ушедшие из русского извода церковнославянского языка буквы греческого алфавита (кси, пси, фита и др.), по греческим образцам изобретались сложные слова (*пение красногласное, море многомутное, орел небопарный*), усложнялся синтаксис. Появился особый стиль — «плетение словес»: Письменная и разговорная речь максимально расподоблялись. Эти языковые процессы шли не сами по себе, а сопутствовали утверждению концепции «Москва — Третий Рим». Парадоксальным образом по схожей модели в середине XVII столетия осуществлялось и «третье южнославянское влияние», вылившееся в церковную реформу.

Совсем иная, разнообразная языковая ситуация складывалась в Западной Руси. В одно и то же время на одной или смежных территориях функционировали языки польский и церковнославянский и западнорусская «проста мова» — разговорный язык «для простых людей языка руського», в котором в разных пропорциях смешивались русские, украинские, белорусские и польские элементы. Между этими точками было много переходных, компромиссных

зон: церковнославянско-западнорусские, западнорусско-польские и т.д. Объяснялось это не в последнюю очередь непредставимым для Московской Руси конфессиональным многообразием, свойственным западнорусским землям, где православные соседствовали не только с униатами, католиками и лютеранами, но даже с социнианами-антитринитариями (в Украине их называли «арианами»; недалеко от городка Белогорье Хмельницкой области до сих пор стоит полуразрушенная «арианская часовня» 1639 года постройки). Такое многообразие в Речи Посполитой приветствовалось не всегда, но характеризовало эпохи правления королей Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы

С одной стороны, на территории Западной Украины, в нынешней Ровенской области, работала Острожская типография. Она была создана в 1577 году попечением князя Константина Острожского тщанием бежавшего из опричной Москвы первопечатника Ивана Федорова. В этой типографии, среди прочих изданий, в 1581 г. вышла Острожская Библия, ставшая каноническим текстом в поздней Московской Руси и до сих пор остающаяся таковой для старообрядцев (не будет натяжкой сказать, что канонический текст Славянской Библии стал плодом трудов первых русских диссидентов). С другой стороны, в селе Пересопнице, находящемся сравнительно недалеко от Острога, в той же Ровенской области, 25 годами ранее появилось так называемое Пересопницкое Евангелие — богато украшенная рукописная книга, созданная по заказу княгини Анастасии Заславской двумя духовными лицами. Это первое евангелие, написанное со значительной опорой на украинский язык. Оно является национальным символом современной Украины; на нем приносят присягу президенты этой страны.

Чтобы было понятно, в каком направлении шла правка текста, сопоставим начало Евангелия от Иоанна в Острожской Библии и Пересопницком Евангелии:

«В начале бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово. Се бе искони у Бога. Вся тем быша. И без него ничтоже бысть еже бысть. В том живот бе, живот бе свет человеком. И свет во тме светит ся, и тма его не объят» (Остр.);

«В начале было Слово. И слово было от Бога, и Бог был то Слово. То было напчатку у Бога; и все речи через Него ся стали. А без Него ништо не могло быти, еже и бысть. В том живот был. А живот был свет человеком. И свет во тьме светится, и тьма его не обьмет» (Перес.).

Нетрудно видеть, что при переходе к «простой мове» меняется лексика, глагольная система, в меньшей степени — синтаксис, причем с точки зрения носителя церковнославянского языка текст Пересопницкого Евангелия может восприниматься как едва ли не намеренно испорченный.

Однако Пересопницкая рукопись была в ряду этих переводов далеко не единственной: в 1571 году появилось Волинское (Житомирское) рукописное евангелие, в 1595 году — Летковское (в XX столетии таинственно исчезнувшее). В то же время «простой мовой» был сделан и целый ряд арианских переводов Евангелия, что, как нетрудно понять, для языковой ситуации Московской Руси было просто невыносимо. Наконец, определенное пространство получили двуязычные издания как Евангелия, так и полемических текстов, сочиненных православными, католиками и «люторами» (подобные издания, в частности, выпускала и Острожская типография).

Если в Московской Руси всякая филологическая вольность и отклонение от канона рассматривались как ересь и «бляденіе діавольское» и влекли за собой соответствующую кару, то в Западной Руси, как отмечал академик Н.И. Толстой, «литература конца XVI и особенно начала XVII в. изобиловала различными опытами создания нового литературного языка. Основным материалом все чаще выступает народная диалектная речь, однако она фиксируется не в чистом виде, а сильно препарированной для нужд литературного языка <...> часто

с меньшим или большим <...> числом церковнославянизмов или полонизмов»⁸.

5

Высокий классицизм, господствовавший в русской культуре с 1740-х годов, в украинской не утвердился, поскольку не имел в ней никаких оснований: абсолютная монархия, стилистическим выражением которой и является классицизм, оставалась Украине чуждой, и некоторое количество малоинтересных, подражательных од и панегириков, появившихся на украинском языке в царствование Екатерины II, это лишь подчеркивали. А раз так, то мимо литературного украинского языка прошла и дифференциация языка и литературы на три стили — высокий, средний и низкий, являвшаяся универсалией классицизма (в русской литературе она известна как ломоносовское «учение о трех штилях», однако сам Ломоносов заимствовал ее из немецкой литературы). Вот это стилистическое смешение, так или иначе устраненное в русском литературном языке, но оставшееся в украинском, в значительной степени и повлияло на то, что русскими украинский язык стал восприниматься как пародийный, испорченный. И оно же обусловило особые возможности украинской литературы сравнительно с русской.

Где есть высокое и низкое, есть возможность их переворачивать, менять местами, играть ими — снижать высокое и возвышать низкое, не отрицая их ценности. Именно это, как ни странно, и происходило в классицизме, неотъемлемыми элементами которого являлись бурлеск и травестия. Комизм бурлеска основан на том, что высокое содержание выражается несоответствующими ему, сниженными, шутовскими образами и стилистическими средствами, тогда как травестия, наоборот, показывает низкое содержание высокими средствами.

Чуть ли не наиболее ярким, даже экстремальным образцом русской травестии считает-

ся творчество И.С. Баркова — ученика Ломоносова, сотрудника Академии наук, оставшегося в истории русской поэзии многочисленными «срамными» одами, в которых пародировались в том числе и оды его учителя (Ломоносов, кстати, ценил таланты своего ученика и взял его в секретари). Барков оставил в истории русской поэзии глубокий след: так, юному Пушкину приписывают поэму «Тень Баркова» (ок. 1815; ему же принадлежат и такие бурлескные поэмы, как «Руслан и Людмила» и «Гавриелиада»), а в начале XX века к творчеству этого поэта в поисках ярких образов обращался В. Маяковский. Впрочем, классицизм вовсе не обязательно требовал такой художественной радикальности. Вот, например, начало оды Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (1788), содержащей целую шкалу тонких стилистических переходов от бурлеска к трагедии и обратно:

Спустил седой Эол Борей
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криде расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

В украинской литературе трагедийная традиция оставила еще более глубокий след, нежели в русской: достаточно сказать, что на рубеже XVIII–XIX веков записаны около трех десятков так называемых «вирш-трагедий». Например, героями «Пасхальных виршей» являются Адам, Ева, Авраам, Исаак, Ревекка и другие библейские персонажи, которые в честь великого праздника выходят танцевать под гусли Давида:

Перше навприсядки брали,
Потім били трепака,
А дівчата забивали
Підківками гоцака.
Як же взяли молодіці

По-своєму бушувати,
Аж погубили спідниці,
Так взяло їх розбирати.

Главным эпическим жанром в классицизме считалась героическая поэма, образцами которой служили «Илиада» и «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия. В каждой национальной литературе должен был быть свой Гомер или Вергилий; поэтому и написаны такие произведения, как «Лузиада» Л. Камонса, «Франсиада» П. Ронсара, «Генриада» Вольтера, «Россиада» М. М. Хераскова, «Кирилло-Мефодиада» Я. Голлого. Одновременно развивалось и бурлескно-трагедийное переосмысление античных сюжетов: в Италии появились «Насмешки над богами» (1618) Ф. Браччолини и «Перелицованная Энеида» (1633) Лалли, во Франции — «Суд Париса» (1648), «Веселый Овидий» (1650) и «Похищение Прозерпины» (1653) Ш. д'Ассуси и «Перелицованный Вергилий» (1653) П. Скаррона, в Австрии — «Приключения благочестивого героя Энея» (в 3 томах, 1784–1788) А. Блюмауэра.

Последняя из названных поэм, созданная в эпоху расцвета граничившей с Россией Австро-Венгерской империи, отозвалась и в отечественной литературе. В 1791–1796 годах Н.П. Осипов написал и издал в Петербурге четыре части «Вергилиевой Энеиды, вывороченной наизнанку», что стало заметным событием. На выход первой части откликнулся, в частности, в 1792 году Н.М. Карамзин: «Никто из древних поэтов не был так часто трагедирован, как бедный Вергилий. <...> По справедливости можно сказать, что в нашей вывороченной наизнанку Энеиде есть много хороших и даже в своем роде прекрасных мест»⁹.

«Энеида» Осипова повлияла на «Руслана и Людмилу» Пушкину; современники (например, знаменитый баснописец И.И. Дмитриев) прямо сопоставляли эти произведения. Но для нашей темы важно то, что поэма Осипова послужила прямым образцом для И.П. Кот-

ляревского, который начал работать над своей «Энеидой» в 1794 году. Сравним начальные строки обеих поэм:

Эней был удалой детина
И самый хватский молодец;
Герои все пред ним скотина
Душил их так, как волк овец.
Но после свального как бою
Сожгли обманом греки Троя,
Он, взяв котомку, ну бежать;
Бродягой принужден скитаться,
Как нищий, по миру шататься,
От бабьей злости пропадать. (Осипов)

Еней був парубок моторний
І хлопець хоть куди козак,
Удавсь на всеє зле проворний,
Завзятіший од всіх бурлак.
Но греки, як спаливши Троя,
Зробили з неї скирту гною,
Він, взявши торбу, тягу дав;
Забравши деяких троянців,
Осмалених, як гирия, ланців,
П'ятами з Трої наживав. (Котляревский)

Подобные переключки, яркий пример интензивного творческого диалога, встречаются во множестве.

6

И тем не менее значение поэм Осипова и Котляревского несопоставимо: если осиповское творение стало еще одной, которой по счету русской трагедией, хотя и весьма удачной, то произведение Котляревского считается началом новой украинской литературы и литературного языка. Свообразие ситуации усиливается еще и тем, что если в остальных европейских литературах бурлескно-трагедийному (низкому) эпосу предшествовал героический (высокий), то в Украине такового не было, если не считать дум, которые, однако, относятся

к предшествующему, фольклорному этапу развития литературы. Иными словами, история новой украинской литературы началась сразу с трагедии.

В чем же состоит значение поэмы Котляревского? Понять со стороны это трудно. Если говорить коротко, то нужно вспомнить определение, данное В.Г. Белинским стихотворному роману Пушкина «Евгений Онегин», — «энциклопедия русской жизни». Вот такой же «энциклопедией украинской жизни», только второй половины XVIII столетия, и явилась «Энеида» Котляревского. Последовательная украинизация античного сюжета — важнейшая ее особенность.

Действие происходит на современной писателю Полтавщине. Текст насыщен местными топонимами и бытовой конкретикой:

Латин по царському звичаю
Енею дари одрядив:
Лубенського шмат короваю,
Корито опішнянських слив,
Горіхів київських смажених,
Полтавських пундиків пряжених
І гусячих п'ять кіп яєць;
Рогатого скота з Лип'янки,
Сивухи відер з п'ять Будянки,
Сто решетилівських овець.

Котляревский описывает одежду, обычаи, ссоры, драки, любовь и, конечно, еду:

Пили горілку до ізволу
І їли бублики, кав'яр;
Був борщ до шпундрів з буряками,
А в ющі потрух з галушками,
Потім до соку каплуни;
З отрібки баба-шарпаніна,
Печена з часником свинина,
Крохналь, який їдять пани.
В обід пили заморські вина,
Не можна всіх їх розказати,
Бо потече із рота слина
У декого, як описати:

Пили сикизку, деренівку
І кримську вкусную дулівку,
Що то айвовкою зовуть.

В образах Энея и его спутников, Дидоны и ее подруг, Сивиллы, Харона и прочих героев поэмы Вергилия поэт изображает хорошо знакомые ему типы тогдашней украинской жизни. Вот, например, какой предстает Кумская прорицательница Сивилла:

<... > Як вийшла бабище старая,
Крива, горбатая, сухая,
Запліснявіла, вся в шрамах;
Сіда, ряба, беззуба, коса,
Розхристана, простоволоса,
І, як в намісті, вся в жовнах.

Как отмечают исследователи творчества Котляревского, в его «Энеиде» изображена вся тогдашняя Украина с ее панями и подпанками, полковниками, носителями академической премудрости, судьями и представителями новой бюрократии, казачеством, регулярной армией и крестьянством. Военные сцены со всем разнообразным антуражем военного быта и мирный быт с его поминками, банкетами, похоронами и другими проявлениями будничной жизни наполняют каждую главу поэмы.

Этому образному богатству соответствует богатство лексическое и фразеологическое. В поэме использовано более 7000 слов разных семантических групп, среди них около 70 тематических групп фразеологизмов и идиом, богатые синонимичные ряды. Например, значение «сделать кому-нибудь зло» передается такими выражениями: *зварити каші, наварити киселя, злити кулю, дати кучму, дати швабу, дати перегону, дати хльору, видавити олію, залити за шкуру сала, вкрутити хвоста, посадити на лід, учинити ярміз, наброїти біди*.

Однако Котляревский не просто пользовался уже готовыми языковыми единицами, но и создавал свои — например, имена (*Ене чко, Анхизенко, Агамемноненко* и пр.). Излишне го-

ворить о том буквально пиршественном разнообразии стилистических приемов, которыми отличается поэма, — гиперболах, метафорах, эпитетах, олицетворениях:

Служили у троян два брати,
Із них був всякий Голяф;
Широкоплечий і мордатий,
І по вівці цілком глитав.

Отсутствие в украинском литературном языке деления на три стили позволило Котляревскому в полной мере использовать богатство родной речи.

Современники, деятели и русской и украинской культуры высоко ценили творчество Котляревского. Он, в частности, поддерживал отношения с переводчиком «Илиады» Н.И. Гнедичем и известным литератором О.М. Сомовым; у него в гостях в Полтаве бывали знаменитый историк и коллекционер, издатель журнала «Москвитянин» академик М.П. Погодин и языковед академик И.И. Срезневский. И, конечно, нельзя не упомянуть Н.В. Гоголя, который прямо считал себя учеником Котляревского. Бурлескно-травестийный образ украинской культуры, закреплённый «Энеидой» последнего, с одной стороны, распространил в широких и незыскательных кругах читателей не слишком серьезное отношение к украинской культуре как царству вечного карнавала, а с другой, заставил Пушкина, человека в высшей степени серьезного, пристальнее присмотреться к ней. «Пушкин настолько серьезен — что у нас возможен был Гоголь», — писал об этом замечательный литературовед Л.В. Пумпянский¹⁰. Пушкин, прямой наследник классицизма, хорошо чувствующий юмор, но не писавший специально комических произведений, понимал, что литературе, наряду с полюсом серьезного, нужен второй полюс — комического. И такой полюс он нашел в творчестве Гоголя, которому оказал всемерную творческую поддержку, в частности, передав тому сюжеты двух будущих шедевров — «Ревизора» и «Мертвых душ».

И вот из этой плодотворной переключки Пушкина и Гоголя в значительной степени выросла вся последующая русская литература. Без поэмы Котляревского такая переключка не состоялась бы.

Таким образом, украинский и русский (а также белорусский) языки разошлись примерно семьсот лет назад — срок достаточный, чтобы осознать и принять этот факт. С XIV века на основе каждого из этих естественных языков строится язык литературный, и каждый — по своей модели. Если в Московской Руси и впоследствии России в стремлении восстановить идеализируемую старину архаизировали язык и выстраивали иерархию стилей, что было связано с идеологемой «Москва — Третий Рим» и насаждением единственно правильной веры, то в Украине соседствовало несколько языковых норм, которые в значительной степени породились профессиональным многообразием. Свойственное украинскому стилистическое смешение обусловило, с одной стороны, широкие возможности украинской литературы в области бурлеска, а с другой — насмешливое и даже высокомерное отношение россиян к украинской культуре.

Нет ничего наивнее, чем представлять украинскую культуру, и в частности литературный язык, некоей испорченной версией русской. Это культуры принципиально различны, они покоятся на принципиально разных основаниях, а их общее прошлое почти скрылось в тумане. Не должен нас обманывать и фактор соседства: соседство не означает тождества или даже подобия. Чтобы лучше понять соседа, надо научиться видеть его таким, каков он есть, а не каким бы нам хотелось его видеть; точно так же и себя надо стремиться видеть такими, каковы мы есть на самом деле.

2018–2022

Примечания

- ¹ Предлагаемая работа носит исключительно реферативно-популярный характер. Благодарю Татьяну Щербину за предложение напечатать ее в журнале.
- ² Кульбакин С.М. Украинский язык: Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. III.
- ³ Например: «<... > В отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искажённый украинский ненародный язык, наштапованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучить карпатороссов от русской речи, и соблазн полного всеукраинского сепаратизма <... >» (Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию?: Посильные соображения//Режим доступа: kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf (solzhenitsyn.ru)). Ценность суждений этого литератора об Украине и украинцах ничуть не выше, чем ценность его же суждений о евреях и еврействе, высказанных в сочинении «Двести лет вместе (1795–1995)» и неоднократно подвергнутых справедливой критике.
- ⁴ См., напр.: Васильев М.Е., Саенко М.Н. Анализ топонимии и оценка точности лексикостатистических классификаций (на примере славянских языков)// Вопросы языкового родства. М., 2020, № 18/4. С. 320–347.
- ⁵ По поводу разговоров о том, что украинский — это на самом деле «малороссийский диалект русского языка», крупный лингвист А.Ю. Милитарев в частном письме автору этой статьи заметил: «С одинаковым правом можно русский считать диалектом украинского. С лингвистической точки зрения, и русский, и украинский — два «равноправно» родственных восточнославянских языка. Как сказал какой-то лингвист о разнице между языком и диалектом при близком родстве, язык — это диалект с танками».
- ⁶ Шапир М.И. Язык быта/языки духовной культуры // Путь: Международный философский журнал. М., 1993, № 3. С. 130.
- ⁷ Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1984. С. 118. Как видим, в советское время историческое изменение значения слова «русский» специально оговаривалось в вузовских учебниках.
- ⁸ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. С. 68.
- ⁹ Карамзин Н.М. «Виргилиева Энеида, вывороченная назнанку» // Критика XVIII века. Сост. Коровин В.Л., Ранчин А.М. М.: АСТ — Олимп, 2002. Сс. 355–357.
- ¹⁰ Пумпянский Л.В. Гоголь//Труды по знаковым системам. XVIII (Семиотика города и городской культуры. Петербург). Тарту, 1984. С. 127 (Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 664).

© Текст: Михаил Дзюбенко

“Тихая проповедь о мире и против войны”.

О Римасе Туминасе

ВЛАДИМИР КОЛАЗИН

«Война и мир» по роману Льва Толстого в постановке Римаса Туминаса, театр Вахтангова, премьера состоялась 8 ноября 2021 года.

Одно из культурных событий столицы последних двух месяцев свидетельствует о том, что в толщах общества идет непрекращающийся процесс самоидентификации и взрыхления неполитизированной исторической памяти, голос которой до политиков, живущих словно за каменной стеной, совершенно не доносится. Публика рвется в театр на Арбате на пятчасовой спектакль «о войне и мире» и, словно замороженная, отвечает изображаемому на сцене событиям благоговейным и тревожным вниманием.

Римас Туминас, художественный руководитель знаменитой Вахтанговской сцены, многие годы вынашивавший замысел инсценизации толстовского романа «Война и мир», на вопли Кассандр ответил тихой и сокровенной проповедью. Текст романа спрессован до оратории (адаптация текстов романа Марии Петерс). В свое время режиссер политического театра Эрвин Пискатор превратил роман, воплощение толстовской философии жизни, в страстную антивоенную прокламацию (Берлин, 1957), приведя на сценических экранах подробнейшие данные о количестве войск и планах операций и комментируя переживания героев постоянными передвижениями

вдоль рампы оловянных солдатиков. Туминасу, мысленно облачившемуся в костюм Толстого-проповедника, мудрого старца, дни которого на этой земле сочтены, солдаты в боевой изгойке и мозговой штурм историческими документами оказались излишними. Аксессуаров войны на огромной пустой сцене нет, зрителью как будто вложили в руки толстенный том и дали возможность погрузиться в неспешное выборочное чтение. Этический дискурс почти вытесняет действие.

Босые девические ножки и никакой поступи кованых сапог. Романист подводит на сцене итог падения морали общемирового политического вектора и одновременно рывка европейской цивилизации, которой русские в войне 1812 года явили пример главенства этики над политикой. По Тойнби, усложнившаяся цивилизация приводит к тому, что и война в увеличивающихся масштабах поглощает все большие ресурсы общества. По Толстому, равно и по Туминасу, для чуждого материальному расчету ума, обращенного к Богу, даже самая опустошительная война не в состоянии прекратить процесс нравственного совершенствования, наоборот, она доводит самопознание, самоотречение и самопожертвование

до критической массы. Именно так литовский режиссер, мастер поэтически-символических квинтэссенций, уже полтора десятилетия самоотверженно работающий в русском театре, интерпретирует ключевые для Толстого фигуры романа Пьера Безухова (Денис Самойлов) и Андрея Болконского (Юрий Поляк). Они в спектакле — отнюдь не ходячие философы, а люди из плоти и крови, души которых становятся ареной титанической психологической борьбы.

Римас Туминас: «Мир красивый, эстетичный, театральный, очень хрупкий и как будто бы легкий — все это поглощается кометой. Под этим облаком, этой зараженной войной зоной, вступают некие другие способы нашего рассказа».

Отводя подальше столкновение полководцев — вдохновителей военных баталий, Туминас исключает из своей сценической версии и Наполеона, и Кутузова, отдавая предпочтение жизни духа основных героев романа. Впрочем, о Наполеоне много говорят другие как о предателе просвещенных идеалов, возбужденных им в молодости во всем мире. Пять часов игры посвящены быстрому и стремительному лету жизни, ведь она так коротка, пусть и можно на время остановиться и с головой погрузиться в романы Наташи, Элен или Сони. От порхающих стаяк девушек с боттичеллиевскими станами и вьющимися за ними цветными шарфиками и шелковыми полотнищами до прихрамывающих старших. Толстой закончил свой роман, когда ему минул четвертый десяток, Туминас передвигает свою подзорную трубу, окидывая взором жизнь героев и череду событий со стороны Стикса или Элизиума, когда уже не может быть ни поворота назад, ни прощения. Тем сильнее пронзающее зрителя щемящее чувство чужды жизни и всепоглощающей любви. Действующие лица романа все время пребывают, словно у роковой экзистенциальной черты, перед огромной с полу

до потолка глыбой серой стены некоего храма с орнаментом колонн, стены восторгов и плача, то приближающейся, то удаляющейся от протагонистов (сценография Адомаса Яцовскиса). Эта судящая стена — один из важнейших элементов монтажа пустого пространства, в котором звучит и замирает музыка толстовских сфер.

Не война как действие занимает воображение режиссера, а ее холодящее прикосновение к жизни, весь смысл которой в постоянном ровном движении и преобразении, переходах от легкости к тяжести, от прозрения к помрачению, от сгущения туч к просветлению. То легкая, воздушная, то густая пластика, бег человеческих историй по расчерченным толстовским линиям, дорогам жизни и смерти. Неспешно листающему страницы романа режиссеру не нужны ни машинерия сцены, ни батальные скопления масс на ней. Здесь только материя-жизнь под флагом, под жестоким давлением войны, проникшей во все жилы и поры жизни. У Туминаса герои неистово носятся по сцене от одной стороны рампы к другой, словно пытаюсь догнать и удержать стремительно уходящие дорогие мгновения. Бросается в глаза и необычный авангардистский прием построения мизансцен, ослонно ухваченных и высвеченных в момент наивысшего напряжения, отчего утраты воспринимаются еще больнее. К примеру, в жестах Николеньки Ростова (Юрий Цокуров), вернувшегося домой с поля боя, привычный юношеский восторг перед жизнью причудливо смешался с солдатской муштрой. Так же в цейтлупе беспощадного времени воспринимаются нервны жесты и перемещения старика Болконского (виртуозный Евгений Князев), связанного с сыном прочной невидимой нитью и посему невыносимо страдающего из-за того, что война отнимает у него наследника.

Пьер Безухов Дениса Самойлова, воплощающий alter ego романиста, — мешковатый, вечно спотыкающийся и извиняющийся.

Противоречия жизни, все время разбивающей идеалы Пьера, щупальца войны словно впи-ваются в тело и мозг этой мягкой и сверх-чуткой натуры. Следить за актером от первой до последней минуты, от объятий с неразлей-вода-другом Болконским до падения на коле-ни перед несчастной Наташей — постоянное волнение и удар по мыслительным фибрам зрителя. Пьеру отдана центральная сцена спектакля. Доведенный войной до полного физического упадка, застряв посередине планшета, словно измученная травлей лань, прои-носит этот Пьер свой монолог-проклятие во-ине: «Одумайтесь, люди!».

Другая линия — юной и взрослеющей Наташи — Ольги Лерман, проходящей путь от своего рода Золушки с путающимися мыс-лями до молодой женщины, обретшей и стать, и веру, и решительную готовность к самопо-жертвованию. Особенно удалась режиссеру сцена стремительного вальса Наташи и Ан-дрея на пустой сцене с его расширяющимися кругами, кажущаяся сценой какого-то филь-ма, — войне никогда не сбросить их с паро-ма жизни.

Третья линия спектакля — любовь к ближ-нему... но линий так много, возвратимся к линии мужской дружбы Пьера и Андрея и их непрекращающегося интеллектуально-го диалога о правящей историей схватке ве-ры и отчаяния. Юрий Поляк в роли Андрея Болконского, вторя мысли Виктора Шклов-ского о том, что война дважды меняет мас-штабность мысли этого героя, представляет его равновеликим и в юношеском максима-лизме, и в перенапряжении ума тяжкими ду-мами последних бранных дней. Дух гармо-нии, бьющийся в сердце Пьера, и дух Андрея, одержимого бесом отрицания, находясь в постоянном состязании, смиряются в фина-ле перед признанием страшной силы конеч-ности бытия и невосполнимости утрат. Оба актера ведут равный диалог, казалось бы, не те-ряя спокойствия, хотя внутри каждого рвутся страстные напряженные нити. Видеть в фина-

ле, как на этих Кастора и Поллукса, наконец, чувствующих себя свободными от соперниче-ства и непримиримости в мыслях, надвигается сзади огромная гибельная стена, невыносимо больно.

Но как же можно без триумфа победы, сцен Бородинского сражения, без редута Ше-вардино? Вместо этого на пустой сцене, усы-панной муляжами трупов, прикрытых шине-лями, справляет печальную тризну одинокий бродяга-солдат, сверкающим штыком вздыма-ющий в воздух обветшавшие безжизненные шинели. В глазах Николая бездонная пустота. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костя-ми»... Не видеть и не слышать бы нам никогда этой страшной пластической симфонии смер-ти — полной аннигиляции жизни.

Крещендо сценической музыки Тумина-са — в трагическом диссонансе: звереет во-йна, а люди продолжают жить обычной чело-веческой жизнью, страстно хотят продолжать ею жить.

Есть в этом драгоценном для времени опас-ных предчувствий и растерянности перед бу-дущим спектакле, который держится на од-них только актерских плечах, еще один герой — чистый воздух свободной сцены, ширящий-ся вглубь зрительного зала. Однажды на этой огромной пустой сцене, уже доверху запол-ненной разговорами о погибели на поле брани, возникает старик граф Ростов (Сергей Мако-вецкий), взмахивает руками и начинает пере-бирать пальцами на гигантском воображаемом фортепиано. И вмиг улетучивается страшная пелена. Это почти метафизическое чувство внушаемых вахтанговской сценой спокой-ствия и веры, что Бог внутри человека, в храме его души, что спасение не следует искать где-то вне, а строить из внутренних сил, из пре-одоления вражды в себе и страшной правды бытия, бесценно. Пьер Безухов: «После разо-чарования должно прийти пробуждение. Тьма и злоба властвуют над жизнью только, пока человек темен и зол. Поэтому люди сами себе надежда».

© К. Батынков. Из серии «КРЕМЛЬ». 2017. Холст, акрил, 120×195 см. Courtesy Крокин галерея

ПОСЛЕСЛОВИЕ. КОГДА СЛОВ НЕТ

Уход Римаса Туминаса из Вахтанговского, его увольнение с предшествующим публичным шовинистским шельмованием и постыдным пинком в спину — трагедия шекспировского, лировского масштаба — у великого режиссера отобрали его королевство, а королевство лишили законного и любимого короля.

«Пора вывести этих иностранцев на чистую воду». «Приказ об увольнении подписан».

«Мы обречены искать смысл жизни. Слышать голос предков. Стать частью небесных хористов» (Туминас, в интервью).

Для русской культуры это невосполнимая потеря. Событие, еще несколько месяцев тому назад показавшееся бы чистым безумием. Но и безумие стало возможным в мире новом и чужом, в котором мы однажды поутру проснулись и которое повернуло штурвал истории в допотопные времена. Зеркало бытия, в которое мы смотрелись и которое поднимало нас ввысь, вмиг пошатнулось и рассыпалось вдребезги, то, которое нам подсунили, нами не принято, и нести его будут те, с раскосыми и жадными очами.

Не будет ни прощения, ни прощания. Потому что проститься с приобретением для русской культуры длиной в четырнадцать лет, в течение которых Туминас руководил этой московской сценой с 2007 по 9.2.1922, невозможно — приобретение это давно стало неотъемлемой частью культуры, которая не погибает. Театр, в котором много света и много любимых режиссером «светлых людей» — он был и есть. Культура не знает войн и тлений, она знает только наращивание и наслоение и уход в свои потаенные глубины на последующие века, в непрерывную цепь. Оглядываясь на эту эпоху, свидетели ее и потомки с полным основанием будут назы-

вать эпохой Ренессанса Вахтанговской сцены, маркированной крепкой дюжиной поставленных Туминасом спектаклей, духовным напряжением, созданным ими между сценой и публикой и новым синтезом актерской культуры, замешанным на чисто туминасовском и чисто вахтанговском. За ним в театре Вахтангова — череда триумфов, «Пристань», «Дядя Ваня», «Маскарад», «Евгений Онегин», «Улыбнись нам, Господи», «Эдип», «Война и мир»... гастрольные триумфы по России и по всему миру, которых не изведал ни один русский режиссер современности, быть может, в прошлом — Таиров и Мейерхольд с их западноевропейскими триумфами.

Повторять благоглупости о якобы нанесенном ненавистным литовцем ущербе русской культуре не решатся даже приверженцы советской модели, хранящие в памяти духовный материк взаимовлияния национальных культур, свободную островную культуру, создававшуюся в прошлую эпоху помимо, над и вопреки политическому процессу. Парадоксально — тогда это было возможно, со времени Мединского — нет. Воспитанник ГИТИСа, Туминас нес в своих руках режиссерскую эстафету Мейерхольда, Туманова, Гончарова, Любимова, Эфроса, с одной стороны, и Мильтиниса, Юрашаса, Някрошюса, с другой стороны. И этому волшебному палимпсесту цвести и процветать, если бы в понятие политиков межвременья хоть каким-то боком входил культурный пласт. Что мы можем сделать сегодня, чтобы не расплескать, не промотать, зафиксировать достигнутое Туминасом в содружестве с актерской гвардией Вахтанговского? Это вопрос нашей сердечной верности и служения правде и истине театра.

Личность Римаса Туминаса уникальна. В основе всего — его тон, его интонация, его любование духовным человеком, мягкость и интеллигентность натуры, его режиссерские принципы, сложившиеся на протяжении нескольких десятилетий глубокого плавания в водах европейской культуры, тогда

не расчлененной и не расколотой имперской цензурой. Режиссер, воспитанный в кругу счастливых супругов, признавался: «Я — дитя любви», крепкий парень из рода жемайтисов с их особым характером, взявший от русской культуры по его воспитанию в школе Станиславского мечту о классике как глубоководном русле театра — «Я живу в XIX веке». От русских и родственных ему литовских режиссеров с их пристрастием к жесткой конструкции и метафоризму Туминаса всегда отличали его приверженность традиции учителей, мягкая пластика и возвышенный, романтический идеализм, приверженность театру высокой этики, простых библейских истин... При этом христианское смирение, ирония и сарказм, присущие его нраву, оберегают его от пафоса и самовозвеличивания. Немногие из современных европейских режиссеров решаются по примеру классических романтиков говорить о необходимости слышать в театре «восьмую, птолемеевскую сферу», слышать «голос Бога», в голос мечтать об идеальном театре — «огромном хоре человечества», народы которого «идут навстречу друг другу», взывать к справедливости истории, актеру — «раскрыть в себе природу человека», «отдавать себе отчет в том, что ты играешь небесам». Тем не менее, все это ныне — мигмом поправленные идеалы, модусы мировоззрения и режиссуры Римаса, лежащие в основе его спектаклей.

Он пришел в Театр Вахтангова — и ко всем нам, зрителям — с впитанной в годы учения в Вильнюсе и в Москве верой, основанной на глубоком погружении в философию Толстого, что в театре возможна утопия содружества, «великая мудрость, сдержанность и сосредоточенность», несение в себе «понятий о прощении и справедливости» и что «история раскрылась», наконец, и народам Европы и мира удастся каким-то образом «гармонизировать мир». Таким он и останется с нами, его публикой, и его актерами.

Лучшее, что лично я мог и буду делать в отсутствии Туминаса в Москве — взывать

о его возвращении, хранить память о драгоценных минутах волшебства театра, подаренного им. О неповторимом вихре колышущихся в воздухе сцены фигур, голосе мирового хора, этой ведущей сценической метафоре Туминаса, об «Онегине», положенном на музыку чистого распахнутого сценического пространства, о «Пристани» — «гимне величию старого театра» (Алексей Бартошевич), о «Войне и мире» — завещании, оставленном великим режиссером нашему современнику, попавшему в полымя истории.

И ниже здесь — несколько эскизов о моих любимых спектаклях.

«ДЯДЯ ВАНЯ». ТАНЕЦ ЮДОЛИ

Одетый в сплошную музыку, обволакивающую тебя как марево, спектакль превосходен. Спектакль-танец. Выше этого потолка искусства быть не может. Я, признаться, все же сожалею, что не видел спектакль вскоре после премьеры, а то непременно бы о нем написал с особым восторгом и тщательностью — в нем такое сочетание тонких, точных приемов и пространственных решений, стилистических тонкостей, что они могли бы составить и уже составляют целое направление «магического реализма». И все это при удивительной экономности (называемой ныне минимализмом, а Ипполит Тэн еще в начале XX века называл основой совершенства в искусстве высшую экономию траты сил, то есть, когда на сцене не видно никакого напряжения в игре, перед нами одна чистота стиля, все спрятано глубоко внутри, вся тяжелейшая подготовительная работа). Стилистически и технически «Дядя Ваня» абсолютно безупречен, разве что в двух-трех местах есть незначительные длинноты, ни следа тления или увядания, и это при том, что спектакль идет так много лет. Досточтимая Максакова, многими воспринимаемая как неперменная и блистательная маска турандотовской ладьи.

А старуха-няня (Алабина), как ни пляши, — старушка из замшелых мхатовских спектаклей.

Более всего в спектакле Туминаса потрясает — как потрясает шаманство — дирижирование элементами пространства, сценография эмоций. На большой полупустой сцене одним волшебным членением групп актеров, воздуха вокруг них и экономными деталями реквизита (диван, стол-верстак, коврик посередине) возникает целый каскад пространственных оболочек, фигур, передвигающихся в пространстве одной силой вибраций игры. Смотришь на это чудо, ошеломленный простотой тайны и актерской виртуозностью.

Прежде никогда не видели мы такого дяди Вани, циничного трагика и клоуна в одном лице. Вспоминается Смоктуновский в чеховских ролях — актер, который никогда не позволял душе отправляться во внешнюю клоунату, игру масок. У Маковецкого все возможно и все внутренне оправдано. У Маковецкого незаметная фраза в тексте («все переменялось два года назад в моей жизни») меняет всю перспективу роли — из романтического акме управляющий серебряковским имением перешел в другую эпоху, раздавленный правдой нового зрения, чувство старого прошлого и нового обесмысленного сплетаются в этакий шатающийся клубок... сказываются на всей пластике движений. Актер бесподобен и как пьянчужка, и как нахальный любовник-неудачник, и как обличитель и протестант в поприщинском облике. Разруха это или саморазрушение? Гоголевское (мягкая сатира) возникает в спектакле из какой-то седой глубины, без которой невысказано русское искусство. Поразительны эти опьяняющие гротески, этот туминасовский синтетизм режиссера с национальной стороны, чувствующий русскую культуру с той пылкой страстью обнажения сути, которая в нашем национальном ареале то ли выцвела, то ли отодвинулась куда-то далеко-далеко...

Туминас — известный мастер выстраивания индивидуальных историй-романов (ро-

манная эпика — вообще свойство режиссуры Туминаса, воспринимающего русскую культуру прежде всего через толщу романа, в том числе и пушкинского поэтического). Это можно было видеть в каждом из персонажей его «Онегина», это можно с новой силой прочувствовать тут, например, в истории завязывающейся любви Астрова и Елены, поднятой до масштаба драмы невосполнимых утрат Маши и Вершинина. Да так же построены — хочешь, подтекстные, хочешь, надстрочные — «романы» дяди Вани и Елены, Елены и Серебрякова, Сони и Астрова — все это отдельные эпохи жизни, отдельные шельфы клочкотания чувств. Поразителен минимализм актерской игры, вибрирующей между романтической приподнятостью и уничтожительными комическими эффектами и деталями.

Надо всем этим — картина мечтаний и разбившихся надежд, столкновение глубины души и пустоты жизни, неизъяснимой силы чеховский контрапункт, который можно только почувствовать, как дуновение легкого ветерка — описать до последнего штриха, надлома и пореза невозможно. И как в театре Станиславского, поражает в самое сердце чувственный облик туминасовской метафоры. Нервное подергивание коленями и даже тазом никчемного, неудовлетворенного дяди Вани-Маковецкого, широкая, в версту грудь Астрова-Вдовиченкова, этого русского Джеймса Бонда, мощь которого не пристроена и даже неуместна на фоне паноптикума угасания природы, адажио стучаний молотками по верстаку двумя друганами Астровым и Телегиным, которым дворцы, петровы гавани могли бы строить, да вот по времени не сложилось.

Портрет профессора Серебрякова (Симонов) — это отдельная история... Туминас с Симоновым словно полотно, словно житие пишут, и тонким графическим пером, густыми чернилами, и маслом, и мощным мейерхольдовским бурлеском. И опять оказывается, точно обо всех тайниках этого образа мы не подозревали, и туда, и сюда заглянуть интересно,

то ли Гоголь, то ли Томас Манн историю этого псевдоаристократа, а на поверку с умишком кучера пишут... да нет, ослепительно мощно, как в чеховском рассказе «Степь» — щемящее, с вызовом, с ударом наотмашь в солнечное сплетение: испорченная жизнь, загубленное все вокруг на десятки и сотни километров ритуалом и бездуховностью праздного существования.

Не стоит вытаскивать эту идею осуждения праздности существования на поверхность спектакля, ничего не получится, чеховская драма — не драма простых идей, танец русской юдоли, юдоли нашего существования, и кажется, безрассудство, комизм и трагичность этого танца никто прежде не соединял в такой тугой и бесконечно вьющийся, вплоть до нашего сердца клубок, как этот странный странник-литовец Туминас. Хотя, конечно, если предаться более глубоким воспоминаниям, нельзя не вспомнить многих предшественников, тогда можно и в параллелях запутаться. Константин Рудницкий в свое время говорил об особом литовском восприятии русской классики, надрывной, через Достоевского и пограничную близость с западной драмой, суше и злее взвешивающей на абсурды бытия. Иной немецкий Чехов, венгерский, английский, совершенно иной австрийский... Так вместе мы и прирастаем. Дама из одного крупного немецкого фонда, федеральный министр, с которой я был в театре, в восторге от спектакля. Давно не видел немцев, таким взглядом прикованных к сцене, положенные на колени ладошки все время были так тесно прижаты друг к другу, как на ипподроме в решающий момент соревнования. Эта зрительская увлеченность полетом в поднебесье искусства, это стремительное падение с облаков на батут саркастической иронии нечто совершенно особое в театре Туминаса. Так растет и так падает давление лишь внутри живого организма, вынужденного все время приспосабливаться к переменам жизни. «У нас в Германии такого нет», — говорят. У нас и в России такого нет.

«МИНЕТТИ, ТОМАСА БЕРНХАРДА

Цена у Туминаса живет как магическое пространство.

На ней, казалось бы, все реальное — холл провинциального отеля у побережья, стойка с полкой для ключей и чопорной обслугой за ней, нелепый столб, призванный поддерживать потолок, несколько стульев для посетителей, на заднем плане обозначен вход, а справа — шторка выхода к номерам.

Еще большое зеркало позади — магический экран. В самом начале в глубине его бросится в глаза светлая полоска суши и темная морская гуща, явно перспектива «Монаха у моря» Каспара Давида-Фридриха, повествующего о безутешном томлении духа. Так и вся реальность вкупе с появляющимся на сцене людом окутана дымкой ирреальной балтийской тьмы, которая снимает происходящее действие с якоря неподвижности и бросает его в океан равновеликих стихий моря и театра.

Они сталкиваются с первых минут друг с другом и состязаются до конца спектакля. Пестрая карнавальная клика в масках врывается сбоку и змеей прокатывается по сцене, чтобы вернуться снова и снова. Если внимательно всмотреться во «Вступление...» Энсора, то там можно найти прообразы и процессии в целом, и главного гистриона с головой Вакха, и гримасничающих шутов, и клоунесу в белой маске с розовыми губами... Оттуда же обрушиваются раз за разом на персонажей пьесы — пыталелей судьбы и искателей потерянного времени — порывы бури. Буря, как известно, символ очищающего начала жизни в «Лире» Шекспира, вокруг которого вертится сюжет бернхардовской квазишарады, повествующей об актере-неудачнике, мечтавшем сыграть Лира, да так и не дождавшемся встречи с обещавшим ему эту роль директором театра. Но по мановению туминасовской палочки (а также сценографа Адомаса Яцовскиса и хореографа Анжелики Холиной) унылый холл

становится волшебной чашей, хранителем фантазии вселенского театра, понимаемого как инструмент познания судьбы.

Туминас не читает пьесу с листа — читает насквозь, навывлет, сердечным чутьем. Колышет пьесу в руках как музыкальную табакерку и она, послушная режиссеру, сама открывает себя безо всякого насилия. Вахтанговское (а оно у этого режиссера в крови) неожиданно пересекается с энсоровским и феллиниевским, и пересечение это оказывается совсем не чуждым Бернхарду, которого можно трактовать (и трактуют) совсем по-другому. Безмолвные персонажи пьесы обретают у Туминаса плоть театра в театре, который выводит историю главного героя за пределы монотонного жанра. Богатый ассоциативный ряд то ограничивается минимализмом, то неожиданно переходит в гротескную символику. Кричаща изрезающая всю канву спектакля кривая линия губ на лице Влюбленного клоуна (М.Севериновский), кричащи и святотатство бури, и совершенное, как статуя, остывшее одиночество Дамы — своего рода немого двойника Минетти в спектакле (Л.Максакова), композиции с карнавальной кликой, Лилипутом и слугами-клоунами.

Эти пластические тропы в духе Энсора-экспрессиониста не являются цитатами, это волшебные споры, брошенные режиссером в живой организм спектакля, живущие в нем своей новой жизнью, зеркальными отражениями. Конечно, в Лилипуте, чопорном стальном человечке, застывшим на миг перед чемоданом Минетти, идущем своей не отклоняющейся от цели тропой, есть что-то от карликов Энсора, но именно «что-то». Точно так же в Даме (Л.Максакова) есть что-то от изящно одетой старушечки с застывшей маской мартышки на лице и с маротом в руках, но также, «что-то». А графично-гротескная пластика портье и слуг может восприниматься как вариации буффонных и карикатурных поз мирян-кузнециков на картине Энсора.

Туминасу пьеса не показалась ни слезливой, ни сухой, ни монотонной. Корпускулы

хрупкого и терпкого, с точки зрения режиссера, как стих Мандельштама, звучащий в начале спектакля, бернхардовского текста он собирает в цветной витраж, а актеры превращают его в живое трепетное полотно. Римас Туминас и Владимир Симонов решили пойти противоположным путем, выдвинув на первый план трагедию большого таланта, погубленного средой и небрежением толпы. Монолог безумца-интеллектуала они переводят в плоскость вихревого потока, в плоскость русской сцены, где все — до «полной гибели, всерьез». Поклонники Бернхарда Минетти скажут: не то! Но ведь возможно и так: «художник истинен, когда он безумен».

Выброшенный на обочину жизни джентельмен в кашемировом черном пальто, Минетти у Симонова — собирательный персонаж; в нем можно увидеть Счастливецца и Несчастливецца вместе взятых, и отзвуки трагедии героя «Живого трупа», но и, если хотите, манновского Тонио Крегера, «отщепенца»-эстета, мученика хладного немецкого севера, застрявшего между настоящим и прошлым. Пусть собирательный — перед нами предстала на сцене великая и горькая актерская судьба.

Есть на сцене еще один персонаж — потертый желтый чемодан, почти все время неподвижно стоящий посередине живым укором перед актером-неудачником. Знак его дорог, надежд, жалких уступок, множества планов и падений, в котором, в сущности, заперт не его счастливый джинн, маска Лира для желанной роли, а его гибель. Чемодан этот появился на сцене вещью, а унесен был с нее одушевленным персонажем — такой силы в эту магическую точку была устремлена энергия игры.

Минетти — роль для большого актера, и он нашелся. Стадии монолога становятся в руках Симонова извилистыми, нервно пульсирующими линиями судьбы, в конце упирающимися в безвыходный тупик. Портрет сей создается актером зримо и незримо, тенью за зримым стариком, образом гаснущим, увя-

дающим, будто кожа на лице Дориана Грея, теряющего жизнь, носится образ молодого гаера и скитальца. Как удалось Туминасу высечь этот образ из одной и той же природы, из которой вял образ Бориса Годунова знаменитый Петер Штайн, неведомо — ни следа от этой методики работы в приснопамятной работе Штайна. Здесь с внешней пластикой идеально гармонирует пластика внутренняя.

Горемыка Минетти-Симонов — от эскапады к эскападе, от позы к позе, мягкую и изменчивую пластику которых можно описывать отдельно, словно орнамент, излагает одна за другой свои священные заповеди актера, и тут же вынужденно сползает с «трона», дивясь тому, как скоро и порой нагло реальность театра опровергает их. За монотонным бегом бернхардовского монолога открывается болезненно-хрупкий мир. Видения Минетти-актера, по Симонову, мучительны и вдохновенны. Воображение действительно может свести с ума. Во фрагменте «И не давать себя сбить с толку... / Побережье» видения актера разворачиваются Туминасом до космической метафоры. Не отдавая себе в том отчета, повторяя обрывки фраз в духе Шекспира (одну из «Отелло»: «На помощь / Убийство»), Минетти-Симонов играет желанную роль, переходя священную и роковую черту — Лир словно бы сам спускается к нему с небес, чтобы тотчас его оставить, так что Минетти не остается ничего другого, как поглумиться над собой в истошно-ярмарочном крике «Кукареку». Снова и снова врывается на сцену мощный порыв бури, той самой, с которой состязается Лир и которая всю жизнь преследует актера Минетти: очистительная и губительная

буря-театр. Картинно поникшие от той же бури русалки — девушки из карнавальной клики, трясущиеся слуги опускают действие на уровень фарса: что может быть унижительней славы творца гармонии в провинциальном отеле...

Истинное наслаждение наблюдать, как Туминас высвобождает, словно из некоего плена, бернхардовские подтексты, как знаменитые надоедливые повторы трактует не как лингвистический парадокс австрийской драмы, а как *отражение безутешной тоски*. Как в паузы между секвенциями монолога главного героя вмещает отдельные микросюжеты словно варианты тех же самых повторов основных бернхардовских тем (весь мир — театр, театр — бесконечная процессия лицедеев, театр как маска и порог смерти).

Вспомните, Христос-старик на фоне масленично ликующей процессии на картине Энсора не ликует — его миссия не удалась. Оттенья то и дело трагедию пародией, Туминас усиливает боль, раздвигая метафизическое пространство, в котором рассыпаются искры печали. В памяти останется беспомощный хихикающий старик, со стыда прячущийся за уголок рампы, бесконечно долго выворачивающий карманы в поисках телеграммы о его вызове в театр — единственном из оставшихся оправданий его существования. Так русский актер выразил один из главных мотивов сегодняшнего театрального (только ли театрального?) плача — трагифарс не востребоваемости и ею обусловленного увядания таланта. Режиссер чудом удерживает актера от сентиментальности, которая могла бы и погубить роль.

Этим животворящим спектаклем Туминас освятил новую вахтанговскую сцену.

© Текст: Владимир Колязин

Искусство борьбы с несовершенством жизни

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Афины за последние годы превратились в одну из музейных столиц Европы. То есть они и раньше, конечно, были на высоте по части археологии и всяческих древностей. Не так давно к уже известным экспозициям добавился Музей древнегреческих технологий, поразительный как раз тем, что сам является образцом технологической интерактивности. В нем можно увидеть древнюю катапульту и портативные водяные часы-будильник, своего рода GPS для навигации по солнечной системе, копировальный прибор с возможностью увеличения и уменьшения рисунка, гидравлический орган и механический театр — прообраз современного кинотеатра. Была у греков и первая система телекоммуникации, оповещавшая с помощью факелов о начале войны или даже о повороте в судьбе цивилизации: без этой системы оповещения не обошлись ни Троянская война, ни экспедиция Александра Македонского.

Но все это — достижения старины глубокой. А вот, скажем, изобразительное искусство Греции XX века гораздо меньше известно и раскручено. Несправедливость этого я остро почувствовал, попав на выставку «Орфей сюрреализма» в Фонде «Теохаракис». Эта культурная институция уделяет особое внимание возникновению и развитию мо-

дернизма. Данная выставка посвящена греческому художнику-сюрреалисту Никосу Энгонопулосу. Он известен также как крупный поэт, и многие его живописные произведения перекликаются с его стихотворениями и поэмами, иногда даже прямо иллюстрируют их.

Первое же полотно, встречающее посетителя выставки — «Орфей, Гермес и Эвридика» (1949) — дает код для восприятия его богатого творчества. В основе этого произведения — известный мифологический сюжет: поэт Орфей вместе с богом Гермесом, проводником между двумя мирами, нисходит к Аиду, чтобы воскресить и вернуть на землю свою умершую жену Эвридику. На эту тему написал свое знаменитое стихотворение Рильке. Но то, что мы видим, далеко от хрестоматийных версий. Все три персонажа лишены лиц, зато выпукло поданы их обнаженные животы, бедра и гениталии. Эвридика выглядывает из-за красного занавеса, Орфей в синих перчатках и шляпе сомбреро держит лиру, Гермес с крылышками прислонился к шести.

Никос Энгонопулос учился в Афинской школе изящных искусств, где познакомился с традициями византийского и пост-византийского искусства. В этом ключе выполнены его портреты святого Николая и евангелиста Луки.

Никос Энгонопулос. Кавафис (1948)

Никос Энгонопулос. Орфей, Гермес и Эвридика» (1949)

Однако даже они далеки от теократической точки зрения: эти лица не иконописны и не несут в себе элемента божественного.

Еще более радикально Энгонопулос поступает с античными героями: дионисийские или аполлонические, они чаще всего в экстравагантно-трагической, иногда в загадочной, иногда в шутовской манере символизируют жизненный путь самого художника, его творческие метания и эротические фантазии. Для Орфея XX века роль лиры играет сюрреализм, деформирующий логические связи и пропорции, превращающий жизнь в искусство.

Художественная вселенная Энгонопулоса населена фигурами Одиссея и Калипсо, Ясона и Медеи, Тезея и Минотавра, аргонатов и кентавров. Есть и более современные персонажи — например, поэт Кавафис. Или сам художник в серии автопортретов — от грустного очкарика с кисточкой (в молодости Энгонопулос писал миниатюры китайскими чернилами) до нагого золоченого гиганта на фоне венецианского льва и собора Сан Марко.

Мир художника объединяет прошлое с настоящим, демонстрирует силу и действенность сюрреалистического метода с его яркими, чистыми цветами и четкими контурами рисунка — при па-

радоксальности композиций и мизансцен. Человеческие фигуры гротескны, но при этом красивы и грациозны: женщины с круглыми грудями и животами, мужчины с длинными тонкими пенисами. Лиц по-прежнему нет, зато есть шляпы, шлемы, забрала, иногда — треугольные «механические» носы. «Дух одиночества» (1939): безликая женщина с локонами, рядом античная скульптура, фоном — условный Парфенон на горе. «Встреча с Германией» (1963): скелет в шлеме и с винтовкой охраняет вход на Акрополь; женщина в синем платье и без лица — символическая Греция. «Гражданская война» (1948): одна женщина-Греция тащит другую, проткнув ее насквозь штыком.

Самая мощная и глубокая из представленных на выставке работ — «Детали национального повстанческого механизма» (1939). Опять мы видим на заднем плане Парфенон и античную колонну, они смонтированы с латами и копьем крестоносца, наполеоновской треуголкой и модернистской скульптурой безголового тела. Повстанец поднял топор, рядом — голая женщина в чадре. Судя по всему, это синтез культурных парадигм, вдохновлявших греков в борьбе за независимость. Как отмечает Эрриети Энгонопулу, дочь художника, ее отец считал, что «искусством мы можем противостоять непоследовательности жизни. Ис-

кусство может облегчить нашу жизнь, наш путь к смерти».

Знакомство с выставкой Энгонопулоса пробудило мой интерес к греческой живописи XX века, и тут же нашелся прекрасный повод расширить круг впечатлений. После многолетней реконструкции, доведенной до конца и осуществленной в итоге фондом Ставроса Ниархоса, в Афинах открылась Национальная пинакотека. Фонд Ниархоса уже подарил городу великолепный Культурный центр с оперным театром. Обновленная Пинакотека -- — еще один образец создания современного креативного пространства, открывающего новые возможности для демонстрации достижений искусства. В новой «декорации» гораздо эффектнее и выразительнее смотрятся работы известных художников поколения 1930-х — Спироса Папалукаса, Янниса Царухиса, Янниса Моралиса.

Представлен здесь и Никос Хаджикириакас-Гикас, утонченный мастер кубистских и геометрических абстракций, урок которых он получил в Париже, но потом дополнил его византийскими традициями и достиг удивительного синтеза. Между двумя мировыми войнами успело подняться до больших высот искусство гравюры, представленное именами Деметриоса Галаниса, Янниса Кефаллиноса и других мастеров Афинской школы изящных искусств. Впрочем, еще до Первой мировой были заложены основы греческого модернизма. Хотя они и были связаны с ключевыми течениями эпохи (французский постимпрессионизм, фовизм и Наби), их отличала особенная «греческая линия». Константинос Парфенис, Константинос Малеас, Николаос Литрас и чуть позже Спирос Папалукас развивали формулу «эфироподобного» и «нематериального» света в изображении греческой деревенской природы, увиденной как бы в отсутствии третьего измерения, в упрощенных формах, в чистых светящихся цветах.

Связь с европейскими живописными новациями отразилась в биографиях многих греческих художников. Например, Деметриос Галанис был другом Пикассо и прожил пятьдесят

Никос Энгонопулос. Детали национального повстанческого механизма (1939).

Константинос Парфенис. Сосны на Керкуре (Корфу) (1914–1917)

Константинос Парфенис. Пейзаж с тремя фигурами (1936)

лет в Париже в том самом знаменитом доме, где сейчас находится Музей Монмартра. Космополитический дух присутствует и в творчестве Константиноса Парфениса, которого считают основоположником греческого модерна. Он был активистом группы «Арт», связанной в Либеральной партии и ее лидером Элефтериосом Венизелосом. Художники этого направления выступали за модернизацию греческой жизни и искусства, а в годы Второй мировой стояли на антифашистских позициях.

Полу-грек, полу-итальянец, Парфенис родился в Александрии, учился в Вене, годами жил в Париже и уже взрослым переехал в Грецию, где расписывал фрески в церквях. Его индивидуальный стиль сформировался под влиянием парижского авангарда, в частности, кубизма и венского Сецессиона, прежде всего Густава Климта. В религиозных аллегориях Парфениса слышна и переключка с французскими символистами Пюви де Шаванном и Морисом Дени. Однако множество влияний не выродилось в эклектизм. Зрелые работы Парфениса дают идеальное видение мифической и одновременно исторической Греции: олимпийские божества, византийские святые и герои греческой борьбы за независимость сосуществуют в художественной гармонии.

По словам кураторов экспозиции, работы этого художника «напоминают сверхъестественные действия и божественные прозрения, его идеальные фигуры подвешены в некоем подобии трансцендентного пространства, где время упразднено, а остатки видимого мира с помощью неосознанной техники превратились в платонические архетипы». Высокая позиция Парфениса в иерархии греческих художников объясняется еще и тем, что среди его учеников были Яннис Моралис, Никос Хаджикириакас-Гикас и Никос Энгонопулос, о выставке которого я подробно рассказал выше. Так что в самом деле можно говорить не только об отдельных ярких талантах, но о большой живописной школе греческого модернизма.

© Текст: Андрей Плахов

какую культуру отменяем

Художественная интеллигенция так называемых передовых взглядов обрекла себя на резкое сужение аудитории, когда выбрала, под воздействием эйфории свободы, заповедник авторского искусства. В результате, образованные классы остались без чувственного отражения проблем современной российской реальности.

АЛЕНА СОЛНЦЕВА

В конце 80-х годов XX века сфера культуры в России казалась безгранично влиятельной. Огромные тиражи книг и журналов, извлечение из-под цензурных запретов произведений самого разного времени, множество исторических публикаций, выставки современного искусства, рок-концерты, коллективные поэтические вечера — это бурное кипение интеллектуальной жизни в период перестройки создало иллюзию большой

потребности населения в обновлении искусства. Хотя уже тогда можно было понять, что потребность, во-первых, была скорее в новых впечатлениях, во-вторых, не в искусстве, а в досуге и развлечении, а в-третьих, что конкуренция с западной культурой для новой российской может оказаться неподъемной.

Помню, как только что появившийся видеопрокат формировал жанровое мышление у наивных советских зрителей, которым впервые предложили детективы, триллеры, комедии, ужастики в самом широком ассортименте. Как от поэзии и прозы культовых авторов прошлого и настоящего читатели охотно перешли на массовые серии переводных детективов и женских романов. Тогда это дешевое изобилие клеймили как низкий жанр, от которого интеллектуалы презрительно отворачивались. Их не пугали небольшие тиражи профессиональных изданий, где новым языком, туманность которого свидетельствовала о качестве мышления, обсуждались проблемы современного искусства. Да и само это новое искусство вполне вольготно существовало в столичной резервации, поддерживаемой усилиями спонсоров из числа либерально мыслящих олигархов.

В начале 90-х я работала в так называемой «новой прессе», которую тоже финансировали «за идею», структуры, близкие к тогдашнему финансовому блоку правительства. Газеты «Независимая», «Сегодня», «Коммерсант», «Ведомости», «Русский телеграф»,

«Время новостей» имели совокупную аудиторию в размере примерно 50 тысяч, что для страны в 149 млн крайне мало, конечно, но тогда казалось, что надо начинать с элит, остальные подтянутся. Однако спустя десять лет примерно таким же количеством ограничивалась аудитория российских и западных фильмов, в которых, по выражению продюсера Сергея Сельянова, появлялся хотя бы намек на художественность. Тиражи «умных» книг стремительно уменьшались. Старые советские газеты, вроде только что радующиеся огромным «перестроечным тиражам», теряли читателей миллионами.

Конечно, взамен старых китов появлялись стаи мальков. Верифицированных статистических исследований (как, впрочем, и аналитических) интеллектуальной жизни постсоветской России очень мало, цифры ненадежны, и неизвестно кем подсчитаны. Но в пособиях для студентов факультетов журналистики сообщают со ссылкой на данные Российской книжной палаты, что «в 1997 г. в России издавалось 2199 журналов общим разовым тиражом свыше 327 млн. экземпляров». Что совпадает с наблюдениями — постоянно возникали все новые и самые разнообразные издания, держались недолго. Успехом пользовались, и до сих пор пользуются, судя по ассортименту газетных киосков и книжных прилавков по всей стране примитивные бульварные издания типа «Спидинфо», «Сад и огород», «Криминальные хроники». Как выяснилось, лучшие деньги приносят на диком читательском рынке мистические, астрологические, псевдорелигиозные, псевдоисторические издания, в которых публикуются самобытные измышления новоявленных предсказателей вперемешку с рецептами крема от морщин, краеведческими заметками, основанными на фантазиях и легендах, и объявлениями о продажах неожиданных товаров. Этот низовой слой, к сожалению, можно сказать, совсем не изучен, а зря: можно было бы лучше понять культурные потребности разнообразного и многоукладного народа, вырвавшегося из-под партийной опеки.

Тонкий слой образованных и живущих интересами глобального мирового арт-пространства представителей бывшего андеграунда, вышедших на легальный свет публичности, сразу освободил себя от обязанности продавать продукты своего труда. Наследуя сложившейся в Европе после Второй мировой войны привычке к дотациям в некоммерческое национальное искусство и собственной советской традиции высокомерного бессеребрничества, художники и писатели не видели ничего опасного в том, чтобы отказаться от единственной прямой связи с читателями и зрителями. Не хотелось никаких ограничений, казалось, раз удалось уйти от зависимости от царя, нельзя добровольно надевать на себя путы зависимости от народа. К тому же от советского времени сохранилась святая вера в то, что настоящее искусство по сути своей не может быть понятным и успешным, и даже напротив — чем выше уровень его создателя, тем меньше у него поклонников. Впрочем, большие продажи действительно требовали сильных уступок массовой аудитории — тактика оставшихся частными кинозалов и издательств это доказывает.

Когда олигархический размах постепенно сошел на нет, найти доноров для амбициозных, но не популярных у публики проектов, стало сложнее, пришлось искать поддержки в государственных институциях. Так в постсоветской России образовалось независимое от потребности публики «высокое авторское искусство», ориентирующееся не на потенциальных зрителей, а на некие собственные задачи, сформированные заимствованной и идеализированной художественной системой, из которой был напрочь изъят такой регулирующий механизм, как рынок. Следуя европейским моделям, наши энтузиасты сложного, поискового, экспериментального искусства легко пренебрегли второй составляющей современной западной культуры — массовой, коммерческой, развлекательной. А ведь именно в диалоге и противоборстве с ней были созданы такие формы, как концептуализм, поп-арт, видео-арт, и дру-

гие продукты белого куба и черного зала. В сопротивлении агрессивно растущей коммерциализации искусства создавались произведения, принципиально не имеющие материального измерения, вещной ценности. Конечно, потом они же, к удивлению создателей, продавались особенно дорого — формируя через механизмы моды спрос на концептуальное, непонятное, интеллектуально сложное. В западной культуре всегда существует диалектика этих двух стремлений — необходимости продать, а следовательно, угадать запрос потребителя, и неплохо продающийся протест насилию денег.

В постсоветской России именно либеральные рыночники-экономисты оказались в логической западне. Как люди с идеями прогресса, они были готовы помогать созданию европейского по виду и по типу искусства, финансируя те институции, которые производили более-менее конкурентные на международном фестивально-биенальном пространстве произведения. Новой России был нужен европейский фасад. Но как регуляторы и управленцы, они не могли не сознавать зависимость производства от потребления, и потому придумывали такие модели финансирования, в которых устанавливалась связь между казенными деньгами и, например, количеством поставленных услуг — на этих условиях создавались многочисленные бюджетные учреждения культуры. Впрочем, для реформаторов, решающих сложнейшие задачи, вопрос о культуре был третьестепенным. В результате неожиданным для всех оказалось новое проявление системного постсоветского двоемыслия: когда через различные Фонды государства субсидирует те виды культурной деятельности, которые по идее существуют для зарабатывания денег. Массовое развлекательное кино и телевидение, архитектурные и дизайнерские градостроительные проекты, организацию городской среды, музыкальные шоу — все это должно бы приносить доход, но готово тоже присесть на дотацию, раз уж ее предлагают.

На российском культурном пространстве сложилась ситуация, при которой в море неве-

роятно низкого качества попсы плавают небольшой островок так называемого современного искусства. (Русский язык, кстати, до сих пор находится в полном замешательстве, когда речь идет об этом, крайне неопределенном термине. Недаром министерство культуры несколько лет назад пыталось разделить названия на основании того, что все ныне живущие художники, даже пишущие обычные пейзажи и портреты, современны, и предложив ту разновидность искусства, что исследует возможности формы, медиа и коммуникацию со зрителями, называть «актуальным». Инициатива, впрочем, провалилась.) Широкий массовый зритель ничего о сорвиске не знает, знать не хочет, но по телевизору о нем «напел Рабинович», поэтому он готов дружно обсмеивать «Большую глину». Никаких популярных программ для этого вида деятельности в СМИ не предусмотрено.

С другой стороны, в стране работает массовое производство развлекательного контента самого низкого пошиба. Отношение к этому роду деятельности со стороны авторов весьма цинично, оно не пользуется уважением, напротив, сериалы, песни, шоу, концерты и книжки делаются кое-как, для получения бабла, под лозунгом «чем глупее, тем вернее». Этот ширпотреб досуговой формы распространяется в огромных количествах, формируя язык, формы поведения, привычки и ритуалы у архаической в культурном отношении и эстетически неразвитой части населения, которая его потребляет, и которая в свою очередь, ведет его за собой в сторону еще большего упрощения.

И между этими двумя крайностями не возникает того, что можно было бы назвать культурой для среднего класса. В позднесоветском обществе сформировалась более-менее образованная публика со своими вкусами и потребностями, которые вынуждены были учитывать и те, кто занимался управлением культурой. Публика производила независимую и негласную работу рейтингования, в которой авторитет художникам создавал именно успех у активной части населения, а не официальные тиражи

и награды. Так было с Высоцким, с Окуджавой, со Стругацкими, Шушкиным, Трифоновым, молодым Михалковым и другими авторами, работавшими для подготовленной, но в то же время достаточно широкой аудитории. Сегодня, если попросить представителей образованного класса назвать десять имен лучших современных авторов в любом виде искусства, их списки вряд ли сойдутся, и думаю, сильно изумят профессионалов. Самые авторитетные эксперты-гуманитарии: политологи, экономисты, историки, социологи, которых нынче слушают все те, кто хочет разобраться в происходящем, вряд ли знакомы с теми произведениями, что обсуждаются внутри специальных культурных сообществ. Разрыв между теми, кто оказался в топах критиков и рейтингах профессионалов и теми, кого знают и обсуждают, казалось бы, продвинутые потребители, показывает, что у нашей национальной культуры нет среднего звена, нет более-менее устойчивого круга общеизвестных и влиятельных деятелей культуры. Объединяет нас только прошлое, русская и советская классика, или — в меньшей степени — мировые имена и названия. Именно поэтому сегодня даже в столицах традиционная культура во всех своих проявлениях становится новым фетишем, толпы собираются на выставки Серова и Айвазовского, наибольшим спросом в книжных продажах пользуются серии классики, а в театральном мире более академические опера и балет заметно выигрывают у драматического театра, некогда популярного именно потому, что отвечал «за смысл».

Любимое поклонниками искусство перестает быть современным. Те произведения, которое рождаются сегодня в сегменте столичного арт-истеблишмента, не интересуют нынешнего, все более консервативного зрителя. Возьмем победителей профессиональных премий: их имена ничего не скажут людям вне специального круга — даже в области кино, которое по определению, вид более массовый, чем изобразительное или театральное искусство. Приведу пример прошлого 2021-го — послед-

него спокойного — года: на Каннский, самый престижный в мире фестиваль отобрали в конкурс фильм популярного у молодых Кирилла Серебренникова «Петровы в гриппе» (снятый по вроде бы модному роману), но в России (плюс Казахстан, Белоруссия) его посмотрели не более 120 тысяч зрителей, из них почти 50 тысяч пришлось на Москву. Практически провалился прокат победителя второго по значению конкурса Канн «Разжимая кулаки» Киры Коваленко, не больше 12 тысяч зрителей посмотрели его осенью 2021 года, несмотря на мощную компанию в качественной прессе. На «Медее» Александра Зельдовича пришло на порядок меньше — 1800 человек. А «Обходные пути» Екатерины Селенкиной, в прокат тоже вышедшие, не заметили даже и критики, несмотря на спецприз Венецианского фестиваля. Интересная произошла история с фильмом «Капитан Волконогов бежал» Меркуловой и Чупова, получившим главный приз на «Кинотавре» — многие критики выразили свое удивление этой наградой, сочтя картину слишком уж простоватой, заигрывающей со зрителями и их эмоциями. К сожалению, в прокат он так и не вышел, так что нет уже возможности проверить его влияние на зрителей.

Когда мы говорим сегодня о двух Россиях, одна из которых сидит у телевизора, слушает популярные музыкальные FM-станции и ходит на развлекательные шоу, где популярные артисты поют под фонограмму, а вторая сама выбирает себе повестку в интернете, то надо иметь в виду, что у этой второй (демократической, либеральной, технически продвинутой) России нет своего искусства. Так случилось потому, что эмоциональность, суггестивность, прямые попытки выразить в искусстве свое отношение к реальности, и уж тем более ее в нем отразить, воспринимаются как отсталость и непонимание сути современного отношения к новым формам репрезентации и отсутствию нарратива.

Редкие авторы пытались противостоять этой тенденции. Григорий Чхартишвили в одинокую сочинял позитивную российскую реаль-

ность с благородным героем, экспериментировал с жанрами, встречая в свой адрес снобистское пренебрежение от коллег, хотя и сегодня его проект остается самым успешным и, между прочим, международно котируемым. Дмитрий Быков, помимо романов, писал стихотворные фельетоны, получившие известность благодаря Михаилу Ефремову, но, главной причиной его популярности стали медийные выступления, в которых талант публициста сопрягался с вниманием к школьной классике. Можно назвать еще несколько фигур, из последних на память сразу приходит, например, Дмитрий Глуховский, чьи романы сразу ложатся в основу сценариев к сериалам и видеоиграм. Удивительная популярность романов для подростков, написанных Андреем Жвалевским и Евгенией Пастернак, тоже доказывает, что нужда в качественном жанре очень велика. Но, по сути, работа культуры с жанровым искусством, с его возможностями развлекавая, поучая, информировать, формировать стереотипы, эмоционально воздействовать, с его нормативностью, моралью, пало жертвой крайностей. Лучшие и наиболее талантливые авторы охотно пускались в освоение новых для российского сознания идей постмодерна, интеллектуального поиска, лабораторных экспериментов, а наиболее циничные зарабатывали самым легким способом.

Сегодня, когда ситуация в отечестве оказалась весьма драматической, люди в поисках утешения, поддержки и поиска собеседников снова обращаются к прошлому. Кто хватается за Франкла, кто за Диккенса, но в любом случае ищут устойчивой опоры в морали, в гуманистических ценностях, то есть, в том, на чем держалась соблазняющая и зависимая от внимания потребителей беллетристика, зрительское

кино, психологический театр. Однако без современных форм художественного мейнстрима не формируется и современное сознание, нет общих для интеллигентной публики визуальных образов, мифологических схем, по сути, нет оптики для представления о сегодняшней России — поскольку дело это коллективное, без тиражирования и отражения в миллионах голов и глаз оно не заработает.

Тот период постсоветской истории, который можно было бы с натяжкой назвать либеральным, оказался потрачен на создание сект и кружков, а не направлений. Лидеры некоторых кружков пользовались не прямым, но сильным влиянием, под которое попали активные и предприимчивые люди — но это было влияние либо простых и технически инженерных идей, как у Щедровицкого, либо туманных и эсхатологических, дающих пищу нездоровой фантазии и воображению, как у Мамлеева. В области искусства идеи тоже было предостаточно, но в искусстве идеи напрямую не работают, поэтому концептуализм и его производные не рожают эмоционального отклика. А людям нужны эмоции, сопереживание, эмпатия, и еще — сама стыжусь это всерьез произнести — идеализм и романтика. Западная жанровая культура имеет дело с этими человеческими свойствами, и сегодня можно говорить о новых мифологических вселенных, от Марвелла и Гарри Поттера до «Аватара», от Стивена Кинга и Джорджа Мартина до Донны Тартт, Пауло Коэльо и Мишеля Уэльбека, которые пользуются спросом, издаются большими тиражами, и могут обсуждаться со своей многомиллионной публикой самые актуальные проблемы.

Увы. В российском искусстве такого разговора не происходит.

© Текст: Елена Солнцева

«Смена декораций» Гриши Брускина сменила декорации в стране

ДМИТРИЙ ГРАЖЕВИЧ

искусствовед, директор фонда «Арт-проект»,
куратор выставок

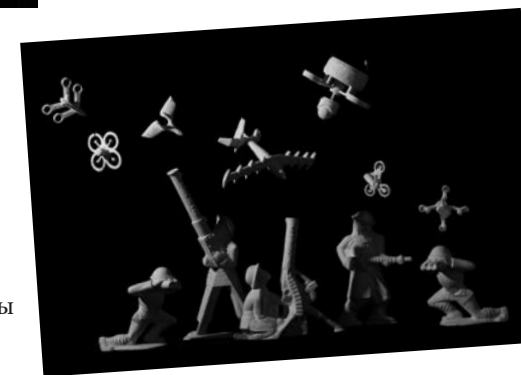
Смена декораций

Григорий Брускин взорвал «бомбу» в Москве после начала в то же время закрытия выставки «Смена декораций» в Новой Третьяковке (хоть и фигуральным) романом российской власти по современной культуре России. что две абсолютно разные планеты пространства обменялись пред ударами. И замерли. Декорации не сняты, но порваны.

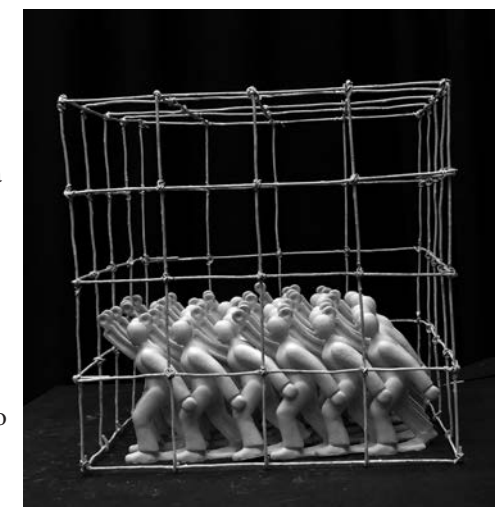
Художник Гриша Брускин считается одним из самых интеллектуальных авторов и проницательных свидетелей эпохи второй половины XX — начала XXI века. И то, что его выставка впервые за много лет была закрыта по политическим причинам руководством Третьяковской галереи, только подчеркивает его тонкое художественное осмысление, в котором искусство вплетается в жизнь, как лоза.

Разбираться в том, кто и по какой причине закрыл сильную выставку, которую готовили два года, нет никакого желания. Хотя, вру. Желание есть. Истории необходимо знать имена своих деятелей. Культуры. История не огороженное пугало.

Кто они? Откуда они? Даже в СССР такой цензурной неразберихи не было. Советские цензоры по крайней мере были профессионалами. Они хотя бы знали, почему нельзя то или это. Некоторые из них скрытно помогали автору стихов, романа или филь-

первую мирную ла спецоперации. Григория Брускина тьяковке явилось бомбовым удамной (а значит Такое ощущение, или временные варительными

Театр памяти

Смена декораций

Пролог

ма прорваться сквозь жесткий занавес цензуры. Сейчас нет никакого главлита (главное управление по делам литературы и издательств СССР), сейчас время злых троечников. Может быть, что мы и виноваты в их озверении. Мы все в чем-то виноваты. В том, что родились в странной советской стране, потом оказались в кратковременной пустоте свободы, а потом не заметили, как запутались в липкой паутине. Гриша Bruskin показал, что такое империя, что такое имперское сознание, которое постоянно приводит к войне. И мы будем крутиться в этой замкнутой шаровой молнии, пока не сбросим с себя кожу империи. Такие мысли крутились у меня в голове и во время, и после просмотра выставки-спектакля.

Не знаю, кому и зачем это нужно.

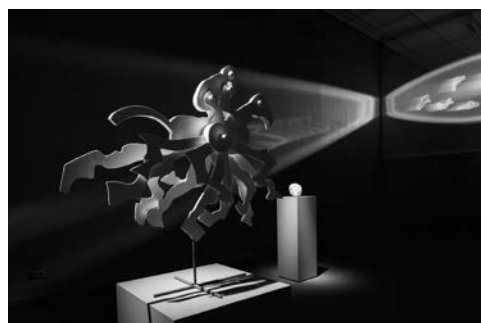
Закрывать выставку.

Гриша Bruskin «Смена декораций», которая 15 марта 2022 года в Москве, в здании Новой ки на Крымском валу после двухгодичной Открылась, кстати, при прямом содействии ства культуры РФ, так как Третьяковская гачиняется этому министерству и финансиру-этим министерством. Поэтому не стоит бро-ни в Зельфиру Трегулову (Гендир Третьяковки), ни в Ольгу Любимову (Министр культуры РФ).

Мы же с вами не наивные дети, да? Мы понимаем, как т а м всё устроено — все горят на одном Еди-ном костре, но у каждого своя горелка. При этом всеми горелками управляют специальные газовики, которые, при необходимости, убавляют или добавляют огонька. Такая вот отечественная культурная кулинария.

Гриша Bruskin ударил меня током с первого зала. Даже с предзала (прелюдии выставки), где при вхо-де зрителя сразу подхватывает ток, и кони первой мультимедийной 3D инсталляции несут вас далее по залам экспозиции.

Мне показалась отличной идея отрепликовать некоторые работы художника, которые он делал 10, 20, 30, 40 лет назад и теперь создал их реплики в новых форматах, декорациях, решениях материала. Маленькие филигранные фигуры на тему 1-й мировой войны вдруг превратились в масштабные гип-

открылась Третьяков-подготовки. Министер-лерея под-ется тоже сать камни

Пролог. Всадник

Прогрушивается муза

совые скульптуры, размещенные в простых деревянных ящиках. Как будто их транспортировали из одного времени в другое, но еще не успели распаковать. К каждой фигуре можно подойти близко, заглянуть в глаза или посмотреть на разорванное от во-йны тело. Сложный психологический трип.

Зал «Толпа и власть» являет подчиненную массу — легион оди-наковых штампованных человечков, выставивших вперед руку в патриотическом порыве.

Потом огромный гобелен, сотканный по работам Гриши с темами еврейской религиозной мистики, которые он написал еще в 80-е годы. Иудаизм, в котором существует запрет на изображение, обретает зримые фантастические формы на разноцветной ги-гантской шпалере. «Древние сравнивали мир с ковром, соткан-ным Богом», — объясняет выбор материала автор.

до девятого зала, понимаю-наэлектризован, ему ну-дом можно назвать послед-зале тоже представлена ляция, которая является ных работ художника. качелях, погружается через ратно. На каждой фигуре и прочитайте надписи, ко-послание истории: хватит империй!

Заведующий Отделом новейших течений Государственного Рус-ского музея Александр Боровский написал: «Гриша Bruskin

Продвигаясь от первого щий и чувствующий зритель жен громоотвод. Громоотво-ный зал, где, как и в первом мультимедийная инстал-частью «живых» глина-Здесь зритель, как на водных античное в актуальное и об-можно найти, расшифровать торые выливаются в главное

впервые максимально со-кратил дистанцию между произведением и зрите-лем. Как-то ослабил оптиче-ский контроль. Аудитория получила самостоятельность в отношениях с артефакта-ми, зрительное приблизи-лось к тактильному». Да, на выставке Гриши Бру-скина зритель стал не только

Театр памяти

зрителем тотального и актуального синтеза выставки и театра, но и соучастником проекта художника. Невозможно было уйти из Новой Третьяковки без долгого внутреннего созерцания, без размышлений о частичном, полном, временном и вечном.

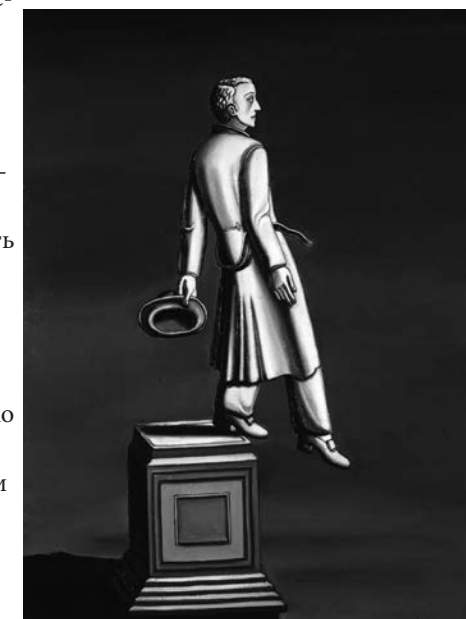
© Текст: Дмитрий Гражевич

Смена декораций

Смена декораций

Шаг

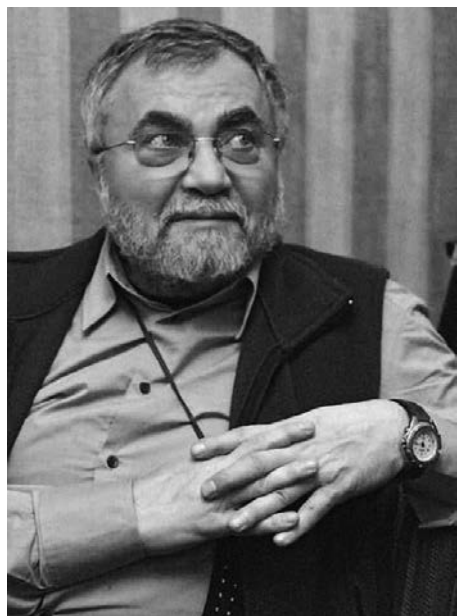
КУЛЬТУРА

Коллекция археолога

Алексей Цветков

Последнее интервью

АЛЕКСЕЙ СОСНА

Горько скорбя об уходе поэта, публикую беседу с ним, состоявшуюся 25 сентября прошлого года — по видимому, вообще последнюю записанную.

А.С. Алексей Петрович, несмотря на то что ваша биография изучена и, я думаю, через короткое время ее начнут проходить в школах... Вы, конечно, должны сейчас усмехнуться.

Алексей Петрович Цветков: Я усмехнулся, да.

А.С.: Но так оно на самом деле и будет. Начните, что называется, *ab ovo*, с какого-нибудь дальнего-дальнего места. Что вы помните, что вы знаете о своих предках, может быть, даже не о родителях, а о дедах и прадедах? Откуда вы взялись, как вы оказались в Ивано-Франківське?

А.Ц.: На самом деле, я знаю очень мало. В Ивано-Франківське я оказался потому, что после войны туда приехал мой отец, кадровый офицер. Он прошел финскую войну, потом всю Великую Отечественную. Был ранен в Праге в последний день войны, 9 мая. У него был шрам вот здесь на голове, такое скользкое, слава богу, ранение. Вот это я знаю. И знаю, что впоследствии все его друзья были офицеры, отставные офицеры. Я сравнивал, кстати, свои воспоминания с другими военными детьми. Всегда отмечали, конечно, День Победы, собирались, выпивали, но никогда о войне я ничего от них не слышал: ни от отца, ни от его сослуживцев. Они обсуждали что-то такое сиюминутное, повседневное. Возмущались сокращением армии хрущевскими, которое было, знаменитое, в начале 60-х годов.

А.С.: О, так он был еще долго военным после войны?

А.Ц.: Я сейчас перейду к своей биографии, и будет понятно. Он был кадровый военный, да. В чине подполковника ушел в отставку. Сам он родом из Краматорска, где была вся родня... Краматорск — это Донбасс, очень смешанная этническая такая каша. В общем, надо считать, что он был русским, хотя впоследствии его ДНК показала разную смесь, а что такое русские по ДНК, это никто не знает, даже славянин — непонятно. Но эта часть у меня, скажем так, грубо, славянская.

Что касается матери, она была из такого большого, наверное, скорее это город, чем местечко, сейчас точно город, это Петропавловка в Днепропетровской, но сейчас Днепропетровской области. Это была довольно большая еврейская семья, потом всех раскидало, особенно в войну. Некоторые попали в Россию, некоторые осели в Украине. Мои корни все в Украине.

Что я знаю о матери. Она была в эвакуации, по-моему, в Ташкенте, а потом после войны познакомилась с отцом. Это уже в Харькове было, почему-то там отец ока-

зался. Она училась в театральном училище, готовилась быть актрисой, но замужество положило этому конец. Родился я в Ивано-Франковске, где отец был по военной нужде дислоцирован в то время. Это земли, которые были в свое время отняты у Польши, это Западная Украина. Тогда он назывался Станислав, или даже польски Станиславов. Мы все переехали в Москву, потому что отец поступил... у него было как бы среднее военное образование, а он хотел получить высшее. Он поступил во Фрунзенскую академию. Первые мои взгляды на мир, которые запечатлелись — это Москва. Там решил поступать на истфак. Какой год был, я уже не помню, 66-й, что ли. Я везде на всех факультетах, на которых я учился, первый семестр был отличником, а потом все катилось под откос. И я ушел из МГУ с истфака, но чтобы не бросать все, перевелся в Днепропетровский университет на исторический факультет на заочное отделение. Даже съездил на одну сессию, но большая грусть напала на меня...

А.С.: А жить продолжали в Москве?

А.Ц.: Нет, жил в Запорожье. Потом снова поехал в Москву, поступил на журфак. И на журфаке тоже далеко не ушел, опять где-то два курса неполных. Работал в газете «Тюменский комсомолец». Однажды решил, что надо уехать куда-нибудь из этой страны, потому что мечтал об этом всегда. В итоге, путем поездок в Москву, путем знакомства с еврейскими диссидентами выбил себе приглашение и уехал в Соединенные Штаты в 1975 году. Выехал, а приехал в Штаты в 76-м.

А.С.: Какие-то репрессии были? Какие-то столкновения здесь со специальными службами?

А.Ц.: Репрессии были, конечно, да, потому что я приезжал на каникулы в Запорожье, читал стихи. Там было специальное кафе, где читались всякие стихи. Кафе, естественно, было организовано горкомом комсомола под эгидой ГБ. Разговоры всякие были. В конце концов, был фельетон, большой разгром всякой запорожской молодежной элиты. Об этом у меня даже есть такая книга, отчасти аллегорическая — «Эдем».

А.С.: Гениальная. Это третья книга, по-моему... да?

А.Ц.: Да, которая составлена как повествование от завязки к развязке. Там я более-менее изложил эту историю.

А.С.: «Голодный глоток нембутала. Кладбищенской глины разрез...»

А.Ц.: Я не буду стихов читать, нет. Вы меня просите вспомнить, вот я вспоминаю. В итоге пришла, естественно, телега в МГУ, меня стали выгонять с журфака, чего я не хотел как раз в этот раз. В результате чего я перевелся на заочный. Потом Сибирь, Казахстан. Потом отъезд.

А.С.: А таких каких-то жестких репрессий типа ареста или вызовов?

А.Ц.: Арест был как раз в Москве, когда я, собственно, уже не учился. Мы тогда с Сережей Гандлевским снимали напололам квартиру в Тушине. В это время его не было. Пришел участковый мент с понятием, посмотрел документы, а у меня кончалась, естественно, московская прописка, которая была университетской, и сказал: «Первое предупреждение. Семьдесят два часа. Выметаться из Москвы». Я думаю, что семьдесят два часа у меня есть. Поехал к друзьям переночевать, и веселились там... Потом наутро звонок в дверь... сидят эти все друзья, я говорю: «За мной». Они посмеивались надо мной, что у меня мания преследования и все такое. А за мной хвосты реально ходили по Москве и моих однокурсников расспрашивали обо мне. Я говорю: «Это за мной», — и побегал в сортир, но не стал закрывать дверь. Она полуоткрытая, а я за ней. Они сказали, что это обычная проверка, но явно вели себя как не участковые, но тоже с понятиями. Стали соваться во все двери, в том числе в двери других квартир, где жили другие жильцы, они уже на работе были. Довольно интенсивно. Один приоткрыл дверь сортира, там вроде никого нет, меня уже прижало, потом еще раз попытался, но они меня не нашли.

А.С.: Не заметили?

А.Ц.: Не нашли они меня в этой сортирной щели и вроде бы ушли. Мы в панике. Я пытаюсь набрать нужную сумму денег, чтобы улететь в Запорожье.

И вот прилетел в Соединенные Штаты, по-моему, в феврале 76-го года, в Нью-Йорк. Очень, конечно, странный был этот Нью-Йорк. Какое-то время жил в отеле, потом нашел работу дворником в пригороде и одно время дворничал. А потом ребята, с которыми познакомился в Риме — они были советские рок-музыканты в про-

шлом — они все полетели в Сан-Франциско. Там даже организовали рок-группу, которая была одно время даже на американском телевидении, но потом развалилась все... Я решил, что чего я буду в этом Нью-Йорке, я лучше полечу в Сан-Франциско, так интересно... и полетел туда к ним. Устроился там на работу в газету «Русская жизнь».

А.С.: *Английский уже был?*

А.Ц.: Английский у меня был всегда, но разговорный был плохой. Я уже в Союзе свободно читал по-английски, а там пришлось тренироваться, тем более что язык-то был другой немножко. Нас — как умели, конечно — но учили британскому произношению, поэтому это было немножко странно. Год у меня ушел на то, чтобы английский стал прозрачным. В этой газете «Русская жизнь» я какое-то время работал. Потом прилетел туда Саша Соколов на гастроли. Мы с ним познакомились. Я почитал там стихов, ему понравилось, и вообще мы очень подружились. Он, вернувшись в «Ардис», показал эти стихи директорам издательства Карлу и Эллендее Проффер. Их посмотрел Иосиф Бродский и сказал, что это, в общем, неплохой поэт, надо печатать, выкинул большую часть моих шедевров и отобрал то, что для книжки.

А.С.: *Бродский?*

А.Ц.: Да. Я, кстати, тогда на него очень обиделся и сказал: «А что мне с этими стихами сделать?» Он сказал: «Выкинуть». И я обиделся. Только потом пожалел, что больше не выкинул, но тогда книги не было бы.

А.С.: *Это «Состояние сна» книжка?*

А.Ц.: Да-да-да. Вот так у меня вышла первая книжка. Попутно я поступил (жить-то надо как-то) в аспирантуру, не имея, кстати говоря, ни одного диплома. Я уже объяснял, как я учился, но из университетов у меня были академические справки, с истфака и с журфака. Они переведены были по американскому понятию в кредиты, и этого хватило на то, что как бы у меня есть уже образование, колледж, четыре года. То есть меня приняли в аспирантуру, причем на докторскую степень.

А.С.: *Это Мичиганский?*

А.Ц.: Мичиганский университет, да. Как-то мы, прям всю биографию до смерти довести, что ли, да? (улыбается). Я год смерти не знаю.

А.С.: *Мичиган, доктор философии, преподаватель...*

А.Ц.: Доктор, но не философии. Доктор философии (PhD) по славянским языкам и литературе со специализацией на русской — это приблизительно эквивалентно кандидатской степени в России.

Потом на «Голосе Америки» какое-то время проработал, не очень понравилось, очень рутинная работа, в основном переводчиком, потому что мы, набранные из нового поколения, в основном, люди образованные, знали хорошо и русский, и английский. Километрами переводили присланные сверху материалы. Мне это не очень нравилось. В итоге я оттуда ушел и поступил на «Свободу». Сначала Мюнхен, потом Прага. В Мюнхене почти пять лет, а потом, я не знаю... экономия средств... может быть, желание избавиться от некоторых нежелательных сотрудников, которых было трудно уволить. Нас [радио «Свобода»] просто закрыли в Мюнхене, переместили штаб-квартиру в Прагу, а тем сотрудникам, которых хотели с собой взять, предложили заново написать заявление о приеме на работу, и я был в их числе. Потом в Праге я прожил и проработал двенадцать лет.

А.С.: *Это с конца 80-х?*

А.Ц.: Нет. Там же была еще «Свобода» в Мюнхене. Нет, это примерно 95-й год и по 2007-й.

А.С.: *А вот то, что в России называли перестройкой, с 87-го?*

А.Ц.: Это застало меня отчасти на «Голосе Америки», а потом уже в Мюнхене. Я впервые приехал в Россию, и вы, наверное, помните этот эпизод.

А.С.: *Мы как-то прошли мимо «Московского времени», всей этой вашей невероятной плеяды с канонизированным Сопровским... еще живыми, дай им Бог здоровья, Гандлевским и Кенжеевым... Может быть, скажете о «Луче»?*

А.Ц.: Да, конечно. Все мы познакомились на «Луче». Это была литстудия, которой руководил Игорь Волгин и в каком-то смысле, дай бог ему здоровья, до сих пор ее возглавляет, хотя сейчас у него семинар в Литинституте. Какое-то короткое время, я помню, там был Юрий Ряшенцев,

который его заменял почему-то... Первым, с кем я познакомился, по-моему, в 70-м году, появившись там, был Бахыт. А потом постепенно, точнее, они сразу двое: Гандлевский и Сопровский. Собственно, то время, когда я был в Москве и пока не уехал за рубеж, мы были не разлей вода. Что такое было «Московское время»? Во-первых, это не было «Московское время», это был такой кружок друзей. «Московское время» назывался альманах рукописный самиздатовский, который мы готовили и выпустили как раз практически к моему отъезду или даже уже после. И это был единственный номер, в котором были мои стихи, потому что выходили еще после этого номера, но я был бы уже такой компромат тяжелый, что ребята не могли себе позволить, да. А вообще, это была такая группа, просто тесный кружок — друзья: юноши, девушки... Что мы там делали? Мы пили водку и обсуждали стихи, причем обсуждали иногда вполне формально. Я, помню, делал доклад какой-то по Багрицкому, обсуждали хороший ли Багрицкий поэт, хороший ли он человек, что-то такое было... И читали свои стихи, естественно. Меня эти же люди и провожали, и выпивали мы вместе накануне отъезда. А потом неожиданный сюрприз: вдруг Бахыт прилетает в Канаду. Я тогда работал как раз в Дикинсоне. Я отпросился — отнеслись с пониманием. На пару дней дернул к нему, и очень было трогательно все. Ну и до сих пор трогательно, до сих пор как-то не потеряли друг друга из виду.

А.С.: *О вас, с редкой для него чувствительностью, вспоминал в своем самом, наверное, скандальном романе «Это я — Эдичка» Эдуард Лимонов, выведя вас под Алешкой Славковым, если я не ошибаюсь.*

А.Ц.: Да.

А.С.: *Как-то сложились отношения?*

А.Ц.: Они очень хорошо сложились, мы были друзья. Я не знаю, что бы о Лимонове ни говорили и что бы я сам ни говорил, так сказать, впоследствии, когда у него в руках оказались какие-то конкретные политические рычаги... Тогда мы были очень-очень близкими друзьями. Этот отель «Винслоу», который описан... Мы там часто собирались, выпивали, ели знаменитые лимоновские щи, которые он варил в каких-то прям чанах. Такое какое-то трогательное, беззаботное время, хотя какое-то непонятное, что же будет дальше — пока я не уехал в Сан-Франциско.

После этого мы встречались тоже. Ну, как мы встречались?.. Допустим, когда-то мы собрались с ним и с Сашей Соколовым, с которым я его познакомил... они тоже очень полюбили друг друга. Мы отправились (где-то взяли машинку, кто-то нам дал) на гастроли по калифорнийским университетам. Очень была забавная история. Что там вспоминать? С какими-то людьми познакомился в ходе этого, допустим, с Милошем. Наши последние встречи были в Калифорнии. После этого я лично с ним никогда и вообще в контакт практически не вступал. Что-то до меня доходило, что он в Москве меня разыскивал, где я был мельком, но я был в каком-то чудовищном гриппе. Он меня не нашел, я улетел в Прагу...

А.С.: *То есть вот за эти последние тридцать лет вы с ним...*

А.Ц.: Никакого контакта, да. Интересно, мне кто-то прислал откуда-то выдержку, но это было уже довольно давно. Выдержку я недавно читал, что он пишет: «Вот Лешка Цветков, как-то жалко, что он попал в лапы либералам, и они его свели с правильной дороги», — вот такое было упоминание.

А.С.: *А с Сашей Соколовым тоже разошлись?*

А.Ц.: С Сашей Соколовым как-то разошлись наши дороги. Последний раз мы виделись, кажется, это было в Крыму, где он вышел из глубин и явился народу. Это было сначала в доме у Алейникова, с которым я познакомился еще во времена СМОГа. Нас судьба столкнула. И там мы сидели, потом он на этих Волошинских чтениях выступал, да. И это, пожалуй, была наша последняя личная встреча.

А.С.: *То есть, это начало 2000-х видимо?*

А.Ц.: Да, да. С тех пор мы пару раз по почте чем-то перекинулись, но не встречались. Мы очень разные люди, конечно, и нам уже было бы трудно о чем-либо говорить. Если говорить о литературе, то он одна из самых ярких фигур и в русской литературе, и в моей жизни, и сыграл очень важную роль в моей судьбе, и был очень-очень близким другом.

А.С.: *Эх, как это печально звучит: был близким другом...*

А.Ц.: Смешно говорить о человеке, которого ты не видел, не знаю... семнадцать лет или что-то в этом роде, что мы близкие друзья. Да нет, уже так нельзя сказать.

А.С.: *С Иосифом Александровичем?.. Я почему так спрашиваю, потому что Бродский владел умами как раз в середине 80-х: дошли уже практически до литературных, да и не только, масс его творения. Я понял, что Бродский имеет в вашем коллективном таком составном лице совершенно могучую альтернативу именно на уровне поэтики. Потому что Бродский задавил — сейчас, наверное, можно сказать — все живое вокруг себя именно своей специфичностью, часто компилируемой до пародийности.*

А.Ц.: Дело в том, что он, во-первых, был достаточно известной фигурой еще до эмиграции. У него выходили сборники, он ходил в самиздате, когда мы не очень были известны. Помимо всего прочего мы и помоложе Иосифа Александровича. Ну и потом эта история с его процессом. То есть на мой арест не особенно обращали внимания, а его процесс, благодаря тому, что в зале нашлся человек, который это все стенографировал... И потом, на Бродского вышли Карл и Эллендея Профферы, которые очень помогли ему в Америке.

А.С.: *Кстати, о Профферах, буквально на два слова в сторону. Чем они, как вы полагаете, руководствовались, издавая русскую современную литературу? И перестройка их убила по сути дела?*

А.Ц.: Ничем они не руководствовались. Они руководствовались чисто энтузиазмом. То есть это все было им абсолютно в убыток.

А.С.: *Но это же стоило каких-то денег, их надо было где-то брать?*

А.Ц.: Это стоило денег. Эллендея рассказывала, как Карл чуть ли не каждый год приходил в банк — сейчас бы у него не прошел такой номер, но тогда были личные отношения — перекладывал дом, брал под этот дом кредит и вбухивал деньги вот в это все.

А.С.: *Откуда такая любовь к славистике?*

А.Ц.: Откуда такая любовь к поэзии, допустим? Есть такой миф: Карл был высоченного роста и играл в баскетбол, и как-то где-то на сборах... Это полумиф, я не знаю, правда ли это... и как-то где-то на сборах он заболел, не мог играть или же валялся и читал Достоевского... и тут его ударило.

А.С.: *Заболел русской литературой?*

А.Ц.: Да. Я знал другого человека, не буду сейчас упоминать, который заболел от Лескова вот так вот. Такие вещи случаются.

Такие вещи случаются, да. То, что эти люди были действительно просто замечательные энтузиасты... Есть какие-то встречи в жизни, которые просто... — противное слово «судьбоносные» — но иначе не назвать. Вот Профферы были для меня одними из главных людей в моей жизни, да. «Ардис» — это был такой большой дом. Ну, Анн-Арбор — это город, университетский город, где, кстати, Проффер был профессором. Это такой дом, битком набитый книгами, из которых большинство русские. В подвале было издательство, где тоже книги, где композеры, на которых мы их набирали, корректировали с помощью лезвия, там вклеивали, тогда такая была система... Тут я работаю. Где-то в другом месте, то есть рядом, через комнату работает Леша Лосев. Вот такие вот вещи.

А.С.: *Кстати, о Лосеве, раз уж разговор зашел, скажите несколько слов, вы дружили.*

А.Ц.: Да, Лосев. Интересно, что в Анн-Арборе мы близкими друзьями не были. И поначалу же никто не знал, что он стихи пишет. Когда вышла первая книга, а она вышла — не будем входить в обстоятельства — она вышла не в «Ардисе». У него сложные были отношения с «Ардисом». Она вышла у Игоря Ефимова, в его издательстве. И это было как разорвавшаяся бомба. Действительно никто не знал, как вдруг он родился — как Афина из головы Зевса! Конечно, он писал и раньше. Когда-то, я помню, мы в Праге уже выпивали с Рейном, и Рейн сказал: «Хочешь, я тебе прочитаю ранние стихи Лосева?» Я сказал: «Нет, если Лосев этого не хотел. Я бы не хотел, чтобы мои ранние стихи кто-то кому-то читал. Если Лосев этого не хотел, то и я это не хочу». Так и не стал я слушать ранние стихи Лосева.

Потом как-то мы встречались, приезжали к нему в гости, я помню, с Филиппом Николаевым и Катей Капович. Очень он был теплый, замечательный человек. Некоторых тем нельзя было касаться: допустим, о том же Бродском лучше было не говорить, потому что если вдруг обронишь критическое замечание, у него это не вызывало энтузиазма. Вокруг Бродского (почему я не влился в эту компанию) были отношения снизу

вверх, нужно было какое-то обожание. Я этого не мог... Честно говоря, считаю Лосева ничуть не меньшим поэтом, чем наш замечательный нобелевский лауреат. Оказалось так, что он сам себя поставил в тень и, насколько я знаю, как история работает, он в этой тени и останется. Он был замечательный человек. Уже вернувшись из Праги в Америку, я все лелеял, уже зная, что он болен, надежду съездить к нему повидаться, но в какой-то вдруг вечер мне позвонил Саша Соснин, сказал, что Леша умер.

А.С.: *С кем-то еще из этой так называемой третьей волны эмиграции культурной, литературной...*

А.Ц.: Дружили с Войновичем очень, особенно когда я был в Мюнхене, а он еще с прежней женой и дочкой жил в какой-то деревеньке под Мюнхеном... Либо он приезжал в Мюнхен, либо мы с женой приезжали туда к нему. Очень-очень приятно проводили время. Я очень любил их.

А.С.: *Вот этот роман «2042», который все более и более становится реальностью?*

А.Ц.: Этот роман вышел, когда я еще был на «Голосе Америки». Там мы его читали с большим интересом.

А.С.: *Не хотелось бы так напрямую касаться этой темы, зная ваше отношение к Крыму и ситуации в России... поэт ведь оперирует не только фактическим материалом, вот это нечто неназываемое — вдохновение, предчувствие, предвидение... Конечно, Блок не мог предвидеть революцию такой, но он ее предчувствовал... Вы что-то чувствуете относительно России? Как бы вы ни показывали себя абсолютнейшим космополитом-универсалом, который может жить в любой стране мира, вы же все равно занимаетесь писанием стихов на русском языке. И даже ваши переводы Шекспира последнего времени — это тоже взгляд в сторону России, в сторону русского читателя, в сторону участия языка в мировом культурном процессе, именно русского языка. Если сможете описать, что вы чувствуете?..*

А.Ц.: Про будущее... Про это будущее лучше вообще не говорить, честно говоря. Что я чувствую? Ничего к России специально я не чувствую. Я действительно жил во многих странах и стараюсь сейчас — хотя я понимаю, что многие рассмеются — смотреть за пределы челове-

чества. Я думаю, мы не оправдали возложенных на себя надежд...

А.С.: *Это сквозит в ваших последних стихах...*

А.Ц.: И не за тех себя принимаем. Что касается лично меня: да, я представитель этого биологического вида, я представитель русской культуры, и да, она для меня остается стержнем. Что это такое? Это какая-то коммуна носителей языка. Я захожу, скажем, в этот жилмассив [отель Alexander], где проходит это замечательное мероприятие, поскольку мы записываем это с вами именно в Черногории в Будве на «СловоНово» [имеется в виду знаменитый черногорский форум русской культуры]. Я вижу вот этот просто букет, цветник людей, к которым я обращаюсь. Это, конечно, они не все, но я отлично понимаю, что Россия — это не моя аудитория, и никто не моя аудитория. Моя аудитория — именно эта общность людей, говорящая на одном языке. Этот язык я, кстати, получил от своего отца, который уроженец Донбасса, и от своей матери, которая уроженка еврейского местечка в Украине. Это мой родной язык и другого такого у меня нет, в отличие... Очень смешно, вчера Венцлова говорил, что он ненавидит английский язык... Я очень люблю английский язык и практически последние много десятков лет только на нем и читаю, но язык, на котором я на самом деле пытаюсь говорить ближе всего к правде, как я ее понимаю, это русский. Язык моей семьи, моих друзей и вот этого культурного цветника, значительную часть которого я наблюдаю здесь. Беспочинит ли меня судьба России? Во-первых, беспокоит судьба всего мира. Сейчас отдельной России не существует.

А.С.: *Конечно, да.*

А.Ц.: Человек, знающий историю, знает, что вот процветает государство, процветает его культура, процветает его язык, а потом остается археология. Так же будет и в этом случае, но пока это существует, да, это меня волнует. Раз меня волнует судьба русской культуры, меня волнует и судьба России. Тут никуда не денешься.

А.С.: *Да. А ждете ли вы, что наступит свобода?*

А.Ц.: Нет, нет, нет. У России значительный опыт в этом. Где она наступит, она уже наступила и уже отступает. Это просто была удача.

А.С.: Вы имеете в виду 91-й год?

А.Ц.: Нет. Я имею в виду Просвещение, либерализм, техническую революцию, которая либо привязана к ним, либо случайно так совпало. То, что началось в конце XVII века и длится до сих пор, но уже, вполне возможно, в закатной фазе... потому что все печальнее ситуация и в Соединенных Штатах, из которых я уехал, и в других странах. Собственно, а куда России стремиться? Что, в этом разваливающемся мире она будет маяком свободы? Никогда.

А.С.: С чем вы связываете это?

А.Ц.: С ее историей.

А.С.: А чем вам XIX век так не мил?

А.Ц.: XIX век был частью той же модели Просвещения, либерализма. Все это шло с Запада. Не из Китая же мы получили все это. Не из Китая мы получили поэзию, да. Ничего в данном смысле дурного Китаю я не хочу. Россия — это окраина либерального западного мира. Все эти веяния в России оттуда, а другого очага просто не было. Не в Индии это было, не в Китае это было, не в Америке доколумбовой все это возникло. Это возникло в Европе, и очаги этого — Соединенные Штаты, в какой-то степени Австралия и Новая Зеландия. И это все гаснет. А что Россия? Россия в этом была какой-то маленькой приводной машинкой сбоку. Я сейчас не говорю о русской культуре в холистическом смысле, да. Ее всегда тянуло к какому-то гнету.

А.С.: Это да. А что вы думаете о христианстве как доктрине?

А.Ц.: Человек живет один раз, и он должен себе выбрать место и понять, что он делает, и он не может поклоняться чему бы то ни было, во что он верит, внутри вот этого ужасного общества.

Я не верю в вашу веру, я не разделяю вашу веру, но я буду, умру-не умру, бороться за права любого верующего, поскольку он не нарушает обычных человеческих законов, не приносит человеческих или животных приношений! Конечно, смешно, что все эти люди считают, что они что-то высшее в космосе, а вот кошки, которые здесь ходят, что они наши меньшие братья. Я совершенно так не считаю. Я считаю, что мы одна из ветвей эволюции, которая много о себе возомнила. Мы созданы так, что мы в очень короткий момент покончим со

своим родом. И я бы хотел, чтобы кто-то все-таки остался на Земле, потому что она в принципе симпатичная, и надо дать кошкам, пчелам, муравьям, сороконожкам шанс еще один. Вот мои взгляды на христианство. Христианство — там нет места для кошек, там нет места для собак, там нет места для сороконожек! — отпадает. Бах, Шекспир, Кант, Платон — это все наше. Вы слышали от какой-нибудь кошки хороший отзыв о Шекспире? Что это такое? Это смешно, мы хвалим себя за то, что мы — это мы и ни за что больше. Мы гордимся этим, что у нас есть Шекспир, что у нас есть Платон. А тем, что мы можем шесть миллионов людей угробить за один день?? Другие животные так не поступают! Очень мало животных, которые просто садисты. А человек — вот как раз одна из главных отличительных черт — он любит разрывать своего ближнего на куски и любоваться этим.

А.С.: Жуть. Это все-таки, наверное, не главная черта человека.

А.Ц.: Для меня — главная. В смысле, если у вас есть друг, который патологический убийца, но еще пишет стихи, какая для вас главная черта у него?

А.С.: Горе, горе...

А.Ц.: Горе — это нет!.. Горе-не горе, а есть моральный какой-то суд. Главная черта — это то, что он патологический убийца!

А.С.: Как доктор философии, скажите несколько слов о тех современных философских доктринах, которые...

А.Ц.: Ну, я не доктор философии, конечно, я доктор филологии (смеется).

А.С.: Вы погружены, вы весьма в теме.

А.Ц.: Славой Жижек — не философия. Гваттари — не философия. Это все камлание, это все нагромождения метафор. Они исходно заключают, что мир непознаваем, а все это болтовня культурологическая. Кроме того, они мои враги!

А.С.: Все вместе?

А.Ц.: Все вместе, да! потому что это десант, который слева идет на либерализм. Справа там фашизм, слева вот вся эта французская мерзость, которая просто не верит. Ну,

не знаю, начать с Фуко, я не могу здесь разбирать Фуко. Но Фуко считает, что все, что мы видим здесь... никакой истины нет, а есть какое-то борение каких-то доминантных структур. А я считаю, что есть истина. Я говорю это не в религиозном смысле слова, а истина есть что-то, что существует, и мы можем (как сказал Павел: «Сквозь стекло не ясно...») что-то разглядеть и как-то к этому приближаться. Этих людей это абсолютно не интересует, они в это не верят. Более того, вся их так называемая философия основана именно на этом.

Европейская философия для меня кончилась на Канте. Есть Ницше, которого я люблю, который сбил с толку малых сих, но он не философ, в основном... то есть он — сокрушитель. Он показывает, что все наши истины шатки. Он же говорил, что он философствует молотом. Он совершенно не был врагом истины и отрицателем, но поскольку он говорил афоризмами — кстати, в силу своей болезни, он не мог писать последовательно длинные книги — то там, грубо говоря, как в Библии, как в Коране, каждый найдет оправдание своим глупостям.

Меня в философии интересует то, что интересовало Платона, — вечные вопросы! Эти люди мне ни слова не говорят об этом. Они вообще отрицают то, что есть такие вопросы. Нет, меня интересует Вселенная, жизнь, место человека в живом мире Земли или место живого мира Земли в космосе. Я как раз верю, вот это вера уже! потому что у меня нет доказательств, но я верю, но она в чем-то обоснованная — что жизнь не ограничена этой планетой, что она существует везде. А в том, что есть такие злобные обезьяны, которые вершина этой жизни, и что они есть цари космоса, я сомневаюсь.

Есть такой один из крупнейших современных философов Дэвид Чалмерс — есть и другие философы такие — который считает, что жизнь и сознание — главное, потому что сознание — главная загадка жизни. Откуда оно? Оно заложено в космосе, оно заложено во Вселенной. Вселенная, все, что во Вселенной есть, одушевлено и в каком-то смысле — но не в нашем, не в собачьем — сознательно. Но наши все представления о боге — это как человек, только с бесконечными атрибутами. Откуда мы это взяли, я не знаю? Мы никогда не постигнем этих атрибутов, но Вселенная — это машина жизни. Вот так я ее вижу. И поэтому жизнь никогда не иссякнет. Мы можем уничтожить эту планету, и мы ее уничтожим, да. Но моя надежда на то, что вот есть то, что есть,

а не нет ничего. И это вообще повод для бесконечного оптимизма. Все будет хорошо, но не здесь, обязательно.

.....
Вот то стихотворение из сборника «Эдем», обретшее зловещую актуальность:

* * *

мы стихи возвели через силу
как рабы адриановы рим
чтоб грядущему грубому сыну
обходиться умелось без рифм
мозг насквозь пропряла ариадна
били скифа до спазма в ружье
чтоб наследным рабам адриана
развиваться без рима уже
кругозор населения уже
и не каждая баба при муже
но бесспорный аларих орел
он штаны нам носить изобрел
в наши годы бои не стихали
но в невинной мечте доползти
мы полки поднимали стихами
в кровь сбивая шрифты до кости
звезды в реках текли недвижимы
степь текла под копыта коней
и враждебные наши режимы
доживали в обнимку на ней
ночь была без имен и названий
мы следили за ней из развалин
отличать не по рангу смелы
римский меч от парфянской стрелы
протяни онемевшему небу
тишины неуместную весть
святой боже которого нету
страшный вечный которого есть
одеди моисеевой кашей
загляни в неживые глаза
пуст ковчег зоологии нашей
начинать тебе отче с аза
на постройку ассирий и греций
в хороводе других парамеций
возводить карфаген и шумер
вот такие стихи например ■

Константин БАТЫНКОВ

крокин галерея

практически всё, что движется в нескончаемом потоке становления и распада и замыкается в нескончаемую диораму наблюдаемой повседневности.

Парадоксально, но искусство родившегося в советском Севастополе в семье полярного лётчика Константин Батынкова говорит о повседневности, не зная ни пафоса, ни героя. Под стать Брейгелю с его «охотниками», с его «Икаром», с его отношением с действительностью, дезавуирующей героики, растворённую в кислоте мерцающей суеты «мира сего», Батынков работает со стаффажем, наделяя его особой смыслоносительной артерией.

Мотивация большинства того, чем занимается Батынков, сопряжена не с механическим созданием фантазийных миров и затейливых мифологий, а с особым, очень индивидуальным взглядом и отношением к реальности, особым восприятием того, что существует вокруг, но скрывается в пейзажах нескончаемых гаражей, промзон, ЛЭП, пахнущих током электричек. В этой прозе дней, в этих зонах отчуждения происходит то, что происходит, казалось бы, не должно, но и здесь идёт жизнь — люди живут, рожают, мечтают, куда-то лезут, болеют, умирают.

Всюду жизнь, а Батынков просто её рисует, почти без отношения к происходящему. Он не расставляет акцентов, он смотрит окрест, панорамно, а фокусировка его интереса непредсказуема, как непредсказуемо бытие атомизированных персонажей его произведений. Батынков не художник-проповедник, он наблюдатель: «что видит, то поёт». И это предопределяет очень многое в его искусстве, в репертуаре его содержаний.

«Всюду жизнь» — серия новых чёрно-белых крупноформатов, где Батынков с присущей ему специфически русской иронией, граничащей с «онегинским» сплинном, живописует родную страну, наблюдаемую им то ли со стороны обочины цивилизации, то ли из космоса, то ли из окна троллейбуса на Королевском шоссе.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Родившийся в советском Севастополе в семье полярного лётчика Константин Батынков на генетическом уровне воспринял и многие годы воспроизводит особую реальность, реальность нескончаемых пространств непрерывного действия строителей светлого... прошлого.

Прошлое не артикулируется автором и не сообщается с физическим временем. Оно мигрирует в содержательных планах его произведений, являя своеобразную метафору, укоренённую в памяти и воспроизводящую почти натурные пейзажи далёкого непереходящего детства.

Образы детей в данном случае фактически отсутствуют или мелькают где-то на периферии. Но именно оттуда, из умозрительного детства, с этого ракурса многосложные композиции Батынкова обретают то, что неосознанно притягивает к себе зрителя. Феномен детского мировосприятия — аналог «двадцать пятого кадра», онтологически присутствующий в большинстве его произведений. Это особая форма повествования, особое видение и понимание реальности, где всё возможно. Летающие коровы, например. Батынков обращается к крупному формату, освобождающему горизонт, позволяя охватить взглядом

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Очередной проект Константина Батынкова о другой жизни.

То, что делает Батынков, — достаточно просто, читабельно и часто, когда он того желает — изящно, чрезвычайно вариативно с казалась бы неизбежным при этом растворением авторского стиля. Чего, вопреки авторским же стараниям, не происходит. Батынков работает неистово и обильно, мотивируя свои креативные извержения исключительно внутренними творческими потребностями. По его изначальному посылу, к выставке «Другая жизнь» грозил написать полсотни холстов. Это за пару-тройку месяцев. Для его забугорных коллег по цеху, плотно встроенных в механизм реального динамичного арт-рынка, это — норма, они оценят его «стахановские» подвиги. Однако не поймут. Там подобного титанизма хватает, ситуация требует, к тому же Батынков из принципиально иного культурного пространства, из другой жизни.

Константин Батынков: «Почему “Кремль”? Наверное, время пришло. Я заметил, что за сорок лет, что я рисую, при этом живя в Москве, я ни разу не рисовал Кремль. За все это время он мелькнул на моих работах максимум пару раз. Я как-то интуитивно этого избегал, не отдавая себе отчета. В чем причина, не знаю... Оказалось трудно его нарисовать, трудно найти точку, интересный ракурс. В Европе, где были свои кремли, они практически все разрушены. Их там не осталось. Они не вписывались в городскую среду. Тамошняя буржуазия видела в них символы власти, духовного центра, что определило их под снос. На месте кремлей появились лавки, трамвайные пути, много чего появилось. У нас это все чудом сохранилось. Вся эта символика места, его традиционное наполнение и религиозное, и властное, и архитектурное сохранилось. До этого я об этом не думал, но в процессе рисования это как-то само собой открылось... Рисовал я все это практически по памяти и воображению, но оказалось, что знаешь Кремль с его видами почти досконально, на уровне интуиции. Интересно и то, что я не воспринимаю Кремль изнутри. Для меня Кремль — это всегда снаружи. Что там происходит внутри это тайна, мы этого не знаем. Это крепость посреди города, это сакральное место. Там царь, там царь-колокол, царь-пушка. Может, поэтому было так сложно подойти к этой теме, здесь всякие шутики и формализм не уместны. Да и шутить не хотелось». Батынков и внутри ситуации и вне её, он и программист и пользователь одновременно. Он воспроизво-

дит некую действительность, симулирует собственное по отношению к ней переживание и позицию. «Другая жизнь» — новый сценарий, новый интеллектуальный продукт, но всё о том же.

«Другая жизнь» — антитеза; это попытка всё вернуть на своё исконное место. Попытка разобраться, попытка с изначально заложенной безрезультатностью. Батынкову хочется вернуться в рамки изобразительности как основы визуальной культуры, устав от собственных же профанаций на эту тему. Если М. Дюшан в свою бытность отвинтил в одной из европейских уборных писсуар, назвал его фонтаном и, нитилики сумняшась, наделил его статусом искусства, оставив свою бесценную подпись, то К. Батынков самым, что ни есть кощунственным образом, возвернул, (фигурально выражаясь), сей объект на изначально ему соответствующее место. Батынков берётся за старую добрую живопись, усматривая в ней языковую адекватность дню сегодняшнему, пресыщенному концептуальной многосложностью и новыми технологиями. Всё вручную, всё «хенд мейд», всё оригинально, чуть топорно, при этом убедительно, размашисто и пастьозно. Батынков пишет не реальность, а представление о ней, её обратную сторону, не заламинированную в пластик, без синтетики искусственного многоцветия. На монохромных поверхностях он живописует некую географическую «провинциальную» антиутопию, мыслимую в соотношении с утопией реальной, наблюдаемой нами то непосредственно, то со стороны, из другой жизни. Огни большого города, лакированные автомобили, пластмассовые красавицы и принудительные вакцинации — то, к чему, собственно, Батынков находится в конструктивной оппозиции, что остаётся за пределами его картины.

«Другая жизнь» — это проект о «парке культуры», который всегда рядом, доступен, но на всякий случай изолирован забором изысканной ковки. Там можно купаться в фонтанах, вкарабкиваться на космический многоцветовый использования, но единожды и окончательно уже использованный «Буран», там можно на подтяжках сигануть вниз головой с каланчи, возомнив себя Тарзаном, и остаться при этом никем. Сюжетов много. Там не любят героическую гримасу, а сама героика плотно слита со стаффажем, дистанция «от великого до смешного» не читаема, а «шанель» и «шинель» предстают явлениями одного порядка.

Александр Петровичев

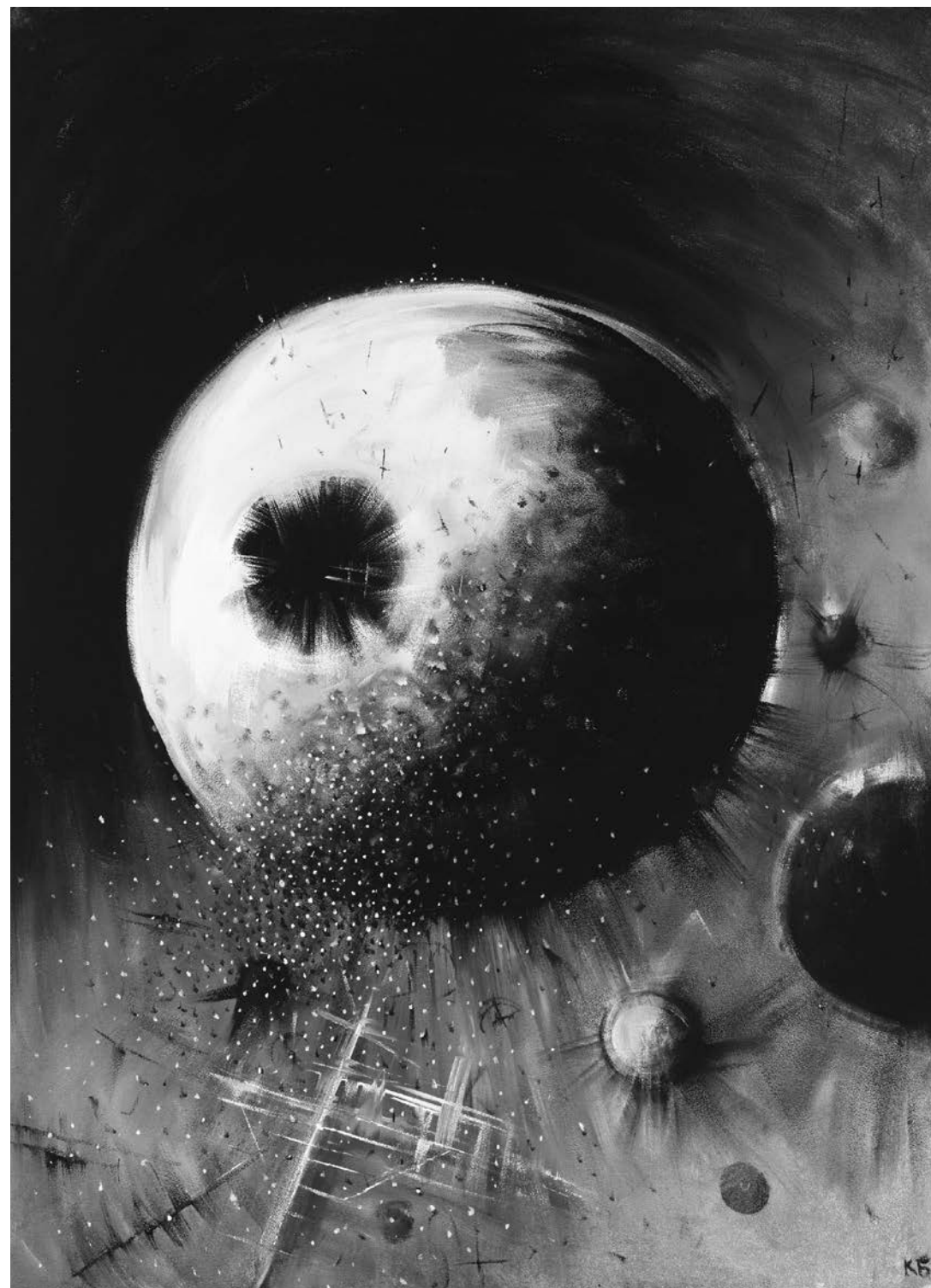
© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

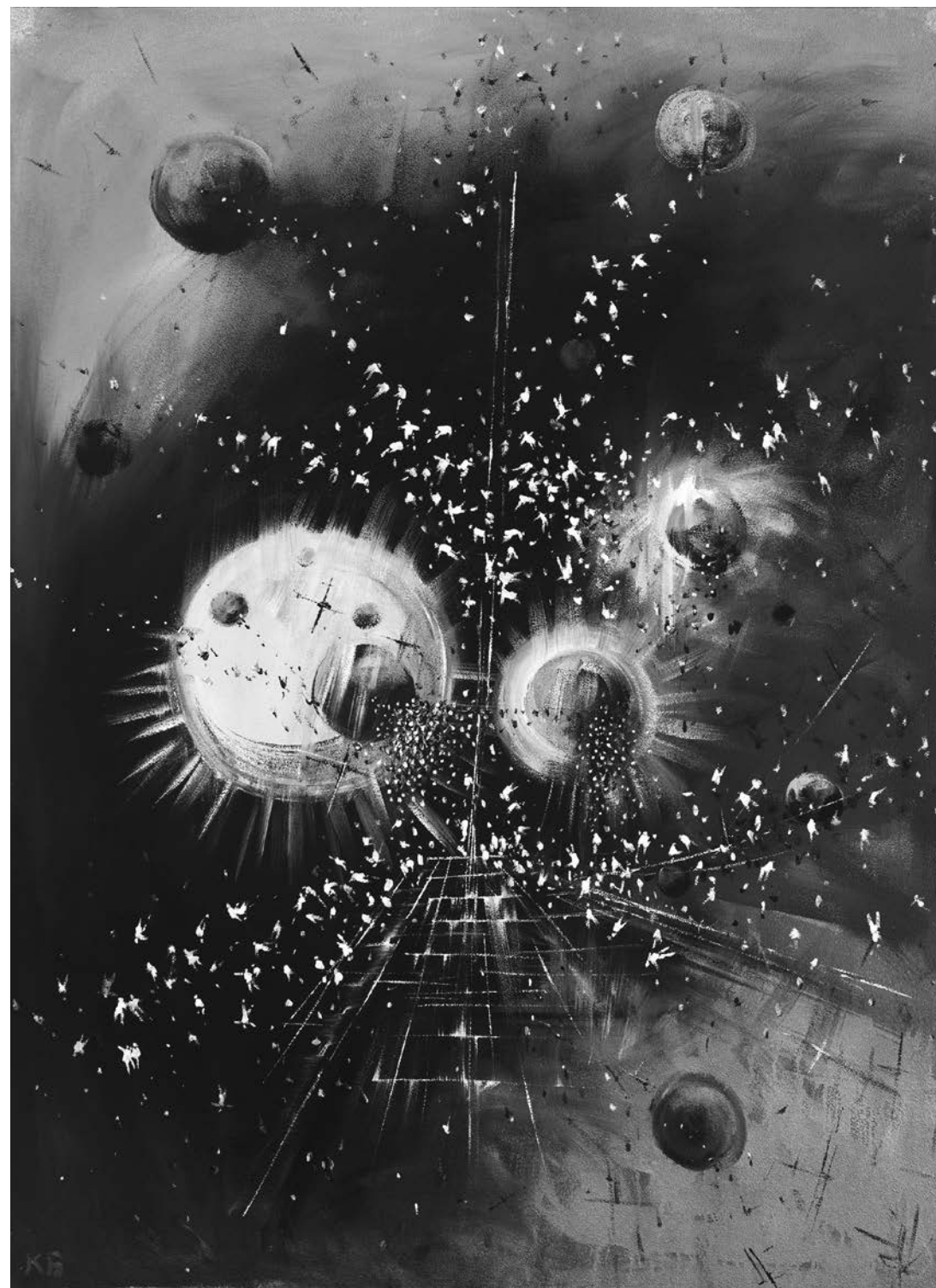
© К. Батынков. «ВЕТКА». 2010. Винил, акрил, 106×200 см. Courtesy Крокин галерея

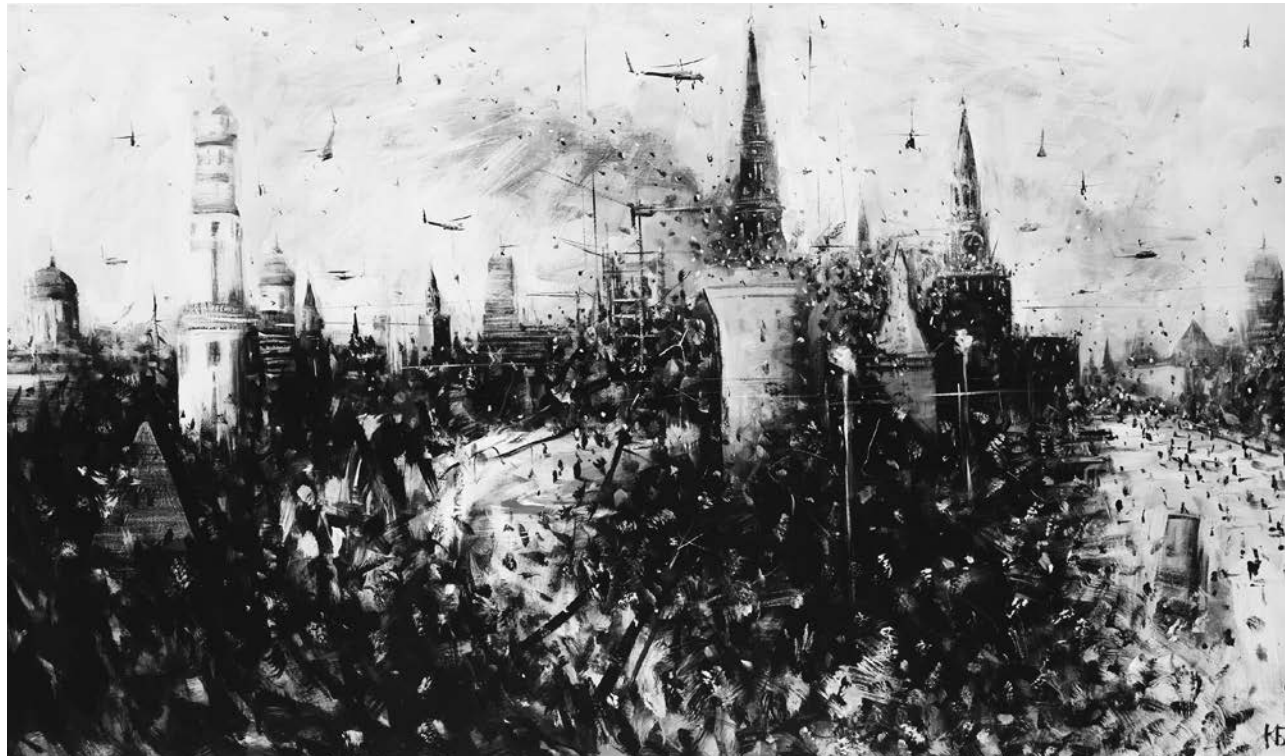
© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

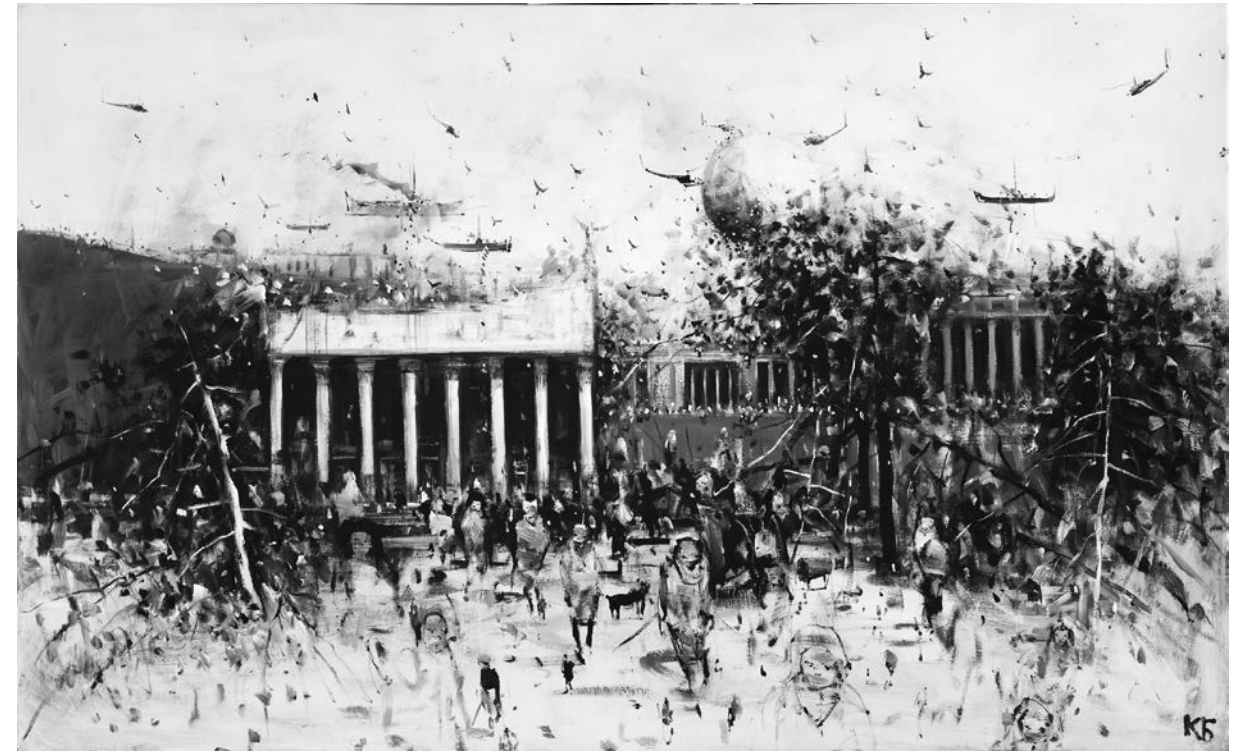
© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «ПРОКОСМОС». 2014. Винил, акрил, 145×106 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «КРЕМЛЬ». 2017. Холст, акрил, 120×195см. Courtesy Крокин галерея

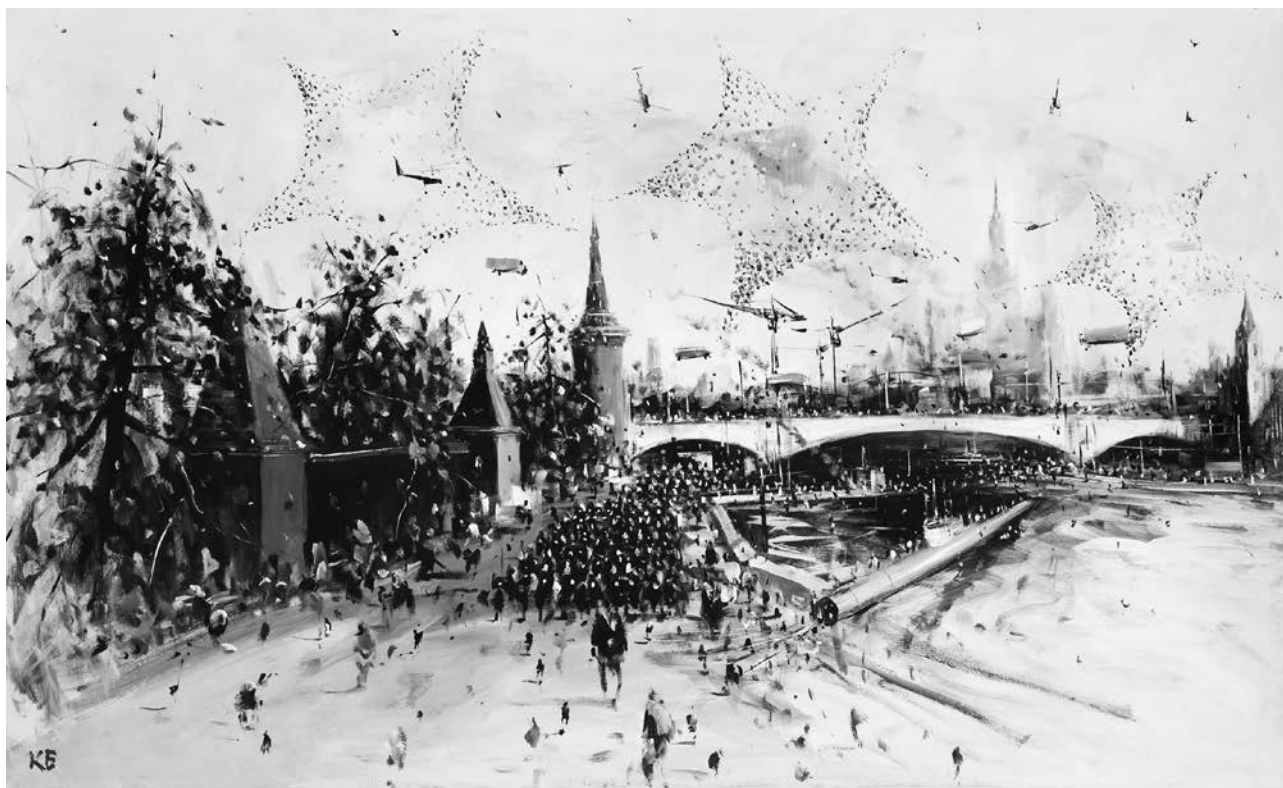
© К. Батынков. Из серии «ВЕДУТЫ». 2017. Холст, акрил, 120×195см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. «МОСКВА». 2017. Холст, акрил, 120×195 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. «МОСКВА». 2017. Холст, акрил, 120×195 см. Courtesy Крокин галерея

© К. Батынков. Из серии «КРЕМЛЬ». 2017. Холст, акрил, 120×195 см. Courtesy Крокин галерея